

Колдовские

Миры

РАДУЖНАЯ ТОПЬ ВЕДЬМА

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

Annotation

Радужная топь — страх всех магов Срединных княжеств. Она пьет из людей силу, ломает кости. Кто наслал на мирные земли страшное проклятье? Кровавый князь Владислав, повелитель богатой Черны, черная ведьма, отступница правой веры или девчонка-травница, наделенная необычным даром? Хоть нет в крови травницы Агнешки ни капли колдовства — деревенские готовы поднять ее на вилы. Спасение приходит внезапно — беглянку уносит от беды на вороном жеребце красавец маг Иларий. Но скоро все переменится и ему самому понадобится помощь девушки. А у нее с радугой свои счета...

- [Дарья Зарубина](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)

- [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
-

Дарья Зарубина

ВЕДЬМА

Спасибо Агнешке Ходковске-Гюрич и НДП за то, что вдохновили на написание этой истории, моей семье — за поддержку и понимание, Вячеславу Бакулину и Игорю Минакову — за неоценимую помощь и участие в судьбе книги.

Пролог

Старик откинулся назад, прикрыв побелевшие глаза. Ткань грядущего, еще мгновение назад плотная и шершавая, как грубая мешковина, расползалась. Лопались волокна времени. И через прорехи уже глядело в глаза старому словнику еще не наступившее, но уже предрешенное тысячью тысяч совпадений, переплетениями судеб, тьмой тончайших связей и мельчайших узелков.

Старик увидел поле. Темное, местами тронутое робкой темной весенней зеленью. Из неясной дымки грядущего выступили полки, страшные в своем безмолвии. Только ветер неторопливо шевелил стяги, да солнце всплескивало искрами на гербах.

Черный всадник на гордом вороном жеребце двигался по полю навстречу замершим полкам. Его плащ без гербов, блестящий как вороново крыло, спускался по крупу коня, и даже гуляка-ветер не смел коснуться его своей невидимой рукой.

Всадник выкрикнул что-то, подняв вверх обнаженную ладонь. И тишина лопнула.

Все завертелось перед глазами старого ясновидца, словно кто-то в единое мгновение выдернул у него из-под ног зеленый бархат поля. В круговерти странного и бессмысленного боя полки бросались на одинокого всадника, как своры на черного дикого кабана. Он вскидывал руку — и нападавшие корчились на земле. Невредимый, страшный и неуязвимый, будто призрак, по-прежнему выкрикивая что-то, всадник удерживал на месте вороного.

И тут туман отхлынул, и перед самым лицом старика явился рослый красавец. И казалось, само солнце ласково улыбнулось ему, бросив горсть золота в русую кудрявую голову. В одно мгновение голубой плащ оказался рядом с черным. Бесстрашный юноша ударил первым и скорчился от боли. Вороной рухнул, забился и через мгновение затих. Седок с ловкостью лисы выпрыгнул из седла, бросил на коня быстрый взгляд и выставил вперед ладонь — обороняясь или останавливая храбреца, выкрикнул что-то. Но юный витязь вцепился в противника мертвой хваткой. По плечам, по оторочке плащей брызнули искры. Юноша рухнул, попытался приподняться, опершись рукой на траву. И в этот момент совсем рядом, в паре шагов от противников, пелена сущего лопнула. И в глаза ясновидцу глянула она. Топь. Переливаясь и дрожа, огромное радужное око

установилось — нет, не на сражающихся — прямо в лицо словнику.

Чувствуя, как видение уходит, растворяется, скрывается за плотным пологом необратимого и свершенного «сегодня», словник напряженно вгляделся в лицо мага-призрака. Но увидел перед собой уже не один, два радужных глаза. Безносая улыбнулась и погрозила старику пальцем. Не суйся, мол, батюшка, куда Смертушка не велит. Иначе быть беде.

Старик отшатнулся, крепко зажмурился и решился открыть глаза, лишь когда радужное сияние меж ресницами сменилось непроглядной тьмой.

— Землица, заступница, — прошептал старик, утирая со лба крупные капли пота, — ...

Глава 1

— Матушка, помоги! — задыхаясь от бега, едва выговорил мельник. — Помрет! Помирает!

Агнешка торопливо перевязала волосы платком и схватила с лавки берестяной короб с травами.

— Кто с ней? — сурово спросила она, надеясь, что перепутанный мельник не заметит дрожи в голосе.

— Бабка Лампея, — пробормотал он, словно извиняясь. — На камне распинала... Вокруг жертвенника водила. Да только без толку. На тебя, матушка, единая надежда!..

Агнешка сорвала с веревок, натянутых вдоль печи, еще несколько пучков едва подвялившихся трав. Крестоцвету бы еще седмицу повисеть — но без него никак.

Вечоркинский мельник уже мялся в дверях, перетаптываясь с ноги на ногу и держась за разболевшийся от бега бок. Агнешка сунула ему в руки туесок с травами и пустое ведро.

— Воды набери холодной, — приказала резко, грозно, чтоб не мешкал. — Не теплой, а стылой.

— Бегу, матушка, глазом единым моргнуть не успеешь, обернись... — залопотал мельник, гремя ведром, и бросился вдоль по улице.

Агнешка вздохнула и быстро пошла следом.

— Матушка, — шепотом с невеселой улыбкой прошептала она. — Матушкой зовет. Кабы и вправду была здесь матушка, не кривлялась бы так ваша бабка Лампея — егозила бы вокруг да руками всплескивала. Матушку первой к роженице звали...

От воспоминаний на глаза навернулись слезы, но Агнешка только опустила голову да пару раз резко махнула ресницами, чтобы слезинки не потекли по щекам, а упали в траву. Заметят крестьяне, что травница плакала, — не вышло бы чего дурного.

До дома мельника было едва ли шагов сто. Только дом стоял совершенно пустой, лишь во дворе лениво подбирала клочки сена разморенная от жары лошадь.

Агнешка оглянулась, надеясь понять, куда неугомонная деревенская колдунья уволокла бедную роженицу. Отвела за ухо косынку, прислушалась. И почти побежала через все Вечорки вправо, в сторону реки. Там, на самом берегу, стоял большой валун — серый от времени, с

одной стороны облепленный мхом, а с другой — липкой зеленой тиной.

На пологом склоне валуна лежала, нелепо раскинув руки, красная от боли и натуги мельничиха. В ногах у нее завывала бабка Лампея. Вокруг толпились люди.

Завидев спешащую к ним Агнешку, колдунья рухнула лицом в камень и застонала, подвывая и трясаясь всем своим маленьким тщедушным телом:

— Землица-родимица, женская заступница! Как ты тот камень из себя выродила, так пусть дочь твоя, к твоей благодати и силе припадающая, дитя свое из чрева вытолкнет.

Лампея еще шире обхватила руками камень, и Агнешка заметила, как серый валун посветлел, будто внутри его разгорался невидимый глазу костер. Белые ручейки-трещинки потянулись от основания камня к распластанному телу мельничихи. И в этот момент молодая женщина согнулась от боли и закричала так страшно, так дико, что колдовская пелена мгновенно распалась на тысячу блеклых лоскутков.

Агнешка бросилась вперед, яростно расталкивая руками зеваю.

— Что ж ты, бабка, плод гонишь, — закричала она, оттаскивая Лампею от камня, — лежит плохо, а ты гонишь. Убьешь!

Лампея отвалилась от камня, зло и устало сопя, но Агнешка уже не обращала внимания на фыркающую колдунью. Она подхватила под руки сползающую с камня мельничиху.

— Больно, — сдавленно прошептала та.

— Терпи, красавица, терпи, касаточка, — пробормотала ей в самое ухо Агнешка, — и не тужься.

— Да как же!.. — воспротивились было толпившиеся вокруг бабы, но Агнешка зыркнула на них так сурово, что кумушки замолчали и попятились.

— Как?.. — выдохнула мельничиха, сжимаясь от боли. Агнешка осторожно, но сильно нажала пальцами одной руки ей на поясницу, а второй крепко сжала дрожащую ладонь роженицы.

— Так, голубушка, — уговаривала она, покуда схватка не отошла и мельничиха не выдохнула. — Тужится — а ты не тужься. Дитя не торопи. Как придет время — я тебе скажу. А пока терпи — дыши медленно.

Мельничиха глубоко вздохнула, но снова скорчилась от боли. Агнешка опять принялась разминать ей спину, медленно отводя от белеющего на глазах камня.

— Что стоите? — вполголоса прикрикнула она на зевак. — Муж где?

— Здесь, матушка. — Толпа выпустила запыхавшегося мельника. Бедняга, багровый от жары и страха за жену, протянул Агнешке туесок и

поставил к ее ногам ведро холодной воды. — Все как ты велела.

— Где роженице приготовлено? — грозно спросила она у баб. — Теплая вода где ребенка мыть?

— В доме, — испуганно отозвались из толпы. — Так не родит ведь...

— Как не родит? Аль глаз нету! — огрызнулась Агнешка. — А ты хочешь, чтоб померла? Ну, тогда стой, гляди...

— Что ж ты, мату... — начал было мельник, но Агнешка обернулась к нему, гневно махнув рукой.

— А кто хочет, чтоб жила — вон отсюда. Да так, чтоб духу вашего... — прошипела она. — Маришка, из дому воду да новину принесешь. А остальные — кто сюда заглянет, на том смерть ее будет. — Агнешка ткнула пальцем в тяжело дышавшую роженицу.

Бабы толпой ринулись в деревню, подхватив застиранные подолы. Агнешка вытерла вспотевший лоб и окунула лицо в ледяную воду. Уж коли повой на реке, так не к лицу повитухе в обморок от жары падать.

Она быстро стащила с себя нижнюю юбку и, расстелив на земле, уложила на нее тяжело и прерывисто дышавшую мельничиху. Бедная женщина стонала так, что у Агнешки разрывалось сердце. Она приложила руки к огромному напряженному животу роженицы и принялась осторожно ощупывать, стараясь определить, как лежит плод. И задохнулась от страха, поняв, что самой мельничихе не разродиться. Дитя лежало поперек.

— Как, матушка, — простонала мельничиха, стараясь приподняться и заглянуть в потемневшее лицо лекарки, — рожу аль Землице молиться?

Агнешка достала из туеска небольшой кусок растекшегося на жаре сала, размяла в пальцах крестоцвет и немного мяты и, смешав все вместе, положила в крышку. Развела согнутые колени роженицы, тщательно обмыла ее бедра, живот и вымазала их своей жирной травяной мазью.

Потом, подхватив и приподняв одной рукой голову обессилившей от боли мельничихи, другой влила ей в приоткрытые губы пару капель из маленького глиняного кувшинчика, до того скрытого в складках лекарской широкой юбки.

— Сейчас, голубка, — прошептала она на ухо роженице, — легче будет.

Маришка не торопилась. Лес был темным и немым.

Агнешка с досадой подумала о том, что, видно, слишком уж припугнула деревенских, так что они лучше уморят красавицу мельничиху, чем вновь приблизятся к разозлившейся ведьме.

Значит, кипяченой воды и чистого белья ей не дождаться.

Агнешка быстро огляделась, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что

могло бы послужить полотенцем, раздраженно помянула лесное лихо и радужную топь и принялась стаскивать с себя верхние юбки и рвать их на лоскуты.

Оставшаяся в одной длинной рубашке, она тщательно вымыла руки, насухо вытерла их и щедро смазала тем же жиром, который до этого наносила на бедра и живот роженицы. Заглянула мельничихе в лицо, проверяя, подействовал ли настой. Присела возле нее на колени.

— Маменька, помоги! Ведь коли она умрет — и мне по белу свету не ходить...

И Агнешка, сжав челюсти, чтобы не подпустить к горлу скрутивший все в животе страх, ввела одну руку, сложив ее лодочкой, тем путем, где — как надеялась — скоро пройдет наследник деревенской мельницы.

Роженица выгнулась и застонала жалобно и протяжно. От стога Агнешка вздрогнула всем телом, но руки ее, уверенные и опытные, продолжали двигаться так, как надо. Когда кисть правой скрылась в родовых путях, левая рука, положенная на живот женщины, отыскала дно матки.

Словно повинувшись одному только инстинкту, а не испуганному и усталому мозгу маленькой лекарки, правая рука двинулась вдоль бока младенчика. Пальцы осторожно обхватили маленькую ножку: большой — под колено, остальные — нежно, но крепко — за голень. И облегченно выдохнула, когда захваченная ножка пошла вниз. Агнешка осторожно захватила и вторую, обе показались наружу. Вышли до колена.

Здоровая, крепкая крестьянская природа брала свое — роды пошли сами, а обессилевшая от волнения и жары Агнешка лишь направляла их.

Уложила новорожденного на белый лоскут юбки. Пережала пальцами пуповину, пока не стихло пульсирующее биение крови. перевязала. Приняла послед.

Словно отозвавшись на крик ребенка, из лесу выскочила Маришка с ведром воды и небольшим деревянным корытцем, полным новины.

Агнешка радостно улыбнулась ей, предчувствуя, что сейчас можно будет передать девчонке здоровенького, истошно пищущего новорожденного и заняться измученной родами мельничихой.

Вслед за Маришкой из-под прикрытия густого подлеска, как горох, высыпали бабы, видно, до конца не верившие в то, что маленькая травница в силах сделать то, что не удалось бабке Лампее. Приковыляла и сама старая ворожея, отдуваясь и бормоча под нос, но Агнешка улыбнулась ей самой доброй и открытой улыбкой — лишь бы деревенская колдунья поняла, что рознь забыта, прошлого никто не вспомнит, а она — Агнешка

— ей не враг.

Полуденный жар туманил голову, а глаза медленно заволакивало матовой горячей пеленой. Агнешка, не вставая с колен, отползла от уснувшей и улыбавшейся во сне роженицы и передала ее в руки порозовевшей от удовольствия Лампее, которая тотчас скликала добровольцев, согласных вновь перенести женщину на остывающий валун. Старуха завывала и заухала, призывая свою магию. Припадая к валуну, валясь на горячий песок, она выкрикивала врачующие заклинания.

Агнешка помнила их все до одного, поэтому, поняв, что старуха знает свое дело, позволила себе отойти в сторонку и прилечь в тени склонившейся над рекой плакучей ивы.

По правде говоря, залечить разрывы, вернуть силы роженице помогли бы и ее травы, да только времени и сил для этого понадобилось бы больше.

Агнешка вздохнула и еще раз пожалела, что не унаследовала от матушки ее магической силы. Будь она хоть слабенькой магичкой, хоть деревенской ворожеей — у нее был бы сейчас дом. Настоящий дом, в котором можно было бы жить, не опасаясь перемен. Будь на то матушкина воля, она отдала бы доченьке всю свою силу, как щедро отдавала любовь и знания травницы и лекарки. Но из-за отца Агнешке не досталось ни капли материнской магии...

— Получилось у меня, матушка, — вздохнула Агнешка, закрывая обожженные солнцем глаза и натягивая на голые колени рубаху, — и дитя спасла. И ее... тоже... Мертвячка...

И она заснула, слыша, словно в отдалении, хриплые горловые завывания деревенской бабки.

Крик.

Не тот, что прежде.

Не крик женщины, готовящейся произвести на свет новую жизнь.

Крик смертельно раненого зверя. Крик страха и такой боли, что раскалывает надвое самую суть, разделяет огненной вспышкой разум и страдающее тело.

Агнешка вскочила на ноги так резко, что перед глазами покачнулось и поплыло. Побежала, неловко прыгая, обжигая ноги о раскаленный песок.

Увидела, как из собравшейся вокруг магического камня толпы баб выскочила уже совершенно здоровая мельничиха, прижимавшая к груди завернутого в пеленки новорожденного, и бросилась в сторону деревни. Еще несколько девок прыснули за нею. Но бабы остались на месте и продолжали голосить — и в этих криках Агнешка слышала смешанное со страхом любопытство. То самое любопытство, которое гонит зевак на

пожары, — алчное желание утолить жажду нового чужой бедой.

Снова крик. И плотное кольцо баб всколыхнулось, отпрянуло. Так что маленькой лекарке стала видна серая горбатая спина камня, а над ней — большое переливающееся радужными полосами сияющее кольцо.

Она тотчас узнала его. Узнала и припустила вдвое быстрее.

Под камнем, извиваясь и скребя пальцами землю, корчилась Лампея. Лицо старухи пошло багровыми пятнами, выступила алая сеть сосудов. Капли крови стекали из ее глаз и ушей, из приоткрытого рта текла на песок розовая пена.

Агнешка бросилась к старухе, надеясь успеть — подхватить и нести. Нести как можно дальше от проклятого ока радужной топи. Но едва она, подбежав, прикоснулась к извивающемуся телу колдуньи, как та одним резким движением вытянулась во весь рост, разметала в стороны перепачканные кровью руки. И в одно мгновение тело вновь скрутило, вывернуло с хрустом спину.

Агнешка отпрянула, зная, что будет.

Семицветное зеркало, висящее над камнем, едва заметно пульсировало, ломая тело ворожей — выпивая остатки ее магии.

— Да что ж ты делаешь? — закричала лекарка, одним прыжком взбираясь на камень. — Отпусти! Отпусти!

И она по локоть запустила руки в теплое липкое нутро радужного круга. В тот же самый миг, словно отозвавшись на ее слова, искореженное тело колдуньи изогнулось, и из окровавленного комка вырвалась худая рука.

Агнешка почувствовала, как волна холода ударила ее по плечам, бросилась в пальцы. И под ладонями затвердела, пошла трещинами радужная пленка. Око с треском лопнуло, окатив ее ледяными осколками. И исчезло.

— Лампею убили! — тотчас заверещала баба за ее спиной.

— Ба-абку Лампею знахарка закле-а-тьем убила! — подхватила вторая.

Глава 2

— Беги!!!

Острая ветка полоснула по щиколотке. Выступила капля крови.

Другая ударила по глазам — да не тут-то было. Прыжок. И — заслонив рукой глаза — в чащу. Там, среди рыжих сосновых стволов да бурелома, легче оторваться от погони.

Треск веток. Ругань. Проклятия. Да где-то позади — потерявшийся в лесных шумах женский крик:

— Беги!!!

Лай и вой. По следу спустили собак. Одна из них пробралась через колючие кусты и уже так близко, что слышно ее отрывистое жадное дыхание.

Молодой маг развернулся всем корпусом, сложил пальцы щепотью и резко стряхнул заклятье прямо в оскаленную морду пса.

Гончак затряс широкой головой, замотал рыжими ушами, оглядываясь и словно недоумевая, как могла жертва, до которой оставалось каких-нибудь два прыжка, исчезнуть, раствориться в прозрачном, как сеть, сосновом лесу.

Маг осторожно, чтобы не наступить на ветку, прошел мимо озадаченного пса и сначала медленно, а потом бегом бросился в сторону дороги, где возле разросшейся бузины привязал перед злополучным свиданием своего коня.

Вороной зафыркал и тряхнул челкой, когда маг вывел его под уздцы на дорогу и ловко вскочил в седло. Заслышав погоню и зная нрав своего хозяина, конь рванул, не дожидаясь шпор. Облако пыли скрыло вороного и всадника.

Когда успокоилась кровь, обезумевшее от гонки сердце застучало мерно и спокойно, а грохот в ушах стих, маг придержал коня, а потом и вовсе остановился, спешился, достал из седельной сумки плащ, накинул на нижнюю рубашку. Пригладил ладонью густые черные, как челка вороного, волосы.

— Эх, парень, — ласково потрепав по шее коня, пробормотал маг, и озорная улыбка появилась на его губах, — не впервой, не надевши штанов, удираем. Но вот не снявши — такого у нас с тобой еще не бывало.

Вороной фыркнул, затанцевал на месте, выгнул блестящую черным лаком шею.

— Дуры бабы, — резюмировал черноволосый повеса, — все бы ломаться да цену набивать... а с другой стороны, Вражко, — весело обратился он к вороному, — если б не ломалась, так гнал бы меня ее муженек с голым задом по лесу как пить дать. В гневе и палочник — сила. Огрел бы твоего хозяина поперек спины, а? И не поглядел, что княжий маг, манус истиннорожденный.

Вражко согласно склонил голову, а его хозяин расхохотался да похлопал себя по груди, там, где под плащом с княжескими гербами виднелось исподнее.

— Как в таком виде князю покажемся, нахлебник? — снова обратился к коню юноша. — Что врать-то будем?

Конь снова фыркнул, и такой ответ явно удовлетворил его не к месту развеселившегося хозяина.

— И то верно, — ответил он. — Может, и врать-то не придется. Глядишь, не узнает Казимеж. Каська, хоть и глупа, на меня не покажет. Ради своего же бугая-мужа смолчит — знает, что значит захудалый палочник против княжьего мануса. Он без посоха своего пятки не почешет. А я — другое дело...

И молодой красавец маг вытянул вперед ухоженные бледные руки. Тонкие, без единого кольца пальцы сложились — и между ними пробежали едва заметные белесые искры. Маг, словно бы не глядя, стряхнул их в сторону на склонившуюся к дороге яблоневою ветку. Белые змейки побежали по листьям, юркнули в глубь ветвей — и тотчас маленькие, не больше лесного ореха, зеленые яблоки стали наливаться соком, порозовели.

Юноша сорвал несколько яблок, одно из которых сунул в губы покорно бредущему за ним вороному.

— Ешь, Вражко, — прошептал он, потрепав коня по лоснящейся черной щеке. — Вольное-то, оно слаще...

Конь прянул ушами. Маг спрятал белые ухоженные руки в черные перчатки. А через мгновение и сам услышал стократно повторенный лесным эхом гул голосов.

Погоня.

Молодой человек вскочил в седло и пришпорил вороного, но — странно — помчался не прочь, а в ту сторону, где гудели в лесу голоса.

— Посмотрим-ка, Вражко, кого гонят, — с мрачной усмешкой прошептал он, прижимаясь к лошадиной шее. — Лиса лисе всегда поможет от собак уйти...

Доброе ли сердце Илария заставило его поворотить в сторону, стройные ли ножки юной беглянки, бросившейся под самые копыта

Вражко, — поди разбери теперь.

Вражко вскинулся на дыбы, девчонка — лет шестнадцати, не более — вскрикнула, бросилась в сторону, упала, споткнувшись. И едва успела подняться, когда на дорогу высыпали из леса ее преследователи. Остановились, заметив гербы на плаще путника, окинув завистливо-злыми взглядами красавца коня и стройную фигуру мага.

Увидев их перекошенные дикой яростью лица, манус облегченно вздохнул и отпустил поводья вороного. Среди запыхавшихся деревенских не было ни единого колдуна, способного ему противостоять: золотники, словники и манусы брезговали жить с селянами, а в толпе не видно было ни посохов, ни книг. У некоторых в руках были топоры да порыжевшие вилы, но этого оружия черноволосый маг не боялся. Не даст он деревенским подойти так близко, чтобы проклятый металл подействовал на его магию.

Поняв, что от погони не уйти, девочка прижалась к теплomu боку коня, видимо, решив, что толпа взбешенных деревенских опаснее приплясывавшего на месте вороного. Вражко фыркнул — позволил ей положить руку на свой блестящий черный бок, втянул ноздрями незнакомый запах. В глазах девочки плясал страх, но она вымученно улыбнулась вороному.

Взбешенные этой слабой улыбкой, крестьяне двинулись было на нее, но Иларий вскинул руку, не снимая перчатки, сплел средний и безымянный пальцы — и почувствовал в самом центре ладони знакомое покалывание. Тогда он еще выше поднял руку над головой и принялся медленно покачивать большим пальцем, пока все полсотни наполненных злобой глаз не устали зачарованно в центр его ладони.

— И вы не отыскиали себе, — прошипел Иларий, — другого дела, кроме как бегать по кустам?

Голос его постепенно креп и на последнем слове зазвучал уже грозно и властно.

— Я, манус Иларий, приказываю вам — идите по домам, и если хоть один из вас ослушается слова моего...

Иларий усмехнулся, позволив деревенским увальням самим придумать себе кару, и распрямил пальцы, сбрасывая заклятье в широко открытые глаза бестолковых преследователей. Науку общения с буйными селянами он знал хорошо — не раз, покинув через окно спальню, в дверях которой уже стоял очередной взбешенный рогоносец, Илажи приходилось, давась от смеха, прятаться по курятникам и сеновалам.

Деревенским мертвякам были не так страшны пустые руки мануса, как

громоздкий, испещренный рунами посох палочника или вопли местного колдуна, припавшего к большому камню или старой искореженной сосне. Отсутствие этих знаков мага, внушающих трепет немывтым землепашцам, манус восполнял картинными жестами, гневным взглядом да замогильными завываниями, которые порой действовали настолько хорошо, что заклятья не требовалось вовсе или хватало сущей безделицы, на которую и силы-то почти не тратится. Вот и теперь Иларий даже не потрудился снять перчатку и обнажить руку — перепуганная толпа мгновенно скрылась в зарослях. Еще некоторое время со стороны доносились треск веток да приглушенная ругань.

Маг наклонился и, подхватив беглянку, втащил на лоснящуюся черную спину Вражко. Девчонка прижалась к своему спасителю, вцепилась пальцами в край плаща. Погоня еще горела в ее крови — и крепкое горячее девичье тело льнуло к широкой груди мага.

Молодой человек крепче прижал ее к себе, даже сквозь перчатку и тонкую рубашку чувствуя, как дышит жаром загорелая кожа. В светлых растрепанных волосах девушки запутались веточки, сухие листья и пожелтевшая хвоя.

Если раньше он не дал бы беглянке больше шестнадцати, то теперь, рассматривая вблизи, уверился в том, что она на пару лет старше. Сильные руки и сбитые стиркой костяшки говорили о том, что на ее долю выпало немало тяжелой работы, а желтоватые кончики пальцев выдавали в ней травницу. Видно, ее искусство не слишком помогало маленькой лекарке, раз ей самой приходилось так много стирать.

Маг осторожно положил на талию лесной ведьме ладонь, прислушался, едва заметно переплетая пальцы. Усмехнулся.

Теперь стали понятны состиранные пальцы лекарки и ее натруженные руки — в крови девчонки не чувствовалось ни капли магии, а много ли можно заработать по деревням приворотными зельями да настоями от женских недугов. Маленькая мертвячка не вызвала бы на деревню дождя, используй она для этого хоть все скалы Росского хребта. И попади она в руки последнего слабенького палочника или захудалого книжника — несдобровать девчонке. Хорошо, если попавшийся на ее пути маг прельстится круглой попкой да пухлыми губками, а не возможностью вдоволь покуражиться над безответной и бесправной падалью.

Сам он никогда не опускался до того, чтобы тренировать свое искусство на мертвяках — несмотря на то что двор отца всегда был полон челядью, от рождения не способной к магии, Илажи учился на деревьях, дворовых собаках. А когда настал черед оборонительной магии — соседи в

один голос уговаривали отца не слишком чистоплюйничать да поднатаскать щенка-сына на живое мясо. Но Игнаций был не тот человек, чтобы, удержавшись в малом, согрешить в большом. Не позволил сыну истязать «существо мыслящее», хоть и обделенное колдовской силой, а, не поскупившись, пригласил маленькому Илажи учителя — палочника Тимека.

И многоученный Тимотеуш принялся за службу с рвением, с каким цепной пес кидается на щедрую господскую подачку. И резную свою палку использовал с неизменным усердием — только чаще не для колдовства, а для учения. Учил все больше по спине да по плечам, и потому юный манус возненавидел палочников. Знал Иларий, что злость на него срывает наставник на дворовых мертвяках. От учителя услышал он впервые это гадкое слово, да и много других. Как только не звал Тимек «мертворожденных» — «падалью», «мясом», «псовой костью»... И кость эта кланялась многоумному наставнику хозяйского сына, потому как... ответить ей было нечем.

Пожалуй, если б мог Тимек использовать свою скудную магию против заносчивого мальчишки, едва ли щеголял бы сейчас его воспитанник своей гордой выправкой, не держал бы так высоко темноволосую голову.

А вот Илажи не утерпел — едва почувствовал, как складываются пальцы в силовое, огрел ненавистного наставника так, что старый ведьмачина покатылся по двору, глотая пыль и путая куриц. И почувствовал тогда Иларий впервые «отповедь» — ответ боевой магии.

«За ладонь — пальцем, — прошептал, ухмыляясь, вываленный в пыли и навозе Тимотеуш, склоняясь над скорчившимся от боли учеником, — а за жизнь — кровью».

Сам Тимотеуш, насколько помнил Иларий, ни разу не ударил заклинанием — только словом да палкой. Боялся старый проныра «отповеди». Только не спасало это дворовых — топились прачки в барском пруду, снимали в сараях и в овинах удавленников. И в голову не могло прийти поднять руку с вилами на истиннорожденного...

Попадись его учителю маленькая лесная травница, с тяжелым сердцем подумал Иларий, несдобровать бы девке. Сама бы на ветку пеньковую петельку закинула.

И молодой маг, отчего-то потеплев сердцем, крепче прижал к себе девочку.

Она дрожала — страх отпускал онемевшие мышцы. Непослушными пальцами нашла на шее узелок косынки и долго теребила, покуда справилась. Вытащила из волос кое-какой мусор, наскоро заплела косу,

завязала перепачканной косынкой.

Иларий пустил Вражко шагом, но тот никак не желал успокоиться после встречи с деревенскими и притопывал тонкими ногами.

Девочка попробовала отстраниться, вырваться из железных объятий мануса, только Иларий усмехнулся и крепче стиснул ее загорелое тело.

«Эх, Каська, ломака чернобровая, задирала б поживей подол — глядишь, уже сидел бы княжий маг за столом Казимежа да пил из круговой, а не таскался по лесам с сомнительной своей поживой», — усмехнулся про себя Иларий, ласково поглаживая руку и плечо своей невольной спутницы, словно успокаивая разнервничавшуюся лошадку.

Но девочка только глянула на него серьезными серыми глазами и тихо попросила:

— Пусти наземь, добрый человек.

— Может, и пущу, — весело отозвался Иларий, — коли придет охота. Да только скажи мне, милая девонька, за что тебя по лесам добрые люди вилами гнали?

— За добро, — невесело улыбнулась лекарка.

— Гнали собаки лиску за добро да за рыжий хвост, — шепнул ей в ушко маг. Девчонка обиженно отстранилась и попробовала оттолкнуть затянутую в перчатку ладонь, бесцеремонно гладившую ее едва прикрытое разорванной рубашкой бедро.

— Уж не на рыжий ли хвост господин позарился — раз лисичку от собак спас? — дерзко ответила мертвячка, сверкнув гневным взглядом. — Только у этой лисички вперед хвоста коготки...

Иларий невольно рассмеялся — отчаянная смелость желтоволосой травницы была ему по душе. Не часто встречались на его пути мертвяки, способные перечить истиннорожденному магу.

— Да и язычок у тебя, лиска... — пробормотал он, примирительно улыбаясь. — Тебе-то, верно, до поворота да во все стороны, а мне дорога одна — в город, так пока по пути — примиримся добром, побеседуем. А там — вольному воля.

Девчонка кивнула и одернула короткую — едва за колено — оборванную рубашку.

Иларий тяжело вздохнул и отвел взгляд. Уж больно недружеские в голове бродили мысли.

Он остановил Вражко, спешил сам и помог спутнице. Повел вороного в поводу. Девчонка отступила на шаг в сторону, но шла вровень — не страшилась.

— А сама-то ты, девонька, чьего роду-племени, какой мамы

доченька? — спросил маг.

— О племени не спрашивай — не родниться, о матушке — в земле матушка, — ответила лекарка. — А за то, что спас меня от участи страшной смерти — от сердца благодарю. И если будет тебе, княжий маг, нужда в моем искусстве — за услугу отплачу услугой.

«Могла б ты мне услужить, — подумал с усмешкой Иларий, — сам бы соломку подстелил...»

Сказал вслух:

— Имени не спрашиваешь, а обещанье даешь... А коли я сам Черный князь и попрошу тебя завтра дитя заживо варить — сваришь?

— Нет, — спокойно ответила лекарка, — не стану. И — будь ты Черный князь — в глазах моих об этом давно бы прочел. По гербам ты княжий маг, а потому сам знаешь, каково под хозяйской волей — сверх сил не попросишь. Спас меня и ничего не требуешь — значит, сердце у тебя доброе и гордое. Обещанье возьмешь, а от услуги откажешься, на свои силы понадеешься. А я тебе так скажу: увижу, что нужна, — сама приду.

Не вязались гордые слова с рваной перепачканной нижней рубашкой, спутанной косой да состиранными пальцами, только Иларий не на пальцы смотрел — в лицо. И думал: такая полюбит, так горло любому за тебя вырвет — без магии.

Не приведи Землица...

— Хорошо, — сказал он, стараясь казаться по-прежнему веселым, — я, Иларий, манус князя Казимежа, властителя Бялого мяста, принимаю твою помощь и беру в залог твое слово да волос с твоей головы.

Девушка удивилась странному залогу, но, не отводя ясного, доверчивого взгляда, рванула выбившуюся из-под косынки пару золотистых волосков и протянула магу. Он, ласково улыбаясь, намотал залог на безымянный палец:

— Только не позволишь ли узнать имя моей прекрасной должницы?

— Агнешка, — прошептала девчонка. — Мертворожденная.

Она замолчала, напряженно ожидая его ответа. Станет ли истиннородный маг возиться с «падалью», с «собачьей костью»...

— Принимаю твою помощь, мертворожденная травница Агнешка, — торжественно повторил Иларий, глядя ей в серые строгие глаза, и, внезапно широко улыбнувшись, добавил: — А не скрепить ли клятвы? Уж больно губки у тебя, моя радость, хороши.

И сгреб в охапку взвизгнувшую должницу. Она выскользнула из-под руки, но Иларий не лыком был шит — ухватил свою лисичку за подол рубашки, обнял крепко, поцеловал в розовые приоткрытые губы.

Вертелась девчонка, упиралась руками магу в грудь — сильная. Будь на месте Илария кто другой — отбилась бы, убежала. Только не зря получал Тимекову палку молодой маг — крепко держал, хоть и ласково. И беглянка, поддаваясь его настойчивым рукам, рвалась вполсилы, по-девичьи.

Иларий шептал ей, уговаривал — кровь горела так, что все вокруг затуманилось, покалывание в ладонях перешло в неумолимое жжение. По пальцам потекли белые искры — до самой сути достала лесная чаровница мага, захлестнуло волной колдовской силы.

Он до боли сжал руки в кулаки, надеясь унять расходившуюся в нем вьюгу — хуже нет, когда маг собственной силе не хозяин. Девчонку б не убить ненароком...

Иларий сбросил с пальцев белые искры в траву — и сухая осока вспыхнула мгновенно и ярко и тут же погасла, обратившись чередой колючих ледяных игл. Но руки не слушались — по пальцам белыми змейками струилась сила.

— Беги, лиска! — крикнул Иларий, стараясь отвести от нее онемевшие руки.

Агнешка сперва опешила, отступила, но, увидев, как заискрился разрядами воздух вокруг его ладоней, развернулась и со всех ног припустила в лес. Вскинулся Вражко, затанцевал в нерешительности, но, как заметались вокруг хозяина белые молнии, рванул в поле.

Иларий со всей силы ударил ладонями в землю, чувствуя, как вмиг похолодевшая почва тянет из него взбесившуюся магию — осторожно, по-матерински. Заскрипели, на глазах разрастаясь, ближние деревья, пополз мох по камням — откуда взялась в повесе-манусе такая силища...

Измученный борьбой с собственной магией, он не заметил, как позади него из темной придорожной листвы вышли несколько человек с крупными узловатыми посохами. В плащах без гербов.

Палочник, что шел впереди, взмахнул рукой — и остальные, пятеро или шестеро, направили на коленопреклоненного Илария посохи. Молодой маг почувствовал, как сковало ледяным дыханием руки, как побежал, заставляя неметь усталые мышцы, по телу холодок заклатья.

Не успел он обернуться, разглядеть нападавших, как непослушные ладони взметнулись от земли — сбросили назад белые змейки. Кто-то из невидимых его мучителей вскрикнул коротко — и Иларий почувствовал, как ударила по ребрам «отповедь». Убил.

Кто-то испуганно дернул посохом — хватка заклинания ослабла, черноволосый маг смог повернуться и глянуть в глаза нападавших. Злые

глаза. Знакомые, только не припомнить, где видел.

Плащи без гербов. Иларий дернулся было к ним навстречу. Но один, зная, главный, шагнул к нему сам — стиснул челюсти, готовясь к боли, и ударил белой радугой в синие глаза Илария.

Глава 3

— Будешь знать, паскуда, как кусать руку, что тебя кормит! — Крепкий удар широкой ладони. Звон в ушах. — Будешь знать, потаскун, как пакостить там, где живешь! Вобью тебе, шленда, в глупую башку княжью милость!..

Еще удар.

Проходимец прижал уши и отчаянно завилял хвостом, надеясь разжалобить старого хозяина, но Казимеж был в ярости. Он снова ударил пса, и крупный перстень рассек Проходимцу щеку.

Пес взвизгнул, отскочил и с тоской уставился на хозяина.

Пожалуй, Проходимка ни в чем не обвинял князя — с ними, двуногими, всякое бывает. Попадет вожжа под княжий зад, так получать челяди шишки. И ему, Прохе, щедро пользующемуся хозяйской любовью, от гнева княжьего прятаться совсем негоже. Не дворняга — благородный, гончак чистых кровей. И хоть провинность его меньше жучьего уса, а по ушам съезжено знатно, да и рука у князя как поварская хлебная лопата, Прошка решил на хозяина зла не держать.

Проходимец заскулил, преданно заглядывая в глаза Казимежу, но князь больше не обращал на него внимания — смотрел вдаль, на темную кромку леса и белесую в сумерках дорогу. Ждал.

Злого человека ждал. Это Проха давно понял. В прошлый раз как злой человек приезжал — князь, сам не свой, едва не пришиб замешкавшегося стремянного да с хозяйкой целый вечер ругался. Вот и теперь хозяин рычал едва не с утра, бранился и раздавал почем зря затрещины.

Разве не таскал ничего раньше Проха с княжьего стола — таскал, и, бывалоче, с самой ложки хозяйской, но посмеется Казимеж, подхватит свою миску да всю Прошке в морду: ешь, Проходимец, дружок любезный.

А тут — за утиную ножку по ушам.

Не в духе был хозяин, как шавкой обреханный, понурый, страшный, злой и словно бы настороженный. Вышел во двор, оперся на коновязь, вглядывался в полутьму, вслушивался. Вздохнул глубоко, на лавку под дубом сел, ссутулился. И снова все глядел, все слушал.

Да, видно, не слышал, потому как, когда из-за плетня появился Юрек, князь не повернул головы. Проха взбrehнул было, но Юрек пригрозил ему кулаком за княжьей спиной, а вслух громким ласковым голосом окликнул:

— Что, Проша, своих уж не узнаешь? Старый пустобрех...

И тут Казимеж не повернул головы, и Юрек, ссутулившись и изобразив на широком лице покорность, подошел еще ближе, надеясь, что князь наконец обернется. Казимеж махнул рукой, приглашая его сесть рядом. Проха тоже перебрался поближе к хозяину. Не нравились ему Ежкины глаза — черные, нехорошие.

— Милостивый государь... — начал было Юрек.

— Давай уж, братец, без чинов. Все по Землице ходим — уж какие государи нынче... Топь тебя поberi... Вали свою печаль на княжью голову! Одной больше, одной меньше... с отцом твоим, Юрек, от одного учителя батоги принимали, тебя на руках нянчил — так уж и осерчаю, да не убью, Черному князю не отправлю... Каська опять?

Юрек вздохнул, распрямляя широкие плечи, тряхнул головой.

— Кабы только Каська... Укороти, князь, твоего любимца. Ведь шепчутся мужички. У всех жены, не все в ладу. А на бабий подол замка не повесишь. Мужички пошепчутся и... беды б не было. Змею у сердца греешь...

— Так уж и змею, — усмехнулся Казимеж. — Не всяк змея, кто шустрей тебя. Обнимали бы баб погорячей, так и Илажке б не разгуляться...

Под насмешливым взглядом князя Юрек потемнел лицом, придвинулся ближе и заговорил торопливым шепотом. Прошка подкрался, завалился под скамьей и принялся с видимым усердием гонять блох. Не на шутку разволнованный Юрек только толкнул его ногой, но не прогнал — и Проходимец жадно вслушивался в его сбивчивый быстрый шепот.

Только ровным счетом ничего не понял.

Илажка, княжин черноголовый любимец, зарился, по словам путаника Юрека, на чужое, только взял какое-то «свое» у Юрековой Касыда да «урвал» у Немирки, покуда ее благоверный таскался в Дальнюю Гать на рынок за новым жеребцом.

Прошка помотал головой, недоумевая. Немирка вовсе не выглядела как-то иначе, наоборот, повеселела и даже к нему, Проходимке, стала приветливей — и ежели Илажка что и урвал, то из такого места, что сразу и не заметишь.

Проха тихо зарычал, думая, не ухватить ли клеветника Юрека за ногу. Не рвал Илажка никого — в это Проходимец никак не поверил бы. Иларий ему нравился. Хороший он, черноголовый, щедрый. Собак, хозяйских ли, вольных, никогда не обидит. А бывает, злится старый хозяин, у всей дворни чубы трещат. А войдет Илажка, сверкнет веселыми глазами — и от его шуток повеселеет Казимеж. Уж глядишь — треплет по голове верного

Проху да раз — полную миску со стола... С потрошками, с косточкой...

Нет, не мог черноголовый от Немирки рвать — большого сердца человек.

А если и урвал чего, так уж не от этой тощей черпальной ложки. Если б ему, Прохе, выбирать, от кого, рванул бы он от Каськи чернобровой. У той мясца — как на княжьем столе. Напутал, видно, бестолковый Юрек, — это у Каськи черноголовый урвал, а у Немирки «свое» взял.

Да только Казимеж, видно, Юрека понял — нахмурился, покачал головой, языком прицокнул.

— Виноват Иларий, — пробормотал князь, — только что ж я сделаю, Юрек? Ведь молодого да холостого не то что князь — Земля-создательница в штанах не удержит...

Казимеж, озлясь на беспутника-любимца, хлопнул ладонью по шершавому дереву скамьи, но запечалился, уронил руку. И Проходимка тут же сунулся под нее ласкаться. Да не к месту. Князь оттолкнул широкую лопухую голову пса.

— Ладно, Юрек, — проговорил он медленно и строго. — С утра голова яснее. Я тебя слышал — себя послушаю... Подумаю, как с вами быть. А уж свою Каську сам крепче за подол держи... Теперь ступай, гостя встречать буду.

И Казимеж с мрачным и темным лицом пошел к дому — на светлой дороге, отделившись от черной кромки леса, показалась пара конных.

Опальный Прошка не рискнул вернуться в дом за хозяином, а остался во дворе — прилег под деревом и стал смотреть, как приближаются черные фигуры всадников.

Злого человека Проходимец узнал сразу: по длинному черному плащу с капюшоном да по прямой как палка спине. Эк ему так не скверно, словно аршин проглотил, подумалось Прохе. Псу более по нраву были спины смиренные, головы склоненные. От сутулых да угодливых княжеский лопухий любимец добра видел немерено — тот косточку подаст, тот за ухом почешет да потреплет по загривку, и все на князя смотрят, улыбки ждут. А от прямой спины, кроме пинка да палки, нечего и ждать. Куда там на собак смотреть, когда подбородком в небо тычешь...

Слуга Злого человека нравился Прохе не больше: его круглое мясницкое лицо было искажено страхом — видно, толстощекий не слишком доверялся силе своего хозяина. То и дело озирался, словно ожидал нападения. Это слегка смягчило суровое недоверие Проходимца. Осторожность пес ценил среди самых драгоценных собачьих качеств и крепко уважал в людях. В бессмысленной смелости он, напротив, не видел

особенного достоинства, и потому Злой человек вдвое казался ему противен — гаже прямой спины было совершенное бесстрашие княжьего гостя. Осторожный спутник его то и дело проверял притороченную к седлу сумку, не застегнутую — на случай засады. И, стараясь унять простительный всякому живому и смертному существу страх, ежеминутно касался рукой кожаной обложки книги, что на пол-ладони выглядывала из сумки.

Проха знал, что стоит лишь шевельнуться кустам, стоит мелькнуть в сгущающейся ночной темноте белым искрам, как выхватит толстолицый свою книжку — побелеет темная кожа обложки, засияет. И уж тогда держись...

Старый хозяин тоже, бывало, рассеянно думая о чем-то нехорошем, все хватался за свой большой перстень с зеленым камнем. А раз, давненько, видел Проха, как князь с колечка белые искры сбрасывал, когда на охоте случилось несчастье — молодого хозяина лошадь понесла. У самого молодого хозяина тоже колечко есть — вроде отцовского — да смелости-дурости, знать, не в пример больше. Как припустил его Огнетко по всем ямам да по бурелому, так и про колечко забыл — вцепился в поводья, вопит дурным голосом...

Злой человек кольца не носил. Не видел при нем Проха никакой другой блестящей человеческой прихоти. И книги или палки ни разу не видал. На что надеялся странный гордец, Проходимка и придумать не мог. Уж не полагался же он впрямь на своего толстомясого, насмерть перепуганного книжника.

Тем временем Злой человек со слугой приблизились, спешили. Казимеж вышел им навстречу, сдержанно улыбаясь, но напряженные складки между бровей не разгладились, стали глубже. Проходимец бесшумно потрусил к хозяину, остановился в паре шагов, невидимый в тени. На всякий случай принюхался, взгляделся в сумрак.

Старый хозяин пах вином и дегтярным мылом. Пес недоуменно повел носом. Разве Злой человек — девка, чтоб для него мыло тратить. Но, видимо, старый князь считал иначе, потому как не только тщательно умылся, но и переменял исподнее — от его одежды пахло чистотой. Уж какая девка — как к смерти готовился.

Этого Проха не любил. Чистого человека сколько ни нюхай, ничего не узнаешь. А уж Безносая придет — она и через мыло разнюхает.

Помимо кожи и лошадиного пота, толстолицый пах чем-то копченым... Прошка сильнее втянул носом — точно, свининой. И отменной, признаться, свининой, потому как запах не ударял в нос, а

ласково струился, поддразнивал, заставляя рот наполняться слюной. Проходимец, околдованный этим запахом, сделал шаг. И Злой человек тут же обернулся, пару секунд напряженно смотрел в темноту, скрывавшую Проху, а потом возобновил разговор.

— Там... — заговорил было старый князь, но Злой человек кивнул — и он замолчал. И лицом как будто посерел, состарился под взглядом своего страшного гостя. Тот махнул рукой, и толстолицый слуга отошел и отвернулся, всем своим видом изображая, что разговоры господ ему вовсе не интересны.

— Не бойся, старый друг, тестюшка, — с нехорошей усмешкой шепнул Злой человек, — тот, кто нас услышит, никому и ничего не расскажет...

Видно, в словах этих померещилось Казимежу что-то такое, отчего его лицо — чужое и совсем старое — вовсе утратило цвета и светилось теперь в темноте мертвой белизной выглоданной кости.

— Говорил ли ты с дочкой, милостивый государь мой, — по-прежнему улыбаясь, продолжал Злой человек, — согласна ли Эльжбета стать... — гость не сдержал странного, похожего на лошадиное фырканье, смешка, — стать Чернской княгиней?

Казимеж еще раз оглянулся вокруг, бросил быстрый недоверчивый взгляд на толстяка и зашептал так же торопливо, с мукой в голосе, как еще несколько минут назад шептал сплетник Юрек.

— Не куражься, князь, я хоть и не высший маг, но человек гордый. Сам знаешь. Властелином родился, властелином жил и тебя не побоюсь — за дерзость...

— Не кипятись, тестюшка, не щипи. — Оборвав пламенную речь хозяина, гость похлопал его по руке, отчего старый князь сморщился, как от боли. — Оскорблять я тебя и в мыслях не имел. Мы ведь с тобой, Казик, старинные друзья-приятели. Говорю правду, как есть: выйдет твоя дочь за Черного князя, не только блага и почести получит... Тут от моря до моря всякий ворон моей крови мечтает напиться...

Злой человек замолчал, и только его глаза, живые, продолжали что-то говорить примолкшему мрачному собеседнику.

— Ведь ты ж, тестюшка, не желаешь родной дочке зла? — вновь улыбнувшись, проговорил гость. — Так и не искушай Землицу редким дождичком. Объясни своей девчонке, что к чему. С какой стороны масло, а с какой — ржаной сухарь. Не мне тебе рассказывать, как оно бывает, когда у молодой жены сердце к мужу не лежит. Знаю я, что обо мне говорят. И не все лгут. Если не знает о том твоя дочка, растолкуй по-отечески. И тогда,

если согласна она, — накрывай свадебные столы. Не согласна — мало ль княжонок с колечками да лоскутом земли, а не найдется согласной, так и книжница подойдет. У князя Милоша девок полный дом — не знает, солить, сушить или так раздать... Все равно сыну моя магия достанется — не пропадет, милостью Землицы-матушки.

Нехорошо смотрел ночной гость-балагур на Казимежа, холодно и зло, словно охотник, что к раненой дичи подбирается — уж знает, что обречена, да не взбрыкнула б. Пригляделся Проходимка к старому хозяину. Нет, не подранок Знатный, видно, охотник Злой человек. Не добивать, свежевать приехал.

Казимеж выдохнул, сплел пальцы в замок.

— Согласна Элька, — выдавил он нехотя, стараясь не смотреть в глаза гостю. — И мое слово каменное. Изломай меня радужная топь... да только вижу я, князюшка-зятёк, что не все ты мне говоришь. Раз уж в главном порешили, так давай в малом все обговорим. Знаю, не нужно тебе приданого — все мои земли внуку достанутся, сыну твоему. Да я помирать не спешу. Дай слово мне, что Якуба не тронешь. Сам знаешь, он тебе не противник.

И скользнула в словах князя такая боль, словно напомнила о себе старая рана. Злой человек покачал головой:

— Эх, князь Казимеж, — проговорил он с беспощадной насмешкой. — Все обидеть норовишь дорогого гостя. Неужто ты думаешь, что мне нужна Якубова жизнь. Ему небось она и самому не слишком надобна. Если на рожон лезть не станет, воду мутить, если не будет от него угрозы и беспокойства — найдется ему место в Бялом и при моем наследнике. Будет жив, сыт, всеми почитаем. А ежели взбрыкнуть заохотится — тут уж не обессудь, тестюшка. Объясни сыну, как вести себя следует, и я слово свое сдержу.

— Сдержишь, — отозвался старый хозяин. — Ты всегда держишь. Только Землицей прошу, все, что было промеж нас раньше, — наш с тобой счет. Не губи детей. Мой долг — с меня бери.

Никогда не слышал Проходимка, чтобы хозяин так разговаривал. Куда вся гордость девалась хозяйская. Ссутулилась спина, заполнился тревогой и мольбой орлиный взор. Но Злой человек словно и не заметил перемены, расхохотался, похлопал братски князя по плечу.

— Возьму, если того пожелаю, — проговорил он. — Я руку твоей дочке предлагаю, Чернской княгиней хочу сделать. За это любая из Милошевых девчонок на косе бы удавилась. А ты говоришь — не губи! Насмешил ты меня, Казик. Помнишь, было время, звал я тебя так. Вот и

сейчас пришла охота старое вспомнить. Давно это было. Вспомни, как ты меня называл?

— Помню.

— Владек. — Княжеский мучитель сверкнул улыбкой, блеснули в темноте ровные зубы. — Так и зови теперь, раз все решено, тестюшка.

Хоть и не боялся Проха людей, а от улыбки этой шерсть по хребту сама ошетибилась. Лют был Злой человек. Взглядом одним, казалось, из князя кровь выцеживал, выматывал душу тихим насмешливым голосом. Но не таков был князь Казимеж, чтобы без бою сдаваться. Горячая была в нем кровь, хозяев Бяломястовских. Самого Томаша Твердой Руки.

— Тогда был ты Владеком, а сейчас Чернский господин. Так и звать тебя буду, — отозвался он твердо, с трудом выдерживая взгляд гостя. — Велик мой долг, но не больше княжеской чести. Хочешь — взыщи с меня. Тебе ни книги, ни перстня, ни посоха для того не надо. Если же нет — так и не вспоминай. Дочь тебе отдам. Давай о деле переговорим, чтоб недомолвок промеж нас не осталось. Разговору не оберешься, если за Эльжбету приданого не дам. На Элькину руку что возьмешь? Деньги? Камни? Мертвяков? Гончие у меня отменные — лучшую свору?..

Проха, уже подползший совсем близко к заветной сумке толстолицего — с волшебной книгой да копченой свиной ножкой, слышав последнее, зарычал было. Обиженный не столько словами хозяина, сколько прозвучавшей в них надеждой, что откупится он от гостя племенными собачками. Толстолицый оглянулся, подхватил с земли сумку и прижал к необъятному животу, погрозил Проходимке рыхлым кулаком. А Злой человек покачал головой. Не нужны были ему деньги, камни, холопы, собаки.

— Приданое хочешь дать? Мне, Черному князю Владу? — Он насмешливо приподнял бровь. — Пинту крови младенческой?.. Или ты не слышал, что я другой не пью... Не надо мне от тебя ничего, Казик. Я тебе по Землицын час благодарен буду за то, что ты для меня сделал. Ты мне глаза на силу мою открыл. Без тебя кем бы я был, мелким князьком, благодушным, ленивым да охочим до баб, был бы я Чернским государем, но с твоей легкой руки стал я Черным Владом. Так что ничего мне от тебя не надо. Нынче сила моя такова, что, пожелаю, все сам возьму. И низкий тебе за то поклон.

Гость насмешливо склонил голову. Толстяк, видно, все же слушавший господский разговор, заерзал, напоминая о себе господину.

— Что тебе, Коньо? — не глядя, бросил через плечо тот, кто желал, чтоб называли его Владеком.

Коньо припустил к хозяину мелкой рысью, лишив Проходимку последней возможности добраться до желанного лакомства. Проха приуныл, послушал вполуха, как шепотом совещаются гости, и потрусил прочь.

Уже сворачивая за угол, к кухне, он услышал:

— Есть в Черне одна надоба. Возьму за Элькой приданое. Небольшое, но учти, князь, за такое приданое и о тебе народ доброго не скажет. Не побоишься на одну черту с Кровавым Владом встать?

Казимеж кивнул: согласен, мол. Снявши голову, по волосам не плачут.

— Маги. Двое-трое, — четко, властно проговорил Злой человек. — Не ниже золотника, но лучше манусы. И с договором полного герба — подчинение жизнью. Можно каторжных...

Казимеж что-то заговорил в ответ, но Прошка уже не слышал. Из кухни потянуло свежим хлебом, шкварками... и собачий дух зашелся от радостного предвкушения. Девки, что при кухне, его не обидят. Подобраться поближе, как кухарка отвернется, и...

Глава 4

Получил, кажется, что хотел. Вот он — сытный куш.

Иной бы почел величайшим счастьем, Землице бы вечерню отслужил, с березовым ходом вокруг храма, обедами для бедноты и прочими приметами княжеской радости. Шуточное ли дело: получить в зятя самого Чернца. А на душе скверно, беспокойно, тягостно.

Откуда радости взяться.

Много лет ждал он, что придет за ним Кровавый Влад. Что вспомнит старое. Но нет, не так прост был Владислав Радомирович. Не станет он тратить людей и золото на бессмысленную войну. Ловок князь. С другой стороны решил зайти. К Эльке посватался.

Казимеж задумчиво преодолел гостевое крыло охотничьего дома и отправился к себе. Плясало на черном фитильке рыжее пламя свечи. Метались по сторонам тени. И в этих беспокойных тенях чудилась угроза.

Ноги сами повернули не в хозяйские покои, а налево, в небольшую спальню. В комнате было темно, но бяломястовский князь сразу понял, что его ждали. Белое пятно выделялось на фоне стены. Якуб Белый плат, наследник Бялого, сидел на постели. Не ложился — поджидал отца.

— Зажег бы свечу, Кубусь, — проговорил Казимеж.

В темноте закрытое белым платком лицо сына походило на голую кость. Сверкали в прорезях отбеленного полотна глаза — точно огоньки в глубоких глазницах. словно сама Безносая пришла и ожидает князя для последнего разговора. От подобных мыслей на душе стало еще муторнее.

Благо Якуб, как послушный сын, поднялся к постели, открыл жаровенку с угольями и зажег свечу. Наваждение развеялось. Помянув радугу с ее присными, Казимеж сел возле свечи, не давая теням даже приблизиться к нему. словно из их неверного трепыхания мог соткаться его будущий зять.

— Что скажешь, Якубек? — начал он, помолчав. — Прибыл Чернец. Готов Эльку взять. Я отдал. А все сердце не на месте. Как подумаю, что придется землю нашу, исконную, Кровавому Владу отдать — так кошки на душе скребут.

Якуб приблизился к отцу, положил руки на плечи.

— Не казни себя, — проговорил он. — В том я виноват. И никто другой.

— Да в чем твоя вина? — вскинулся Казимеж. — Радуга виновата.

Судьба твоя несчастливая. Но не ты. Ты, Кубусь, лучший советчик мой.

— Советчик, но не наследник для Бялого. Будь я силен, не как прежде был, хотя бы как Иларий, не стал бы ты отдавать руку Элькину чернскому душегубу. А так, сам знаешь, какой из меня защитник земле бяломястовской...

Якуб замолчал, рассеянно поправил платок на лице. Казимеж не нашелся, что сказать. Все пересказано было не раз и не два за последние годы.

— Ты, отец, правильно поступил. Владислав Чернский — нравом крут и силен, как небесный страх, но в Черне у него порядок. И простой люд туда ехать не боится, и купцы, кто честно торг ведет, тоже. Говорят, не трогает Влад тех, кто сам под княжескую руку не сунется. Может, и в Бялом при нем будет все ладно.

— Лад на крови, — буркнул бяломястовский князь. — Что ж я наделал?!

— Не надо так. — Якуб хотел было обнять отца, поднял руки — и опустил, отошел к окошку, уставился в ночную тьму, далеко, на востоке, подкрашенную едва различимой рассветной зеленью. — Порой без крови никак не обойтись. Не защищаю я чернского душегубца, но скажу одно: ко благу Бялого ты решение принял. И теперь нечего себя корить. Влад силен. Высший маг свою землю защитит сумеет. Если при силе своей он во мне угрозы не почует, так оставит жить и даст за народ бяломястовский слово замолвить. Может, мертвякам и малым магам при нем будет выгоднее. Иларий говорит, сейчас много их истиннорожденные обижают, порой и до смерти мучают. А так, глядишь, переменится что-то. Иларий говорит...

— Иларий, Иларий, — не стерпел Казимеж, — целый день Иларий. Ото всех только и слышу. Иларий то, Иларий се. Или не я уже князь Бялого, а твой Илажка? Что ты мне им в глаза тычешь? Ты родному отцу говоришь, князю своему, что при нем в его земле народ мучают, мертворожденных до смерти доводят, не при палочнике убогом, не при книжнике — при золотнике не последнем! Вон он как тебя настроил, голову задурил речами своими веселыми, взором синим. Потаскун твой Илажка! Хоть и манус лучший, из благородной семьи, а блудлив и хитер как кот паршивый. Только жалобы мне на него. А ты этого паскудника мне в образец ставишь! Что о народе он печется вперед князя! Уж не хочет ли твой Илажка на престол бяломястовский сесть, с Черным князем вместо тебя да меня потягаться?!

Якуб, не ожидавший такой вспышки отцова гнева, сперва опешил, отступил, но после этих слов не стерпел:

— Зря ты, отец, с больной головы на здоровую валишь. Не делает Иларий ничего дурного. Но в жизни успел он повидать и нужду, и немилость. И умом не обижен, и силой. И сердце у него доброе, сам знаешь. Много видит Иларий, много понимает, обо всем мы с ним разговариваем. Понятно, о дозволенном. В дела государские я его не пускаю, а он и не просится. Говорим все больше о земле, о народе, о том, как народ бяломястовский защитить. Это сейчас они под твоей сильной рукой, батюшка, а наступит час, когда, кроме меня, калеки, да Илария — никого у них не останется. И часто дело Иларий говорит. Как станет известно, что ты руку Элькину Чернскому душегубу отдаешь, многие от тебя отвернутся. Знаю я наших старших магов. Кто с договором неполного герба, могут и уйти, к Войцеху или Милошу на двор. И ты не удержишь ни золотом, ни силой. Но, помяни мое слово, Иларий останется, потому что поймет, какая страшная нужда тебя на такой шаг толкнула. Вернее мануса Илажки у тебя слуги нет и не будет. Он за тебя, за меня, за Бялое жизни не пожалеет.

Казимеж слушал горячую речь сына и понимал, что зря заподозрил недоброе в Илажи. Как сын ему за эти годы стал Иларий. Все ночь эта проклятущая виновата. Ни единой звезды, все небо затянуло в одночасье сизой теменью. Словно само небо от Влада Чернского пологом закрывается. Растревожил старую память Чернский гость. Болит душа, ноет. И всякий врагом кажется.

— Прости, Якубек. Не в Иларии дело, — выговорил Казимеж. — И про магов наших, и про все остальное знаю. Но за Илажку крепко не держись. Черный князь такого норовистого и синеглазого терпеть на бяломястовском дворе не станет. Убеди мануса — пусть учится голову склонять. Потому что еще не мертв я, но уже не молод. Лет пять-десять, и станет здесь хозяином Чернский Влад. И, если не по душе это Иларию, пусть уходит или учится в ножки падать Кровавому Чернцу. А то погубит вас обоих. И ничего ты сделать не сумеешь. Знает Черный Влад обо всем. Слышал бы ты, Кубусь, как он нынче надо мной куражился...

— Знает обо мне? — В глазах наследника был страх, но сильнее этого страха была горькая обида, которой не мог скрыть Якуб. Казимеж кивнул.

— Знает, как не знать. Скрывали мы ото всех нашу беду, только высшему магу наши хитрости — как открытая книга...

Казимеж бросил взгляд на сына и тотчас отвел глаза: так черен сделался взор Якуба под белым платком. Но Якубек скоро взял себя в руки, опустил взгляд:

— На Эльку одна надежда. Мудрая жена всегда найдет дорожку к

мужу, сумеет повернуть все по-своему. А Элька хоть и девчонка совсем, и голова у нее не тем полна, а все-таки бяломястовна.

Казимеж не ответил. Верно говорил Якуб. Умная жена быстро власть в свои руки заберег. На себе он это испытал. Пришла Агата в его дом тонкой чернокозой девочкой, скромной, застенчивой. А теперь какова. Владычица. Ведьма проклятушая. Никуда от нее не деться. Если пойдет в нее Элька, отольются чернскому упырю Казимежевы слезы. Да только не в мать Эльжбета, простовата, глуповата, капризна да влюблена без памяти. Не испортила бы дело...

— Верно говоришь, сынок, на Эльку надежда наша. Кто ж знал, что придется ей на себя заботу о Бялом взять. На закляние этому сыну небову пойти. Но ты будешь с ней, посоветуешь, утетишь. А мать в три счета научит, как мужем вертеть. — Казимеж нехорошо ухмыльнулся. — Дальнегатчинца жаль. Хороший мальчишка у Войцеха, но сунется под руку Чернцу — никто не спасет.

Якуб глубоко задумался, однако через мгновение поднял взгляд:

— А ты ушли Тадека. Домой отошли, пока о помолвке Элька ему не выболтала. Войцех — государь мудрый, найдет способ сына удержать. А там поумнеет, смирится. Тадеуш не глуп. Элька голову ему затуманила. А как станет Эльжбета женой Влада, Тадек отойдет, успокоится. Не так он воспитан, чтобы о чужой жене печалиться. Он ведь не таков, как Иларий...

Казимеж глянул на сына так, что тот осекся.

— Да, Илажку в штанах сама радуга не удержит. Нашел чем гордиться. Одни заботы от него. Да не о нем нынче речь. Спасибо тебе, сынок, за совет, за то, что не осуждаешь меня, хотя тебе первому впору.

Они попрощались сдержанно и сухо. Как всегда прощались с того самого дня, как пришел в себя княжич после большой беды. Искалечила она Якуба, потерял князь наследника, но обрел такого советчика и помощника, о каком и мечтать не мог. Дело говорил Якуб, надо дальнегатчинца отослать. Да так, чтобы не мешкал. Обдумать надо. Умел думать старый бяломястовский лис Казимеж.

Долго ворочался в постели и все думал, думал. Об Эльке, о Владе, о Якубе и, как не отгонял он тяжелые мысли, о синеглазом манусе. И чем дальше думал, тем больше закипала в душе ярость, тем крепче сдавливал сердце страх за сына. Подведет Иларий своей дружбой Кубуса под Владов костяной нож. Один Якуб покорится, а ежели при нем останется такой баловень судьбы, как Иларий, сильный, умом скорый, — быть беде. Да какое там, о грядущем ли речь, когда вот-вот из-за Илажкиных проказ маги дворовые взбунтуются. Сколько раз говорено ему, ветру синеглазому, не

зарься на чужих баб. Девочек мало? Вдовушек? Так ведь мнет под себя всякую, не разбирая. А разве ему какая откажет. Да, верен Илажка, силен, сколько раз беду отводил. Но беда ведь не всякий день в ворота стучится, а блудни и паскудства Илария то и дело разбирать приходится.

Темные, тревожные, страшные мысли бродили в уме князя. Затянули все, словно темные облака. А под утро сгустились в груди в тяжкую решимость. Едва выступил над дальним лесом алый край солнца, князь поднялся, кликнул мальчишку. Тот сонно принялся рассказывать господину о том, что гости, мол, со двора уже поехали, но князь не стал слушать. Ну их к радугам, гостей этих, убрались — и ладно. Хоть к Безносой. Князь наскоро умылся и велел вызвать к себе Юрека.

Тот выслушал приказ с опущенной головой. И потому не видел князь, как зажглась в глазах палочника мстительная радость.

— Да помни, живого привези, — бросил напоследок Казимеж. — Уморишь мануса, Юрек, шкуру спущу. И мужичков твоих не обойду. А если сделаешь все как надо — князь Бяломястовский благодарить умеет.

Юрек скрылся в утренней мгле.

Глава 5

Осторожно, крадучись. Чтоб ни единой хрустнувшей веточкой не выдать себя.

Горло перехватило. В ушах клокотало расходившееся от страха сердце. В животе ныло от голода и тревоги, но ноги, казалось, сами несли вперед. Только б не заметили.

Пятеро в темных плащах без гербов.

Под ногой треснула ветка, и Агнешка тотчас съежилась, прижалась к земле, пока светлые тонкие лучи обшаривали лес. Нити света распались на поисковые огоньки, но и те, покругившись над самой головой девушки, полетели прочь, к отряду, не заметив преследовательницы. Что велели им искать? Какого врага? Едва ли растрепанную маленькую лисичку, босую, в оборванной рубашке, съехавшей набок косынке, с заплаканным и грязным лицом.

Только глаза выдавали в недавней жертве идущую по следу — в их серой глубине за пеленой страха и тревоги затаилась злость.

Горло вырвет...

Без магии...

Не приведи Землица...

Да только разве заметят огоньки в темноте под сводом перепутанных чернильных веток тьму, растущую в сердце? Куда им. Мимо пролетят, помашут стрекозиными крылышками. А глаза Агнешка на всякий случай закрыла, зажмурила до разноцветных мух — чтоб уж наверняка. И у палочников огоньки по глазам читают.

Светлячки-соглядатаи построились в лучи. Золотистые нити растаяли. Встревоженные ночными шорохами палочники опустили посохи, заговорили.

— Ну, пуганая ворона, — стараясь за смехом скрыть робость, бросил кто-то из них. — Кто в такую пору может здесь быть? Ну, пробежал заяц, птичка спорхнула, а уж вы за посохи... Вы б так суетились, когда молодчика этого брали, глядишь, и Манек ехал бы верхом, а не в повозке.

— Ведь то брат мой, — засопел, а потом и всхлипнул другой. — Как к матери на глаза, когда Манека...

— Хватит, — прервал его причитания тяжелый властный голос. — Манек от змеи и паскуды родную землю избавил, за то и смерть принял... А уж с этим отродьем... Черный князь лучше нашего разберется, вымотает

потаскуну кишочки...

Кто-то, невидимый в темноте, зло хмыкнул, всхлипнул братец бедняги Манека. Палочники пустили лошадей шагом.

Агнешка поднялась, двинулась, крадучись, вровень с отрядом среди темных стволов и переплетенных ветвей. И за ней, невидимая глазу, двинулась тень, потянувшись к голове девушки прозрачной рукой, но в последний момент отпрянула.

Луна выскользнула из рыхлого облака, отчего дорогу залило жемчужным светом, и отряд оказался виден как на ладони.

Четверо ехали верхом, за ними на привязи следовал понурый Вражко. Пятый, всхлипывая, сутулился на козлах. Позади него на возу виднелось два тела — мертвый палочник и оглушенный Иларий. В свете луны белела лишь его нижняя рубаха, испачканная сажей и кровью.

Знал свое дело широкоплечий палач-палочник.

Едва оглушив черноволосого красавца мануса, он тотчас послал одного из своих подручных в ближнее село за подводой — того, что все всхлипывал по погибшему брату. Толку от него, видно, вовсе не было. Второго — в поле, за Вражко. Конь успокоился и мирно пощипывал траву, видно, полностью уверенный в том, что с его повесой-хозяином не может стрястись серьезной беды. Остальные наемники принялись разводить костер.

Головной из этого костра мучитель и прижег Иларию руки.

Когда рубиново-красная гроздь прогоревшего дерева коснулась белой, холеной ладони, манус застонал, от боли задышал тяжело и прерывисто, но колдовской морок не отпустил своего пленника.

Резко запахло паленой плотью.

Веки Илария дрогнули, но глаза оставались закрытыми. Широкоплечий палочник уронил на траву искалеченную руку мануса, крепко зажал пальцами вторую ладонь и приложил к ней горящую головню.

Снова стон.

Агнешка едва не вскрикнула, словно почувствовав боль недавнего своего спасителя. Закусила до крови губу, сжала кулаки, чтобы унять бессильную и бесполезную сейчас ярость. Что может полуголая девочка-мертвячка против четверых взрослых мужчин, истиннорожденных магов?

Единственное, что пока могла она сделать для мануса Илария, — незримо следовать за его похитителями и разузнать, за что так жестоко обошлись с приближенным магом князя Казимежа наемники в плащах без гербов.

Одно она знала точно: не был красавец маг случайной жертвой. Караулили, ждали, знали, как ударить. И истязали не по приказу — от сердечной злобы. Местью тешились широкоплечий палач и его приятели.

Не рассчитали только, что не один поедет княжий манус. Не учли странной, да что там — страшной колдовской силы, пробудившейся в нем от одного поцелуя деревенской оборванки.

— Уходить велел, спасал, — пробормотала Агнешка, невесело усмехнувшись, — убить побоялся. А небось узнал бы, откуда сила взялась — не стал бы спасать. Закинул бы петельку на сосновую веточку — и виси, лисичка, по ветру рыжий хвостик...

Давно знала мертвячка Агнешка, что хоть магии у нее в крови не на грош, а чужая сила рядом с ней как буря расходится. Казалось бы, радуйтесь, берите, колдуйте. Простой деревенский ведьмак через нее по силе с золотником уравниаться может, палочник — со словником, золотник — с высшим магом...

Да какое там. Ветра дочь, Земли-матушки отступница — всем честным миром нежить поганую на первый сук.

От нахлынувших воспоминаний Агнешка вздрогнула, прижала руку к горлу.

Слабость дерется и кусается, а Сила — поймет и отпустит с миром. Нет, не убил бы ее синеглазый манус. Выслушал бы, понял, погладил холеной белой рукой по волосам. Да, может, поостерегся в друг ой раз целовать. Но не убил бы.

А теперь сам болтался на возу, как мертвец, с мертвецом о бок. Не спасла колдовская сила. Силен волк против брехливой шавки, но не против своры. Навалились вместе, связали заклятьями, затуманили черноволосую голову колдовским сном. И мчится свора к хозяину со знатной добычей.

Легко ступая по колкой хвое, Агнешка кралась вдоль дороги, пока лес не измельчал в спутанный подлесок, а потом и вовсе вышел. Растеклось во все стороны молочное в лунном свете поле. Ровное и белое как ладонь. Все видно.

Агнешка остановилась у кромки поля, все еще скрытая листвой, и беззвучно заплакала.

Четверо верховых заторопились, лошади пошли охотнее, видно, чувствуя близость дома. Даже возница на подводе выпрямил спину и принялся резвее погонять лошадку, отчего головы лежащих на возу покачивались из стороны в сторону в такт цокоту копыт.

Маленькая лекарка села на траву, собрала в горсть несколько колосьев, потерла между ладонями и высыпала в рот мягкие ржаные зерна. Слезы

текли по грязным щекам, наливаясь чернотой. Над дальним лесом — узкой щетиной елей — небо зазеленело, готовясь к рассвету.

Агнешка вскочила, торопливо, путаясь босыми ногами в высокой траве, вышла на дорогу. Присела, вгляделась в следы на песке. И почти побежала вслед за всадниками и повозкой. Но не догнала. Видно, торопясь до рассвета добраться до дому, наемники оставили осторожность и не щадили лошадей.

Недалеко от места, где песок был весь изрыт лошадиными подковами, Агнешка отыскала спрятанные в дупле плащи. Вытащила один — к чему разбойничий плащ мертвому Манеку — набросила на плечи, слилась с темнотой. Может, так удастся подобраться поближе к логову похитителей.

Но за поворотом дороги она увидела лишь обнесенный с одной стороны частоколом десяток домов и россыпь хозяйственных построек. По всему видать, охотничий двор. Всюду было пусто и тихо, словно и не въезжала недавно на хозяйский двор «свора» с добычей — мирно спали за частоколом, тихо шептала листва, чесалась под одним из домов сонная собака да где-то в стойле фыркали лошади. Раздалось тоскливое ржание — не Вражко ли?

Агнешка присела на корточки под частоколом, прижалась глазом к щели между бревнами.

Петух прошаркал по двору, вскочил на скамью и несколько раз хрипло вскрикнул, глядя в небо, где прозелень сменилась желтизной, уже разбавленной снизу мягким розовым светом. В домах проснулись, засуетились. Пробежала к колодцу девка с ведрами, прогнала собаку от крыльца.

Агнешка поискала щель пошире — разглядела часть двора, знакомую подводу, уже пустую. На крыльцо, под которым еще с минуту назад мирно спал широколобый гончак, вышел крупный старик, одетый богато, с зеленым перстнем на руке, а следом — знакомец, широкоплечий наемник-палочник. На этот раз мучитель был при гербах: на плечах его горели золотым шитьем лисы. И у Илария были лисы, с недоумением и страхом подумала девушка. Неужто и манус, и его губитель одному хозяину служат?

Палочник снял в головы капюшон. Агнешка разглядела темно-русые волосы, остриженные кругом над низким лбом, маленькие злые глаза.

О чем заговорил с ним хозяин, Агнешка, как ни старалась, расслышать не смогла. Палочник бросился исполнять приказ — скрылся за углом дома, а старик с зеленым перстнем снова вошел в избу, грохнув в сердцах тяжелой дверью. Знать, важный старик, не иначе сам князь. Что делать князю в лесу?

За всю свою жизнь не бывала Агнешка в Бялом, батюшки-князя в лицо не видела. Обещала матушке, что, сколько можно будет, не станет в стольный город рваться. В лесу, по деревням про чудную ее природу, про Землицын подарочек мертвяки долго не догадуются, а среди магов, да при том сильных, — тотчас разглядят, что непростая перед ними мертвячка.

Теперь жалела Агнешка, что не видела ничего, кроме деревень и лесных трав. Знать бы, что к чему. Чем провинился красавец манус перед своим господином, да так, что наемники руки молодому магу прижгли — силы старались лишить. И с собакой хороший хозяин такого не сделает. Разве можно живую душу так мучить... Да разве может быть это бяломястовский князь? Не могла Агнешка этому поверить. Хорошее говорили о Казимеже: что властитель он добрый, берет свое в меру, последнего не тронет, чужого не желает. Во все его княжение Бялое място жило миром да спокойствием, усы во щах, щит в паутине.

Может, снова обман. Видела Агнешка, как переменили одежду лесные разбойники. Видно, не впервой им глаза людям отводить. Может, и не князя Казимежа это люди. Мало ли, что лисы на плащах, может, и плащи ворованные. Известно, что старик этот приказал Илария пытать. Дознаться бы, кто он. Неужто...

Агнешка прикрыла рот рукой, даже и в мыслях боясь высказать свою догадку. О Черном князе говорили мучители. Что, мол, Владислав кишочки манусу вымотает. Уж не он ли то был?

Агнешка попыталась было заглянуть под створку ворот, но дремавший до сей поры пес неожиданно вскинулся и рванулся к ней с залиvistым лаем. Девушка прижалась к частоколу, надеясь, что брехливый широкомордый гончак не пролезет под воротами, но пес, пару раз бросившись на воротину, принялся, фыркая и рыча, яростно копать землю.

— Проходимец, песий сын, — прикрикнула на явившегося гончака девка, — гостей высоких разбудишь, так батюшка-князь тебе глупую голову оторвет да на забор приладит...

— Не разбудит, — ответил сердито мужской голос, — высокие гости уж до рассвета поднялись. Хозяин ихний проводника взял. Место пошел смотреть, где с княжичем беда приключилась. А подельнички его со двора поехали. Говорят, весточку получили, дело имеется. Знаем мы эти дела — черные делишки, не приведи Землица...

Невидимый брюзга громко сплюнул и пошагал прочь, а девка, вполголоса молясь заступнице, все же принялась оттаскивать пса от ворот...

Агнешка улучила момент и, подхватив полы плаща, припустила в лес.

Запыхавшись, присела на поваленное дерево и улыбнулась: здесь злодей-палочник, значит, и Иларий здесь. Будь хоть Черный князь, хоть кто другой — она не отступится. В ворованном плаще и рваной рубашке не пробраться, но лекарка на каждом дворе нужна. До Вечорок добежать, покуда деревенские не хватились, взять из дому травы, снадобья, и по знакомой дорожке сюда — наниматься в услужение к старику с зеленым кольцом. Чай, на старости лет здоровье уж не то, да и мужская сила поистратилась, а девка, что собаку от ворот отнимала, уж очень была хороша.

Агнешка недобро усмехнулась, поплотнее закуталась в плащ и пошла, а вскоре и побежала в ту сторону, где над лесом маковым цветком алело солнце. Длинная призрачная тень отделилась за ее спиной от частокола. Сильный маг — словник или золотник — приглядевшись, увидел бы больше: бледное неподвижное лицо и темные озера глазниц. И в этой темноте на мгновение вспыхнули две далекие звездочки, но тотчас погасли. Бледное лицо повернулось навстречу просыпающемуся солнцу. Нежданный ветер упал с высоты, пронесся под частоколом, шевеля метелки травы, и призрачная гостья, казалось, растаяла от его дыхания. Только две искорки еще горели в утренней полутьме, словно чей-то внимательный взгляд.

Деревня опустела. Видно, все были на покосе, только бродили куры, возились в пыли ребятишки да дремали в тени разморенные духотой старухи. Однако идти по деревне Агнешка не отважилась — прокралась по гуменьям. Перепрыгнула через палисад возле соседской избы — и обмерла. Не простили селяне маленькой лекарке радужной топи и бабки Лампеи. На месте дома высилась груда обгорелых бревен. Лечебные травы в огороде были вырваны и вытоптаны. Агнешка закрыла ладонями лицо, тряхнула головой, отгоняя злые мысли.

Не до обид.

Перемахнула обратно через соседский палисад, пробежала огородом. На бегу вытащила из грядки репку да пару морковок, сунула за пазуху и нырнула под низкий навес сеновала. Ловкая как кошка, знахарка забралась наверх, запустила руки в сено и вытащила маленький холщовый мешочек — заглянула, улыбнулась. Не пропасть белке зимой, если в каждом дупле кладовочка.

Спрыгнула вниз. Так же осторожно, по-за деревне, по заросшим крапивой козьим тропам, добежала до старого дуба, сунула руку в дупло — и тут не отыскали.

Завернув находку в плащ, Агнешка торопливо пошла к реке, там, возле

камня бабки Лампеи, в поваленном дереве — туесок и чистая одежда.

У реки было тихо. Мягко светилась вода. Зацветала — пахло зелению, тиной, рыбой. В животе предательски заурчало. Агнешка вытащила из-за пазухи морковку, потерла о подол и торопливо съела, оглядываясь, — все ждала, не пойдет ли кто из деревенских постирать к запруде, не соберется ли пастушок Янек напоить своих пеструшек.

Туесок и чистые юбки оказались на месте. Радуюсь, что так хитро скрыла от деревенских свои тайники, Агнешка встряхнула одежду, разложила на горячем песке.

По воде плясали блики, манили в зеленую прохладу воды — к нам, к нам, Агнешка, к нам, к нам...

Забежала в воду, вымылась наскоро и нырнула в чистую рубашку. Расчесала спутанные волосы. Вдохнула.

Почта год прожила она здесь, в Вечорках. Ходила на реку купаться и стирать, лечила деревенских и скотину, пела в сумерках с бабами и девками, как все выходили на гулянье. И думала, что уж больше не придется бегать.

Хорошо, взяла свое старая привычка, заставила Агнешку рассовать по дуплам и овинам котомочки «на черный день».

Агнешка встряхнула на расстеленную верхнюю юбку свое богатство: несколько монет, глиняные плоские бутылочки с мазями, мешочки с травами. Попрятала самое ценное по тайным кармашкам на нижней юбке. Жаль, крестоцвет не успела досушить — сожгли мужички весь урожай вместе с избой.

Пока одевалась, вздыхая, натирала мазями сбитые, исхлестанные ветками ноги, зазевалась, не заметила, как вышли из лесу трое.

А когда заметила — бежать уж было поздно. Притаилась за зеленой стеной камыша.

Старик-староста шел впереди, тяжело опираясь на палку. Двое его спутников — дорого одетых чужаков, словно раздосадованные словоохотливостью и медлительностью старосты, оглядывались по сторонам. Один, толстолицый, красный от жары, с сумкой через плечо, то и дело переспрашивал. Другой же, великан-горбун в бесформенном синем плаще, останавливался, словно бы и не слушая деревенского болтуна, всматривался в траву и следы на песке. Все выдавало в нем закрайца. Лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, виднелись лишь длинные белесые пряди, что свешивались из-под капюшона, когда великан опускал голову, вглядываясь в одному ему видимые следы.

— Вот тучочки все и было, — произнес староста, заметив, что

высокий внимательно осматривает Лампеин камень, водя по нему длинными смуглыми пальцами. — Тут она бабку, ведунью нашу, изломала.

— Так уж и изломала? — переспросил толстяк. — Руками, что ль, знаки делала? Аль слова какие говорила?

— Не-ет, — замотал головой староста. — И руками не делала, и слов не говорила. Бабка говорила, а эта только, как бабку ломать начало, закричала, да на камень полезла, руки в самую радужную топь сунула.

Высокий недоверчиво хмыкнул из-под низко надвинутого на глаза капюшона, который, видно, не тяготил его, несмотря на зной. Толстяк, снова прикинувшись простачком, изобразил на круглом лице удивление:

— Так-таки в самую топь? Ну-тка, Расскажи-ка, батюшка, как все было...

Староста потер бронзовый от жары и напряжения лоб, припоминая вчерашнее:

— Как есть намедни собралась мельничиха родить. Так Лампея, ворожея наша — прими душу ее мать-Землица, — давай с бабами помогать. Ан плод-от не идет. Она роженицу на камень этот привела — колдует. А мельник, лубяная голова, как видит, что женке неведомо, запричитал. И побег к лекарке, мол, помоги. Лекарка сюда, баб разогнала, Лампею обругала, девчонка, ветряная сопля — старого человека корить...

Мельник укоризненно погрозил кулаком невидимой злодейке, и Агнешка почувствовала, как ее шею и уши заливают краска стыда. Она осторожно подобрала с земли туесок.

— Все в деревню побегли, ан слышим — разродилась мельничиха... Бабка давай ее опять на камень — силы вернуть и всякое-такое бабье... А лекарка вроде как уснула. А тут как хлопнет...

Староста, видимо, желая произвести на нежданных слушателей впечатление, со всей мочи ударил палкой по камню. Агнешка вздрогнула, едва удержав готовый сорваться крик, но высокому чужаку оказалось достаточно и ее короткого вдоха да шороха тростника. Закраец резко обернулся. Блеснули зеленым огнем глаза из тени под капюшоном. И незнакомец с полужвериным рыком бросился от камня к зарослям, за которыми укрылась девушка. От еле заметного движения его руки перепуганный староста рухнул задом на траву, переломив палку.

Агнешка прижала к груди узелок и рванула изо всех сил в другую сторону, к близкой кромке подбирающегося к реке подлеска.

— Игор, — окликнул своего спутника толстяк.

— Она это, — прорычал горбун, проламываясь сквозь плотную вязь веток, — она... Вечоркинская ведьма...

Толстолицый, путаясь в полах плаща, вытащил из сумки книгу, поднял на вытянутых руках над головой. Темная растрескавшаяся кожа засияла на солнце маслянистым светом. Толстяк пошевелил губами, краснея от напряжения. По корешку книги потекли белые ручейки-искры.

Агнешка почувствовала, как по плечам ухнуло сковывающее заклятье. Ухнуло и отскочило. Она нырнула в можжевельник, проползла в самую середину — где кусты, усыпанные еще зелеными ягодами, вытянулись выше человеческого роста, сжалась в комок, накрывшись ворованным черным плащом. Зря старался чародей-книжник: не по зубам его магии оказалась маленькая лесная травница.

— Матушка-Землица, отведи чужака...

Губы онемели от страха — не давали произнести молитву. Но услышала Земля, укрыла дочку колючим зеленым плащом.

Рыча и втягивая носом воздух, чудовище бродило рядом, бесшумно ступая по листьям. Только яростное звериное дыхание выдавало его да синий отблеск плаща. Однако терпкий хвойный запах надежно скрыл беглянку.

Игор побродил, прислушиваясь.

Где-то на краю березняка толстяк звал его, уговаривая не пугать до смерти девчонку, оставить в покое.

— Не она это, не она, — подпевал толстяку оправившийся староста. — Наша-то еще вчера утекла, чернявый манус увез...

Глава 6

— От меня не скроешься...

Мелькнула меж стволов белая юбка. Он бросился следом, ломая ветки. Сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Вот она — прижалась спиной к шершавому березовому стволу, расплескались по ветру золотые локоны.

— Теперь не вырвешься...

Сгреб в охапку, едва владея собой, прижал к колотящемуся сердцу.

— Любовь моя... сердце мое... ласточка...

Эльжбета не отстранилась, только притянула Тадеуша к себе, поцеловала в висок, прошептала:

— И ты — мое сердце...

Тадек подхватил княжну на руки. Она засмеялась, запрокинув голову, и волосы хлынули, как солнечный свет, ему на плечи, заструились до самой земли.

— Солнце мое...

Так на руках и нес ее через рощу к пруду. Усадил у воды на траву, прилег рядом, положил голову на белый подол. Элька задумчиво смотрела на воду. В пруду тонули облака, пышные, белые и лохматые, как нестриженные овцы.

Тадеуш зажмурился, стараясь запомнить все это. Эльжбету, запах травы и тины, расплывшиеся в воде облака...

Княжна казалась непривычно молчаливой, даже грустной, а Тадеуша распирало от радости. В конце концов, хоть он и обещал Казимежу до поры до времени не открывать тайны Эльжбете, Тад не удержался, заглянул ей в лицо, поцеловал в напряженные брови и прошептал:

— Все будет хорошо...

Эльжбета невесело улыбнулась, но Тадеуш гладил ее лицо, покуда складки не разгладились, не смягчились линии.

— Я вчера говорил с твоим отцом, — прошептал он, касаясь губами ее уха. — Он дал мне слово, что, едва мне исполнится восемнадцать, он отдаст мне твою руку. Он согласен, Элька! Какой-то месяц, и все исполнится... Завтра я еду домой, к бабушке. Обговорю с ним все. А там — вернусь.

Заметив, что светлые брови княжны снова нахмурились, Тад заговорил быстрее, с жаром:

— Ты не думай, Элька. Все как нужно будет. Сваты. Подарки. Отец все сделает. И муж из меня будет хороший, потому что мне, кроме тебя, никто не нужен...

Эльжбета не ответила, только кивнула. Вынула из-за рукава шелковый белый платок, вложила в руку — на память.

И Тад прижал маленькую белую руку с платочком к своему сердцу.

— Что ты, солнышко мое, ласточка? Не навек прощаемся.

Эльжбета склонилась к его плечу, провела рукой по щеке, заглянула в глаза, серьезно, строго... Видно, собиралась что-то сказать, но в этот момент на лесной тропинке показалась вдалеке запыхавшаяся от бега нянька.

— Эленька, красавица, душенька, — бормотала она, припадая от усталости на левую ногу и держась за сердце. — Уж вас матушка искала. А вы, мой государь, — строго обратилась она к Тадеушу, — шли бы лесом да девушку не смущали.

Эльжбета вскочила на ноги, отряхивая с подола травинки. Тад улыбнулся старушке няньке, подмигнул, не в силах сдержать вскипавшего в сердце счастья. Долго думал князь Казимеж, давно знал, все тянул. А тут в один день переменялся, сыном назвал, обещал Эльжбетину руку, как выйдет Тадеушу возраст. Знать, понял, что лучше его, Тадека, не сыскать Эльке мужа. А что молва брешет, то пустое. Что босяки о княжеском знают? Пусть говорят, что вздумается, а ему сам Казимеж Бяломястовский слово дал!

— Всего месяц, Эля. Жди сватов! — крикнул Тадеуш вслед княжне. Она обернулась и одними губами прошептала...

Глава 7

— Мое сердце...

Неслышно, одним дыханием, так и не выговорив вслух. Видно Судьбой так предрешено: идти с опаской, говорить вполголоса, жить с оглядкой на людей.

Вот он, Иларий, говорил всегда в голос, по стати, по взору сразу видно, что никогда не приходилось ему пригибаться к земле, спасаясь от брошенного камня. Еще бы, манус истиннорожденный, не мертвяцкая проклятая порода.

А теперь лежит красавец Иларий, не в силах защитить себя от обидчиков. Достанется Черному князю.

Агнешка закусила губу, пытаясь сдержать едва не сорвавшийся взглас.

— Ну, что, убедилась, что не он это? — буркнул стоявший в дверях парень. — Иди теперь, пока господин Юрек не вернулся.

— Бедный, — запричитала Агнешка. Она вырвала руку из пальцев охранника и подбежала к Иларию. Склянка с настоем уже была в рукаве. Лишь одно мгновение, чтобы бутылочка выпала из рукава в ладонь, выскочила из горлышка восковая пробка. Агнешке нужна была лишь еще одна секунда — влить хоть несколько капель в рот Иларию, чтобы облегчить боль и продлить спасительный сон.

— Э, девка, а ну пошла вон, — свирепым шепотом проговорил охранник, сделав шаг к Агнешке. — Никакого не брата ты ищешь. И тебе этот потаскун голову заморочил. А ну пошла, пошла. Не хватало еще...

Он не договорил. За дверью послышались голоса. Перепуганный парень больно ухватил Агнешку за руку, втолкнул в одну из боковых дверей и, рыкнув: «Сиди тихо», захлопнул дверь.

Агнешка и не пыталась сопротивляться. Она оглядела комнату, подождала, пока стихнет шум в той, где лежал Иларий. Торопливо влила лекарство в рот беспмятному, но повязки осмотреть не успела. Снова хлопала дверь, раздались голоса.

Агнешка одним прыжком скрылась в комнате, куда затолкал ее второпях охранник. Осмотрела другую дверь, ведущую в глубь дома. Конечно, она была заперта. Здесь, в этом доме, куда никто не приходил по доброй воле, все двери были опутаны ловкими магическими скрепами, несложными, по силам палочнику. Видимо, надеясь на эти колдовские

замочки, здешние охранники не слишком заботились о том, чтобы следить за обычными замками. Мертвяк может сломать любую задвижку, но с колдовством не справится никогда. Агнешке хватило пары мгновений, чтобы воспользоваться своим даром. Она накрыла ладонью магический замок на двери, и тот тотчас истаял, стек тонкой струйкой, но не в руку лесной лекарки, а вниз по ее рукаву на пол и, просочившись сквозь доски, ушел в землю.

Агнешка скользнула к двери в надежде успеть выскочить на улицу прежде, чем ее хватится оплошавший охранник. Хотя и отдала ему Агнешка все, что у нее было, до последнего гроша, чтобы «добрый господин» позволил ей посмотреть среди невольных постояльцев дома ее непутевого пропавшего братца, а все-таки невелика была плата за гнев начальника-палочника. Много про него Агнешка наслушалась, пока бродила вокруг дома, думая, как попасть внутрь.

Видно, суров был этот господин Юрек, потому что боялись его все едва ли не как самого Черного Влада. Кому служил он, Агнешка так и не дозналась. Стоило завести разговор, как тотчас смолкали все, отводили глаза. Словно боялись накликать беду.

Агнешка сунулась было в дверь, но тотчас спряталась за угол, едва не налетев на чью-то широкую спину.

— Имеешь ли права за него говорить и отпечаток ставить? — спросил кто-то, невидимый из Агнешкиного угла. — А то так мне каждый встречный-поперечный убогого приведет, а потом семья явится. А деньги немалые князь за таких дает.

Кто-то завозился, захрипел, тихо забормотал сердито. Потом что-то стукнуло, словно ударили палкой в пол или набожный крестьянин слишком усердно приложился лбом в земном поклоне.

— То дед мой, — прогудел широкоплечий посетитель. — Вот и грамоты все при нас. Прошлой весной ума лишился. А когда оставался в себе — манус был знатный. Милошу-старшему служил по молодости, мать говорила. Пока служил, на бабке женился. И сюда, в Бялое, перебрался.

— Это как ты при таком деде в мертвяки вышел? — зло поинтересовался другой голос. — Не водишь ли ты нас за нос? Уж больно дед твой запаршивел за полгода-то...

— Бабка мертвячка, но красавица была, говорят, — отозвался парень, — вот и не устоял дед. Потом хотел ее со двора согнать, когда все от него отвернулись, но она уж понесла. Жалко стало. А бабка не забыла. Как дед с ума спятил, все припомнила. Она меня к вам отправила, деда продавать.

— Не продавать. В Бялом истиннорожденных не продают, не закрайцы мы все-таки. Деда твоего в услужение Владислав Радомирович Чернский нанимает, на полный герб, на щедрое жалованье. А не желаешь, так забирай своего полоумного деда и проваливай. Бабка его послала. По своей воле б не пошел? — насмешливо спросил покупатель. — Деньги-то ведь хорошие.

Звякнули монеты. Видимо, продавец подбросил деньги на ладони.

— Забирай деда, — буркнул парень, — пусть служит... князю Владиславу Радомировичу. Хоть бабка браниться перестанет.

Снова завозилось что-то на полу, забормотало.

Охранник, тот, что оплошал, позволив Агнешке войти, протащил мимо нее упирающегося потрепанного старика. Она вжалась в стену, надеясь, что ее не заметят. Парень заметил, глянул зло, мол, не высовывайся, и поволок свою жертву дальше по коридору. Новый слуга Чернского князя упирался и бормотал что-то, то и дело складывая и переплетая пальцы с несвойственной его возрасту ловкостью. Видимо, в прежние времена старик и правда был хорошим манусом. Но слетавшие с его пальцев белые искры поглощали уродливые стальные наручи. Внук-продавец торопливо пошагал прочь, словно боясь, как бы не отняли так легко доставшееся золото и не вернули постылого и полоумного деда.

А покупатель, вершивший сделки именем Чернского Влада, широкоплечий палочник с бяломястовскими лисами на плечах, широким хозяйским шагом прошел туда, где лежал Иларий.

— Что, лежишь, манус, лежишь как мешок с соломой? — проговорил он, поднял брезгливо, двумя пальцами правую руку мага и с силой бросил на скамью. Беспмятный застонал. — Этой рукой ты колдовал? Этой рукой обнимал мою жену?!

Мучитель размахнулся и ударил посохом раненого, потом другой, третий. Медленно зароились змейки силы, пытаясь сохранить жизнь своему хозяину. Веки Илария дрогнули, и Агнешка порадовалась тому, что успела дать манусу свой отвар. Сколько бы ни работал мучитель своей палкой, а пробиться сквозь плотный полог колдовского сна не сумеет. Лекарка Агнешка знает свое дело, жаль только, что крестоцвет пришлось брать лишь чуть подвяленный, сухой был бы в самой силе.

Палочник еще раз или два опустил свой посох, надеясь выбить из раненого хоть один стон страдания, но лекарство Агнешки уже укрыло Илария глубоким спасительным сном.

— Ничего, паскуда, — прошипел он. — Сколько можешь, прячься за своим беспмятством. От меня спрячешься, а вот от Чернского Влада —

едва ли. И там уж тебе, потаскуну, будет не до чужих жен.

Юрек с досадой ударил посохом в пол, так что сила бросилась в наверхие, расцвела большим белым цветком перепутанных магических нитей, и вышел, скинув часть колдовского заряда на замок. Агнешка невольно потерла руку — на такой замок ладонь положить она бы не отважилась. Сила палочника была невелика, но хранила такой отпечаток его неистовой ярости, что эта злоба опалила бы ладонь не хуже раскаленного угля.

Ничем не могла лекарка помочь сейчас синеглазому манусу.

Глава 8

Девушка прижала ладонь к губам и разрыдалась так жалобно, что у любого, кто мог услышать ее, перехватило бы горло.

— Не надо, дочка, Эленька, не рви душу. — Женщину, что утешала несчастную, Агнешка не разглядела. Луна, щедро лившая белесый свет на изящную фигурку плачущей девушки, ощупала лучами крыльцо. Но, натолкнувшись на плотную завесу тьмы, тонкий белый луч рассыпался серебристыми каплями на камни отмости. Оттуда, из темноты, испугавшей хрупкий лунный луч, и утешал горько плачущую красавицу нежный, тихий, но властный голос матери.

— Чем плакать — взяла б да убежала со своим Тадусем. А от отца прикрою, пока хватит да догонит, вы уж обвенчаны будете...

— Нельзя мне, мама, — едва выдохнула Элька и снова залилась слезами. От рыданий глаза и нос у нее покраснели и опухли, и она уже не казалась Агнешке красавицей. Из темноты невидимая рука протянула белый платок. Зареванная тотчас уткнулась в него лицом, вытерла слезы.

— Никак нельзя, — продолжала она. — Кабы только моя жизнь решалась, убежала б. На край света за ним пешком пошла. Не поглядела бы, что второй сын, не наследник. Хоть в рубище, хоть босая...

Уж в это Агнешка никак бы не поверила, глядя на холеные ручки страдальцы, на парчовые туфельки и белые, как лилейные лепестки, ножки. Лекарка усмехнулась и вовсе разочаровалась в богатой дурочке. У нее и платье стащить не грех, коли для благого дела...

Агнешка двинулась за кустами шиповника в ту сторону, где виднелось в темноте открытое окно.

— Ты же знаешь, маменька, — между тем продолжала Эльжбета, то и дело прикладывая платок к припухшим от слез глазам, — что на братца надежды никакой. С тех пор как беда приключилась, он сам не свой. Все потерял. Не то что с посохом, с камнем не совладает. Кольцо носит, а сам не сильнее деревенского колдуна. Ведь стань он князем, что с нами будет? Тому же Зютеку в руки достанемся. Или Милошу... Выйду за Черного князя, нам всем защита будет. А рожу наследника, так он две земли объединит, ведь высший маг — не деревенский колдун и не захудалый палочник. Тут уж никто не посмеет сунуться...

— Да куда уж, — сердито отозвался из темноты голос.

— Вот и отец говорит... — продолжила было Элька, но осеклась,

оглянулась через плечо на мать. — Говорит, сама радужная топь его земли обходит...

— И я б обошла, — донеслось из темноты. — Но с тобой не расстанусь. Пусть мою кровь пьет, душегубец, а тебя ему не дам. Как решила — так и делай. Не плачь. Черный князь немолод, глядишь, не заживется... А твой Тадек, коли любит так, как ты рассказываешь, пару лет подождет, не иссохнет.

Эльжбета вздрогнула, сжала в руках платочек, но матери перечить не стала. Только встала и принялась ходить у крыльца, теребя в пальцах мятый кусок шелка.

— Боюсь я, мама, — прошептала она.

Агнешка не стала слушать этих сетований, кошкой вскочила на подоконник, вспрыгнула в темноту комнаты. Еще днем она заметила в углу сундук для белья и теперь, обогнув по памяти стол, откинула крышку и наугад вытащила из ларя что-то тяжелое, рытого бархата. Отбросила в сторону. Потянула тонкое, погладила пальцами дорогое шитье — узнают шитье. И это отбросила. Наконец, найдя то, что нужно, свернула, зажала под мышкой, встала босыми ногами на подоконник.

Голоса приблизились, остановились рядом, за углом.

Сбивчивый, плаксивый и властный, тихий.

Перепуганная Агнешка прыгнула на траву, да так неловко, что звякнули спрятанные в юбке глиняные бутылочки. Побежала, уже не скрываясь, слыша за спиной сдавленный писк Эльжбеты, брань и угрозы, но оборачиваться не стала. Понеслась с утроенной силой, прижимая к груди добычу.

— Черного князя, говоришь, невеста, — прошептала она, задыхаясь на бегу.

Глава 9

— Она не должна была уйти! — властный голос эхом прокатился по темным комнатам. — Мы же даже не уверены, что она знает, а главное, на что способна...

Слуги спали или благоразумно делали вид, что спали, потому как встретить запыленных и усталых ночных гостей вышел лишь их господин. Несмотря на поздний час, Черный князь еще не ложился — ждал вестей. Говорили они, не таясь. Еще за полдень не перевалило, когда Казимеж Бяломястовский со своими слугами отбыл в Бялое, заверив будущего «зятка», что охотничий дом в полном его распоряжении. Дела-то княжеские не ждут.

Верно поступил Казимеж. Нельзя государство надолго без пригляда оставить. И Владислав не оставил бы Черны. Вот и приходилось с женитьбой этой проклятущей да из-за ведьмы, всем радугам ее в пасть, метаться ему из конца в конец. Да уж недолго осталось. Коли Элька согласна — в седмицу все сладится. Будет у Черны молодая княгиня. Пока, видно, придется остаться в Бялом. Хотя что за даль высшему магу три дня пути. Можно бы и долететь, да только мужичье здешнее к чему пугать — им еще его, Влада, князем потом называть. Петелька крепкая у него есть на старого Гжеся, которого он до времени вместо себя в Черне оставил. И отсюда через мысли его в любой миг посмотреть можно, что в Чернской земле делается. А вот с ведьмой, видно, придется еще намаяться.

— Деревенская девчонка обвела вокруг пальца людей, которых я почитаю своими руками и глазами? Провела тебя, Игор?! — Владислав не повысил голоса. — Хотя ты знаешь, как она нужна нам...

Единственная свеча в руке князя давала мало света, и тот, кого звали Игором, был неразличим в темноте. В ответ на укоризненные речи хозяина он лишь шумно вздохнул, признавая свою вину, да опустил капюшон плаща на широкие плечи.

Невысокий, толстый его товарищ пустился было полушепотом в путаные объяснения, но князь прервал его взмахом руки:

— Довольно, Коньо.

Хозяин быстро, не оборачиваясь, пошел в свои покои. За ним семенил, отдуваясь, Конрад. Толстяк то и дело натыкался на углы, сундуки, скамьи, ойкая и вполголоса поминая радугу и всех ее нежитей. Следом большой черной птицей бесшумно следовал невидимый в темноте Игор.

Не поскупившись, Казимеж выделил гостям лучшие покои. Слабый свет единственной свечи выхватывал из темноты роспись на стенах: тонконогих породистых скакунов с выгнутыми, как бровь красавицы, шеями, поднявших посохи да книги охотников и гордость Казимежа — своры широколобых гончих.

Черный Влад усмехнулся, бросив быстрый взгляд на одну из стен, где молодой красавец князь, в те поры, видно, еще не женатый на ведьме Агате, скакал, не разбирая дороги, преследуя лису. Неизвестный живописец, расстаравшись, изобразил и лихо подкрученный желтый ус, и знакомый, не лисий — человеческий страх в глазах обреченной добычи, и перстень с крупным зеленым камнем, от которого протянулись к рыжей лиске связывающего заклинания.

Жаль, погнавшись за торжественной красотой, остановился художник на полуволосе от правды — запечатлел молодого князя в пылу погони. Нет, не это называл Владислав охотой — то лишь забава, похвальба колдовской силой и удалью.

Саму ж охоту князя исстари доверяли егерям — ускачет княжья свита на красивых лошадках, отстанет дедок-егерь, подойдет к спеленутой магией лисичке и, не глядя в полные страдания глаза, ударит добычу короткой дубинкой по голове, чтоб не портить князю трофейной рыжей шкурки. Забыл живописец старичка с дубинкой. Залюбовался статным молодым князьком.

Красиво было выписано, не за страх — за совесть. А может, и за страх. Уж больно часто видел Владислав этот затравленный взгляд. Глазами загнанной лисицы смотрел на него вчера будущий тестюшка.

— Не твоя охота нынче, старик, моя, — полушепотом произнес князь, поднеся свечу к росписи на стене, — и не помогут побрякушки-камешки. Вспомнишь ты и должок вернешь... Сторицей...

Владислав не договорил, сам себя оборвал на полуслове, словно темная, кипевшая внутри то ли злоба, то ли застарелая обида сдавила грудь, лишая воздуха. Он прошел в полутемные покои, широко распахнув дверь. Сняв с шеи ключ, отпер большой сундук и вынул оттуда тщательно свернутые карты. Расстелил на столе.

— Здесь, здесь и здесь за последние две седмицы. Последнее окно там, в Вечорках, — резко бросил он, гневно ударив ладонью по столу, — и снова ведьма сбежала, оставив нас дураками.

— Как сквозь землю ушла, — виновато пролепетал толстяк Конрад.

— Она слишком умна для простой сельской лекарки, — глухим рокошующим голосом отозвался Игор, предпочитавший оставаться в дверях,

в полутьме. — Она знает свою силу...

— Да только мы толком ее не знаем! — Рассвирепев, Черный князь повысил голос, и в подсвечнике на краю стола разом вспыхнули шесть свечей. — И однажды она откроет радужную топь у нас под самым носом. Ведь ты же не хочешь потерять свою магию, Игор? Превратиться в месиво раздробленных костей?.. Нужно найти девчонку, потому что она — ключ ко всему. Она нужна мне... Очень нужна... Как бы она ни была умна и сильна, найдутся те, кто умнее и сильнее. И ты знаешь, что и самый сильный колдун против сотни хорошо вооруженных наемников — слабее младенца. За то, что мертвяк всадит тебе вилы в бок, отповеди не будет. А теперь представь, как наша девчонка попадет в руки... того же Милоша. Не будет в Черне мага, который не позавидует мертвякам, когда топи начнут лопаться... Поэтому бросайте все, не ешьте, не пейте, не спите — а достаньте мне вечоркинскую девку, пока она большой беды не наделала. А уж я найду, как с ее силой справиться...

Владислав провел широкой ладонью по коротко остриженной голове. Гнев исчез из ледяных глаз, погас, словно костер под резким дыханием метели.

— Все собрали? — спросил он уже спокойнее.

Конрад, не хуже доброго пса чуявший перемену в настроении хозяина, расположился за столом и принялся доставать из своей выдавшей виды сумы склянки, доверху заполненные землей, каменной пылью, речным песком.

— Образца не привезли? — спросил князь, отчего-то глянув не на суетившегося Коньо, а в двери, на Игора.

Толстяк отрицательно покачал головой:

— Схоронили уж... Копать не стали — деревня. Не любят деревенские, когда у матушки-Землицы усопшего отнимают. Да только...

На темном лице Игора появилась нехорошая усмешка, сверкнули ядовитой зеленью большие внимательные глаза.

— Гулял я возле погоста...

Он, по-разбойничьи ухмыляясь, достал откуда-то из складок своего бесформенного плаща склянку, до половины наполненную бурой жижей. Влад довольно улыбнулся, принимая подарок.

Глава 10

Не ждал, право, даже не надеялся на такую удачу. Неужто Судьба вспомнила о нем? Землица-заступница обратила свой лик к нему, а не к кому-то другому. Всю жизнь шел где-то в середине: не пан и не охвосток. Повезло братцу Лешеку родиться вперед, обещана брату во владение Дальняя Гать. А его отправил отец на чужой двор. Повезло Якубу Бяломястовскому родиться наследником Бялого, а его, Тадеуша, при наследнике оставили. А вот как оно обернулось. Якуба радужная топь приломала, а последышу Тадеку, второму сыну, рука Элькина обещана.

Может, увидел в нем князь Казимеж такого же, как он сам. Говорят, и сам бяломястовский господин сперва не был Землицей обласкан. Тоже второй сын, к чужому двору отправленный, в Черну. А только повезло ему, и не раз. Первый, когда вернулся он домой в Бялое за какой-то день или два до кровавого мятежа, когда Влад Чернский силу и жестокость свою показал, всех бояр вырезал, да не мечом или ножом — мыслью одной. А вот братцу его старшему не повезло — сунулся в Черну по глупости да от жадности, оказался на пути кровавого Влада. Так и стал Казимеж бяломястовским князем.

Не желал такой судьбы Тадек брату Лешеку. Не разведи их в стороны, жили бы и по сей день душа в душу. Не надо было Таду Дальнегатчины. Единственное, чего желал он в этой жизни, — бяломястовна Эльжбета.

И не зря просил он Землю, не зря целовал черный земляной алтарь в храме на Солнцеворот. Обещался ему Казимеж отдать Эльжбету, как выйдет восемнадцать. И осталось-то всего ничего.

Так и прыгало сердце в груди, стучала в висках закипающая во всем теле радость.

— Якуб, здравствуй многие годы! — Тадеуш заметил неспешно минующего двор княжича. Тот шел, склонив голову — не понять, замечтавшись или задумавшись.

— И тебе долгих лет, — отозвался Якуб. — Тадек, ты Илария не видел?

Тадеуш покачал головой.

— Верно, у девки какой-нибудь. Будто ты Илария не знаешь, — насмешливо отозвался он, не замечая взволнованного взгляда из-под белого платка.

— Нет, девки девками, а уговор у нас был. Обсудить я с ним хотел

одно дело. И он уж на три четверти часа опаздывает к назначенному сроку. Не бывало раньше такого... — В голосе Якуба сквозила нешуточная тревога. — Не случилось ли чего?

Тадеуш, переполненный своей радостью, никак не мог взять в толк, чего так переполошился Якуб. Иларий — манус сильный и боец лучший. Что с ним приключиться может. Разве что...

— А не у Каськи ли он? — поделился Тадеуш мыслями с княжичем. — Говорят, зачистил Иларий на охотничий двор, тот, что недалеко от Вечорок. Может, Юрке на глаза попался? Только... если Юрек с Иларием один на один сойдутся, исход известен. Навалает манус рогоносцу крепко. Что стоит палочник против мануса, да еще такого, как наш Илажка? Пока Юрек силу раскрутит, пока в посох поведет, Иларий уж ему с руки в глаза три заклятья сбросит.

Якуб кивал, слушая Тада, видно, и сам пытался утешиться такими мыслями.

— Так-то оно так, — проговорил он, — но Юрек — не чета другим обманутым мужьям. Кое-чего ты о нем, Тадек, не знаешь. Юрек отцу для таких дел надобен, о которых сказать нельзя. И злости в нем, как в самом Черном Владе. Потому отец и держит его со товарищи, сколько можно, на охотничьем дворе. Только угораздило Юрека взять в жены не простенькую девчонку, что в рот бы ему смотрела да жила как за каменной стеной. Выбрал Каську. Катаржина за мужней спиной сидеть не станет. Такую красоту в тереме квасить. А Иларий возьми да подбери, что плохо лежало. Юрек жену удержать не может, вот и подбивает мужиков Илария проучить. Поодиночке они ему не противники. Не убили б скопом-то.

— Не посмеют, — отозвался Тадеуш. — У отца твоего на дворе птица без его дозволения не свистнет. А уж Юрка-палочник на цыпочках ходит.

— И то верно, — немного успокоился Якуб, оглядел одежду Тада, бросил взгляд на суму с книгой. — А ты, Тадусь, никак собрался куда?

— Домой, — отозвался Тадеуш, предвкушая, как не расскажет, так намекнет будущему братцу на скорую радость. — Вести добрые отцу повезу. Через месяц, как восемнадцать выйдет, вернусь... Глядишь, и удивлю тебя.

Тадек улыбнулся, но Якуб будто бы не заметил этой многозначительной улыбки. Словно бы отгородился от чужой радости незримой стеной, отвел взгляд. Тадек заговорил было снова, но Якуб встrepенулся, махнул кому-то у ворот и поспешно простился.

— Доброй дороги тебе, Тадусь, — бросил он почти на бегу. — Про Илария узнать посылал. Коли подождешь немного, вернусь и провожу тебя.

— Не надо, — бросил ему вслед Тадеуш, — невелика птица, чтобы провожать, — и добавил про себя: «Пока невелика».

Якубу навстречу выбежала девчонка. Из Элькиных. Зашептала что-то ему на ухо. И Тадек заметил, как побелел и затрясся подбородок княжича. Как прижал Якуб руку к белому платку, закрывая глаза. Девчонка так и осталась стоять перед ним, не зная, что сказать или сделать.

Глава 11

От одного взгляда на нее сердце забилося скоро, тревожно. Засела под ним тупая игла.

Незнакомка шла неторопливо и степенно, будто прогуливаясь, высоко подняв голову в цветном платке, причудливо обернутом вокруг головы. Пара золотистых прядей, отливавших на солнце рыжиной, спускалась по загорелой спине в глубокий вырез платья. Эльжбета видела такую ткань — матушка в прошлом месяце купила отрез у гатчинских купцов. Дорого взяли купчики, да и стоило того, подумалось Эльжбете. Простой крестьянский крой платья в сочетании с драгоценной парчой словно бы прибавлял незнакомке, на первый взгляд почти девочке, роста и стати. В какой-то миг зависть захлестнула Элю, уж слишком гордо да заносчиво держалась незнакомка, княгиней смотрела, павой плыла. А Элька, хоть и княжья дочь, и подбородок держала ниже, и смотрела не так, как надобно.

И, словно прочитав стыдные Эльжбетины мысли, незнакомка перевела на нее внимательный цепкий взгляд и, не меняя неторопливой царственной походки, направилась в сторону княжны.

Эльжбета собралась было окликнуть замешкавшихся служанок, не то разглядывавших ленты на лотке сухой старухи-колдуньи, сулившей недорого приворожить любимого, не то заслушавшихся седобородого словника-ясновидца, заманивавшего публику в свой выцветший шатер. Но незнакомка одним быстрым движением вцепилась в руку княжны и зашептала:

— У вас тяжело на душе, госпожа. Черный человек тому причиной. Доверься словнице Ханне, и не бывать постылому возле тебя. Не бывать свадьбе...

Хоть последние слова и произнесла незнакомка шепотом, и этот тихий вкрадчивый шепот тотчас утонул в бушующем море уличных голосов, но Эльжбета вздрогнула, попыталась высвободить руку. Незнакомка не держала — тотчас выпустила, отвернулась, словно разглядывая что-то на другой стороне улицы, и пошла прочь. Поплыла белой лебедью, и затерялся в толпе цветной платок.

— Беги, Ядзя, догони, — крикнула Элька служанке, — проводи на двор, уприси...

Девка бросилась в толпу, другая подхватила под руку побледневшую госпожу.

Бедная Ядзя метнулась туда-сюда, заглядывая поверх голов. Да разве вымотришь птицу в стае. Ядвига приготовила голову и шею под хозяйские упреки, только вдруг увидела, что вынырнули совсем рядом цветной плат и драгоценный сарафан, мелькнули рыжие прядки.

Ядзя опрометью бросилась вперед и мешком завалилась в ножки к молоденькой царственной незнакомке. С малых лет Ядвига была в услужении на княжеском дворе и знала, как разговаривать с господами.

— Матушка! — возопила она, не щадя горла. — Помилуй...

— Землица помилует — придет час, целиком скроет, — усмехнулась незнакомая барыня.

Распластавшаяся в пыли Ядзя уже приготовилась причитать и упрашивать: уж больно величава была барынька, такой сколько ни поклонись — все не низко. Но с удивлением почувствовала, как кто-то крепко прихватил ее за шиворот и поставил на ноги.

— Видно, госпожа твоя в служанки берет, кто громче воет, — строго бросила незнакомка, отряхнув невидимые пылинки с рукава. — А я люблю, кто ногами прытче шевелит. К госпоже веда и лицо утри...

Барыня подняла было руку, и Ядзя тотчас зажмурилась и заслонила рукавом, ожидая господской плюхи. Но ничего не дождалась. А опустив рукав, замерла в недоумении. Незнакомка изволила смеяться, да так весело, что уголки губ сами поползли в стороны. «Умна, — подумала Ядвига, — такую холопскими поклонами не проведешь». На мгновение ее взгляд встретился с пронзительным жестоким взглядом незнакомки.

Ядзя спохватилась, снова горестно скривила лицо, всхлипнула, утирая рукавом нос и глядя на свои босые, перепачканные пылью ноги.

— Так поведешь ли ты, лентяйка? — грозно проговорила барыня. Только этого сурового оклика Ядзя не испугалась, а улыбалась широко — из скрытой длинным рукавом барской руки выпала ей под ноги монетка.

— Поведу, матушка, поведу, красавица, — затараторила Ядзя, радуясь, что все обернулось к счастью и прибыли. Не важно, насколько умна и опасна показалась незнакомка. Повезет, так уйдет скоро со двора, и дурного не выйдет. — Госпожа уж верно заждались. Уприси, говорит, Ядзюня, барыню-красавицу на двор прийти, в ноженьки кланяться...

Незнакомка, посмеиваясь, покачала цветастым платком:

— Лучше б ты, Ядзюня, и дальше выла, а то уж больно скор у тебя язык, а Землица-матушка все больше молчаливых жалует...

Эльжбета ждала у черного крыльца. Отчего-то она уверилась, что,

расскажи о незнакомой словнице матушке, Агата выберит ее, а гостью со двора сгонит. Вот и решилась Элька встретить Ханну у задней двери и сразу укрыть у себя — девки хоть и болтливы, но лишнего не скажут, потому как веры им у матушки да батюшки нет никакой. Что и сболтнут — худа не будет.

Сама себе удивляясь, Эльжбета прошлась по двору, присела на скамейку, задумалась. Кажется, еще с полчасца назад готова она была стать Черной княгиней — для батюшки, послушавшись разумных его речей. И матушка не отговорила. А тут — шепнула словцо словница Ханна, и тотчас показалось Эле, что мало ей воздуха. Грудь теснило от ощущения неминуемой беды. И смерть показалась краше свадьбы с Владиславом Радомировичем, Чернским князем.

Видно, не зря ела свой хлеб словница Ханна, как книгу прочла всю душу княжны. И не посмотришь, что магичка на взгляд — Эльжбетина ровесница. Видно, и силой колдовской, и мудростью Землица не обидела.

— Да как же это? — изумилась Элька, едва Ханна, блестя серыми глазами, поведала, о какой помощи идет речь. — Да разве ж такое можно... Зельем наговорным его поить. Ведь отповедью сердце остановит...

Княжна прижала руку к побледневшим губам, но Ханна, видя, что уж рыбка захватила наживку, ловко подсекла добычу, ласково взяла княжну за другую, повисшую плетью руку, вложила в ладонь залепленный воском глиняный кувшинчик.

— Так то не яд, дражайшая княжна, — проворковала она, — отсрочка. Беды от нее не выйдет. Да и отповеди не страшись: нет здесь ни капли магии, одни травки и корешки. Влей пару капель жениху в вино, как придет он к тебе в день перед свадьбой увидеться — и спать ложись. На два-три денечка свадьба отложится... А тут уж и магии черед... Отвернется от тебя Черный князь, батюшке-Казимежу подарки да подношения понесет, лишь бы свадьбе не бывать. Колдовать сама буду. Дело верное. Чай, словница, не убогая палочница-ворожея. Им сутки плясать и искры сыпать, а мне слово вымолвить...

Ханна улыбнулась, прищурившись. Зубки у словницы были ровные, острые. Лисьи зубки. «Такими зубками горло вырвет», — отчего-то подумалось Эльжете, и она, перепугавшись, отогнала нечаянную мысль. Снова принялась расспрашивать — не будет ли от магии отповеди, не настигнет ли струсившую невесту ответ матушки-Землицы на злодеяние.

— Если у Землицы силу брать, так настигнет, — шаловливо склонив голову набок, проговорила Ханна. — А если из другого колодца водички черпнуть...

Слышала Элька в детстве страшные сказки, что, дескать, есть такие маги-отступники, что радуги да ветра не боятся. Радужных нежитей в услужение берут да из небесной ткани силу черпают. Но не верила. Слыханное ли дело: ветру душу свою уступить, чтоб ее до скончания времен над облаками носило, без покоя, без утешения.

С ужасом посмотрела княжна на маленькую словницу. Уж и не девочкой она показалась — столетней ведьмой, радужной силой в девочку обратившейся.

— Не бойся, княжна, — шепнула Ханна, по-прежнему улыбаясь. — Твоей бессмертной души мне не надо. Отдашь ее Земле, когда время выйдет. Но для того колдовства, что мы затеяли, одного слова мало. Первое тебе, княжьей дочери, обременительно не будет... Коня мне нужно, да только чтоб конь был чернее ночи. Есть, верно, в батюшкиных конюшнях...

Эльжбета коротко кивнула, ожидая, чего еще попросит страшная гостья. Уж о том, чтобы согнать Ханну со двора долой, не могла Элька и помыслить — сама в дом нечисть пригласила, так уж не гневи, делай, что сказано. А то налетят радужные демоны, откроет око топь — да примется ломать кости, пить колдовскую силу... Братцу, почитай, повезло: не убила, изуродовала да силу забрала. А ей так-то повезет ли?..

— Что ж еще? — заметив, что гостья молчит, словно прислушивается, наконец нетерпеливо спросила Эля.

— Странное ветер говорит. — Ханна огляделась, понизила голос. — Дай, говорит, черного мага, который колдовать не может. Чтоб в глазах у него небо, а в руках — кровь да огонь...

Ханна недоуменно пожала плечами, глядя не на перепуганную Эльжбету, а в сторону, где под стеной дома крутил песчаные воронки залетный ветерок. Видно, ветер ничего не ответил, потому как брови словницы грозно сошлись, а улыбка совсем исчезла из серых глаз.

— Коли знаешь такого мага — твое счастье, княжна. А без него и затевать нечего — не даст ветер силы, чтоб Черного князя от тебя отворотить.

— Знаю, — тихо прошептала Элька. — Только обещай мне, что с ним худого ничего не сделаешь.

— Ни душе, ни телу, — повеселев, ответила словница, — и не вспомнит твой маг, для чего дом родной покидал. Уж мое слово верное...

— И так не вспомнит, — подумала Эля, — беспамятный лежит. Выживет ли...

Эльжбета уж приготовила для гостьи пару монет, да только Ханна торопливо махнула руками, отказываясь. Оскорбилась, глянула надменно,

так что Элька отступила, опустила виновато взгляд. Есть силы, при которых и княжьей дочери не зазорно глазки долу держать.

А словница тем временем повернулась и пошла прочь. Только, не пройдя пары шагов, бросила через плечо:

— Вышли людей с конем и магом к северным воротам. Коли все верно исполнишь — пришлю тебе платок с моей головы. Платок сожги, а кувшинчик спрячь, девки у тебя резвы не в меру.

Эльжбета спрятала кувшинчик в рукав и торопливо пошла в дом. Сама беду накликала — сама и отведи. А до вечера день недолог. Коня из стойла свести полдела, а вот выкрасть из-под Юрекова носа мануса Илария — уж не молоденькой княжне с зеленым перстеньком. Тут подмога нужна.

Глава 12

— Матушка-барыня, — прошептал тонкий испуганный голос. — Это я, Ядзя. Тьфу ты, ветров сын...

Вражко, не желая повиноваться дворовой девке, фыркнул и нервно переступал ногами.

— Помолчи, Ядзенка, — шикнул на служанку другой голос, хриплый, старческий. — Язык как помело, да толку мало. Коника держи, а то беду накличешь...

Эко воинство у княжны. Смех, да и только. Болтушка-Ядзя едва сдерживала танцевавшего на месте красавца Вражко. Немного позади, поближе к дремлющим у ворот стражникам, сидела на возу с сеном приземистая бабка в нарядном платке, видно, княженкина нянька. Через плечо ее была переброшена расшитая шелком торба, из которой на ладонь выглядывала старинная, обернутая бархатом книга. Видно, берегла Эльжбетина наставница свою книжицу — старой выучки ведьма, всю жизнь, наверное, этой книжкой и управлялась. Нянька покраснелась в подбитой мехом душегрейке, всерьез собралась старуха коротать летнюю ночь в лесу. Не страшилась, видно, ни лихих людей, ни диких зверей, ни радужной топи. Небось всего навидалась книжница на своем веку.

Строго смотрела на Ядвигу, от холода и страха выбивавшую дробь зубами так, что, казалось, сыплот на доску сухой горох. Лицо старухи показалось Агнешке смутно знакомым, но память подвела, не пожелала подсказать, где встречались старая нянька княжны и укрытая темным мужским плащом «матушка-барыня».

Пожалев продрогшую служанку, Агнешка откинула капюшон, вышла из тени в лунный свет. Ядзя шарахнулась в сторону, заржал Вражко, старуха охнула, ухватила за книгу.

— Что, девка, не признала матушку-барыню? — усмехнулась Агнешка, приближаясь. — И тебе почтение мое, нянюшка.

Старуха только фыркнула, пристально глянула в лицо девушке, словно тоже силилась припомнить, не виделись ли когда, но, не удостоив ответом, принялась шумно слезать с воза.

— Все ли тут? — переспросила Агнешка, косясь на стражников. Один уже завозился во сне — видно, отпускало сонное зелье. Немного подмешала Агнешка в воду: усыпить на час-полтора, чтоб разговору не мешали.

Нянька угрюмо разворошила сено на возу, откинула мешковину...

Агнешка едва не вскрикнула — сама не разобрала, от радости или от жалости. Он это был, княжий манус Иларий. Бледный. В перепачканной одежде. Ввалились щеки, залегли глубокие складки по углам рта. Боль и голод обвели серым глазницы. От тряпок, которыми были замотаны ладони мануса, шел тошнотворный кислый запах. Первым порывом Агнешки было размотать гадкие тряпки. Она уж схватилась было за юбку, нащупывая мази да мешочки с травами, но осеклась, заметив пристальный, недоверчивый взгляд старой книжницы, заставила себя опустить руки и отойти от повозки.

— Подойдет, — холодно ответила она на грозный взор няньки. — Вот. Передай госпоже, что Ханна все сделает.

Мнимая словница Ханна вытащила из рукава цветной платок, протянула старухе, но та не шевельнула рукой, отвернулась и пошла прочь, припадая на левую ногу. Мгновение недоуменно хлопавшая глазами Ядзя выхватила платок и, поклонившись едва не до земли, понеслась следом.

Агнешка привязала Вражко к подводе, взобралась на сено и тронула лошадку шагом, а потом и мелкой рысью, слушая, как позади вредная нянька распекает сонных стражей.

— Вот уж не думала, что придется к тебе, матушка, воротиться... Да только куда его теперь, полуживого, повезу. С раненым на новом месте не устроишься. А дома — и место глухое, лесное, и какая-никакая изба цела. Авось спасенной жизнью моя вина перед тобой, матушка, отмолится...

А дорога расстилалась перед ней широкой лентой, серебряной в свете луны, и вела, вела...

Глава 13

Сплошь выстеленное жемчужными облаками небо, до того висевшее на остриях елей, неожиданно сразу за поворотом ухнуло в реку. Растворилось синее в синем. Чайки, осколками облаков рассыпавшиеся по мелководью, всполошились, понеслись не то по воде, не то по небу, запричитали. Отозвались птицы в лесу — кто во что горазд: засвистели, зачирикали.

Усталые лошади бежали медленно, то и дело переходя на шаг. Откуда им было знать, что здесь, за поворотом дороги, где небо сливается с рекой, начинается другая земля — своя, родная, с детства проросшая в душу кривыми сосновыми корнями. Откуда им было знать: тот же светло-желтый песок, выгоревшие до топленого молока стебли травы да запыленные корзинки пижмы. Лошади рысили, понунив головы, даже не скосив черных глаз на пару выбеленных столбов по краям дороги. Третьи сутки мелькали по сторонам березняки да осинники, осинники да сосняки, сосняки да дубравы. Небеленые избы крестьян, источенные дождями да исчерченные молитвами жертвенные камни...

Видно, спешное было дело, раз гнало их — лошадей и седоков — почти без отдыха через три княжества. Да непростое дельце: гнало не прямоезжим путем, а окольным. В стороне оставались городки и большие шумные поселки, сельские ярмарки с крикливыми торговками и бьющими по рукам мужичками. Останавливались на ночь не на постоянных дворах, где хозяин — не мертвяк, а дородный, знающий цену себе и своему гостеприимству ведьмак или палочник. — завидев знатного гостя, так и стелется, так и лебезит. И овса в кормушку чужим лошадам сыплет щедро, как сыну щей кладет. Ночевали на деревенских дворах: то ли каша наваристей, то ли девки сговорчивей. А с утра снова в путь.

И казалось лошадам, что пути этому конца не будет. И коли приберет Землица их вместе с непутевым хозяином, то и там, в самой сердцевинке матушки-Земли будет он погонять лошадей, спешить невесть куда сломя голову.

Потому и не торопились лошадки, ступали без спешки, не ведая, что уж вот он, конец пути, за ближней рощицей. Что уж хозяин их почти дома. Мальчик-слуга тоже едва удерживал готовый сорваться с губ радостный крик. Да что там — и хозяин, сам еще мальчик, торопил унылых лошадей.

Почти дома.

И будто не изменилось здесь ничего за четыре года. Подрос на пару локтей веселый красный сосняк — да разве ж по нему, великану, заметишь. Блудный сын подрост не в пример меньше — едва на голову, да только уезжал мальчиком — обратно едет молодцем. Таким, что любой сказке богатырь. И в плечах широк, в кости крепок. Такой дубок не всякомуветру поклонится. А ресницы девичьи. И взгляд из-под этих ресниц не мужской тяжелый, каменный. Светлый взгляд, приветливый, доверчивый. С таким взглядом не в дружину наниматься. По свету идти с полным сердцем да с пустой сумой.

Скарб у молодца и правда был невелик, видно, не в привычке добром обрывать. Так и лошадке веселей, и лихому человеку соблазна меньше. И плащ на нем был простой, дорожный, без гербов — мол, ни ваших, ни наших, а того, у кого кошель толще. Лишь одну ценность путник держал при себе, поближе к правой руке, да подальше от чужих глаз — колдовскую книгу. И книга была не из простых — поправит молодец суму, и блеснет на солнце золотом застежка, сверкнут на ней самоцветы. Дорогая была книга — господская.

И тут уж осторожный да внимательный замечал помимо драгоценной книги, что, хоть и прост у путника плащ, да ткань хороша, с умом выбрана, с толком сшита. Хоть неприметен гнедой конек и седельце на нем неновое, да все: и конь, и седло, и всадник в седле — как из единого бруска искусным резчиком выстрогано. И конек — не простая понурая лошадка. Как девица-невеста, с норовом, с гонором, а на край света за миленьким, не жалея тонких ножек да подковок.

Да какая б за таким не пошла. И высок, и волос русый над бровями в кольца завивается. И весь, хоть и в пыли да в конском поту, а словно светом облитый.

И вокруг будто все к нему тянется, узнает, шепчет приветливо: вот и дома, Тадек, дома. Дома.

И все ему здесь уж родное, знакомое. И Руда в среднем течении широка и прекрасна в летней истоме. Разметалась во сне красавица, и выглянуло из зеленого шелка берегов искристое лазурное тело реки. Обманчиво-теплое на вид, изнеженное, в белых капельках чаек.

Рвануть бы с плеч плащ, бросить на руки мальчишке, скинуть все до исподнего — да прямо с желтого песчаного берега в синюю воду. И тут уж припомнит князьему сыну истинный свой нрав гордая Руда — сдавит в ледяных объятьях, совет руки-ноги тугими струями, спеленает как беспокойного младенца. Еле вырвешься, отплевываясь и стуча зубами, выберешься на неверных ногах на берег. А Руда смеется за спиной, играет

искрами:

— Здравствуй, Тадек. Здравствуй, мой хороший.

— После, Руда, — улыбается молодец, торопит лошадку. — Успеем еще обняться... Сперва батюшка да братец, а уж тебе, ветреной молодой, и обождать не грех.

Улыбается речка, укрывает озорной синий взор вышитым рукавом березняка. Струится под копытами дорога. Дальше, дальше. К дому.

И Тадеуш смотрит вокруг жадным взглядом, узнает, припоминает. И сердце прыгает от радости.

Роща, в которой дядька Анджесть, батюшкин меньшей братец-книжник, учил их с Лешком направлять силу, раскручивать ее в книге, учил плести заклинание — сперва словное, а с обложки только посылать в цель, потом — и поворотом рук и книги. Эту расщепленную надвое сосну сгубил братец, отрабатывая удар от корешка. Тадеку он удавался не в пример лучше, зато Лешек на словах любое заклятье плел в одно мгновение, а хорошее заклятье раскрутить можно и по обложке, и на развороте, кто посильней.

Ругался Анджесть. Требовал от наследника Лешека, чтоб книгой заклинал, без слова.

— А как взбунтуются батюшкины дружиннички, захотят тебя силы лишить, вырежут язык да от престола отрешат, потому как что за князь без магии. Посадят братца Тадеуша на престол. Он вон как «Историей княжества» управляется.

Сам князь для сыновей «Историю» повелел писать. Не хотел, чтоб сыновья на молитвенниках да долговых списках колдовали. Наследнику и книга нужна особая — со смыслом, а силу крутить можно и в разделочной доске.

Вот с «Истории» и ударил Лешек в сосну, надвое развалил. Силища у братца — без малого золотник. Не только на книге, на шкатулке колдует. И книги меняет легко.

Сам Тадеуш книгу подбирал, чтоб к душе лежала. А покуда колдовал на «Истории», как батюшка велел. С ней и поехал в воспитанники к князю Казимежу: боевой магии с княжичем Якубом учиться.

Лешека отец от дома не пустил, держал наследника при себе, на княжение натаскивал. А младшего сына не держал: учись, мол, Тадек, да приглядывайся к чужому дому, как князь Казимеж немалые свои земли держит. К дружине приглядись, к торговле, а пристальней — ко княжне Эльжбете. Даром что десятый год пошел, так не вечно ж ей десять будет. Вот и гляди, хорошая ли жена выйдет из бяломаястовны для Лешека. Сила у

нее материна, перстенечком тебя с твоей книжицей в бараний рог скрутит,
да не в силе дело. Гляди, умна ли, степенна, как княжне подобает...

В десять-то лет...

Не умна была Элька и не степенна...

Глава 14

— Бегают по двору с мальчишками? — грозно наступала Агата на няньку. — А ты куда глядишь? Княжне двенадцатый год, а у нее коленки ссажены...

Нянька засопела, нахмурилась, но не удался гордой толстухе покаянный вид, скорее обиженный.

— Так с братцем, княжичем Якубеком, да с молодым Тадеушем к речке изволили убежать. А господин Якуб повелел мне... на двор пойти. — Нянька замялась, подбирая слова, чем, видно, не утруждал себя Казимежев наследник. — А ежели за ними пойду, так они меня в воду бросят.

— Не утонешь. Как гордыня на дно потянет, так ты за глупость хватайся, — отрезала Агата. — А наследничку я сама язык укорочу.

Надвинула на самые брови платок да накинула простенькую кацавейку, за крестьянку-мертвячиху не примут, да и княгини не распознают. Выбрала у огорода хворостину потолще — не коров гонять, сыночка уму-разуму учить. Осмотрела придирчиво прут, бросила — все ж таки князем Кубусю быть после батюшки, а поротый князь и холопов не щадит.

Уродился Якубек в отца — гонору да задору много, ума Землица-матушка полмеры отсыпала, а осторожности и вовсе не дала. Давеча на охоте лошадь понесла, едва головы не лишился, благо Казимеж вовремя подоспел. Отделался наследник Бялого мяста сломанной рукой. Да и то сломал так худо, что Агата восемнадцать заклинаний наложила, покуда срослось.

Бестолков Кубусь, и Элька не умней — даром что баба, а голова отцова: ветер один. Одна надежда — войцеховский Тадек. Умен мальчишка и осторожен по летам — Якубек его не послушает, а Элька за ним пойдет, в рот парню смотрит. Приглядывать надо, как бы не вышло чего между Элькой и дальнегатчинским мальчишкой — второй сын, да и Войцехов удел поменьше Бялого мяста будет. Книжник опять же — не чета золотнице. Хотя хорош мальчишка, честен в неполных четырнадцать лет как младенец, крепок как падуб, а уж в боевой магии даже со своей книжкой Якубека на полголовы превзойдет. Силы в Кубусе больше, да применить ее толком не умеет, перстень носит как золотник, а колдовства на копейку.

Непростые мысли бродили в Агатиной голове. Оттого и шагала она широко, нестепенно. Едва поспевала за своей госпожой полнотелая нянька.

По счастью, народу на улицах было мало. Дорога, что вела за город, к реке, и вовсе была пуста. Стражи у ворот и виду не подали, что узнали хозяйку — как не удивлялись, когда княжич-наследник, переодетый простым барчуком, спешил к реке, а за ним — спокойный молодой господин Тадек, а следом — простоволосая и едва ли не босая княжна в крестьянском платье. Давно не удивлялись стражи у северных ворот слишком вольным порядкам в хозяйском доме — им ли о князе да княгине судить. Знать, в княжеском доме розга не в чести.

Вот и не глядели стражи на раскрасневшуюся, сердитую хозяйку и едва поспевающую за ней няньку. Смотрели на дорогу, пустынную в этот час.

«Землицын день», — подумалось Агате. Знать, молятся мужички, а может, спят, радуясь праздничному дню. Мало кто сейчас молится. Когда была она девочкой, отец на Землицын день со всей семьей в храм шел. И со слуг требовал. А у Казика порядка нет, одна охота. Ходят нынче в Бялом в храм на праздник Земли одни старики. Остальные сменили кроткую молитву на полную чарку. Вот и нет никого.

Ноги увязали в горячей пыли. Воздух дрожал над пустынной дорогой. Только под раскидистым кленом сидела маленькая странница, девочка, по виду — Элькина одногодка. Запыленная с головы до ног, с тощей котомкой через плечо, в полинялой косынке да широкой знахарской юбке, в подоле которой лежало полдюжины мелких зеленых яблок. Еще одно девчонка целиком засунула в рот, отчего ее и без того не особенно красивое перепачканное пылью личико перекосило на сторону. Из угла рта потекла струйка слюны, которую мертвячка вытерла рукавом, еще больше размазывая грязь по подбородку.

Завидев богатую барыню с зеленым перстнем и служанку-книжницу, девчонка вскочила, так что яблоки покатались на дорогу, и хотела было кинуться наутек, но в последний миг передумала и, словно сама себе удивляясь, бросилась под ноги Агате.

— Барыня-красавица, — затараторила она, поминутно кланяясь и утыкаясь лицом в Агатины башмаки, — возьми на службу. Я хорошо лечу, матушка учила. Травы все знаю, как собирать, как сушить, как отвары, мази готовить. На всякие надобности и недуги... Вспоможение при родах... А коли не нужно, так я...

То ли от намернувшихся на глаза слез, то ли от непрожеванного яблока во рту говорила девчонка — ни слова не разберешь. Только и поняла Агата, что просит нищенка-странница нанять ее в лекарки, а коли лекарь уж есть — хоть в работницы, хоть в прачки. Стирает она тоже хорошо, но в лекарки

было б лучше.

Девчонка все выла, хватая госпожу за ноги, и нянька уж склонилась, ухватила нищенку за шиворот да за рукав — от княгини отогнать. Только словно екнуло сердце у Агаты. Элькина ровесница, и уж в работницы нанимается.

— Семья есть? — спросила Агата грозно, чтоб нянька не заметила, как задела ее за живое маленькая нищенка.

— Одна я, барыня, — полушепотом отозвалась девочка, подняла глаза. — Были мы вдвоем с матушкой. Матушку Землица прибрала...

— А лет тебе сколько?

— Тринадцать будет. — В серых глазах затеплилась надежда, и Агата поняла, что уж дело решено — возьмет она девчонку, хоть знахаркой при княжеском доме, а коли знахарка из нее плоха — так в дворовые. Все ж таки будет сыта да одета. А еще лучше, подумалось вдруг Агате, приставить девчонку к Эльке, служанкой. Чтоб послушала дочка, что горе и нужда с человеком делают, как людей по свету гонят, и поняла, как хорошо за папенькой да маменькой жить, в теплом тереме, в сытости и довольстве.

Глядишь, сдружится Элька с маленькой служанкой, так послетит с няньки спесь. А девчонка, по глазам видно, как собака: погладь да покорми, и за тебя любому горло вырвет...

«Покормлю, — усмехнулась сама себе Агата, — и поглажу. Такая за добро стократно отдаст».

— Вот что, девочка, — строго сказала она нищенке, собственной ручкой поднимая с земли. — Открою тебе тайну, которую не всякая княжна знает. Коли хочешь увидеть, как перед тобою черви егзят, подними голову. Хуже нет — просить да в пыли валяться. Беру тебя на службу, коли тотчас, на этом месте, дашь мне клятву, что больше ни перед кем — будь то хоть барин, хоть князь — червем в пыли извиваться не станешь. Червей я горстью с земли черпаю, а хороший слуга дороже правой руки. Коли клянешься, беру тебя в услужение к моей дочери...

Нянька задохнулась от негодования, но справилась с собой, отвернулась, отступила на шаг от нищенки.

— Клянусь, — торопливо прошептала девочка, глядя на княгиню с радостным обожанием. — Ни перед кем головы не опущу, ежели вы так велите.

И принялась ловить ручку — поцеловать, отблагодарить новую хозяйку.

— Да яблочко впредь в садах не воруй, — со смехом указала Агата на рассыпанный по траве завтрак маленькой странницы. — Не к лицу

княжеской служанке по заборам да по чужим садам лазить.

— Не буду, — счастливо улыбаясь, пролепетала девочка, — за вашу доброту... век... Да разве ж я воровка...

— А разве ж нет? — вклинилась в разговор нянька. Видно, от обиды на хозяйку откуда ни возьмись явились и прыть, и ловкость. Толстуха схватила девочку за руку, дернула ворот рубашки, и Агата заметила на грязной шее золотой медальон. Без камня — видно, нужда камень вынула, — но все-таки слишком ценный для маленькой нищенки.

Ярость застлала глаза Агате. Обмануть хотела, воровка, попрошайка. Видно, уж не первой богатой барыньке она так честно в глаза глядит. Обокрала прежнюю хозяйку, вышли денежки, вот и пошла по миру простофилю искать.

— Откуда? — сдавленным от нахлынувшей злости голосом спросила Агата.

— Матушкин, — пискнула девчонка, вырываясь из цепких пальцев няньки, — золотница матушка была.

— Матушкин, — передразнила девчонку нянька, цепко держа за ворот и подол юбки свою вырывающуюся и захлебывающуюся слезами жертву. — Откуда ж у золотницы дочка-мертвячка. Вот как отрубят тебе руку на площади...

Что было дальше, Агата помнила, словно во сне, и потому едва ли могла сказать, как так сделалось, что, когда она протянула руку, чтобы сорвать медальон с шеи маленькой воровки, девчонка вывернулась и вцепилась тонкими загорелыми пальцами в запястье благодетельницы. И в тот же миг колдовское кольцо обожгло палец. И от него по всему телу пошла гулять лихая вьюга, бросился в голову и руки нестерпимый холод. Сила расходилась так, что помимо воли княгини посыпались с кольца белые искры. Нянька отскочила, выпустив воровку, и девчонка зайцем понеслась в сторону леса, падая и подбирая широкую юбку.

Агата, чувствуя, что не совладать ей с неожиданной бедой, закричала, выдыхая в крике вспыхнувший страх, отшвырнула с дороги опешившую няньку. Подбежала к одинокому дереву, под которым недавно жевала яблоки проклятая нищенка, обхватила руками ствол и что есть силы вытолкнула из самого нутра яростный колдовской смерч. Посыпались дождем листья, дерево вспыхнуло скоро, как пучок соломы. Агата упала навзничь, раскинув руки. А невидимая вьюга, сорвавшаяся с кольца, плясала вокруг нее, тешилась. Выгорел клен, словно и не было, зато на месте рассыпавшихся яблок поднялись, раскустились, переплелись кронами яблони. Отцвели. Набухли словно капли крови в плотном

смешении ветвей яблоки. Одно, тяжелое, переполненное чудесным соком, сорвалось с ветки и упало, раскололось о затаившийся в траве камень. Сок брызнул Агате в висок — и в тот же миг улеглась страшная вьюга. Обессиленная, княгиня поднялась с земли, цепляясь за яблоневые стволы, на неверных ногах побрела к стонущей в пыли няньке.

Несчастливая, едва сдерживая злые слезы, пыталась срастить переломленную голень, но — то ли боль мешала ей сосредоточиться, то ли магии книжницы не хватало, но из вывернутой ноги по-прежнему торчали кости.

Агата хотела помочь, но не смогла поднять рук — кольцо тянуло к земле, ладони, словно налитые чугуном, вовсе не слушались. Нянька, заголосив от боли, еще раз с силой бросила белые искры с корешка книги. Рана поддалась, втянулись под кожу, вставая на место, срослись кости, но нога не выпрямилась.

— Ветрова дочь, радугино порожденье! — Плача, нянька погрозила кулаком лесу, где скрылась, затерялась в зелени сероглазая беда. — Не берет, не срастается. Болит...

Агата ощупала нянькину ногу.

Неправа оказалась нянька: срослась нога хорошо, крепко, все было ровно — будто и не лезли еще мгновение назад из-под кожи белые осколки костей. Но, словно на память о том, что обидела нянька маленькую воровку, не желала нога слушаться хозяйку, подворачивалась, заставляя прихрамывать, припадать на сторону при каждом шаге заставляя гордую нянькину голову склоняться перед болью и судьбой.

Агата, сама обессиленная странной колдовской метелью, мучаясь раскаянием, подала няньке руку. Та поднялась, цепляясь за госпожу, попробовала привстать на ногу — да не тут-то было. Вскрикнула, ухватилась крепче.

— Потерпи, — прошипела княгиня, отцепляя с рукава нянькины пальцы. — Или не видишь, что нездорова я. Не ровен час обе на дорогу завалимся, хороши магички. Как воротимся, отдохну и поправлю тебе ногу...

Нянька приободрилась, попробовала снова наступить и, хоть и вскрикнула, удержалась, сделала шаг, другой.

— Вот и славно, — проговорила Агата.

Вдалеке на петляющей среди гречишного поля дороге показался воз. Пара мужичков, шумно бранясь, сидели на телеге. Третий нахлестывал лошадку. Черноволосый юноша, года на два-три старше Якубека — не мальчик уж, мужчина, — спал, укрывшись плащом с незнакомыми гербами.

Агата хотела уже повернуть назад: мужички могут узнать в прохожей барыне хозяйку Бялого, колдовать сейчас ей было не под силу, и на охромевшую няньку надежды никакой. Вот и решила — пусть нарежутся дети, дома и потолкуем о княжьем достоинстве, о том, как отца да мать следует почитать.

Она уж повернулась, бросила взгляд на городские ворота. Потом снова на тропку, теряющуюся в зелени леса. И замерла. Сердце ухнуло вниз, в самую серединку. По тропинке, растрепанная, босая, бежала Элька. Дышала тяжело, прерывисто, глаза покрасневшие, припухшие — безумные глаза.

Эльжбета замахала руками, попыталась крикнуть, да, видно, горло перехватило от бега.

«К счастью, — в первый миг подумалось Агате, — не хватало еще, чтоб мужички заметили: за полоумную примут, сраму не оберешься».

Элька упала, споткнувшись, но тотчас поднялась, снова рванулась к матери, даже не отряхнув сарафана. Агата пошла ей навстречу, сперва чинно, степенно, а потом, от страха растеряв походку, все быстрее. А там и побежала.

— Что? — вскрикнула она, глядя в бессмысленные от горя и бега глаза Эльки. — Что?..

Княженка шевелила губами, силилась сказать, но не могла — завалилась на обочину дороги, хрипя сухим от пыли горлом. Только махнула рукой в сторону реки, заплакала.

Не помнила Агата, как добежала до реки, как пробиравась к берегу, разгребала локтями камыш. Не чувствовала изрезанных рук, полных колкого песка сапожек. Черной рукавицей сжимала грудь тревога, сердце грохотало в висках — чуяло беду.

Наконец заметила на берегу Тадека. Мальчик, мокрый до нитки, выпачканный глиной и илом, ползал на коленях у самой кромки травы, то припадая к земле, то распрямляясь, заноса над собой книгу. Руки гореволшебника тряслись, и книга не поддавалась, пробежавшие по обложке искры роились, переплетались тонкими белыми ленточками, но не желали складываться в заклинание. Другой маг, повзрослей, покрепче, заставил бы повиноваться вздорную книжицу, сложил бы заклинание на словах, крутанул по корешку да сбросил. Но губы и подбородок юного книжника плясали под дробный отстук зубов — и о словесном заклятии можно было забыть. Вот и бился Тадек с непокорной книгой, стараясь стряхнуть с нее прыткие бледные искорки.

Юноша не заметил княгини — вновь и вновь заносил книгу над

головой. По мокрым, сиреневым от холода щекам бежали слезы. Агата оглянулась, отыскивая взглядом Кубуса, но княжича нигде не было, только борющийся с книгой Тадеуш, а перед ним в траве что-то белое, неподвижное как камень или гряда тряпья.

Холод рванул по спине и плечам стальными когтями.

Агата подбежала, оттолкнула Тадека, бросилась на колени перед сыном, наклонилась к самому лицу.

Дышит?

Нет.

Агата рванула с плеч кацавейку — колдовать неспоро. Прикрыла глаза и тотчас почуяла в груди медленно шевелящийся клубок ледяных нитей магии. Вдохнула глубоко — закрутила, бросила в голову. Нити собрались в змейки-молнии, закопошились во лбу над бровями, ожидая хозяйского приказа.

— Вернуть, оживить! — грохотало в висках материнское сердце.

Змейки в нерешительности свивались в клубки.

— Немедля! — подхлестнула господская воля.

Молнии и искры рванулись в правую руку, в зеленый перстень. А с перстня — вниз, на примятую траву, на холодную неживую плоть.

Тело Якуба выгнулось, из полуоткрытого рта потекла струйка бурой речной воды.

— Еще! — вскрикнуло сердце, подгоняя обессиленные, поблекшие огоньки.

Зеленый перстень вновь подсветился изумрудным сиянием, пара искорок пробежала по камню, лизнули белые язычки золотую оправу — и сгинули:

«Не можем, хозяйка, сила у тебя не та, чтоб мертвого воротить, душу у матушки-Землицы обратно в мир людской выпросить...»

— Есть, есть сила! — прошептала Агата, умоляя, мучительно выискивая в себе хоть остаточек, хоть малую толику неистраченной магии. — Чувствую, есть что-то...

Бедовая нищенка оставила — отголосок белой вьюги, затаившуюся где-то глубоко поземку чужой странной магии. Странной и страшной, неведомой. Будь другой случай — из опаски, из осторожности позволила б метели стихнуть, поземке — отшептать, чужой силе — истаять, раствориться без следа. Упаси Земля, отведи семицветный грех.

Да только не до опаски, не до раздумья было княгине — вот он, Кубусь, лежит холодный как лед. Неживой лежит.

И самое себя заложила бы, только б вернуть. А нет своей силы — так

взаймы попросим...

— Землица-матушка, женская заступница, помоги, — пробормотала Агата, уперлась правой рукой, колдовским кольцом в земную пышную плоть, золотой песок, спутанную гриву травы. А левую, бледную, дрожащую, положила на лоб сыну.

Отозвалась мать-Земля, задышала под рукой, запела, загудела, как большой колокол в праздничный день. И из самой глубины, из щедрого живого чрева вытолкнула, вложила в ладонь пучок белого света.

Агата, обрадованная, что не обманула заступница, ухватила широкий луч, потянула через все тело, раскручивая, — в тело сына. И вдруг, нежданно-негаданно, неведомо как, белый поток — царский подарок матушки-заступницы — взвихрился, плеснул. Тело отозвалось болью, вспыхнул, занялся пламенем страх.

Луч стал шире, разлился светлой рекой — едва вмещается в груди. Плещется, ходит волнами в скрученном болью нутре. Земля зашлась под ладонью мелкой дрожью. Так лошадка дергает блестящей шеей, стараясь согнать овода. Луч — уже не подарок, насильно взятое, без согласия — ударил в тело Якубека, подбросил над землей, выплеснул из груди речную воду. Вскрикнул за спиной Тадек. Не белые искры — радужный сноп огней осыпал и мать, и сына, и его товарища. В одно мгновение пожухла кругом трава, налились сиянием камни...

И стихло.

Агата, перепуганная, измученная, упала Якубу на грудь.

Дышит?

Дышит.

Захрипел, кашляя. Заморгал мутными глазами, где еще плясал, корчился страх.

Жив. Нехотя отпускала тревога, разжимала когти. Да что-то саднило, кровоточило, не позволяло выскочить из сердца штопальной игле дурного предчувствия.

У безносой Погибели глаза цвета радуги, а плащ — небо, в одной руке ее ветер-копье, в другой — щит-облако. Копьем терзает она грудь Земли, а щитом от лесного ее воинства заслоняется.

Вспомнится же иногда...

Еще в детстве рассказывала нянюшка Агате о Смерти-Погибели, небесной воительнице, земной супротивнице. Но не ведала Агата, что самой придется с ней свидеться, против нее выстоять, сына от Цветноглазой оборонить.

Отступила Безносая, провела копьем по вершинам елей. Расщепился

ветер о сотню зеленых пик, полетел рваными клочьями во все стороны облачный щит. Расстелилось до самого края небо, чистое, как взгляд младенца.

Якуб приподнялся на локтях. Тадеуш тотчас подхватил его, а Агата размахнулась да от всей души приложила воскресшего по бледной щеке:

— В иной раз, как пожелаешь с Безносой в догонялки бегать — на мать не рассчитывай! Не пастух безродный, не деревенский олух — ты будущий князь. Твоя дурная голова — всему уделу погибель!

Кубусь пустился было в оправдания. И все же держал еще страх, стоял комом в горле — и вышел у княжича лишь сип да хриплое карканье.

Агата поднялась — гордо, по-господски, так что всякий, увидев ее, тотчас понял бы — хозяйка перед ним, владычица, княгиня. Махнула рукой Тадеку, приказывая идти впереди, оставить одного бестолкового княжича. Пошла, степенно ступая по рыжей, вырванной колдовством траве. Не обернулась.

Авось поймет, обидится бестолковый сынок, да от обиды и поумнеет.

В лесу, впереди, виднелся белый Элькин сарафан. Рядом — пестрая душегрейка няньки. Эльжбета и рада была броситься со всех ног к матери, да охромевшая наставница мертвой хваткой вцепилась в ее руку, ковыляла, сжав зубы.

Агата улыбнулась вымученно, успокаивая обеих. Мол, миновала беда, стороной прошла. Хотела махнуть рукой, да не пошевелинула и пальцем. Пусть видит сын, что матушка не на шутку грозна, а то ведь и не поймет, какой беды избежал — отмахнется: жив — и ладно.

Ветер шуршал листвой подлеска, собирал невидимой щепотью семена с метелок травы. Тепло светилась река, шептала в камнях на заплеске. Резко, задорно, как ярмарочные глиняные свистульки, чиркали, вскрикивали звонкими голосами птицы.

И во всем этом летнем гаме была тишина. Благословенная тишина, какая бывает после грозы. Пронеслась беда, и ветер засыпает ее след пылью, песком, семенами трав. И в этой тишине дышится легче, глубже, радостнее.

Вдох! — и раскроется грудь, наполнится светом, птичьим щебетом...

Крик.

Не окрик бедового сынка, молодого княжича, с повинной головой бредущего за матерью вымолить прощение и заступничество от отцовского гнева.

Крик смертельно раненного зверя. Крик страха и такой боли, что раскалывает надвое самую суть, разделяет огненной вспышкой разум и

страдающее тело.

Агата обернулась.

Якубек все так же лежал на земле, силясь подняться. А над ним переливалась как слюдяное блюдо, дрожала радужная топь. Словно кот, лениво играющий со востроухим мышонком, Погибель отпустила было, отошла. А едва поуспокоилось сердце, стихла тревога, так распахнула Безносая радужный глаз, ухватила невидимым когтем, впилась. Тянет, пьет колдовскую силу.

— Отпусти! — крикнула княгиня, от самого нутра взывала. — Отпусти, окающая!

И словно услышало семицветное око, моргнуло раз, другой. Недобро моргнуло, сыто. Набухло, созрело гнойной матовой прозеленью.

Крик.

Якуб рухнул на траву, а око, вздущееся шаром, заколыхалось над ним и лопнуло, плюнуло огнем прямо в лицо своей жертве.

Глава 15

— Да что же это?

Раны — голое мясо.

Глянула — и глаза сами собой зажмурились, отказались смотреть.

Нет, нет, нет. Не может этого быть. Не должно. Не допустит Земля-заступница такого страдания ни для кого из своих детей.

Хотя... К чему лукавить — не перед кем-то, перед собой, и то трудно признать правду, взглянуть в пестрые глаза Безносой. Одна она и печется о людях: как бы не зажились, лишнего дня счастья не ухватили. А Земля выродила, да и оставила у Погибели на крыльце. Пригляди, мол, сестрица...

Мясо. Красное, бурое, сизое, почти черное с прозеленью гноя.

Агнешка почувствовала, как от запаха гнилой плоти тошнота подступила к горлу. Лекарка бросила на траву горсть пропитавшихся гноем тряпок. Подложила под руки Илария чистое полотенце.

Сжалившись над своей жертвой, морок не отпускал молодого мага, страшная боль едва пробивалась сквозь панцирь колдовского сна. И в те минуты манус стонал так жалобно, что Агнешка искренне, от всего сердца желала такой же муки громиле-палачу. Чем бы ни провинился перед разбойником-палочником красавец маг, а все не заслужил такой кары.

— Руки спасу — и ему жить.

Агнешка осторожно развернула правую ладонь мага. Подхватила двумя пальцами толстую белую личинку-опарыша. Положила на самый край раны, на темную гниющую плоть. Опарыш замер на мгновение, настороженно сжался уродливой каплей речного жемчуга. Но запах манил. По белому тельцу прошла дрожь. Опарыш принялся за дело.

Покуда первый маленький лекарь с азартом вгрызался в омертвевшую плоть, Агнешка, уже щепотью, положила на рану еще нескольких. А потом усадила добрых полтора десятка на другую ладонь. Жемчужинки зароились, торопясь насытиться, и рана на глазах стала алеть. Открывалось под слоем мертвого живое, жаждущее жизни.

Опарыши копошились, резво очищая раны. И видно, зазевался морок, уж не первый день караулящий у изголовья пленника-мага, засмотрелся на спорую работу жадных жемчужин — ослабил на миг колдовские путы. Ресницы Илария дрогнули, губы приоткрылись, и уже не стон — слабый крик сорвался с них. Жалобно, страдая за хозяина, заржал Вражко.

Агнешка тотчас засуетилась, зашуршала юбками. Извлекла из складок пузырек, приложила к приоткрывшимся губам. Рано еще было просыпаться манусу. Не вынести черноволосому красавцу такой боли. Зеленая капля потекла по губам, нырнула внутрь. Спыхватился зевака-морок, стянул паволоки так, что дыхание мага выровнялось, сердце успокоилось, затикало мерно, сонно.

Спи, Иларий. Спи, княжий манус. Пусть течет из-под колес подводы желтая река-дорога. Текут мгновения в золотую чашу минуты, а из нее — в червонный кубок часа, а из кубка — в круговой ковш, которым обносит солнце белый свет. Успеешь испить. А сейчас спи.

И Иларий спал, послушный шепоту морока. Моталась из стороны в сторону темноволосая голова. Шуршали по песку копыта лошадей.

А дорога текла. Текла, становясь все уже. Из широкого тракта в ленту-одноколейку, из нее — в тропку-ручеек, едва разглядишь. Разве что трава не так высока.

Лошадка упрячилась. Не желала сходить с удобного пути. А вот вороной Вражко жадно вглядывался в лесную чащу. Сколько раз скакали они с хозяином, не разбирая дороги. Сколько укрывались в лесах. Читал Вражко звериные тропы, как манус в девичьих глазах. А потому не видел беды в заросшей дороге. Едут нечасто, и все крестьянские лошадки. А от них лихого Вражко не ждал. Сколько останавливался княжий маг у деревенских, кормили досыта и господина, и коня. Как родных привечали.

Лошадка доверилась повесе-вороному, шагнула с дороги в траву. Агнешка погладила ее по крепкой шее.

— Уже скоро, милая, — утешила шепотом. — Уж и до дома недалеко.

«А коли дома нет? — шепнула в ушко Агнешке тревога. — Вон, в Вечорках. Была хороша, так дали лекарке дом, а чуть струхнули — и спалили со всем скарбом».

— Успокойся, девочка, — утешала надежда. — Дом на отшибе, почти в лесу. С деревенскими ты не ссорилась — ушла тихо, чужого не взяла. С чего им с красным петухом заигрывать?

«А если видел кто, как ты матушку хоронила?» — не унималась тревога.

— Не видел, — испуганно ответила ей сама Агнешка, — не видел. И дом цел. А в нем и стены помогут...

Глава 16

Сколько ни скитайся по белу свету, ни смотри на другую жизнь, сколько ни вей гнезд по чужим овинам, а рано или поздно потянет, позовет к себе земля, на которой родился. Давно звала она Тадеуша, но разве мог оставить он свою Эленьку. Другое дело теперь — с такими новостями возвращаться легко.

Что-то батюшка скажет?

Ничего не сказал. Вышел на крыльцо. Сгреб в охапку, обнял, потрепал по русым волосам. Притиснул к широкой груди так, что не вздохнуть. Словно и не было четырех с лишним лет в чужой стороне, при чужом дворе в обучении.

Постарел отец. И в бороде уж больше белого. И в глазах усталость. Только руки крепки — грех на годы жаловаться.

Тадеуш потер плечо. Крепко обнимал князь-батюшка Войцех Дальнегатчинский. Да и братец Лешек не отстаёт, мнет, как лесной медведь, силой балуется от радости.

Молчат отец и братья — обнимаются, за руки держатся, в глаза смотрят, ни единого слова промеж них не сказано. После будут слова, после новости, рассказы, а где-где, под чарку вина — и рассказы. А пока надо бы хоть насмотреться друг на друга, привыкнуть к переменам.

Внимательно глядел князь Войцех на сына, все спрашивая себя, верно ли сделал, что послал мальчика к Казимежу, старому лису? Не зря ли разделил Лешека с братом? А может, права была княгиня, покойный свет, и любовь да родная земля учат лучше чужой мудрости, а батюшкино слово верней дядькиной палки? Дома и стены помогают...

«Нет, прав был, — радостно думалось Войцеху. — Сто раз прав и сто первый. Уезжал мамкин сын, ушастый баловень. Воротился молодец, дай бог каждому отцу такого».

Тадеуш глядел на отца и брата и с тайной радостью думал: «Что скажут, как новость узнают?..» Ведь Лешеку невесту прочили, а счастье выпало ему, Тадеку. Ему отдала свое сердце бяломястовна Эльжбета. И Казимеж с ним прощался тепло, едва ли сыном не называл.

А вдруг рассердится отец, что не по его вышло? Не разгневался бы. Того ли хотел для него и от него строгий князь Войцех, как отправлял сына от дома?

Вот и молчал Тадек — смотрел в глаза отцу.

Только зря тревожился. Не рассердился Войцех, а расхохотался, хлопнул себя по колену, погрозил пальцем сперва меньшому сыну, а потом старшему.

— Пока ты, Лелек, при папке сидел, Тадусь у тебя девку увел, — все еще смеясь, поддел наследника князь. — Этак задремлешь, он из-под твоего зада княжество вынет. Ай да молодец, Тадек! Где все с батьки заходят, он с девки пролез! В князя выйдешь раньше братнего!

Тадеуш смутился, опустил глаза. Но похвала отца согрела сердце. Самому порой не верилось, что улыбнулась ему такая удача.

— Говорят, Якуб Бяломястовский силу растерял? — подмигнул Войцех.

Тадеуш, не ожидавший вопроса, едва не опрокинул вино. Глянул на отца не то с изумлением, не то с осуждением. Но разве сплетни удержишь. Как ни старался Казимеж держать в тайне, что случилось с наследником Якубом, а не удержал. Сорока на хвост подхватила, с хвоста растрясла.

— Казимеж не дурак чужому дядьке на завидки землю без сильной руки оставлять, — продолжал Войцех. — Элька посильней братца будет, но бабе княжества не оставить. Вот и будешь ты при ней князем. А я помогу... Не оставлю милостью. А ежели Якубек сунется...

Говорил Войцех, смеясь, подмигивая сыновьям да похлопывая рукой по столу, по широкому колену. Шутил князь, веселился. Одни глаза, недавно веселые, добрые, отцовские, на миг, на два ли выдали его — сверкнули сталью. Цепкий стал взгляд, охотничий. Уж не отец с сыновьями за душу разговаривал, государь примеривал чужую землю под свою руку.

Порадовал отца Тадеуш.

Не ждал Войцех от сына такой прыти. С малолетства был Тадек добр, сердечен, горд и задумчив. А задумчивого хваткий всегда обойдет. Болело сердце у отца за младшего сына. Лешеку он княжение оставит, на то и старший. А Тадек при брате не останется, гордость не даст. В дружине ужиться доброе сердце не позволит. В наемниках, что в разбойничках: государь — монета, а добро в кошельке не звенит. Вот и послал Войцех Тадека к старому Бяломястовскому Лису Казимежу поучиться, поднабраться ума-разума. И что ж — обошел лиса толстолапый щенок, вскружил голову Казиковой девчонке, и уж, видно, далеко дело зашло, раз решил отец дочку-золотницу за книжника Тадеуша выдать.

И к добру.

Выйдет через две седмицы Тадеку восемнадцать, и уж к тому дню сваты будут за Казиковым столом сидеть. Быстрее дело сладить нужно. Погода переменчива, а Бялое място — лакомый кусок.

Не стал Войцех говорить сыну, что, по слухам, сам Чернский Влад вот-вот посватается к Эльжбете. Если все улом сделать, пока думает Владислав Радомирович, пока присмотрится, отдаст Казимеж Эльку за Тадеуша. Надо только намекнуть старому лису, что, если будет Эльжбета за Тадеком, Якубу ничего не грозит. А с Черным князем ни в чем уверенности нет, поступит, как небу вздумается.

Глава 17

Небо нахмурилось. Уставилось сизым рыхлым брюхом в самое окно. Заколыхалось, полное влаги, грозное, насупленное. С укором смотрело через распахнутые ставни в дом, в княжеские покои:

— Не стыдно ль тебе? Ужели совести в тебе не больше, чем в печном ухвате? И не прикрывайся общим благом да семьей — жадность одна в тебе говорит. Жадность и глупость. Думаешь, проведешь Черного князя? Вишенку съешь и о косточку зуба не сломишь?

Небо склонилось еще ниже, заглянуло в окно, в самое зеркало.

— Эх, не по руке перчатку тебе Судьба сшила, — дышало небо.

Эльжбета повертелась на скамейке, пощипала бледные от тревоги щечки — порозовели. Отодвинулась, чтоб не видеть сурового небесного взгляда.

— Помоги, матушка-Землица, — прошептала княжна, позволяя суетсяейся вокруг Ядзе поправить серьги и височные кольца, расправить по плечам ленты.

— Поможет, матушка-хозяйка, — утешала Ядвига, пряча блестевшие в глазах слезы. — Не так страшен князь, как о том болтают. А что стар, так то навязанному мужу в самый раз — глядишь, и докучать не будет...

От одной мысли об этой «докуке» по спине Эльжбеты прошла волна холода. Готовность покориться отцу, отдать себя Черному князю в обмен на защиту и процветание родного Бялого мяста исчезала с каждой минутой, как исчезает в жаркий день с досок крыльца пролитая вода.

Но не воротишь, не передумаешь, пролитого не соберешь... Вот он, Черный князь Влад, с отцом за столом сидит, беседу ведет, невесту ожидает.

А невеста ни жива ни мертва. Тут сколько щечки ни щипли, а страх выбелит, сколько бровки ни сурьми, а страдающего взгляда не скроешь.

Эльжбета гордо выпрямилась, поднялась со скамеечки. Укоротила взглядом разболтавшуюся Ядзю. Не ее ума дело — княжья «докука». А уж она, княжна Эльжбета, слово и голову держать умеет.

Высокая, стройная, как свеча, в зеленом, шитом золотой нитью платье, Эльжбета себе нравилась. На мгновение захотелось, чтоб посмотрел на нее сейчас Тадек. Взял за руку и уверил, что все она делает как надо. Что крошечное девичье горе — высыхающая под солнцем капля. Что благо людей, которые волей матушки-Земли под твою руку поставлены, чьи

судьбы от тебя зависят, — благо людей выше.

Ядзя пошла вперед: сказать старому князю, что дочка готова, к столу выйдет. Мелькнула в дверях толстая русая коса с синей лентой. И Эльжбета осталась одна.

Словно против воли опустились плечи, поникла головка в нарядном уборе. Затрепетали ресницы.

А коли стар Черный князь? Если вино, дурной, жестокий нрав раньше времени превратили его в чудовище? Если он будет с ней жесток?

В приступе жалости к себе Элька прикрыла дверь, сунула руку за сундук, в котором когда-то в детстве хранила игрушки, а теперь — дорогие платья. Вытащила глиняный пузырек, запечатанный воском.

Уж если страшен князь, если невыносима станет мысль о замужестве, пойдет в ход «отсрочка» словницы Ханны.

Трясаясь от страха, Эльжбета спрятала пузырек в широком рукаве. Не думала, на что ей три дня «отсрочки» — приведет Землица, станет думать. А сейчас сердце так колотилось в висках, что мысли путались, разбегались. И на смену им лезли из темных щелей страхи: один причудливей другого.

— Батюшка с гостем ожидают, — шепотом напомнила о себе из-за двери Ядзя. — Князь-батюшка благодушный очень, вина много пьет. А тот... все ухмыляется. И на личину не такое уж страшилище...

— Ох, молчала б ты, Ядзя, — шикнула Эльжбета. — Языком метешь, того и гляди наступишь.

Вышла из покоев, и будто схлынуло все. Пусто стало в голове, пусто на сердце. Все заволокло черной тучей. Живая, способная чувствовать Элька осталась там, у зеркала. Там осталось беспокойное сердце, растревоженная земная душа.

И плыло навстречу Судьбе проклятое облако — белая воздушная тень, тонкая, как свеча, гордая и прямая.

Вошла, остановилась на пороге. Полюбоваться собой позволила. Чтоб радовался, не обманывался Черный князь. Не ждал от будущей супруги овечьей кротости. Остановилась в потоке солнечных лучей, засияла изумрудом. Высоко вздернула подбородок, поминая словницу Ханну. А глаза поднять не смогла.

Видела только, как приблизились черные сапоги. Остановились перед ней.

Не отцовы сапоги, чужие.

В темных клубках, что застлали сердце и разум, внезапно взвихрился гнев. Как смел чужак подойти к ней. Как смел приблизиться вперед отца. Как смел стоять так близко, разглядывая, как породистую лошадь.

Этот гнев заставил Эльжбету поднять голову, глянуть в глаза наглецу жениху.

Серые были глаза, злые, насмешливые. И под взглядом их захотелось Эльжете отряхнуть платье, поправить серьги, ленты. А получилось только вновь опустить ресницы, уставиться в выскобленные доски пола.

Нехороший был у князя взгляд. Таким купец осматривает на рынке горшки да крынки — ищет изъян, выщерблину. Казалось, не будь здесь отца, не показалось бы наглецу зазорным осмотреть невестины зубы.

А так только улыбнулся Черный князь и выдвинул локоть, Эльжбета положила на тот локоть дрожащую ладонь. Предательская дрожь не укрылась от цепкого взгляда князя Влада. Он улыбнулся чуть шире — нашел-таки выщерблинку — и повел невесту к столу.

Отец был сильно пьян. Элька заметила это сразу по медленной, тягучей речи. По масляно блестящим глазам. Казимеж то и дело одним движением указательного пальца велел слуге доливать вина в свой кубок, щедрой рукой бросал под стол куски мяса, которые с благодарной жадностью поглощал верный Проха. И пил, не дожидаясь гостя. Однако Черный князь не находил в том оскорбительного. Надменная усмешка на его губах говорила: доволен. Всем доволен. Доволен страхом и гневом в глазах невесты, доволен тем, как, словно обреченный, пьет будущий тесть. Тещенька Агата к столу не вышла, не пожелала сесть за одну трапезу с человеком, у которого руки в крови.

Так и сообщила едва не ополоумевшая от ужаса и хозяйкиной отчаянной храбрости, белая как полотно служанка.

А Владислав все усмехался. Гладил, не скрываясь, тонкую руку невесты. Привыкай, мол, девочка, к княжьей «докуке». Будешь покорна, и я ласков буду. Хотела Эльжбета отдернуть руку, но не отдернула.

Князь не был ни молод, ни хорош собой. Худой, подобранный, как гончая, он весь, казалось, состоял из жил, без капли плоти. Его волосы были острижены так коротко, что трудно было понять: редки они или густы, есть ли в них седые нити. Князю Владу шел сорок третий год, но он не выглядел старым. Словно само время отвернулось от него, а Земля не желала его возвращения. Он казался бессмертным. Рука его, темная от солнца, тяжело прижала к скатерти ладошку Эльжбеты.

— По доброй воле за меня идешь? — тихо спросил Влад, пристально глядя ей в лицо.

— Да, — выдохнула Элька.

— А на сердце у тебя нет ли кого? — прищурившись, бросил князь, а сам так и впился взглядом в лицо княжны.

— Нет, — солгала Эльжбета, отведя глаза. Скромно потупилась. Как батюшка велел. Батюшке виднее, как с Черным Владом разговор вести.

— Учти, у меня слава дурная, — шепнул князь. — Всякое говорят. И о тебе говорить станут. Но земля моя в порядке. Люди живут на ней в достатке. И сам я без надобности зла не сделаю. Потому не бойся. По доброй воле за меня идешь — стерпится новая жизнь. Буду тебе верен, ласков буду. Коли сама другого не захочешь. Мое слово дорогого стоит. Нужно ли тебе оно?

— Благодарю, — стараясь не выдать дрожь в голосе, откликнулась Эля. — Слова твоего мне не надобно. Ты князь, под твоей рукой много земли и людей множество. К чему мне связывать твои руки словом. Доверяюсь тебе и надеюсь на доверие.

— Но учти, княжна, — Влад склонился к самому уху Эльжбеты, — цена у моего доверия высока. Заплатишь?

Элька кивнула, надеясь, что князь перестанет пытаться ее холодным внимательным взглядом. Тем временем Казимеж, вновь опустошив кубок, уронил голову между блюдами. Заснул князь. Лихо придумал: оставил невесту наедине с женихом. Проходимка обнюхал руку хозяина, смекнул, что подачки кончились, и переместился поближе к княжне, но Элька велела псу убираться. Казимеж забормотал что-то, должно быть, недовольный изгнанием Прохи, только головы поднять был уже не в силах.

Эльжбета почувствовала себя преданной. Взгляд князя Влада, цепкий, жестокий, паутиной стягивал плечи, заставляя с силой вбирать в грудь воздух. Пожалуй, поклялась бы Элька, что не колдовал князь, — не чувствовала вокруг себя магии. Да только где ей, простой золотнице, стоять против высшего мага. Он всю душу прочитает, а она и не заметит. Так уж заведено от начала времен — каждый чувствует лишь силу ниже себя. Хорошо, мануса по рукам угадаешь. Как будет силу в ладонь гнать, так хоть чуть, да заслонишься. А как словника и высшего мага распознать? Говорит, в глаза смотрит, а ты уж и делаешь все, как он приказывает.

— Возьми, — шепнул Владислав.

И Эльжбета, словно зачарованная, приняла из его руки тонкий нож с усыпанной рубинами рукоятью. Хоть и костяной, привычный. Не носят истиннорожденные при себе стали. Ее сила не любит. Но чужой нож. Таких в здешних краях не встретить.

Выплыло, вынырнуло из темной тучи, из затуманенной памяти: чужая земля, страшные существа, отринувшие матушку-Землю, демоны, продающие душу ветру. Рубиновые капли крови.

— Режь гербы, — князь указал рукой на спящего Казимежа, которого

слуга заботливо укрыл плащом, так что над столом виднелась только россыпь седых волос да черная груда с княжьем гербом.

Повинуясь его тихому обволакивающему голосу, Эльжбета оправила платье, собираясь встать. И только в последнее мгновение словно вспыхнуло перед глазами видение: дрогнувший нож, желтый, как зуб старого волка, входит глубже, под вышитую ткань, в плоть, устремляется к сердцу. Рубины. Рубины повсюду.

— Не стану, — отшатнувшись, вскрикнула Элька, разжимая руку. Тонкий чужеземный нож выпал. Покатился по полу.

Князь запрокинул голову и захохотал, хлопнув ладонью по столу.

— Ты хорошая дочь, — смеясь, заметил он. — Может, и женой будешь послушной. Во всяком случае, с ножиком в постель не ляжешь.

И князь властно взял невесту за подбородок.

— Что ж. Договорились мы с тобой, княжна Эльжбета, — проговорил он. — Уж теперь пути назад для тебя нет. Стало быть, раз дело решенное, завтра за полдень и клятвы принесем. Раньше, боюсь, мой милый тестюшка не проспится.

Вернулся, захлестнул сердце страх. Вот она, свадьба, завтра...

Перед глазами брызнули во все стороны радужные волны, подступила тошнота.

— Так скоро? — едва выговорила Элька, вцепляясь пальцами в край стола.

— Батюшка твой согласен, — усмехнулся Влад, одними глазами указав на храпящего между блюд Казимежа. — А матушка, как видишь, оставила решение нам. За что честь ей и хвала. А мне нехорошо землю надолго без хозяйского присмотра оставлять, достаточно потратил я времени в разговорах с твоим батюшкой.

«Нет, нет, — звенело, пульсировало в голове у княжны, — только не завтра. Не завтра».

— Разве захочет князь опозорить свою нареченную скорым замужеством, — вновь попыталась умолить Влада Эльжбета. — И гонцы не успеют оповестить гостей. Да разве ж так готовится свадьба?!

— Поверь, девочка, — почти ласково шепнул князь. — За высшего мага замуж идешь. Для моей силы есть мало невозможного.

Эльжбета молчала. В голове металась одна лишь безумная, загнанная мысль — только не завтра, не завтра.

— Завтра. — И, словно запечатывая свои слова, князь вновь положил широкую темную ладонь на белую дрожащую руку Эльки. — Пойдем, кликнем твою маменьку. А то бяломястовский владыка Казимеж, видно, не

рассчитал княжьей силы...

Владислав поднялся со скамьи и пошел к двери, из-за которой выглянула — и тотчас спряталась — любопытная мордочка Ядзи. Сунулся было обратно изгнанный Проходимка.

Едва жених отвернулся, Эльжбета выхватила из рукава заветную бутылочку, неверными пальцами распечатала, ухватила другой рукой высокий Владов кубок.

«Три дня, — билась в висках безумная надежда. — А там все само собой обернется. Матушка что-нибудь придумает...»

И выплеснула темное, едва уловимо пахнущее травой зелье в кубок.

И в тот же миг широкая ладонь каменной хваткой сжала ее запястье.

Эльжбета обернулась. Сердце ухнуло вниз, застучало в животе, скрутило нутро.

Демон. Ветер. Да что там, сам Отец всех ветров стоял перед ней в обличье князя Влада. Серые глаза потемнели, налились грозовой яростью. Побледневшие губы сжались в тонкую линию. Брови сошлись. И в то мгновение Эльжбете показалось, что сейчас он ударит ее. Ударит наотмашь темной от солнца рукой. И ударит, чтобы убить, а не наказать.

— Прими, Землица, душу дочери... — выкрикнула Элька, надеясь успеть перед смертью вверить душу матушке-покровительнице всего живого. Да только не успела. Широкая ладонь закрыла ей рот.

— Помолчи, княжна, — прошипел Владислав, сжимая ее руку так, что Элька взвизгнула от боли. — И так достаточно. Теперь вижу, что ты считаешь за доверие. Только отравить меня не выйдет. Пробовали. И люди были поумней тебя, маленькая лживая дрянь. Принимаю твое доверие, тем же отплачу...

И князь вырвал из руки Эльки пустой пузырек.

— Завтра.

И он вышел, едва не налетев в дверях на грозную и степенную Агату. Эльжбета закрыла лицо руками и разрыдалась.

Глава 18

Слезы капали сквозь пальцы, текли по тыльной стороне ладони. Горячие от обиды, горькие от безысходности.

Разве можно быть такой глупой, такой наивной, такой самонадеянной? Пытаться обмануть Судьбу?

Судьба смеялась. Скалилась развороченным черным проемом двери, пустыми глазницами окон, богато опушенных зелеными ресницами травы. Не дом — череп. Мертвый остов того, что каких-то четыре года назад было домом.

Агнешка сжала мокрую от слез ладонь в кулак, закусила до боли костяшки пальцев.

Не к лицу волку песий скулеж. Пусть плачет княжонка Эльжбета: прибегут маменька да батюшка, утрут белым платочком дочкины слезки. А ей, Агнешке, для кого плакать? Не поднимется матушка из земли. Не откроет синих глаз манус Иларий — крепко держит его колдовской морок.

И стонет по ночам Земля, зовет, уговаривает: отдай, девочка, чернобрового колдуна. Не жилец он на этом свете. Так и не мучай, отпусти...

И идет день и ночь за подводой сестрица-Безносая. Семицветными глазами в затылок глядит.

Обернется Агнешка, зло прищурится и свернет незримой попутчице добрый крестьянский шиш:

— Обойдешься, гадина. Матушку отдала, отпустила, глупая была, слабая. А мануса не отдам.

Усмехнется Погибель на девчачий шиш, zalюбуется на злюку-лекарку. Экая упрямица. Любит Безносая упрямцев.

По сердцу ей маленькая мертвячка. И, будь то в ее власти, вернула бы Цветноглазая травнице ее дом, смахнула тощей рукой траву и сор, подняла просевшую крышу. Чтоб не плакала девочка, не рвала земной сестрице древнее как мир сердце. Да только у домов своя Погибель.

Безносая подошла неслышно, накинула на плечи травнице небесный плащ, вытерла длинными костлявыми пальцами слезы, погладила по спутанным волосам.

Девочка перестала плакать, закусила кулачок, свела светлые брови.

Застонал на соломе манус Иларий, фыркнула лошадка. Отвернулась Безносая, настороженно вгляделась в мешанину ветвей, туда, где вдали уже

шествовало Грядущее, а за ним, шаркая стоптанными башмаками, брел одинокий старик. А за стариком — поодаль от свиты наступающего дня, а потому еще не будущее, а лишь его тень, тень его тени — летели двое: сквозь туман невоплощенного виднелись лишь сума с книгой да бесформенный синий плащ. Цепкие верные гончие князя Влада.

Нахмурилась Погибель. Дернула плечом, и с него, бесшумно разжав когти, спорхнул и полетел навстречу теням наступающего дня крылатый ветер. Смял листву, запорошил песком следы лошадей и подводы, стер одним взмахом крыла отпечаток маленькой босой ножки. Ищите, псы-преследователи, гоните по дорогам лошадей... Порыскаете и вернетесь.

Отчаяние схлынуло, словно сняли с груди камень. Дохнувший в лицо ветер высушил слезы. Застонал Иларий, и Агнешка кинулась к нему положила руку на бледный лоб мануса.

— Ничего, княжий маг. Потерпи, мое сердце, — ласково пробормотала она, зная, что стоящий у изголовья Илария морок поймает неосторожно спорхнувшие слова, оставит себе, не отдаст беспамятному магу. — Я, мертворожденная Агнешка, обещаю: не дождется тебя Безноса.

Агнешка подхватила подол, вспрыгнула на высокое обвалившееся крыльцо и осмотрела дом. Доски пола были еще крепки. Крыша, слегка просевшая в одной из комнат, в другой выглядела довольно сносно. Слава проклятого дома, оскверненного радугой, сохранила жилище от любителей чужого скарба: на месте были стол, скамья. Задняя дверь, выходившая в огород, держалась хорошо, и ставни на окнах были. Темный двор пахнул в лицо пылью и землей, но Агнешка не заметила следов работы неумолимого древоточца — времени.

Девушка растворила ставни, оглядела комнату и кухню. Распахнула западню и прыгнула в подпол. Тщательно осмотрела самую сердцевину дома, дышащее влагой и холодом нутро — опоры, сваи, доски пола. Глядевший снаружи ветхой, заросшей бурьяном развалюхой, старый притворщик был крепок, как раньше. Как порой притворяется больным и немощным дед, чтобы внучка лишний раз забежала к нему проведать.

— Здесь я, дедушка, — усмехнулась Агнешка. — Так что хватит кособочиться. Мне без тебя не справиться.

Потом глянула кругом.

Сырость уничтожила травы, но из-под пыли и трухи тускло поблескивали накрепко запечатанные глиняные бутылки — матушкины снадобья. Агнешка провела пальцами, стирая пыль и читая нацарапанные на глине метки, выбрала пару бутылей и вытащила наверх, выставила на кухонный пол. Выбралась сама, отряхивая юбку.

Выглянула в окно. Огород зарос крапивой и пустырником, но в темной мешанине то там, то здесь виднелись тонкие зеленые руки смородиновых кустов, униженные алыми перстеньками ягод, а по ним взбирался ощупью крестоцвет — спасение измученного мануса.

Мелкие белые звездочки цветков, острые иголки листьев. Травы — девке венка не сплести, тотчас переломится стебелек, осыплются звездные иголки. А в руках опытной, знающей травницы — всемогущий лекарь, избавитель от боли, которую не всякий маг заговорит. А уж для мертворожденных истинный спаситель. Магова работа дорого стоит. Одного колдуна всей деревней кормят. А что может колдун? Дождь накликает. Измотанную роженицу поднимет, так чтоб уже к завтраму в поле вышла, от работы не отлынивала. Охромевшую корову или лошадку подлечит. А коли кого медведь изломает или мор на скотину нападет — понадобится палочник, а порой и книжник — тогда всем миром, в три села плату собирают.

Маг высоко голову держит, Земле не поклонится, не взглянет на мелкие белые звездочки. Только лекаришки-мертвяки в траве ползают, к матушке-Землице прислушиваются. С ними и говорит неприметная травка, шепчет иголочками листьев. Боль снимет, жар отведет, от всякой хвори помощница.

Вспомнилась Агнешке матушка. Хоть и золотница была такая, что впору палочникам и книжникам в ножки ей падать, а все-таки землю слушала, в травах и цветах толк знала. Учила, как сушить, как настаивать, как мази и притиранья делать. И сама она силы своей будто стеснялась, при дочке колдовала мало, под людские слезные уговоры.

Словно простить себе не могла, что родилась ее Ягинка мертвячкой. Корила себя, что полюбила не мага, а «песью кость», красавца пастуха. Свое колдовство было у него, особенное, не Землей-матушкой данное: на свирели играл — сердце защежит, пел — дух захватит. А коли ветер в груди, так и голос звенит, что твой колокольчик.

Не уберегли матушка и батюшка дочки-золотницы: за князя могла пойти, а бегала в ночь послушать пастушка. Убегала с пустым подолом, воротилась непорожняя.

Была бы словницей — заглянула бы в свою будущую жизнь, ужаснулась, прикрыла губы рукой и не позволила пастушку гладить белую девичью шейку, не разрешила украсть сладкого как патока первого поцелуя. Была бы высшей магичкой — заглянула бы ему в златоволосую голову, в ветреные мысли, и слушала пастушковые песни не на ночном лугу, а из высокого окна светелки.

Дышащего медом ночного луга не могла простить себе матушка, сероглазого пастушка-мертворожденного... А может, ставила себе в вину, что испугалась, повинилась перед родителями, отдала им на откуп жизнь нерожденного дитяти. Болело у них сердце за красавицу дочку, вот и решились: ударили вместе силовым. И целились-то — в зернышко, меньше кукурузного, в новую жизнь.

Откуда им было знать, что зреет во чреве не маленькая «песья косточка», мертвого деревца отводок. Что просится родиться на свет будущая травница Агнешка. А по ней хоть всей земной силой ударь — шаркнет, да не заденет. А «отповедью» ответит втрое, вчетверо. Страшно ударила «отповедь», в одно мгновение лишив падшую и отца, и матери.

Похоронила красавица дочка родителей и сгинула. Словно в воду канула.

Растворилась в лесных просторах, заблудилась в звериных тропах. Забыла, чья она дочь, забыла золотничью силу. Стала к земле прислушиваться: не позовет ли за вину ответ держать.

И слышала, как шепчут у самой земли белые звездочки и зеленые иголочки незнакомой травки.

А как пришло время, рассказала дочке. Научила слушать.

Да что греха таить — не только этому учила. Обжегшись на молоке, на воду дула отчаянно. Заклинала своей собственной болью и виной: слово свое держать, чужому не верить. Потому как переменчив человек, сегодня приласкает, а завтра...

Глава 19

Завтра...

Да лучше смерть!

Сердце вырвет, не иначе. А может, и того хуже — опозорит перед всем народом, заставит поступиться честью, гордостью. С грязью смешает... А как прикажешь жить, когда нет сил людям в глаза смотреть.

Бяломястовна жениха перед свадьбой отравить хотела!

Сами этого жениха и извергом зовут, и ветряным бесом, и кровопивцем. А такого не простят. Этак всякая девка от подневольной свадьбы к лекарке пойдет.

Поди докажи, что и в мыслях смертоубийства не держала — отсрочки хотела, всего-то три денечка. С красным солнышком попрощаться, косу девичью без спешки расплести, а приведет Землица, так и с Тадеком в последний раз перед венцом перевидеться...

Что ж будет теперь?..

Княжна Эльжбета заслонила глаза рукавом. Казалось, уж все выплакала, а течет слезка, катится по щеке, по белой шейке за вышитый ворот.

Пойти, объясниться, прощенья просить... Может, помилует князь. Ведь показался сперва не зол, даже приветлив. Авось поверит честному княжескому слову. А словом не проймет, так всплакнута покаянно. Разве ж утерпит, чтоб молодая красавица при нем плакала.

Элька посмотрела на себя в высокое зеркало, подняла белокурую головку, потерла холодными пальчиками заплаканные глаза, приосанилась. И призналась себе, что хороша. Хоть душу от вины да сожаления скручивает, хоть сердце ноет, саднит, как оцарапанное, в горле слезы стоят горячим комом, а все-таки необычайно хороша.

Авось и пожалеет Черный князь. Не как женщину, так как девочку. По годам невеста ему впору в дочери: семнадцать лет против сорока двух. Как не пожалеть...

Элька размечталась, присела на краешек скамьи. Застелившая взор печаль поредела, покрылась прорехами. И в прорехах этих уже завиднелось солнышко — надежда да отчаянная вера в свое счастье.

Взгляд княжны повеселел. Но ненадолго.

«Как же, простит... — с отчетливым ехидством прозвучало в висках, — растает от улыбки да в ножки бухнется. Это тебе не влюбленный

сопляк Тадек. Сколько этаких красоток Черный князь за свою жизнь перевидал. И ножки стройные, и глазки заплаканные звездами сияют, да только где теперь эти глазки? Отлетела душа к Землице на утреню, пошли ножки червям на вечерю».

Не стала слушать Эльжбета злого голоса, утерла глаза, накинула темный широкий платок и выскользнула потихоньку из покоев. Только б маменька не проведала, что ее дочка в ночь перед свадьбой к жениху ходила. А о чем никто не ведает, так в том и греха нет.

Расхрабрилась Элька. Лаской скользнула по темным переходам в гостевое крыло, к покоям Черного князя. Вот она, дверь, — тронь рукой, постучи. А уж там, как само сложится...

Но едва Элька подняла руку, чтобы постучать, как темнота за ее спиной дохнула вечерней прохладой и большая темная рука крепко взяла княжну за запястье.

— Шли бы вы спать, хозяйюшка, — шепнул над ухом незнакомый голос. — Ночь на дворе, а темнота — не лучшая защита для девичьей чести.

— Пошел прочь, — горделиво отозвалась Элька, надеясь, что слова прозвучат грозно и твердо, как у матери, но на последней ноте голос предательски сорвался, и в нем послышался отзвук слез.

Невидимый в темноте слуга князя не затруднил себя ответом, а стал ласково, по-отечески подталкивать непутевую невесту прочь от покоев жениха.

— Да что ж это ты делаешь? — возмутилась княжна, досадуя на непокорного холопа. — Или плетки давно не пробовал? Может, у вас, в Закрае, и холопы вровень с хозяевами, так тут не дичь степная, не горы. Батюшка быстро выучит тебя господам подчиняться!

Страж княжеских покоев только хмыкнул, ослабил стальную хватку, по-прежнему загораживая дорогу. Вот, мол, маленькая княжна, и мы не дикари, рук ломать не станем. Да только и работу свою знаем крепко. Не велено пускать, и не пустим, хоть на ремни режьте.

— Уйди с дороги, мне с хозяином твоим потолковать надобно. Без лишних глаз... — огрызнулась Эльжбета. — А твое холопье дело слушать. Ничего от разговора господину твоему не сделается...

При этих словах черную громаду охватило странное веселье: он хмыкнул, а потом и захохотал, почти беззвучно, так, что даже спящий за стеной не услышал бы этого смеха. Захохотал прямо в лицо княжне.

Элька задохнулась от гнева, гордой ярости. Замахнулась и со всей силы ударила черную тень. По лицу метила, только незнакомец оказался

выше, и ладошка княжны больно ударилась о широкую грудь.

— Шли бы вы, хозяйюшка, восвояси. Нехорошо вам ночевать у жениха на пороге. — В голосе стража прорезался странный, гортанный рык, сродни тому, которым сердитая собака предупреждает, что терпение ее на исходе. Дрожь бросила по спине горсть снега, Эльжбета поежилась, но не отступила, повинувшись упрямому желанию объясниться с будущим мужем. И отчего-то князь, мрачный и разгневанный, казался ей сейчас куда менее страшным, чем его почти невидимый в ночи громадный страж.

— Все равно пройду, — бросила Элька, попыталась толкнуть великана в грудь. Но тот не шевельнулся и словно бы потерял интерес к надоедливой княжне.

Эльжбета собралась снова ударить наглеца, но не успела. Видимо, кому-то еще, может, и самой Судьбе, пришла в голову та же мысль. За спиной стража что-то грохнуло, словно вдалеке выстрелили из пушки. Потому упало тяжелое, как сброшенный с телеги мешок овса. Защелкало, зашипело, посыпалось, разбилось.

Громила тотчас бросился на звук, теперь уже вправду забыв о незваной гостье. Элька проскользнула следом, но, перешагнув порог; тотчас вскрикнула и зажала рот рукой. И понять не успела, что видела. В лицо дохнуло серой и масляной гарью, глаза защипало от дыма, и в этом дыму блеснула и угасла неширокая — в ладошку — радужная полоска.

— Опять не то, в три радуги через червивый пенек, — раздался откуда-то снизу грозный голос Владислава. — Чтоб его ветром над болотами сорок лет носило.

Князь лежал на полу. Он был едва одет — в одном исподнем. И на белой сорочке поверх черных пятен сажи выступило большое, бурое, на глазах разраставшееся. Владислав держался за самый центр этого пятна, и повсюду — над этой прижатой к груди ладонью, над плечами, над коротко остриженной головой князя — плясали, словно помешанные, белые змейки заклатья.

— Жив? Хозяин, Владек, — низко рыкнул слуга, пытаясь подхватить князя под руки. Владислав не позволил, оттолкнул протянутые руки.

— Зачем вернулся, Игор? — бросил он раздраженно. — Случилось что?

Великан-закраец ворчливо повторил попытку прийти на помощь хозяину. Его громадный бесформенный синий плащ, которого страж, видно, не снимал вовсе, и длинные седые волосы, свесившиеся к самому лицу князя, не давали Владу заметить Эльжбету.

— А эта здесь зачем? — гневно бросил князь, поднимаясь. — Убери!

Молчаливый Игор перекинул упирающуюся Эльку через плечо и вышел.

Недоумение и странное оцепенение охватили Эльжбету. Она даже не пыталась сопротивляться великану, не брыкалась, когда он схватил ее поперек тела и, как свернутый ковер, закинул на плечи. Покорно повисла вдоль широкой спины.

В глазах плясали сполохи света, окровавленный князь на полу, сизый дым, серые патлы огромного слуги, радужная полоска...

Игор бесшумно скользил над полом подобно большой птице. Даже его плащ не издавал ни единого звука, и какое-то время Элька слышала лишь гул своего сердца и шумное, взволнованное дыхание.

Молчаливый страж, нисколько не опасаясь хозяйского гнева, вошел в покои княжны и почти сбросил на пол свою ношу.

— Шли бы вы спать, хозяйюшка, — сурово повторил невидимый в темноте закраец. — Говорят, во сне умнеют... И не заставляйте меня под вашей дверью караулить, потому как сердце повелевает мне быть в другом месте...

Элька хотела оттолкнуть навязчивого холопа и закрыть дверь, но едва не упала. Вместо того чтобы упереться в твердую, как скала, грудь великана, рука ухнула вперед, не встречая препятствия. Игор исчез, словно растаял в воздухе. Видно, поспешил к раненому господину. Растворилась в черноте ночи темная фигура.

По плечам княжны прошел холодок, пробрался в самую серединку. Екнуло сердце, хлынул в тело ледяной страх.

Снова встала перед мысленным взором маленькая радуга в покоях Черного князя.

«Ведь это он сам ее вызвал, — пролепетал страх, охватывая влажными лапками плечи, прижимаясь к спине. — Нечистый. Земной отступник. Здесь, в стенах дома, тремя золотниками запечатанного от колдовской угрозы, радугу расстелил. А если...»

Элька зажмурилась, не позволяя страху разгуляться, вцепиться в измученный переживаниями разум.

Не мог Черный князь радужной топью повелевать. Нет на то человеческой силы. То Земля на детей своих гневается, за неверие да бездушные наказывает. Правь князь радужной топью, все бы давно ему под пята сами легли, милостью почитая. Уж лучше под чужой рукой, да без страха, чем ждать, что откроется рядом гибельное многоцветное окно, силу выпьет, тело изломает.

Может, и силен князь, но не настолько.

«Может, и не настолько, — зло зашипел страх, поглаживая холодком по затылку. — Успокой себя. Запрети думать. Подвенечное платье примерь — в пору ли. Красиво ли в гробу лежать будешь, в подвенечном-то? Думаешь, забудет князь, что ты отравить его пыталась, что видела, как он радугу в покоях развешивал? Веришь, что обойдется? Так спать ложись, авось сон хороший приснится. О семейном счастье...»

Страх глумливо мелькнул в глазах, юркнул под самое сердце, кольнул раз, другой.

Эльжбета, не задумываясь, рванула дверь и крикнула в темноту:

— Ядзя!

Но послушная Ядзя не откликнулась, видно, спала. Болтливые крепко спят.

Эльжбета двинулась ощупью в сторону девичьей — разбудить лентяйку, пусть поможет платье уложить. Но, пары шагов не дойдя до девичьей, услышала в пустом, гулком доме тихий смех, осторожный глухой разговор.

— Бездельница, — подумала Эльжбета, прислушиваясь. — За полночь, а она по углам с ухажером жмет. Завтра хозяйку к венцу одевать, а у нее глаза совиные. Ох, завтра... Страшно, страшно-то как. Убьет меня князь... А коли не убьет? Под венец с ним идти? Радужному бесу клятву верную дать? Хоть бы спросить кого, словом живым перемолвиться... Матушка скажет — беги. А куда, от кого? И разве Черному князю день или два пути преграда, если он радугу на руке держит?.. А батюшка слово давал — не отступится, хоть сам бы он своими глазами увидел, что у Черного князя глаза семицветные... А может, уже взялась за свое колдовство словница Ханна, и к утру охладает князь к невесте?

Рванные мысли метались в голове. Темнота ударила по вискам, ослепила и оглушила. Только звучал в глубине тихий ласковый шепот чужого свидания.

«Ах, Тадусек! — мысленно взмолилась Эльжбета. — Кабы ты был здесь, со мной. Ах нет, лучше б не был... Убил бы тебя Черный князь. Потому и обманул тебя батюшка, выслал домой — лишь бы любовь да храбрость под копые Безносой не подвела. Только видишь, что твоя Элька наделала...»

Слезы снова хлынули из глаз. И княжна уже не утирала их.

Пусть милуется дурочка Ядзя. Что ей, дворовой, делается. О чем ей думать? Разве что, как в подоле не принести, а то матушка-хозяйка со двора прогонит. Не печалит ее народное благо, господский расчет — вон,

целуется темной ночью по чуланам, смеется.

И она, Элька, смеялась, как с Тадеком да братцем Якубом босая на реку бегала.

А теперь что делать? Казалось, разумнее всего написать письмо, матушке, батюшке, братцу, Тадеку. Написать, как князя с радугой видела, как опоить его решила, а он разгневался, подумал — убить хотела. Написать, что ежели случится с ней страшное, то он, князь, во всем виновен...

Страшное случится...

Тотчас замелькали перед глазами картины, одна ужаснее другой. Да только Элька не зря золотничий перстенок носила, не зря звалась дочкой Агаты и лиса-Казимежа. Прорвался сквозь путаный лепет испуганного сердца голос здравого разума:

«Случится. Страшное. Да только Владислав умен и силен так, что отцу и матери твоим не представить. Захочет погубить — погубит. И рук марать не станет — одним словом, да что там, взглядом заставит тебя, красавица, распустить золотую косу да в омут кинуться, или купить у травницы яду, мол, мышей вывести, спать княжонке не дают... Братец, конечно, вступится, распетушится, а что он теперь может, искалеченный, — он против сельского колдуна не выстоит, выпила радужная топь Якуба почти досуха. А Тадек? Гордый, честный, из-за угла не ударит, на поединок вызовет. Книжник против высшего мага... Самоубийство. Разве хочешь ты смерти своего Тадеуша? Свадьба назначена, и, если не солгал князь, уж все окрестные княжества оповещены, готово все. А значит, не отступится Владислав, не возьмет добровольно позора на свою голову. Пойдешь под венец...»

Нет, нет, нет...

Растерялась Элька, всхлипнула, бросилась снова в комнату. Рассыпались мысли в голове, не клочками, мелким речным песком...

Бежать? Повиноваться?

Страх бросил княжну к окну, заставил распахнуть ставни. Луна хлынула в лицо, напоенная ароматами цветов прохлада, свобода...

И Элька едва не вскрикнула от отчаяния и тоски. Перегнулась через подоконник, подставила лицо лунному свету.

Руки на себя наложить? Побежать к реке, кинуться в черную воду — и нет бяломястовны Эльжбеты... Нет страха, нет мучительной безысходности, только покой. Мысль показалась такой приятной, что Эльжбета улыбнулась, и лунный луч скользнул на белую шею, погладил, словно одобряя, приглашая. Расстилая на далекой реке серебряную

дорожку в темные глубины покоя.

— Шли бы вы спать, хозяйюшка, — глухо шепнула темнота под окном. — Завтра вам под венец.

Эльжбета оглядела словно зачерненные углем облака кустов под окнами. От их темноты отделилась знакомая огромная фигура. Игор отвернулся от окна, не глядя на бледное лицо будущей хозяйки, откинул капюшон, и луна засияла в его длинных серебряных волосах.

— А чтоб сон ваш был крепок, — вполголоса добавил он, — Землице помолитесь. В самую пору вам молиться.

Игор так и не повернул головы, когда княжна захлопнула ставень, а тотчас с тоскливым скрипом пошел обратно. В растворенном окне было видно, как, шепча слова молитвы, прижалась белым лбом к стене Эльжбета.

Глава 20

— Кого как не тебя просить о помощи мне, владыка грозный, царь предвечный, — голос перешел в приглушенный шепот, — не тебе ли видны все мы, рабы твои, не твоей ли высоты убоявшись, к земле пригибаемся. Не от твоего ли семени понесла Земля и выпустила из чрева своего истиннорожденных магов. Ты, Небо, все видишь, все знаешь, поделись со мной своей неизбывной силой, утиши, как прежде, боль мою, потому как не земле, а тебе душа моя обещана.

Ведьма кинулась на темные камни, скорчилась, всхлипывая от боли.

Старый жертвенник потемнел от времени, пробилась между валунами трава. Когда-то давно на праздник поклонялись здесь Земле. Вставляли кругом истиннорожденные маги от младшего — ведьмака деревенского, до старшего — высшего мага. Теперь же на источенных временем камнях корчилась одинокая неказистая фигура ведьмы. Трудно было разобрать, стара она или молода, худа или дородна. Широкая юбка и растрепанные волосы делали ее похожей на сгусток темноты, и постепенно тьма сгустилась вокруг, признав в ней слугу, собралась вокруг скорчившейся на камнях женщины глухим коконом. Глаза ведьмы, обращенные к небу, казались почти белыми. Она говорила тягуче и медленно, словно во сне. Казалось, она не понимает, где находится.

Тьма обвила ее щупальцами, и тонкие черные лепестки проникли под кожу, впитывая страдание. Ведьма перестала стонать, поднялась на четвереньки.

— Благодарю тебя, властитель ветров, никогда не просила я тебя о другом, кроме как утишить мою боль. Но сегодня есть у меня еще просьба. Я верно служу тебе много лет. И если душа моя хоть что-то значит для тебя, откликнись, призови радужную косу Безносой на голову Чернского князя Влада.

Ведьма поднялась, медленно, словно неохотно, не отрывая побелевших глаз от темного небосвода. Раскинула руки так, что лоскутки тьмы полетели в стороны, заструились с ее локтей на траву. Она медленно повернулась, раскручиваясь на одной ноге, все скорее и скорее, пока опутавшая ее тьма не обратилась в черную воронку, перевернутым смерчем припавшую к телу земли. Жадная темная пасть словно вздохнула, и из-под камней заструилась прямо в жерло воронки бледная струйки, одна, вторая. Струйки переплетались в толстые белые жгуты, змеились по ним

тоненькие молнии. Словно выцвело все кругом, побледнела, полегла трава, поникли головки лесных цветов. И, казалось, содрогнулась земля от жадного касания грозовой воронки.

Ведьма протянула руки, и иссиня-черные, как ночное небо, лоскуты чужой, запретной силы обвили ее, вливая в тело колдуньи выпитые из земли капли магии. Камни вокруг нее накалились так, что стало заметно зеленоватое свечение вокруг самых больших валунов. Когда-то давно в этом жертвенном кругу маги сами отдавали земле свою силу, сплетая сиреневую нить ведьмацкого заклятья с синей струйкой магии палочника. Завивалась вокруг них голубая бечева силы книжника, поверх нее — зеленая лента золотницкой ворожбы, по зеленому — золототканая тесьма искусства мануса в сплетении с белокурым локоном словничей петли, и венцом — рубиновая капля едва ли не всемогущей мысли высшего мага.

Ведьма едва ли могла быть сильнее словницы. Скорее уж мана или книжница. По черному одеянию нельзя было разобрать, кто она по рождению. Ни единого цветного пятнышка не было заметно на ее длинной юбке и широкой рубахе, хотя обычно истиннорожденные гордились своей силой и не скрывали ее цвета. Но ведьма, и без того казавшаяся средоточием темноты, торопливо набросила на плечи такой же темный плащ, на котором не оказалось никаких знаков: ни княжеских гербов, ни знаков вольного мага. Никто не окликал ее, не торопил, ни единый звук не нарушал ночной тишины, но ведьма спрыгнула с камня, на котором еще мгновение назад стояла, воздев руки к усеянному звездами небу, и побежала к лесу.

Едва она скрылась за деревьями, над светящимися зеленью камнями хлопнуло с треском. И внимательное овальное око топи вперилось в темноту, словно выглядывая того, что позвал в этот мир радужную смерть.

Ведьма была уже далеко, так что потянувшиеся к ней незримые жгуты топи лишь ощупали край леса, поджидая любого, в ком найдется хоть капля силы.

Но ведьма даже не обернулась. Она получила все, что хотела, и теперь шла прочь, прибавляя шаг.

— Принесла ли ты, что я просила? — окликнул ее грозный голос. — Принесла, так давай скорей. Мочи нет. А то князь завтра же узнает, что в его земле небова жрица завелась.

Жрица вынула из складок юбки склянку и протянула в темноту. Чья-то рука торопливо схватила бутылочку. Послышался всхлип, видно, получив желаемое, скрытая темнотой просительница тотчас выпила снадобье одним глотком, с трудом сдержав бранные слова — до того горьким оказалось

лекарство.

Но, видать, и действенным, потому что голос из темноты зазвучал добрее и приветливее.

— Спасибо, матушка, — отозвалась просительница. — Что сегодня за услугу хочешь?

— Достань мне подарочек от Чернского Влада. То, что он сам в руках держал.

— Да как же я тебе достану? Я к этому душегубу и близко не подойду; только если из-за свадьбы этой проклятущей, — воспротивилась излеченная просьбе своей врачевательницы.

— Вот хоть бы на свадьбе и раздобудь. Не так много я прошу, голубушка.

Глава 21

Это была не просьба — приказ. Хотя и произнесено было ласково, дружески.

И как смело это низкое, убогое существо приказывать. Может, стоило скрутить его, показать, на чьей стороне земная сила. Старый Болюсь уже чувствовал, как поднимается волной, приливает к горлу магия. Одно слово — и свалится грязный вымогатель в базарную пыль, скорчится, раз-другой втянет ртом воздух — и кончится, отдаст Земле душу.

— И не думай, старый прощелыга, — усмехнулся дружинник-палочник, словно читая мысли старика. — Силы-то у тебя хватит, но ума больше. А большой ум человека осторожным делает. Поостережешься, дед, княжьего палочника на базаре ударить. Пока тебя отповедь ломать будет, повяжут. А там — заклеят, шатер отберут. Словник словником, а с голоду подохнешь, как простой мертвяк... Так что, старик, развязывай мошну, позвени — развесели душу хорошему человеку. А я тебя, как хороший хорошего, от плохих покараулю. Мало ли кто по базару гуляет...

Болюсь через силу расцепил кулаки, вытащил из-за пояса кошель и отдал палочнику. Тот взвесил кошелек на руке, усмехнулся хорошему улову и пошел дальше, оглядывая базарную толпу.

А Болюсь нырнул в свой выцветший шатер, чтобы любопытные не видели, как сурово сошлись брови старого мага, как сжались в линию губы. Хорошо ты прожил свою жизнь, словник Болюсь. Гулял, пел вольной птицей, служил всем, да никому не прислуживал. Силе словничей радовался, такой, что не у каждого князя есть. Ни в чем себе не отказывал, ни в чем себя не упрекал. Думал, живется легко и с жизнью легко расстаться придется.

Посмеялась над ним Безносая, не допустила к костлявой ручке, покуда был красив, молод, силен. Отдала своему цепному псу — жестокому, неумолимому Времени. И уж он постарался: рвал когтями лицо, оставляя глубокие борозды морщин, жевал мускулы, превращая их в студень, забрызгал белой бешеной слюной бороду и виски.

И кто теперь Болюсь? Ярмарочный шут, ясновидец из выцветшего шатра. Рад бы на службу, под покров сильной руки, а не берет никто старика. В магии силен, это верно, да только любой мертвяк кулаком дух вышибет.

Не скопил ты, Болюсь, денег. Думал, век будешь молод и силен?

Чужую жизнь ясно видел, а своей не разглядел, не предсказал себе линиялого шатра.

Странный дар дала ты своему сыну, первому словнику Втореку, матушка-Земля. Позволила в грядущее заглядывать, а полностью полого не откинула, указала малую прореху. В нее все видно, да одного не увидеть — своей жизни.

В шатер снова потекли люди, желающие выведать, что увидел в прореху грядущего словник Болюсь, купить у старика немного завтрашнего дня. Больше шли девки да бабы. Им все в сегодняшнем дне не сидится. Но случались и мужчины. Мертвяки заходили редко, не по карману им было словничье ясновидение. Шли ведуны, палочники, и спрашивали все об одном: мужчины — о службе да торговле: что было, что будет, чем сердце успокоится... А женщины — о любви. Скажи нам, Болюсь, любит, не любит, к сердцу прижмет...

— Прижмет, — лгал старик, даже не стараясь глядеть в грядущее, — обязательно прижмет.

За «прижмет» да «любит» бабы платили охотнее и щедрее. Мужичкам старый Болеслав обещал все больше княжескую милость, успешный торг, выгоды немалые.

А даром своим пользовался редко, да и то смотрел все больше не в будущее, а в былое. Прорицал лишь в тех случаях, когда посетитель попадался недоверчивый. Тут-то и загорался в глазах Болюся молодой задор — все как есть рассказывал, потаенное, забытое и трижды схороненное, гадкое, грязное, от людей пуще зеницы ока оберегаемое.

Такие, недоверчивые, что за зыбкое будущее платить не желали, за прошлое полной горстью сыпали. Прощлое-то — оно вернее. А как выплывет такое верное... Уж лучше отсыпать старому прохвосту золотом да целому остаться.

Только давно не заходили щедрые в Болюсев шатер. Поиздержался старик. И полог у входа настойчиво требовал замены. А дружиннички с каждым днем наглели, просили больше. Пользовались переполохом перед свадьбой княжны. Впопыхах Казимеж дочку замуж выдавал. «Уж не тяжела ли княжна?» — невзначай заподозрил Болюсь, зажмурился, глянул в щелочку в грядущий день.

Нет, не тяжела. И лучше бы ей с этим не торопиться, повременить с материнством. Не убьет отец, так погубит сын. А хороша была княжна: стройна, величава, бела как январский снег. В молодые годы Болюсь знал толк в женской прелести. И прелести этой дала княжне Землица полной горстью.

Видел на базаре старик молодую бяломястовну — лебедью белой плыла, глаз не оторвать. Так нет же, сосватал батюшка лебедушку черному ястребу. Да так торопится, что стыдоба. И не боится брать в зятя самого кровавого Владека, Черного князя...

Болеслав не то чтобы не любил Владислава, нет. Что греха таить, побаивался, а порой и завидовал. Крепка была рука у кровопийцы, порядок в землях — диво дивное. Сама радужная топь опасалась хозяина Черны, обходила стороной границы его владений. Сколько раз пытался Болек увидеть будущее князя Владислава. Но силен был князь, словно и не человек. Так заклатьем свое грядущее укрыл, простому словнику не пробиться — высший маг колдовал. Умел ветров сын свое от чужих глаз прятать. Видно, было что хоронить.

Только однажды, на малое мгновение, вспыхнуло в туманной круговерти заговоренной княжьей судьбы бледное девичье личико, прядка рыжая, а следом за ним — семицветные глаза, небесный плащ. Цыкнула Безноса на любопытного старика: не лезь, песий хвост, куда не велено.

С тех самых пор опасался Болеслав думать о Черном князе. Не проведала бы Погибель...

Задумавшись, Болюсь вышел из пустого темного шатра. И едва не столкнулся лицом к лицу с самым многомудрым князем Казимежем. Старый словник торопливо склонил голову, выставив на обозрение владыке круглую блестящую плешь.

— Эк, хорош, — с удовольствием крякнул Казимеж. — С тебя бы, батюшка, на стенах картины писать. И благообразен, и кроток. Знать, в былое время грешил много?

— Как есть грешен, — скромно ответил Болюсь. — Несу за свои грехи повинность добровольной бедности и нищенствования. Не подарите ли грошиком во искупление прегрешений?

— А грошиков по числу грехов? — засмеялся Казимеж. — Так, чай, у меня в казне столько не наберется. Уж больно благостен у тебя вид.

Веселость давалась князю с трудом. Под глазами правителя залегли глубокие тени, кожа казалась желтоватой и тусклой — видно, рано начал праздновать дочернюю свадьбу бяломястовский господин. Однако держался истинным хозяином, головы не клонил, смотрел прямо, с усмешкой.

— Ты, говорят, батюшка, грядущему под подол заглядывать прыток? — спросил он, испытующе посмотрел в глаза старому пройдохе.

— Коли и погляжу, так вреда не будет, — с притворной кротостью отвечивал Болеслав. — Какой от меня вред в такие-то годы. Один

погляд. И Безносая в постелю не берет, даже ей, костлявой, помоложе надобно.

Князь слушал старикову болтовню рассеянno, но терпеливо, а Болеслав болтал да поглядывал на господина. Знать, не по базару погулять вышел Казимеж, по делу забрел в линиялый шатер. Вот и заливался соловьем Болюсь, набивал себе цену.

— Раз уж ты такой глазастый, глянь и для меня, — вполголоса проговорил Казимеж.

Видно, трудно далась князю просьба. Не позволяли гордость и осторожность господам словничьим ясновидением пользоваться. Будущее — ткань непрочная, ткни — и уж прореха на прорехе, увиделось одно, а случилось другое. Да и приврет вольный словник, недорого возьмет. А как не приврать, если будущее увидишь такое, что расстегивай ворот под острый топор. Это тебе, князь, не «к сердцу прижмет»... Может, и сказал бы Болюсь о том, что видел в княжне Эльжбете, но побоялся. Переменится грядущее, треснет как копейное древко, да тебе же, старая плутня, щепкой в глаз угодит.

— Далеко ли смотреть? — шепнул Болюсь.

— Недалече, — ответил Казимеж. — Знаешь, о чем спросить желаю. Свадьба сегодня...

Казимеж замолчал, нахмурил брови, потрянул подолом монетами.

— Позвольте ли в глазки заглянуть? — заворковал старый Болюсь. Глянул в черный расширенный зрачок князя в Князеву судьбу, и всего-то краешком, мельком, только вдруг поплыло все перед глазами, подкосились ноги — и ухнул старик в княжье грядущее вверх тормашками, вперед плешивой головой. Не в наступающий день, глубже и дальше. Помутилось в голове, пошло рябью...

— Жив ли, праведник? — раздался над головой обеспокоенный голос князя. И Болюсь понял, что уже не стоит — сидит, растопырившись, как пес, на земле, в самой дорожной пыли. И в руках дрожь, и в поджилках.

— Эк тебя прихватило, — пробормотал Казимеж сочувственно. — За такую работу тебе бы, старик, вдвое брать. Видел ли что? Как свадьба пройдет, гладко? Или опасаться чего стоит?

Болюсь выдавил из себя улыбку. Поднялся, отряхнул пыль с широких штанов.

— Все гладко пройдет, — безмятежно щуря ласковые глаза, ответил он. — Княжна жениха не хочет, но противиться свадьбе не станет. Не опозорит батюшку перед народом. Умно ты поступил, княже, когда нашей лебедушке Черного Влада сосватал. Теперь ясно вижу — умно. Потому за

свадьбу не беспокойся. Тот, кто мог помешать, далече — не объявится. Но после свадьбы посылай дочку с мужем восвояси. Загостится, беды не оберешься...

— Беды... — задумчиво повторил Казимеж, глядя вдаль, за спину словнику. — Элькина беда на двух ногах ходит, на лошадке едет. Один раз отведешь, в другой не уймется...

Нехорошее было у князя лицо, во взгляде промелькнула мука — словно беспокоил бяломястовского господина больной зуб, и верное бы дело — пойти к кузнецу, вырвать с корнем, с кровью. Но жалко, привык. И рвать так больно, что засомневаешься: может, перетерпеть, быть поосторожней да поумнее, заменить щипцы кузнеца на травки лекаря, заговорить больной зуб. Или, как всегда делал решительный и мудрый Казимеж, — легче вырвать зуб да новый вырастить, чем городить одно заклетье на другое, ведь, сколько ни лечи, то, что уже было разрушено, долго не протянет.

Сам разрушил князь то, к чему привязался. Когда сосватал Эльке хозяина богатой Черны, когда солгал — услал того, к кому душой привязался, подальше от дочернего греха...

Задумался Казимеж, позволил мыслям, тяжелым, вязким, нести себя. И вдруг опомнился. Тряхнул головой.

Понял Болюсь, что уж решение принято. Видел он это решение, видел, как от него вяжется узлами будущее Казимежа. Только сказать про то не торопился.

Едва князь двинулся дальше меж торговых рядов, а дружинник бросил в ладонь словника тяжелый приятно звякнувший кошель, Болюсь нырнул в заплатанный шатер и принялся торопливо собирать невеликий скарб, бормоча:

— Любит, к сердцу прижмет...

И часу не прошло, как на площади уже не было ни шатра, ни седобородого старца-прорицателя. А был спешащий по дороге прочь из города неприметный старик, суетливый, плешивый, напряженно и испуганно хмурающий низкие брови.

Глава 22

— Вот тебе и удача... Рано, видно, глупец, радовался милости князя Казимежа. Вот тебе и милость... — Между бровями залегла глубокая тревожная морщинка. — Ведь ясно как день, не так прост старый лис. Такому доверяться — глупее не придумаешь. Недаром сердце недоброе чуяло. Мальчишку жалко. Так в том наука: не будь ослом в волчьем логове.

Войцех отвернулся от стола, стараясь не смотреть на белую голубку; долбившую коротким красноватым клювом свое щедрое угощение. Умел Черный Влад доставить радостные вести. Заговоренная голубка летела скорее стрелы. Ах, если б не этот заговор, свернул бы Войцех посланнице белую шейку. Не радость принесла крылатая вестница в дом Войцеха, сбросила с белых перьев досаду, горечь, бессильный гнев.

Князь велел слугам унести прочь голубя, спрятал в рукав послание — приглашение на свадьбу князя Владислава Радомировича из Черны и княжны Эльжбеты из Бялого мяста. Насмехался ветров сын — знал, что не добратся к завтраму ни Войцеху, ни его наследнику, ни несчастному влюбленному Тадеку. Потому и звал Чернский правитель гостей не на венчание, на свадебный пир. В Черну, через седмицу.

Сжались руки в кулаки от такой насмешки.

Да и как не насмехаться. Развесил уши Войцех, поверил, что отдает мальчишке старый Казик свою Эльку. Нет, не Черный Влад честь дальнегатчинского хозяина в грязь бросил, он лишь на брошенное сапогом ступил. И, видно, самому Казимежу встало это решение как кость в горле. Хорошо, не убил мальчишку — домой отослал. Только срам-то. Стыд. И против Черны не пойти — земля богаче, проклятый князь силен, как сама радуга. А как станет он мужем Эльки, так и до Бялого мяста рукой будет не достать.

Попранная честь Войцеха требовала крови, но разум держал тяжелой железной рукой, втолковывал: не месть будет, самоубийство. И ладно бы твое, старый глупец...

Войцех потер ладонью горевший словно в жару лоб и послал за Тадеушем. Мелькнула мысль: не запереть ли парня, пока не остынет, уж больно хорош, чтобы из-за глупой дурехи шею сломить. Потом вспомнил себя старый князь и понял: хоть на цепи повесь — цепь со стеной вывернет и уйдет, не поверит ни отцу, ни брату, глазам своим не поверит, покуда сама бяломястовна ему не скажет, что обвенчана, пока не покажет белой ручки,

где рядом с зеленым золотничьим перстеньком колечко с мужним рубином.

Хорошо знал отец своего Тадека. Четыре с половиной года не видел, а знал лучше самого себя. Потому как сам таким был тому тридцать с лишним лет: и стать, и норов, и страсть. Лешек другой, в мать пошел: разумный, вдумчивый, расчетливый. А Тадусь — льняная рубаха, всякому распахнется, а как налетит ветер, так и полощется.

Верно думал Войцех, не внял Тадеушек отцу, не поверил, что могла его Эленька услать свое «сердце» подальше от двора да выскочить замуж — наскоро, наспех, как дворовая девка подол застирывает. Сперва решил: брешет Черный князь, хочет, чтобы остался Тадеуш дома, запивать неверность любимой молодым вином, умащивать душевную рану сладкой покладистостью дворовых мертвячек. Погорюет княжна и согласится на брак с Чернским Владом.

— Нет, — отговаривал Войцех. — Владислав не пес, чтоб из подворотни брехать. Скорее волк: выть не станет, пока добычу стережет, спугнуть побоится, а уж как запоет-завоет, значит, брюхо сыто, нутро радуется. Раз прислал Черный князь весточку, значит, свадьба — дело решенное.

Метался Тадек, слышать не желал, и только когда разумный старший брат встал на отцову сторону — согласился, что, видно, и вправду разлучила его несчастливая судьба с юной бяломаястовной.

Только все не верил, что предала его Эльжбета, что по своей воле замуж пошла. За Черного-то Влада? За душегубца, лесного зверя? Принудили. Силой под венец ведут...

Этой мысли Тадек не вынес. Как ни держал отец — крикнул седлать. Пусть не заклятье высшего мага — месть, страсть, гордость лошадей погонят. Авось успеет: не к чужой жене — к невесте.

Вышел Войцех на крылечко, глянул, как садится на коня его младший сын, и екнуло в груди. И показалось Войцеху, что отнимают у него часть сердца. Захотелось подбежать, ухватить коника под уздцы, остановить мальчика, вернуть. Видно, стар стал, квашня, а не князь, по-бабьи до слез короток.

Стоял Войцех, молчал, не находило слов расходившееся от тревоги сердце. Умней оказался Лешек. Кликнул мальчика-слугу, приказал девкам поскорее собрать в дорогу еды. Подошел к брату, похлопал по шее коня, а Тадеку вполголоса бросил:

— Поезжай. Обещал верить — верь до последнего. Любит она тебя. Если бы не любила, подсказало бы тебе сердце. А потому поезжай. С моим братским благословением, если оно тебе надобно. А если что, помни, что

здесь твой дом. Со щитом или на щите — возвращайся.

Сжалось сердце Войцеха, просило: останови. Да только сам виноват. Не сейчас, почти пять лет назад надо было — сам на коня сажал. Рад бы себя оправдать.

Глава 23

Да как тут оправдаешься.

Юрек ухнул на пол всей тушей, с грохотом ударил коленями о выскобленные доски.

— Где? — взревел Казимеж. — Почему не ищешь?

И огрел Юрека по широкому затылку.

— Ты хоть знаешь, ветров сын, какие дела вокруг делаются, или дальше бабьего подола твоему разуму дороги нет?! Знаешь ли, что за одного Илария...

Юрек так и торчал, лбом в пол, не шевелясь и не отвечая, кверху выпяченным задом. Казимеж в сердцах плюнул себе под ноги да поддел ногой замершего, как зимний жук, провинившегося палочника:

— Давно?

— Да третьего дня... — едва шепнул Юрек.

— Что ж ты молчал, ветров сын! — прикрикнул князь. — Ищут?

Юрек напрягся, но головы не поднял.

— Почему не ищут? Без рук, да после отповеди за Манека ему далеко не уйти. А тут, понимаешь ли, окаянная харя, его жизнь против моей становится... У, бестолковый, оставался бы в лесниках, коли ума не нажил! Князь тебя из грязи поднял, дело дал важности немалой, а ты за больным, безруким, лежачим — и то не уследил.

— Так помогли ему, княже... — тихо забормотал Юрек и тотчас испугался. Сказал «аз», говори и «буки». А как скажешь, что сама юная бяломястовна помогла. Ядвига, служанка ее, мужичков сонным зельем опоила. А на сонных заклятье крепкое положили — тут уж не Ядзя, тут книжница работала. Не иначе нянька. А может, и посильнее кто, потому как заклятье это было недоброе. Не земной силой заклинали — черным облаком. Решился Юрек, вымолвил:

— Княжна Эльжбета, лебедушка бела, коня Илажкиного давече себе потребовала. Конюх и отдал. А к вечеру сторожей опоили и околдовали. Как очнулись — ни коня, ни мануса. Да только едва ли он сам ушел...

Казимеж побагровел от ярости, сжал кулаки. Поняв, что сказал лишнего, Юрек снова ткнулся стриженной головой в пол.

— Паскуда! — Казимеж толкнул дурака сапогом, отчего тот нелепо повалился набок. Старый князь взъерошил седые с прожелтью волосы, потер усталые глаза. — Иди! Разошли своих по дорогам! И чтоб духу

твоего не было, пока не отыщешь...

Но не верилось Казимежу, что отыщет Юрек беглого мануса. Хорош был Иларий, умен, силен, красив, как радужный хвост. Легко шел по жизни черноволосый манус. Легко брал, шутя отказывался. А заклинал — загляденье!.. Руки гибкие, белые, как ветка осины, и не заметишь, как шевельнет пальцами, а уж дело сделано. За эту его греховную красоту, за легкий веселый нрав девки и бабы любили парня так, что князя порой одолевала жгучая зависть.

Чай, одна из этих баб и упростила сердобольную Эльку помочь, а дочка и не подумала, какую беду сделала. Любовь у них, девок, голову начисто выстужает. Ветер внутри, коса поверху.

Казимеж неторопливо, сдерживая клокотавшую ярость и подступающий к сердцу страх, двинулся в семейное крыло дома, но остановился в нерешительности, не зная, куда идти. Поначалу хотел переговорить с женой, спросить совета, как делал уже более двадцати лет, только подумалось ему, что Агата не любит будущего зятя, а злость с разумом редко сходятся. Потом хотел отправиться к дурехе Эльке и спросить, о чем думала вздорная девчонка, когда в отцовы планы нос сунула, но одумался. Дело сделано, а коли за семнадцать лет в девку ума не вколотили, так теперь уж пусть муж с ней мается.

Казимеж направился в покои наследника. Не хотелось ему говорить об Иларии с Якубом. Сын подозревал, что не простые разбойники в лесу на мануса напали, не раз уже заводил речь о том, как так получилось, что рассердился князь на Илажку, а на следующий день мануса на двор беспамятного привезли. Казимеж отмахивался, мол, времени нет об Илажке горевать. Свадьбу готовить нужно. Важно ли, что к тому привело, если лежит Иларий в тенетах колдовского морока, вот-вот приберет Безноса синеглазого, а Черный князь просит мага в приданое Эльжбете. Неужели отдадим здорового? Не за стол сажать просит князь мага, а Илажка при смерти, вот и послужит благу. Авось если Владиславу нужен будет Иларий живой, так вытащит он мануса из когтей Безносой, силища-то вон какая. Все равно никому, кроме высшего мага, Илария не вытянуть. Вот пусть и решит его судьбу Чернский князь. Если спасет жизнь манусу — получит хорошего мага на полный герб, а если умрет Иларий в Черне — ничего не почувствует. Сквозь такой морок к нему никакие муки не пробьются.

Говорил это Казимеж и себе, и сыну не раз, только Якуб все равно последние дни смотрел волком. И к Иларию ходил три раза на дню, сидел с ним, разговаривал. Может, он и надомил Эльку вывезти раненого, чтобы

Чернцу не достался.

Казимеж остановился у двери сына, но отбросил неверную мысль. Не так глуп был Якуб. Не стал бы подводить отца под удар, не стал бы надеяться вытянуть Илария. С нынешней Якубовой силой из горы искры не вытянешь.

Казимеж вышел из задумчивости, рванул на себя створку.

Якуб сидел с книгою, но отцу хватило одного взгляда, чтобы понять, что парень не прочел и строки. Неопрятная, словно впопыхах собранная одежда, яркий румянец, особенно заметный рядом с белой повязкой, скрывающей верхнюю половину лица княжича, блеск глаз: все говорило о том, что Якубек не слишком рад приходу отца — другие, видно, были у него дела.

— Потолковать нужно, — без предисловий начал Казимеж и, повернувшись к приоткрытой двери спальни, крикнул: — Девка! Вон поди.

Якуб хотел было возразить отцу, но не успел: невысокая смазливая служанка, до самых глаз покрытая багровым румянцем стыда, выскользнула из дверей и, не поднимая взора, бросилась прочь, только мелькнула в косе синяя лента.

— Воля ваша, батюшка, да только... — начал было княжич, но Казимеж прервал его:

— Илария нет.

— Как нет... — Уголки губ Якубека опустились, блеск в глазах погас. — Помер?

— Какое там, — отмахнулся Казимеж. Свалился камень с души. Не мог Якуб устроить исчезновения Илария. — Жив, верно. Не Безносая его увела. Дознаюсь кто, головы не сносят... Только Юрек говорит, что Элька своих баб послала. Что думала?

Якуб отложил книгу, подошел к отцу и, надеясь утешить его, положил руки на плечи. В этот момент сын был особенно похож на князя. Вся его крепкая высокая фигура, стать, гордая посадка головы — все было отцово. Блестел на руке такой же перстень с зеленым камнем — знак княжеской власти.

Этот ненужный перстень да белая повязка на лице Якубека — подарок безжалостной насмешницы Судьбы — заставили Казимежа горько свести к переносице светлые брови и крепко обнять сына.

За те годы, что прошли со страшного дня, Якубек изменился, строже стал, разумней, осторожней. Горько поплатился княжич — не за свои грехи, своих едва ли хватило бы — за грехи отца, матери, а может, и всего рода Бяломястовичей. Не изломала парня радужная топь, но переломила что-то

важное, словно самую суть. Веселого, открытого, как ярмарочные ворота, бесшабашного княжича уж больше не было — был Якуб Белый плат. Выпила радужная топь силу, изуродовала лицо так, что взгляду остановиться боязно. Тщетно билась Агата, сама заклинала, собирала словников и манусов, платила щедро. Закрыв Якуб белым платком лицо — и сам от всех этой повязкой отгородился: от сестры, матери, закадычного дружка Тадека. И с каждым днем становился все более далеким, более чужим. Выходил редко, но с отцом разговаривал все больше, и понял Казимеж, что лучшего советчика и помощника не сыскать.

Одна беда — не мог он посадить на престол бессильного. Из золотников бросила радуга княжича в самые низы — сделала обычным ведьмаком, из тех, что по деревням от порчи да зубной боли на жертвенном камне заклинают. Такому земли не доверять, тотчас найдутся охотники испробовать на крепость господина Бялого мяста, а за слабым магом, а тем паче Судьбой наказанным, и дружина не пойдет.

Чужим стал княжич. Только с отцом остался приветлив и, словно исподволь, благоволил молодому манусу, теплел взглядом. Да и трудно было остаться равнодушным, холодным, когда звоном праздничного колокола разносился в покоях голос мануса, когда расцветала на лице Илария широкая приветливая улыбка.

А еще порой казалось Казимежу, что тянулся Якубек к Илажке, потому как один манус не знал другого княжича, молодого, глупого, резвого, как щенок, едва не утонувшего в студеной воде Бялы. В тот самый черный день явился Иларий на Казимежев двор с письмом отца, Игнация, старого боевого товарища бяломястовского князя. С этим письмом стоял Казимеж у высокого окна, когда привезли на двор Якубека.

Наотмашь ударила Судьба князя по лицу, по отцовскому сердцу — покачнулся князь. Илажка под руку подхватил, не дал повалиться, лицо потерять. Но никак не мог забыть Казимеж, что видел молодой манус его слабость. Хорош был Иларий, силен, весел. Был бы у Казимежа такой сын... Только не был Иларий княжичем, а потому был опасен, а при бессильном, изуродованном, упавшем духом Якубе — вдвое опаснее. Когда заметил Казимеж, что только при синеглазом вертопрахе оживляется обыкновенная задумчивость наследника, подумал: вдруг вернет Иларий ему сына, заставит мальчика воспрянуть духом, вспомнить о том, что он будущий князь. Надеялся Казимеж.

А потом явился Черный князь Влад Элькину руку просить. И смалодушничал Казимеж, послал Юрека на ловлю.

Сердцем страдал Якуб за Илария. Просил, чтоб разбойников тех

сыскали, что мануса искалечили. Казимеж обещал, увещевал. Сам не ведал, как уговорил сына.

Смирился Якубек. Только все же вздрогнул, как сказал князь, что нет Илария.

— Элька, говоришь, Илария отдала? — проговорил Якубек. — Хочешь, я выпрошу?

— Не надо, — отмахнулся Казимеж, отпуская плечи сына. — Посоветуй, как быть. Илажки след простыл. А я обещал Владиславу мануса полного герба. Видел он Илария, согласился. Да где нам теперь мага такого полета, да еще с полным гербом взять?

— Купить, — отозвался Якубек. — Казны хватит.

— С полным гербом за день купить можно не старше палочника, — горько покачал головой Казимеж. — Кто захочет неизвестно к какому хозяину под полновластную руку идти. Может, кто и согласится на серебряный герб — в охрану или дружину, а на полный, в смертники — едва ли найдем... Ведь верное дело, смертники князю понадобились. Поговаривают, радужную топь у себя Владислав пригрел, колдовской силой кормит... Потому, знать, и годился ему Иларий. Ох, Якубек, с огнем играем... Сейчас Влад Эльку берет, на нашей стороне со всей своей силой. А как против встанет...

Казимеж сел на лавку, уронил голову на грудь. Но княжич оставался серьезен и спокоен.

— Не встанет, батюшка, — холодно ответил он, неторопливо приводя в порядок одежду. — Дадим вместо мануса трех, четырех палочников. Юрека, дурака твоего, отдадим. Пусть его князь радужной топи скормит... Не откажется Владислав от Эльки. У нее и род, и сила, и красавица любодорого. А если Владиславу не нужен здоровый, раз берет тех, кого другие не возьмут — калек, стариков, юродивых, так и наловим мы ему юродивых. И среди них золотники и манусы встречаются. На свадьбу, за княжьей милостью да даровым угощением сброду в Бялое набежит — вот и пошли своих парней, нахватают тебе увечных вроде меня.

Якуб горько усмехнулся, видя, как вскинулся на его слова отец.

— Да что там, сам бы пошел. Недобрала меня топь, авось вторым свиданием насытится. Но Владиславу, верно, сила нужна, и я ему негоден...

Казимеж хотел было снова обнять сына, но княжич отстранился, отвел отцовские руки, потуже затянул белый плат на лице — только сверкали в прорезях холодным огнем глаза.

— Не жалею, лучше посылай дружинников да готовь кошелёк. А на

меня не смотри. Сам бы на себя не смотрел. Но это пройдет, батюшка. Как пойдешь, девку кликни, в спальне прибрать надо...

Якуб широко улыбнулся отцу, и на сердце Казимежа потеплело. Подумал, что надо бы девке, той, что с красными щеками выбежала, денег дать да велеть ситцу на сарафан отрезать, чтоб чаще у княжича в спальне прибирала.

Верно подсказал сын. Авось сгодится Владиславу вместо мануса, полумертвого после отповеди, скажем, старый пройдоха-словник... Славно врал, что все ладно будет, а глаза-то лживые, песьи — так и бегали... Вот и пригодишься, плешивый проныра...

Казимеж потрепал сына по плечу и вышел. Девка жалась за углом, думала, проскочит старый хозяин мимо, не заметит. Заметил князь, подошел, поднял резво рухнувшую на пол девку за мягкие плечи, взял пальцами за подбородок, заглянул в лицо. Хорошая была девчонка, молоденькая, простенькая. С темно-серыми, покорными, как у коровы, глазами. Вроде из Элькиных девок.

— Так-то ты от госпожи бегаешь? — с напускной строгостью спросил он. Девчонка потупилась, и румянец на свежих, пушистых, как бархат, щеках из алого сделался едва ли не свекольным.

— Иди, в покоях у княжича прибери, — усмехнулся Казимеж. — А потом к хозяйке воротишься, скажешь, князь с порученьем на рынок посылал...

— Не гневайтесь, господин, — прошептала, не поднимая глаз, девка...

Глава 24

— Вернусь...

Нежно звенел девичий голос. Ворвавшийся в открытое окно ветер подхватил короткое слово, завертел, покатал на влажном языке. Усмехнулся. Воздух отяжелел, как набухшая молоком грудь кормилицы. Вдалеке над верхушками елей клубилась, наливаясь свинцом, туча.

— Останься, — шептала взволнованная дыханием ветра трава. — Останься. Гроза идет...

— Вернусь, — упрямо повторила Агнешка. Не траве — метавшемуся в беспмятстве магу. — Я только еды нам достану.

Девушка сжала в кулаке медальон. Хотя и без камушка уже, а все-таки старый скряга Ян не поскупится. Где он еще отыщет золотничий медальон, годами наговоренный. В таком и сила легче расходуется.

Эх, будь у Агнешки хоть капля этой силы, не стала бы она продавать медальон — матушкину память. Да и сейчас не продать решила, обменять на жизнь синеглазого мага. Ему, как очнется, и есть, и пить нужно будет. От того, что за лошадку из Бялого выручила, ничего, почитай, не осталось — продала как ворованную. А манусу, чтобы силы вернуть, много надо. Это девочке-мертвячке не привыкать: ягодами, корешками, лесными травками сыта бывала. Да что уж греха таить, и воровать приходилось. Но Агнешка ценного не брала: еду, одежду. Не на разживу, а чтоб только с голоду и холоду не помереть. И сейчас, чтоб отдать свой долг манусу, украла бы и сердцем не дрогнула. Только воровать у дома — самой под кулак и жердину бока подставлять. Уйти подальше, в дальние деревни или в город — а куда от беспмятного уйдешь?

Агнешка еще раз посмотрела на медальон. Жалко. Пуще себя жалко. Только за нее, Агнешку, тощую, бледную, с облупившимися от солнечной ласки носом и щеками, с выгоревшими рыжеватыми волосами, и в половину столько не дадут, как за наговоренный медальон.

— А если... — заговорила сама с собою лекарка, но смолкла, прижала к губам свою единственную драгоценность.

Зашла на крохотную кухню, нацедила в ковш отвара, влила немного в бледные губы мануса.

— Ты спи, серденько мое, спи, ясный свет, я к вечеру обернусь.

Поддержала в ладошке бессильную манусову руку, поцеловала чуть повыше перевязанных новиной ладоней тонкое благородное запястье с

голубыми венами, белые холеные пальцы.

Торопливо спрятав на груди медальон, Агнешка выбежала на двор, вывела из стойла покорного новой хозяйке Вражко.

Вороной подставил блестящую шею под ласковые руки знахарки. Эти руки который день и кормили его, и чистили.

— Поторопимся, так до темна обернемся.

Словно в ответ на ее слова темная хвоя сосен всколыхнулась, закипела, пошла волнами. Ветер рванул с головы девушки косынку, и Агнешка с укоризной погрозила наглецу пальцем, вскочила в седло.

Ветер нырнул под ноги коню, запутался в траве, взметнул дорожную пыль и бросил невидимой горстью прямо в серые глаза. Да только и это не помогло. Ударила пятками маленькая гордячка черного коня и понеслась по пустой дороге прочь от темнеющего на горизонте неба, где неторопливо расстилалось сизое полотно туч. И вот уж тронула невидимая рука рыхлое небесное вязание: растрепались края, протянулись — белые на синем — ниточки дождевых струй. И где-то вдалеке промелькнула золотая прядка молнии.

— Гроза идет, — прошептала вслед затихающему топоту копыт трава.

Глава 25

Не гроза — буря.

Грозу пересидеть, переждать можно. Схорониться в погребе, и пусть бушует, ломает плетни да деревья.

Тут другое — расходилась, до самого нутра, кажется, достанет.

Экая гадкая баба.

Она снова принялась колотить в дверь кулаком. И не скажешь, что княгиня, госпожа. Госпоже с такими кулаками на базаре хорошо рыбой торговать, не уступит ни гроша, обругает, а то и поколотит.

Да не на того гроза нашла. Сколько деревьев не ломай, а утеса не своротишь. Владислав из Черны одевался к свадьбе. Тесть был только однажды — сообщил, что помер обещанный Черному князю манус, отповеди не снес. Обещался других достать, и Влад не торопил. В Сторожевых башнях покуда все было спокойно. А вот тещенька приходила уж не в первый раз — сперва степенно, себя не роняя, а потом уж разошлась хуже мертвячки-торговки. Не по душе ей пришлось скорая свадьба.

А Владислав не привык ждать. Дело сделано, записано, подписью скреплено. Годы его не те, чтобы за девками с подношениями да сладкими уговорами бегать. Хочешь наследника, мирись с неизбежным злом: у него должна быть мать. А случается, что и у матери наследника мать бывает.

Владислав оглядел в зеркало кафтан черного рытого бархата, шитый серебряной нитью. Неторопливо унизал пальцы перстнями. Пес с ней, княгиней, пусть бесится. До свадьбы считанные часы, на людях Агата позориться не будет — горда. А в покоях о стенки постучится, так, может, спесь сойдет.

Игор подал господину княжеский плащ. Брызнули искрами камни на гербе, косматый седой волк скалился на черном поле, сверкал рубиновой пастью.

Не глядя в зеркало, князь прошелся по комнате и удовлетворенно ухмыльнулся. Игор был в восторге, это легко читалось в его мыслях, тех, что великан не прятал от своего благодетеля.

— Думаешь, забереешь дочку — и скатертью дорожка? — слышалось из-за двери.

«И как не охрипнет, — подумалось Владиславу. — Этак начнет моя женушка такое откаблучивать, никакому наследнику не обрадуешься.

Только Влад из Черны — не князь Казимеж, терпеть не стану... А княжна умом ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца. Отравить думала...»

Князь засмеялся, уже в голос, вспомнив удивленно-испуганное лицо Эльжбеты, ее дрожащую руку над кубком. Отравить хотела, и то толку не хватило.

Влад взял со стола Эльжбетин кувшинчик, повертел в руках, а потом, словно осененный догадкой, потребовал у Игоря подать ему золотую цепочку. Крепко обвязав горлышко кувшинчика цепью, Влад надел его на шею, так что тот заслонил герб, вышитый на груди князя, и оказался прямо против пасти волка. Не удержался, еще раз вдохнул запах оставшегося зелья.

Отравить решила... Знать, княжна ума невеликого, раз всучил ей кто-то от подневольного замужества слабительное снадобье — от нежеланного женишка да от запора. Сама под запор пойдешь, под замок, чтоб в голове ума прибавилось, а в нраве кротости. Дознаться бы, кто над будущей княгиней Чернской так подшутил. Не пожалел бы для этого шутника князь и целого золотого. Уж больно на руку сыграла шутка. А мануса жаль. Видел его князь, думал вытянуть, как домой вернется. Сила в нем хорошая, послушная.

— Игор, — обратился князь к великану, — говорят, мануса, что помер, под Вечорками разбойнички покалечили. Не заметил ты там чего? Может, с лихими наша ведьма водится, вот и поймать ее не можем. Налетел на нее манус, да поплатился. Хорош был парень и девок, говорят, любил до крайности. Может, и наша...

— Едва ли, — покачал головой Игор, — запах от нее чистый. Девка. А в мыслях у него...

Князь взял в руки тонкий золотой обруч с единственным рубином, надел на коротко остриженную голову.

— Смотрел, да только где в бреду разобраться. Разбойника мертвого видел, за которого он отповедь получил. Полюбовницу видел — чернобровая, пышная. Зелень какая-то. И вроде бы была девчонка, рыженькая как будто. Да только не наша: он — манус, тотчас увидел, что мертвячка. А радужная топь мертворожденную не слушает... Съезди еще, Игор, куда тут канитель со свадьбой. Посмотри под Вечорками, в пути порасспрашивай. Сегодня в тебе надобности нет. Сдается мне, так и кружит тут недалеко наша девка. Может, и не нужно ей никуда идти, чтоб топь повсюду открывать. Видели-то ее только в земле Бяломястовичей: в Вечорках, в Видном, в самом Бялом.

— Думается мне, — глухо проговорил Игор, — что не в первый раз

она в Бялое приходит. Только будто охраняет ее кто, отводит глаза.

— Что же это делается?! Оpozорил! — неистовствовала за дверью Агата. Взвизгнула девка, видно, попалась хозяйке под горячую руку. — Будто избавиться мы от дочки хотим. Будто стыдимся. Нет уж, срамник, нечего нам стыдиться! С вами поеду и жить при дочери буду, чтоб никто и подумать не смел, что мы от нашей Эленьки отрекаемся...

Владислав бросил на замолчавшего Игоря грозный взгляд.

— То есть как это жить? — спросил он, распахивая дверь. — Вы уж, маменька, не позорьте зятя, да и сами не срамитесь. Неуж думаете, что ваша дочка сама с новым домом не управится, без подсказки? Куда вы, родная, от мужнего стола поедете в чужой удел?

Растерявшись от внезапности, Агата раз или два хлопнула темными глазами, однако тотчас пришла в себя, нахмурилась, но гневные речи сдержала. Владислав улыбнулся. Говорил ласково, учтиво.

Пол на мгновение покачнулся под ногами Агаты, перед глазами поплыло. Мелькнула мысль: уж не пустил ли зятек в ход свою магию.

— Ты, зятек, знаешь, — уже спокойно ответила она, и губы шевелились будто сами, исподволь, — что Бялое място нынче лакомый кусок. Случилась с Якубеком беда, и теперь за Казимежем никого нет. Тебе ли не знать, коли на нашей беде ты свою выгоду имеешь. Не позорь Эльжбету, отложи свадьбу.

Агата покачнулась, но Влад поддержал ее за руку, повел к скамье, а сам не слушал, что лопочет, затихая и смирняя, будущая теща. Все в глаза смотрел.

— Сама знаешь, нельзя свадьбу отложить, — вполголоса проговорил он, медленно поглаживая княгиню по руке. — Приедет из Дальней Гати юный Тадеуш, и твоя Эленька сама себя во сто раз пуще опозорит. Мне наследник с хорошей кровью, вам защита, и лучшего уговора нет. А стыд глаз не выест, только щечки зарумянит...

Действительно, до того бледное от бессильной злости лицо Агаты порозовело. Веки княгини словно отяжелели, взгляд стал рассеянным, полусонным.

— Согласна? — вопрошал Влад.

— Твоя правда, — прошептала Агата.

— А теперь, — все так же тихо продолжал Владислав, — расскажи мне лучше о том дне, когда случилась беда с княжичем Якубом. Не было ли рядом кого чужого?

— Нет, — не вскрикнула, еле выдохнула Агата.

Но хозяину Черны и не нужно было ее слов. В бездонной глубине

расширенных зрачков мелькнуло лишь на миг видение: золотые блики в речной воде, выгнутое болью тело, радужный отсвет. Словно рыбка в заводи вынырнуло на поверхность воспоминание, и князю уж было довольно — ухватил, потянул осторожно, разматывая нить Агатиной жизни, и тонкая леса пошла на свет из бурого ила прошедшего, а на ней повисли жемчужные слезки, и отразились в них лица, знакомые и чужие. Княжич Якуб, бледный, с посиневшими губами, как есть мертвец. Светловолосый крепкий мальчик, сжимающий трясущимися руками книгу — не иначе Элькин любимец, дальнегатчинский Тадек. Но князь не стал разглядывать, потянул дальше. Заплаканное личико Эльжбеты — сколько же было в те поры княжне, не более двенадцати. Хорошо умел скрывать свои беды Казимеж, никто из соседей и подумать не мог, что наследник уж несколько лет бессилен. Ай да старый лис, знать, надеялся нового наследничка слепить, да годы подвели...

Влад нахмурился. Что-то мешало, не позволяло двинуться дальше. Словно висело на памяти княгини охранное заклинание, умелое, сильное. Но Черный князь оказался сильнее — шепнул, и тотчас выскочил узелок на леске памяти, а за узелком — злое, исковерканное болью лицо старой няньки и...

Ухнуло в груди чернского господина. Узнал. Хоть и не видел ни разу, а тотчас узнал. А может, принял желанное за верное, жажду за правду.

Рыжеватые выгоревшие прядки, серые глаза, перепачканное пылью детское лицо...

— Была она там, — сам себе вполголоса пробормотал Владислав.

— Была, — подтвердила неживым голосом очарованная княгиня. — Девочка... Эльке в служанки... Яблоки украла... У нее... Без камня...

— Что без камня? — резко спросил Влад. — Что у нее было? Чем она колдует?

— Здесь... — Агата потянулась рукой к горлу, замолчала, задышала прерывисто, словно кто сдавливал ей грудь.

— Что? — громче спросил князь, вцепляясь длинными темными пальцами в пышную белую ручку Агаты. — Что у нее было?

Боль от сильных пальцев высшего мага пробила брешь в тумане, окутавшем княгиню. Она с усилием втянула ртом воздух. Тонкая леса памяти щелкнула, обрываясь, и выскользнула, ушла в темную глубину. Агата закрыла глаза, задышала тихо, покойно.

— Игор, — кликнул Владислав, поднимаясь со скамейки, где оседала спящая княгиня. — Отнеси мою дорогую тещу в ее опочивальню.

— А свадьба... — начал было Игор, но не договорил, потому как

господин надменно приподнял брови.

— Через четверть часа проспится наша лебедь белая. Успеет еще побуяннить. А вот о разговоре этом запомнит, и ты не напоминай. Из опочивальни уходи сразу, а по дороге служанок к хозяйке позови, мол, князь Казимеж за супругой уже несколько раз посылал...

Владислав обернулся к окну, неожиданно жадно втянул грудью душный, сладкий от цветочного меда воздух.

— Была она здесь, Игор, — зло выдохнул он, ударив широкой ладонью по подоконнику. — В тот день была, когда топь княжича изломала. Сильная девка — за обиду свою сторицей отплатила. Не желал бы я ее во враги, Игор, а в союзники... Да за это...

Князь нехорошо ухмыльнулся, коснувшись пальцами груди и кувшинчика на золотой цепочке:

— За такую союзницу отдал бы плаксу-бяломястовну со всем ее приданым. Только вряд ли дастся нам вечоркинская ведьма живьем, с такой-то силищей. За свою землю я спокоен — маги в каждой башне сидят, от золотника до словника. А вот Бялое... Гнездо тут у нашей птички. Гляди, Игор, чтобы она нам глаз не выклевала...

Глава 26

— Думаешь, с бабой справиться не смогу? — Самодовольная улыбка никак не вязалась с тревожным блеском небольших темных глаз.

— Такое дело доверили, а ты собственной бабе нрав укоротить не можешь, — усмехнулся в ответ Косма. — Илажку, и то не устерег. Может, Каська его и вывезла, у муженька из-под носа. Схоронила где-нибудь в лесной хижине да похаживает...

Улыбка сползла с круглого лица Юрека, он насупил густые брови, задышал тяжело и шумно, как дышит бугай, завидев красную тряпку. Но Косма не заметил перемен в лице приятеля:

— Вон твоя-то как вырядилась, на площадь, знать, собралась...

— Дома посидит, не убудет, — прошипел Юрек.

Загривок палочника от ярости налился красным, руки сами собою сжались в кулаки.

Но суровый вид мужа вовсе не испугал Катаржину. Сопревшая от важности и жары, в новой нарядной красной юбке, в праздничной душегрейке, темная соболя опухка которой так шла к ее широким блестящим бровям, молодая женщина неторопливо спустилась с крыльца и пошла прочь, покачивая бедрами.

Косма усмехнулся было, Юрек подался вперед. И тут Каська замедлила шаг, обернулась через круглое сдобное плечо и так глянула на мужа, что его сердце ухнуло вниз, в одно мгновение перевернув нутро, отчего поселилась в кишках ноющая боль, а потом рванулось и застряло комом в горле, перекрыло дыхание. И тотчас схлынула ярость, улегся гнев, растаяла решимость. Любил, пуще жизни любил Юрек свою блудливую гордую Каську.

Толстую черную косу, соболиные брови, томный с поволокой взгляд, пышное, податливое тело.

И верил, что и она любила его. По-своему, как умеют лишь бабы да кошки: то ластилась, то рвала в кровь острыми коготками.

Соблазнил, заморочил голову Катаржине чернявый манус Иларий, словами ласковыми заворочил смазливый молодчик красавицу колдунью. А может, и без заклатья не обошлось — Каське хоть белыми искрами в глаза сыпь, не заметит. И не ворожея почти, без малого мертвячка. Дала Землица красоты, а силой колдовской обделила.

«Да и зачем ей сила, — подумал с горьким вздохом Юрек, — когда она

одним взором своим, одним изгибом бровей все нутро мне выжигает».

Выговорил через нахлынувшую влюбленную робость:

— Ты куда, Кася?

— На площадь пойду, — фыркнула Катаржина. — На Черного князя смотреть. Авось приглянусь кровопийце, сжалится он надо мной, да тебя, постылого, в жабу оборотит...

Хмыкнул за спиной Юрека насмешник-приятель, только не обратил палочник на него внимания, пошел рядом с женой, приноравливаясь к ее шагу. Зашипел, склонившись к самому уху:

— Думаешь хахаля своего повидать? Так не надейся, нет его... Весь был спесь — да вышел весь...

— Бодливой корове Землица рогов не дает, — отозвалась Катаржина, опуская взор, в котором на миг мелькнула тревога. — Вот и ты, сколько ни бреши, ветер унесет. Откуда тебе знать, если тебя Казимеж за стол не пускает. Ишь, важная птица, для князя шкуру готов выворотить, а за чаркой с ним другие сидят...

— Другие, да не твой Илажка, — глухо рыкнул Юрек. — Если он и сидит сейчас за столом, кушать ему Безносая подает.

Вымолвил, да так и впился взором в лицо жены, надеясь угадать, не она ли помогла скрыться полумертвому манусу.

Вспыхнули страхом и болью бархатные Каськины глаза, приоткрылись алые губы, сбилось дыхание.

«Нет, не она Илария увезла, — с затаенной радостью подумал Юрек. — А значит, и опасаться нечего, пусть ищут мужички беглого и его помощников».

— А ты бы и рад на тризне манусовой выпить, — чуть дрогнувшим голосом ответила Катаржина, — да только не дожدهшься. Жив манус. Вот здесь чую...

Юрек глянул на маленький кулачок, прижатый к сердцу, и лицо его сделалось страшно. Ненависть, жгучая, черная ненависть сжала сердце. Показалось ему, что, будь перед ним сейчас княжий манус Иларий — не пожалел бы, ни за какие господские милости не пожалел, бросил посох, вцепился обеими руками мучителю в горло и давил до последнего хрипа.

— Что ж ты не чуешь, как ты мне душу рвешь? — Горький укор вырвался сам, слетел с губ раньше, чем Юрек успел перехватить выпорхнувшие слова.

Каська надменно усмехнулась, и только темная складка, затаившаяся между бровей, выдала с головой ее горе и тревогу.

Давно не был у нее красавец манус. Уже стала она думать, что забыл

Иларий свою Касю, нашел поговорчивей. Как корила она себя, лежа за полночь в темной спальне, и сон не шел, лишь дразнил обещанием покоя. А под утро, смежая усталые глаза, видела перед собой синие очи Илария, вспоминала до последнего слова дерзкие речи.

И тоска, от которой жизнь казалась мучением, точила изнутри белое сдобное тело молодой красавицы. От этой тоски вдвое, вчетверо отвратителен был постылый муж. И ласка, и любовь его были хуже побоев.

Сейчас, глядя на стриженую голову мужа, на темные, глубоко посаженные злые глаза, на крепкую коренастую фигуру, видела она рассыпавшиеся черные кудри, синий насмешливый взгляд, высокий гибкий, как тополь, стан своего ненаглядного.

«А вдруг не брешет?» — зашептал кто-то внутри, и от этого шепота похолодели руки.

Но крепкая деревенская природа взяла свое — Катаржина сжала губы, заставляя тревогу умолкнуть, и прибавила шаг. В потайных карманах широкой красной юбки хватало монет, чтобы не слушать попусту шепот страха, а вывести правду, если не в княжьем доме, так хоть в цветастом шатре словника-ясновидца. Любит, не любит, к сердцу прижмет...

Но не случилось Катаржине спросить у старого Болюся о своем возлюбленном. Шустер оказался плешивый прощелыга — утек, как вода. Зря толкалась Каська на базаре, зря заглядывала в шатры.

Люд широкой рекой тек на площадь, к месту свадебного обряда, и как ни толкалась молодая женщина локтями, как ни бранилась — толпа проволокла ее по улице почти к самому княжьему крыльцу.

Девки торопливо накрывали «людские» столы, а крепкие дружинники, большей частью палочники, сдерживали зевак и разномастный сброд, ожидавший щедрой княжьей подачки. Катаржина, яростно работая плечами и локтями, пробралась вперед и стала выглядывать черноволосого мануса, думая, как начнется толчея, кинуться под один из столов.

Страдая от жары, удушливого запаха немых тел и ароматов еды, от которых сводило живот, Катаржина оглядывалась по сторонам. Сжатая со всех сторон, она едва могла дышать, но все-таки нашла в себе силы игриво улыбнуться одному из дружинников. Дитина-палочник загляделся на чернобровую красавицу, рыкнул на оборванца и толстую, красную от натуги бабу, что старалась локтем запихнуть девушку обратно в колышущуюся толпу. Красавица улыбнулась вновь, обнажив белые ровные зубки, и дружинник, словно зачарованный, шагнул ей навстречу, не замечая, как щуплый мальчишка-оборвыш в штопаном колпаке нырнул ему под руку и ужом скользнул за угол княжьего дома, сшиб с ног высокую

худую ведунью в черном, что уже собиралась скользнуть в сторону дома. Но дружинник увидел ее и затолкал обратно в толпу.

А маленький попрошайка, согнувшись в три погибели и надвинув на самые глаза колпак, пополз, прижимаясь к стене, но не в сторону кухни. Он обошел дом, двинулся к открытым окнам домашнего крыла, постоял, прислушиваясь, а после скользнул к двери.

Глава 27

Осторожно приоткрыл створку, воровато заглянул одним глазом, сунул голову, а после и весь просочился через узкую щель.

А любопытство так и толкало идти дальше, посмотреть, разнюхать.

И было что разнюхивать.

Тонкой атласной лентой вился из глубины дома нежный, пряный дух жаркого. Стелился широким бархатным полотном запах перловой каши, крупинка к крупинке, что скатный жемчуг. Сплетался в кружево аромат свежей ущицы: дохнет сорожкой, поманит лещиком, закружит стерлядочкой.

Проха приняхался, и пасть тотчас наполнилась вязкой слюной.

Живот зашелся голодным стоном, и Проходимка потрусил в сторону кухни. Авось бросит Судьба косточку с барского стола.

Только не смиловивилась. Манила, ласкала собачьи ноздри ароматами, искушала песью утробу обещанием благостной сытости. И провела. Прошлась по Прошкиной мечте большими воронными сапогами. Да что там, сапожищами.

Сапоги, громадные, как кухаркины чугуны, вынырнули из-за угла так внезапно, что Проходимец, неумолимо влекомый запахами съестного, налетел на них, взвизгнул и, невзначай поддетый носком, отлетел к противоположной стене.

— Куда, песья харя, али брюха не жалко? — рыкнул на гончака Игор.

Жалко было брюха. Голод так и крутил собачье нутро. Со всей этой свадьбой старому хозяину было не до Прошкиного счастья, вот и ходил Казимежев любимец с урчащим животом да вострым носом. К каждому ластился. К добросердечной Ядзе, к капризной, но отходчивой молодой княжне, к молодому князю, когда тот бывал в духе, даже к толстомясому Коньо.

А вот к беловолосому Игору подходить побаивался. Все чудилось Прошке, что от чужака пахнет чем-то страшным, нехорошим. Смертью пахнет, кровью. Вот и сейчас, получив сапогом под ребра, пес не рыкнул, не залаял на нежданного обидчика, а засеменил прочь, опасливо оглядываясь.

От беловолосого тянуло бедой.

Но, видно, невзлюбила нынче Судьба своего пасынка — гончака Прошу, потому как великан, бесшумно ступая громадными сапогами,

двинулся за ним.

Страх вышиб Проходимке нюх, и запахи из кухни больше не имели над ним власти, временщики-ноги мигом поволокли пса дальше в дом. Напрасно верещала во лбу разумная мыслишка, что бежать надобно на улицу, нырнуть в колени беловолосого, юркнуть между глыбами сапог — и давай Землица ноги... Твердил здравый собачий смысл, что во дворе что ни куст, то спасение, а в доме за каждым углом не трепка, так затрещина.

Но, хоть тащи из Прошки потроха, не решился бы он оглянуться на Игоря. Только прибавил ходу да поджал широкий хвост. И аут навстречу вынырнул, отдуваясь и пыхтя, толстолицый Конрад. От него пахло кухней — и Прошка с тоской понял, что негодный толстяк уж побывал в чудном царстве и, верно, щедро попробовал из котелков княжьей стряпухи.

— Собирайся, Коньо, хозяин требует, — без приветствия буркнул Игор. Проходимка нырнул под широкие полы Конрадова одеяния и кинулся за угол.

И остолбенел.

Прямо перед ним на высоком столе стояло чудо, за которое Проха мог бы и поверить во всех богов, и продать радуге свою собачью душу. Дымящееся блюдо, на котором возлежал, сладко раскинувшись, жареный гусь. Золотом светились на солнце, в пышном убранстве зеленых косм петрушки, круглая грудка и соблазнительно выставленное над тарелкой пышное бедро, по которому вниз от желтой косточки медленно ползла одинокая янтарная слеза гусяного жира.

Всем своим существом, от вытянувшегося в струнку хвоста до влажного носа, жадно ловящего немые зовы жареного гуся, стремился Прошка облегчить это одиночество — уступить сладким посулам голода, слизнуть широким языком светлую каплю, вонзить зубы в золотистый бок.

— Дай хоть в дорогу чего соберу, — слезливо отозвался за спиной Коньо. — Вон харчей к свадьбе наготовлено. А мы с тобой с пустым брюхом поедем...

Слюна комом встала у Прошки в горле. Он спружинил на четырех ногах разом и подпрыгнул, надеясь прильнуть жадной пастью к вожаденному поварскому чуду, покуда толстый Коньо не разлучил их. Однако не достал и собрался было уж прыгнуть во второй раз.

— Уймись, — глухо рыкнул Игор. — Уж твое брюхо, видать, праздновать загодя начало. Не на прогулку едем, на такое дело, что, может, и не стоит пузо набивать.

Игор нехорошо усмехнулся. Прошка выдохнул, вслушиваясь, не двинутся ли шаги в глубину дома, подальше от кухни.

И услышал. Да только совсем в другой стороне. Тотчас дверь из кухни распахнулась, и на пороге с полным блюдом пирогов возникла одна из княженкиных девок Круглая, где нужно, румяная от печного жара. Да видно, не только от него, потому как следом за нею скользнул в двери молодой хозяин, ухватил девку за локоток, вынул из рук вмиг сомлевшей дворовой блюдо.

— Ядзя, ласточка, — низким, чужим голосом прошептал молодой хозяин. — Да скоро ль ты управишься?

— А вы бы, княжич, шли к свадьбе одеваться, — краснея, торопливо затрещала Ядзя. — А то ведь сестрица ваша расстроятся. И так с самого утра тоскуют.

— Потоскует, да и повеселеет. У Эльки на тоску ума недостает. А я бы рад переодеться, да только вот незадача, Витека я на рынок услад. Не пособишь ли одеваться, — с улыбкой проговорил молодой хозяин, поднимая блюдо с пирогами над головой. И Ядзя, потянувшись за ним, прижалась к наследнику Бялого полной грудью. А потом, словно забыв о пирогах, провела пальцами по белой повязке на глазах у княжича. Пальчики побежали по щеке, спустились на грудь, скрытую только тонким сукном.

Якуб выдохнул, словно его ударили в живот, ухватил Ядзю за пояс, потянул к себе, резко поставил полное пирогов блюдо рядом с гусем. Янтарная слеза сорвалась и бесследно канула в глубине блюда. Прошкино нутро отозвалось гулким урчанием.

Ядзя вздрогнула, вырвалась из рук княжича. И тот, зло глянув на несносного отцова любимчика, схватил со скамьи ополовник и замахнулся, чтобы запустить в широкую морду пса.

— У, проходимец, песья харя! — взвизгнула Ядзя. — Чай, спер чего!..

Проха не стал ждать Якубова подарка и ринулся в двери, мысленно прощаясь с дорогим сердцу гусем. Шарахнулся туда-сюда, заплутал в ногах у торопившихся на двор девок. Видно, у княжьего крыльца уж выставили столы — угощать честной люд в честь свадьбы княжны. Да Прохе было не до того: одна из служанок в суматохе наступила благородному гончаку на вертлявый хвост. Проходимка взвыл, от досады и боли кусанул дуреху за толстую пятую, и тотчас другая, поживей да посмелее, хорошо поддала псу в отместку за подружку ногу и опрокинутые в сутолоке блины.

Блины подобрали, кое-как уложили на широкое блюдо, отряхнули рукавом — в народную харю за дармовщинку и этак пойдет, повалявши. Только Проха не видел страданий блинов, он уже скрылся от праведного гнева девок под лавкой и, улучив момент, рванул дальше, туда, откуда

долетал запах скошенной травы и конского навоза — на двор.

Столы во дворе уж поставили, а тетушка-суматоха да бабушка-толчея без куска хлеба не оставят. Досадуя на себя, бестолковую голову да урчащую утробу, Проходимец торопливо засеменял по выскобленным до бела доскам. Но Судьба шельму метит, и сколько ни юли, вороватую морду ни прячь, а по носу щелкнет.

Уж хотел непутевый Проха нырнуть в дверь, как она отворилась, и взошел потный и бурый от жары и усердия Юрек.

Прошка метнулся было от его сапог обратно — и тут хода уж не было. Навстречу Юреку, не обращая внимания на сжавшегося под скамьей Проху, вышел скорым шагом старый хозяин. Одетый пышно, богато — видно, уж к свадьбе изготовился. На груди, на плечах гербы княжеские — камней, как у бабы на кадке с капустой. Каждый по голубиному яйцу. Так и сияют, так и переливаются, искрами драгоценными сыплут.

— Сколько набрали? — грозно спросил старый князь, а Юрек, дурья башка, все вьется, медлит.

— Двух золотников взяли, слепого да увечного, мануса-старика — отбиться хотел, да мы скрутили.

— А старого словника? — напряженно спросил князь. — Того, что в линиялом шатре, взяли?

Глаза Юрека, и без того невеликие, сузились, забежали, правая рука, своевольничая, принялась пощипывать край левого рукава.

— Не успели взять, княже, — оправдываясь, проговорил Юрек. — Утек старый прохвост. Видно, в будущее глянул...

— Глянул, — осипшим голосом пробормотал князь. — Да ничего. Хватит. Веди этих в подвал да ставь с ними Витека. Он, знать, потолковей тебя. Авось не разбегутся.

Бурая краска не то стыда, не то гнева залила шею и уши Юрека, но князь не глядел на него, потер пальцами высокий лоб.

— Вот что, Юрек, — бросил он, поворачиваясь на каблуках, — дам тебе оправдаться. К вечеру приходи.

И Казимеж ушел, тяжело ступая подкованными сапогами, а Юрек поднялся с пола и принялся отряхивать плащ, бормоча под нос ругательства, от которых даже издавшему виду Прохе стало скверно.

Проходимка высунул нос, надеясь прошмыгнуть мимо Юрека, но тот заметил его и что есть силы ударил по широкой голове.

— У, песье отродье, пшел! — рявкнул он, словно бедолага-гончак был повинен во всех несчастьях палочника. — Пшел, тебе говорят, паскуда! Пришибу!

Прошка, не пожелав быть пришибленным, кинулся прочь, в домашнее крыло. И тут в одно мгновение забыл и страх, и голод. Охотничий азарт поднял голову, заставляя пса устремиться, торопливо стуча коготками, в сторону хозяйских спален.

Пахнуло чужаком. И все было бы ничего. Дом, наполненный людьми, обрушивал на собачий нос тысячи запахов. Но этот... Этот он узнал бы из тысячи тысяч.

В одной из комнат был тот, кого Прошка пытался достать, да так и не достал под воротами княжьей охотничьей деревеньки. Того, чей запах уловил он, когда ткнулся носом в одежду раненого Илария. Прошка любил Илария за щедрость, за веселый нрав. Да разве мог он за все те сахарные кости, за пироги с рыбой, печенкой, мясом, за кулебяки, что получал от мануса, не отблагодарить его лучшей собачьей благодарностью — поимкой злодея-мучителя.

Проходимец кинулся в дверь, другую, третью, чувствуя, как запах чужака из тонкой ниточки превращается в веревочку, узкую ленту...

Крупный пес ворвался в комнату так внезапно и шумно, что одна из девок выронила корыто с водой, вторая поскользнулась и ухнула навзничь, по пути угодив расческой в глаз той, что разлила воду. Обе взвыли, стараясь ухватить вьющегося между ними Проху. Но он перескочил через перевернутое корытце и рванул дальше, в полутемную комнатку, угодил боком в дверь, но створка не поддавалась. Тогда Проха разбежался и, подпрыгнув на всех четырех ногах, ударился. Дверь отворилась, и Проха повалился, отфыркиваясь и глухо рыча, прямо к шитым туфелькам княжны.

Эльжбета охнула, бледнея, прижала руки к щекам и тотчас попятилась, потому как гончак смотрел не на нее, а на открытое оконце, в котором — он мог поклясться — мгновение назад исчез штопанный колпак чужака. Не обращая внимания на сдавленный вопль у Эльжбеты, Проходимка вскочил на лавку и перемахнул через подоконник.

Глава 28

— Скорей, скорей! — торопило прыгавшее в груди сердце. — Торопись!

Не разбирая дороги, не оглядываясь по сторонам.

— Эх, Цветноглазая, хоть бы одолжила ты мне свой ветер... — Тадек похлопал усталого коня по шее, но тот уже начал привставать. Тадек любил лошадей и в другой день пожалел бы беднягу, но острая шпора злости колола ему сердце, тревога застилала глаза матовой пеленой, и он жестоко торопил измученного гнедого. Трое суток до Бялого из Дальней Гати. Но если не жалеть лошадей, то можно и раньше поспеть.

Откуда под самые копыта сунулся старик, Тадеуш так и не понял. Увидел только, как плешивый растяпа, дергая ногами, катится в придорожную канаву. Молодой книжник выругался просто и скупно, как человек, которого душит ярость. Спрыгнув с лошади, подбежал к старику и нетерпеливо подал руку:

— Поднимайся, — бросил он. — Жив?

Старик уцепился за протянутую ему ладонь, пытая и отдуваясь, выбрался из чертополоха и приготовился стонать и жаловаться, но перевел взгляд на лицо юноши. Тадек даже невольно потрогал ладонью лоб, щеки — может, испачкался где ненароком или запуталась в волосах ветка. Нет. А старик так и впился взглядом ему в лицо, и взгляд был странный, то ли испуганный, то ли печальный.

— Не езд, — наконец зашептал странник, пристально глядя в глаза Тадеку. — Ничего не воротишь, а Безноса тебя уж в перелеске дожидается. Разговор у нее к тебе есть... и не белый, шитый золотом платочек приготовила она тебе в дар...

— Так ты, дед, не иначе словник, мое будущее видел, а копыт конских не заметил? — отозвался Тадеуш, стараясь не поддаться страху. Он собрался снова вскочить в седло, только старик вцепился в его руку своей кривой рачьей клешней, да так, что пальцы свело судорогой:

— Не в твое будущее я глядел, да и для тебя увидел достаточно. Не езд, отступись...

— Нет, старик, твоего будущего, — бросил Тадек, стряхивая с себя цепкие пальцы словника. — Покуда настоящим не станет, нет его. Словно ты молод не был. Сам знаешь, что не отговоришь, зачем каркаешь...

Старый словник обеспокоенно оглянулся и, поднявшись на цыпочки,

шепнул:

— Не подашь ли старику на постой да пропитание?

Тревога, давившая Тадеушу сердце, отхлынула. Страх отступил, съежился, поблекнул. Видно, растревоженное сердце сыграло с молодым книжником злую шутку, вот и принял он старого попрошайку за ясновидца, готов был поверить его болтовне.

Тадеуш бросил старику монету, вскочил на коня, досадуя на задержку и собственную доверчивость, и поехал дальше. А старый Болюсь остался на дороге, придирчиво осмотрел монету, фыркнул, достал из рукава толстый, шитый шелком кошелек, подбросил его на руке, определяя вес, и побрел в другую сторону, туда, где ныряла в лес тонкая, едва заметная тропинка.

— Спасибо, Тадеуш из Дальней Гати, — пробормотал себе под нос словник. — Может, и не отворотить этим твоей судьбы, дороги не выпрямить. А всяко благо, коли в пути замешкаешься. Что гневить Чернского Влада? И старый Болюсек сыт нынче будет. Хоть и невелико добро, а спасибо.

Глава 29

— Спасибо брюха не наполнишь, — проворчал оборванный парнишка в колпаке, и цепкий, тяжелый взгляд серых глаз под выгоревшими ресницами так и впился в лицо княжне.

Невеста, уже одетая к свадьбе, была чудо как хороша. А от смущения, страха и вины, что легкой тенью легла на тонкие черты, казалась еще прекраснее. Розовые щечки расцвели ярче, а в распахнутых глазах блестели готовые пролиться слезы. Но немая просьба и искреннее раскаяние бяломаястовны не тронули сердца паренька — он протянул руку и открыл широкую перепачканную ладошку:

— Что, княжна, не найдется ли у такой красавицы пары монет для словницы Ханны? Ведь, не ровен час, слетит словечко — упорхнет и пойдет по языкам. Узнает князь, что его невеста...

— Едва ли ты меня напугаешь, словница. Мой жених уверен, что я желала отравить его, а потому, что бы ты ни сказала, вреда не будет, а глядишь, и оправдаешь меня... — ответила Эльжбета, стараясь казаться спокойной и насмешливой, но светлый, как звон колокольчика, голос княжны надломился и прозвучал жалобно и тихо.

— Может, и оправдаю, — медленно и грозно ответил мальчик-попрошайка. — Может, и по нраву придется Черному кровопийце, что его женушка с радужными тварями договор заключила... Может, у него найдется монета для словницы.

Едва ли можно было узнать гордую паву Ханну в этом смешном заморыше, но в голосе попрошайки — пусть всего на мгновение — прозвучала стальная уверенность и угроза. И Эльжбета послушно опустила голову. Толкнула рукой дверь и крикнула:

— Юлитка, подай шкатулку.

Послышались торопливые шаги: Юлитка, что подслушивала под самой дверью, побежала исполнять хозяйское повеление. Попрошайка вновь надвинул на глаза штопаный колпак и запахнул старую одежду. На какое-то мгновение и в серых глазах мелькнула тревога: а вдруг не за деньгами побежала расторопная девка. Кликнет Юлитка дружинника...

Нет, много было дела в тот день у княжьих дружинничков. Где праздник, там бесчинства втрое: самое раздолье вору в толпе, а поймают воришку — вот и драка. А в общей драке и до смертоубийства недалеко. Ну, скажет служанка, что забрался в покои княжны паренек-попрошайка,

так что в том странного. В толпе ему верная гибель, а так подаст княжна милостыньку ради матушки-Землицы.

В другой день вывели бы паренька тотчас во двор да за наглость поучили хворостиной, а тут до него ли. Пусть сделает невеста угодное Земле дело, а тумак своих парнишка и в другой раз получить успеет.

Точно так и подумал Юрек, когда Юлитка ухватила его во дворе за рукав и прошептала, что в покои к «белой лебеди» забрался бродяжка.

— А не похож бродяжка на Тадеуша из Дальней Гати? — с нарочитой усмешкой спросил Юрек, не сводя глаз с толпы, где в первом ряду улыбалась плечистому дружиннику Катаржина. От княжьей взбучки еще горели гневом и стыдом уши, ныл ушибленный бок.

— Не похож, мальчик совсем, мне едва по плечо, — отозвалась служанка.

— Так и пусть бы с ним, — отозвался Юрек, — оставь, Юлитка, не твоего ума дело. Решила княжна облагодетельствовать перед свадьбой живую душу. Что ж тут странного? Последний денек под родительской кровлей, завтра поутру ей в Черну ехать, чудовищу в логово. Самое время земную душу отмолить, Судьбу щедрым подарком умиловить.

— Какой ты умный, Юрек, — пролепетала Юлита, поглаживая пальчиками напряженное плечо палочника, но Юрек, видно, не заметил этой ласки. Он видел лишь, как Каська вытянулась во весь рост, словно выглядывая кого-то. Знать, все ждала, что появится на площади красавец манус.

Вместо этого откуда-то из-за угла дома вылетел сломя голову маленький оборванец. Знать, тот самый, о котором говорила Юлита, потому как служанка вскрикнула и указала на мальчишку пальцем.

Колпак бедного парня съехал набок, мелькнули рваные штаны да босые пятки, и мальчишка стрижом нырнул в толпу.

Юрек невольно подивился, как легко, лихо толкаясь, бранясь и скользя между зеваками, бродяжка пробирался против течения галдящего потока толпы. Его колпак мелькнул в пестром море, и тотчас к общему гаму прибавился еще один — отчетливый и знакомый — звук: из-за угла стрелой вылетел княжеский гончак Прошка и с лаем устремился по следам паренька-попрошайки. Да только псу повезло меньше. Едва сунувшись в толпу, он получил пару раз сапогом, взвизгнул, сунулся снова, запутался в широкой бабьей юбке, порвал ее, получил по ребрам каблучком нарядного сапожка, зарычал, оскалив зубы. Баба шарахнулась, и Проха нырнул в гущу народа.

Юрек, развеселенный зрелищем, искал пса глазами в гомонящей

толчее. Но в этот момент людское море вздохнуло одним глубоким общим вздохом и подалось вперед.

На покрытом алым бархатом — цвета жениховой силы — помосте появился хозяин Бялого, добрый князь Казимеж. В изумрудно-зеленом кафтане, положенном господину-золотнику.

В толпе радостно закричали, приветствуя хозяина, но тотчас умолкли, потому как в одно мгновение за левым плечом князя вырос жених. Солнце коснулось кровавого рубина на его обруче, и камень вспыхнул, как глаз радужного чудовища.

Юрек с любопытством рассматривал весь наряд жениха, и в особенности этот горевший во лбу рубин — знак Высшего мага, да простенький на вид небольшой кувшинчик, обвязанный по горлышку золотой цепочкой.

— Знать, от сглаза бережется, — подумал Юрек, оглядев крепкую фигуру властителя Черны с некоторым уважением. — Хоть и высший маг, а опаску имеет. Завсегда найдутся силы, от которых никакое колдовство не спасет...

И Юрек с тоской посмотрел на замеревшую от предвкушения зрелища Катаржину. Нашлась в слабенькой ведьме Каське такая сила, что его, палочника Юрека, на колени поставила. Сердце вынула и ножкой растоптала.

Глава 30

Болит сердце, ноет. И бьется мысль: как запуталось все, закрутилось. И затягивается все туже, не позволяет дышать.

Эльжбета потянула расшитый жемчугом высокий воротник, жадно хватая ртом воздух. И тотчас почувствовала, как мать больно ущипнула ее за локоть.

Словно и не жарко было княгине в соболях да бархате. Прямая, высокая, грозная, она почти не смотрела на дочь — не сводила взгляда с будущего зятя. И во взгляде этом не читалось ничего хорошего. Площадь тихо рокотала, ожидая невесту. Невидимые за праздничными воротцами, увитыми выюном и хмелем, мать и дочь видели все: облаченного в черный бархат жениха; князя Казимежа, за последнее время будто постаревшего, но гордо держащего белую голову; пестрый ковер толпы.

— Поздно бояться, — почти рыкнула княгиня, подхватывая под руку дочь. — Ты без малого владелица Черны, так что будь добра, держи голову, не позорь отца. И без тебя ему позора хватит...

Эльжбета почувствовала, как подступили предательские слезы. Она задержала дыхание и широко открыла глаза, чтобы не дать влаге заструиться по щекам.

Агата заметила ее движение, погасила горевший злостью взгляд, погладила дочь по склоненной голове:

— Успокойся, милая. Плакать — дело пустое. Я тебя не оставлю.

Глаза защипало с удвоенной силой, и Эльжбета уже собралась броситься на шею матери, но Владислав, еще мгновение назад неподвижно, словно каменный идол, стоявший на краю помоста, двинулся в их сторону.

Его глаза превратились в узкие темные щели, губы дрогнули, а рука потянулась вверх. Эльжете показалось, что князь тоже страдает от жары и желает ослабить хватку ворота. Но широкая темная ладонь остановилась напротив вышитой на гербе волчьей пасти, и тонкие пальцы принялись, словно в задумчивости, постукивать по небольшому глиняному кувшинчику.

Эльжбета перестала дышать, страх выбил из головы все мысли, и сердце бешено заколотилось в висках.

— Все хорошо, мама, — едва выдохнула она, стараясь улыбнуться, но губы лишь судорожно дрогнули. — Идем. Князь ожидает нас...

Как ни пыталась Эльжбета припомнить, что было дальше — ничего не

выходило. Словно околдовал ее Черный князь, вынул волю, заполнив пустоту странным равнодушием. Воспоминания вились вокруг гудевшей болью головы, но не давались. Элька ловила их, пыталась собрать, а картины прошедшего дня рассыпались цветными лоскутками, радугой пестрых обрывков.

Вспомнилось, как отец давал за нее клятвы, призывая в свидетели толпу. И толпа яростно кричала в ответ. Вспомнилась белая лента, которой мать оплела их с Владиславом руки — знак того, что отныне никто из супругов не пустит в ход против другого своей колдовской силы. Всплыл в памяти венец с большим одиноким рубином — знак высшего мага Владислава из Черны, ощущение теплого металла на лбу и холодной как лед руки жениха. А еще припомнилось, как целовали поданную на золотом блюде землю, как подбежали слуги с расписными ковшами, полными монет, и князь бросал их ревевшей толпе. Кажется, был пир. Только она ничего не ела — не полагалось невесте есть. И Владислав не ел, только во всю трапезу крепко держал ее за руку и гладил, гладил запястье и предплечье. И едва пыталась Элька припомнить подробности свадьбы, как тотчас чувствовала на руке мягкое касание пальцев князя.

И теперь, сидя одна в полутемной спальне, Эльжбета чувствовала, как разливается по руке знакомое уже тепло, уходит мучительная тоска, и удивительное сонное спокойствие заполняет усталую голову, измученную душу. За окном что-то шелестело и постукивало: начинался дождь. Усыпляющее тепло и дробь первых дождевых капель заставляли веки наливаться тяжестью.

Эльжбета присела на край кровати. И тотчас вскочила. Сон упал с нее, как шелковое покрывало. Сердце снова заколотилось так, что зашумела в ушах кровь, и Эльжбета не слышала, как тихо скрипнула за ее спиной дверь.

Так и застал Владислав свою молодую жену — с ужасом смотрящей на пустое ложе, с прижатыми к груди кулачками и глазами, полными слез. Влад досадливо хмыкнул: рано было радоваться, что свадьба прошла без особенных помех. Маленькая дурочка могла доставить много хлопот. Да только теперь другого пути уже не было. Брак должен состояться.

Из-за проклятых дел с женитьбой Влад больше двух месяцев метался между Бялым мястом и Черной. Хорошо еще, что Коньо и Игор верно служили своему господину и брались за любое дело, но земля постоянно требовала хозяйской руки. И потому сегодня Эльжбета должна стать женой и княгиней, завтра они отправятся домой, а через сорок седмиц у господина Черны появится наследник.

— Моя госпожа готова? — как можно ласковее спросил он, стараясь не выдать раздражения.

Эльжбета вздрогнула, отскочила, словно ужаленная, к окну и выставила перед собой руки.

— Это я, дорогая княгиня, твой муж, подойди ко мне, — продолжал Влад, медленно подступая к бяломястовне и протягивая ей навстречу открытые ладони.

Эльжбета повиновалась его призыву, опустила руки и сделала крошечный шаг вперед. Владислав снова потянул на себя невидимые нити. Эльжбета шла, словно ведомая в поводу козочка, низко склонив голову. Легкий стук дождя за окном перешел в доверчивый шепот, тихое бормотание, посыпался, как обмолоченная рожь, а потом и упал сплошной стеной, едва пропуская сквозь воду ворчливое брюзжание далекого грома.

Приблизившись, Эльжбета нехотя подала мужу обе руки. Владислав усмехнулся, увидев на ее запястье белую ленту и вспомнив супружеские клятвы. Какое счастье, что он набросил на жену заклятье до того, как принес обет. Теперь даже если его склочница-тещенька учует колдовство — обвинить его и расторгнуть брак не сумеет.

Владислав медленно обнял жену, неторопливо расстегивая мелкие пуговики на легком сарафане. Служанки уже расчесали Эльжбете волосы, и теперь они золотистыми волнами стекали по плечам.

— Успокойся, — продолжал нашептывать Влад, чувствуя, как вибрируют невидимые нити, опутавшие девушку, — успокойся, мое сердце...

Едва ли мог он сказать почему — от резкого, оглушительного громового удара или от слов, слетевших с его губ, — но только Эльжбета вздрогнула, вскрикнула тихо и жалобно, как кричат дети, просыпаясь от дурного сна. И колдовские нити лопнули, брызнули искрами в разные стороны.

Эльжбета распахнула глаза и... завизжала так, что Влад невольно закрыл ладонями уши, но тотчас опомнился и зажал жене рот.

— Молчи, женушка, — зашипел он так тихо, что, казалось, это дождь за окном стучит по бревнам стен. — Наши гости, верно, спать легли. Не разбудить бы...

Эльжбета вырывалась, вцепившись пальцами в его ладонь, сдавившую ей щеки и губы, но хватка у Влада из Черны была страшная. Элька перестала биться, покорно опустила руки.

— Вот так, дорогая, — довольный скорой победой, проговорил Влад, ослабляя железную хватку. — Покорность украшает жену.

Но Эльжбета тотчас выскользнула из его объятий, отбежала и снова вытянула вперед ладони. Только на этот раз между ее пальцами змеились тонкие ленточки колдовской силы.

— Не подходи! — срывающимся голосом вскрикнула Эльжбета, и искристые змейки от пальцев бросились к предплечьям, сплелись в жгуты. — Не подходи, отповеди не побоюсь — убью. Землей клянусь, убью.

— Ты моя жена! — грозно прорычал Влад, наступая, но Элька взмахнула рукой, и Владислав почувствовал, как резкая боль пронзила его левое плечо, хрустнула кость, лопнула кожа. Пропитывая черный бархат, потекла кровь.

— Не жена я тебе, лгун, и никогда ею не стану! — визжала Элька. Отповедь ударила ее в лицо — девушка пошатнулась, оперлась одной рукой о стену, но другую, все еще опутанную струями магии, упрямо держала перед собой. — Ты околдовал меня, заставил дать обеты, и теперь я всем расскажу, что ты сделал... И я тебе не жена!

Ярость клокотала в груди князя. Парой несложных заклятий он срастил сломанную кость, досадуя, что дрянная девка испачкала кровью его лучшее платье. Странно, как он мог когда-то считать ее красавицей. Бяломястовна была копией своей матери. Красная и опухшая от стекавших по щекам слез, растрепанная, с искаженным злобой лицом, она напоминала гадкую жабу, до поры таившуюся в прекрасном цветке.

— Ложись, дура! — прикрикнул Влад, снимая кафтан, чтобы посмотреть, хорошо ли затягивается рана от удара бестолковой девки. — Теперь ты моя жена. И никто, ни твой отец, ни братец, ни крикливая матушка этого не изменят. Обеты — слова да белая ленточка. Брак — совсем другое, это власть, земля и золото. И твой отец не затем юлил и извивался передо мной, чтобы все это потерять из-за твоих причуд... Много мне задолжал князь Казимеж, а отдашь — ты.

Увидев, как муж снимает одежду, Эльжбета вовсе ополоумела. Расходившийся колдовской вихрь белым искристым облаком окутал ее руку. Пожалуй, разъяренная и напуганная золотница-бяломястовна могла в этот миг соперничать с любым, даже самым сильным словником.

— Уходи! — снова взвизгнула она и поднесла руку к собственному горлу. — Лучше умру, чем буду твоей...

— Значит, вот твое решение, — холодно ответил князь, казалось, больше занятый испорченным кафтаном, чем женой. — Так у меня есть лекарство от твоего безумия.

Он бросил кафтан на постель и вышел. И только дверь, хлопнувшая

чуть сильнее обыкновенного, выдала кипевшую в нем злость.

Элька сползла по стене, вытянув перед собой дрожащую руку, по которой все еще пробегали искры.

— Что же делать? — всхлипывая, прошептала она...

Глава 31

— Что делать?

Мысли путались, и только одна пульсировала в висках: «Что делать?»

— Переждали бы вы, — прогудел хозяин постоянного двора, грузный немолодой палочник, с отеческой теплотой глядя на юношу-книжника. — Гроза будет.

— Дай мне лошадь, — упрямо повторил Тадек, а в голове вновь вспыхнуло молнией: «Что же делать?»

— Нету лошадей, — словно ребенку втолковывал палочник. — Да и разве ж можно в такую дорогу пускаться, когда полнеба заволочло.

— Никаких денег не пожалею! — не унимался молодой человек. Служанка принесла большое блюдо, доверху наполненное жареными потрошками, щедро посыпанными петрушкой, и запах заставил желудок Тадека сердито заворчать на упрямого хозяина.

— Поешьте, отдохните, — твердил свое дородный хозяин постоянного двора. — Будет день, и лошадки будут.

— Нет у меня дня! — почти выкрикнул Тадеуш. — Есть у тебя лошади, есть! Сколько хочешь заплачу...

Хозяин собрался было снова пуститься в увещевания, но, оглядев богатую одежду гостя, промолчал. Знать, прикидывал в уме, сколько можно взять с парня за коня.

— Десять золотом. Согласен? — поторопил его Тадеуш.

— По рукам, — отозвался хозяин. И Тадеуш потянулся к поясу за кошельком, и тотчас лицо его посерело, а в глазах появился страх, а следом за ним — гнев.

Кошелек не было. Тадек попытался припомнить, где в последний раз расплачивался, и уверился, что в деревеньке, где он оставил мальчика-слугу, кошелек был при нем. Мальчик не вынес утомительной скачки и едва не выпал без чувств из седла, и Тадеушу пришлось бросить его у деревенского старосты, щедро заплатив старику за хлопоты. Был кошелек. Знать, старый мошенник-словник срезал. Заговорил зубы, паскуда, и облапошил. Несчастье сулил, чтоб Землица ему ноги приломала...

Видно, по лицу парня понял хозяин-палочник, что не все ладно. За долгие годы научился он различать, у которого в кошельке звенит золотишко, а у кого ложь, вошь да медный грош.

— Покажи-ка денежки, сынок, — вкрадчиво спросил он, глядя в

тревожные глаза Тадека.

— Сейчас, дядюшка, — стараясь казаться веселым, ответил Тадеуш и потянул с плеча суму, однако вместо того, чтобы вытащить из нее кошелек, рванул свою книгу, занес над головой, и белые змейки-молнии тотчас зароились вдоль корешка и обреза.

Но хозяин, привычный к разным посетителям, ничуть не испугался отчаянного книжника.

— Янек, Маньо! — крикнул он, и два дюжих паренька тотчас словно выросли из-под земли, и на концах их посохов заплясали искры.

Тадек опустил книгу и почувствовал, как вина и безысходность железными копиями вцепляются в его душу.

— Прости, добрый человек, — только и смог сказать он, в изнеможении опустился на колени и закрыл лицо руками.

— Ну-ну, — словно и не заметив, что гость едва не напал на него, хозяин ласково похлопал парня по плечу, — иди с миром. А если захочешь остаться на ночь, то мне вполне сгодится твой плащ...

Тадеуш устало стащил с плеч плащ и подал его хозяину. Янек и Маньо испарились точно так же, как появились, исчезла и служанка с дымящимся блюдом. Какой-то лохматый пес подошел и улегся рядом с Тадеком и начал придиричиво обнюхивать его суму.

«Без лошади и денег до Бялого засветло не добратся, да и к завтраму не поспеть. Не видать тебе твоей ласточки. Уж она, верно, мужняя жена», — шепнул над ухом здравый смысл. Сердце мучительно сжалось, выдавив на глаза непрошенные слезы, а в голове вновь заворочалась все та же навязчивая мысль: «Как быть? А может, все-таки сумела выгадать Эленька отсрочку. Ведь знает, что не отступится, приедет ее Тадек...»

В одно мгновение вскочил на ноги, подхватил с земли книгу и...

В глазах потемнело, переверотилось в одно мгновение, и в щеку впилась колкая щетина травы.

— Эк, дурень, — сквозь наплывающее беспмятство услышал Тадек над собой голос трактирщика. — Помрет, так тебя, а с тобой и меня вздернет князь — любо-дорого...

— Так он, того... — гнусаво забубнил незнакомый голос, — книжкой ворожить хотел... Уж замахнулся...

— А ты, дубовая башка, за книгу оглоблей? Нечего сказать, ровен обмен... Посмотри-ка у него в карманах...

Тадек попытался пошевелиться, открыть глаза, и темнота тотчас навалилась, опутала вязкими тенетами, оплела пушистыми паучьими лапами. И в этой влажной гулкой темноте осталась лишь одна, последняя,

МЫСЛЬ.

Глава 32

Что же делать?

Какая нелепая надежда гнала тебя, заставляя торопить коня? Какая безумная мысль заставила поверить, что Судьба сжалится и бросит в медную кружку твоего несчастья пару медяков?

Агнешка уже хотела стащить с головы отвратительный рваный колпак нищего, как из-за угла вывернула какая-то баба, изрядно нетверезая, несмотря на то что день едва перевалил за половину. Баба сочувственно поцокала языком и выудила из больших карманов юбки монетку.

— На те, мальчонко, — пробормотала она заплетающимся языком. — Выпей за мое здорovie...

— Благодарствуйте, бабушка, — шепеляво ответила Агнешка, по-куриному склоняя голову набок.

— У ты, пес юродивый! — взбеленилась дарительница. — Какая я тебе бабушка? Зенки разуй. Я как есть еще молодая...

Баба подбоченилась, подтверждая свои слова, да не выдержала: громко икнула, усмехнулась сама себе и пошла дальше, тихо напевая. Агнешка спрятала монету, нырнула за угол и притаилась, разглядывая лавки.

Надежда раздобыть денег у дурочки-княжны растаяла, и оставалось либо смириться и продать матушкин медальон, либо сунуть руку в карман жизни да пощупать, нет ли у нее в кошельке лишнего грошика.

Сдаться было не в пример легче, только не привыкла Агнешка сдаваться. Она снова высунула голову из-за угла и заметила, как торговец — крупный мертвяк в синей рубахе — вышел на крыльцо хлебной лавки. Знать, весь народ толкался у столов, и барыш его был нынче не велик. В жару больше ходу было квасу, меду, моченым яблокам. Мальчишки так и шныряли с лотками, радостно покрикивая. И торговец с тоской поглядывал на свой товар. Его лицо оживлялось, лишь когда он устремлял взгляд в ту сторону, где гудела княжья свадьба и бедняки угощались на дармовщину господскими пирогами.

Торговец вытянул шею, стараясь разглядеть, что творится перед княжьем домом, шагнул вперед — и Агнешка заметила, что мужик хром. Он припадал на правую ногу, да так крепко, что едва ли мог пойти с лотком. Скорее всего, нанял за пару монет и сдобный крендель мальчишку. Вот тот и суется за него, кричит, торгует.

Лавочник снова приподнялся на цыпочки, насколько позволяла

увечная нога. Толпа загомонила, загудела. Знать, князь попросил подтверждения обетов или жених бросил ненасытным зевакам горсть-другую монет. Торговец весь обратился в слух, видно, надеясь не увидеть, так хоть расслышать, что происходит у свадебного помоста.

Агнешка ловко проскочила у него за спиной в лавку и юркнула за прилавок. Огляделась, выбирая добычу. Хозяин лавки вовсе перестал оглядываться и жадно ловил восторженные вздохи толпы. И девушка надеялась, что сможет выбраться незамеченной, да не тут-то было.

Отчаянно рыча и раздирая когтями праздничные широкие юбки баб, из толпы вывалился крупный гончий пес. Налетел на мальчишку-разносчика с лотком пирогов. Повалился, на ходу ухватив за ногу чинного старика-палочника, который замахнулся на рыжего прохвоста своим посохом. Но не успел ударить. Пес шарахнулся в сторону, подхватил упавший с лотка мальчишки пирог, жадно слопал его, фыркая от пыли, метнулся прямо под ноги торговцу в синей рубахе, легко сбил хромого с ног... И что есть мочи рванулся в лавку, захлебываясь лаем.

Агнешка застыла на четвереньках у самой двери и подумала, что уж ей не выйти. Проклятая псина все-таки выследила ее, и теперь дело плохо. А она-то надеялась, что в толпе брехливый кобель потеряет след. Нет, хорош был нюх у гончака, и лоб, видно, был крепок. Сколько ни путала следов маленькая лекарка, протолкался, достал-таки, загнал, как зайца.

Однако и хозяин оказался не промах. С виду неповоротливый мужик, он ухватил кобеля за задние ноги, стараясь отсрочить разорение своей лавки. Пес хрипел и рвался вперед.

Агнешка выскочила как раз в тот момент, когда гончак, развернувшись, крепко тяпнул пленителя за руку, лавочник охнул — от боли или от удивления, едва ли и сам знал. Но, увидев вора, тотчас завопил, по-прежнему лежа в пыли:

— Обокрали! Держи оборванца!

Только железной хватки не ослабил, сколько хрипящий от ярости пес ни рвал зубами и лапами его синей нарядной рубахи.

Пока кто-то бегал за дружинником, а мужик и пес барахтались на дороге, Агнешка нырнула между домами и бросилась проулками и лазами к западным воротам. Но не успела уйти далеко — почувствовала во рту странный привкус металла и ощутила, как за щекой появилось что-то маленькое, круглое.

Монета.

Хорош был жених у курицы-бяломястовны. Может, и жесток, может, и с радужными демонами в сговоре, а умен. С размахом бросал в толпу

деньги. Вон как далеко достало. Уже Агнешке не видно было ни толпы, ни площади, а монетка-то — вот она. Знатно придумал Черный князь — каждому за щеку. Хоть не передают друг дружку. Князь Казимеж бы не додумался...

— Да что ж это я, — одернула себя Агнешка. — Получила грош — и уж готова мучителю в ножки падать. А ведь это ему разбойники мануса везли. И старого Казимежа вокруг пальца обвел — его же мануса на его же двор доставил. Выкупил, верно, раненого, бессильного. А Казимеж и рад был продать...

Агнешка хотела уже со зла бросить монету в кусты, но подумала и зажала в руке. Хоть и от Черного Влада, а лишний грош на еду для Илария...

Только, видно, женихова подачка удивила не одну Агнешку. Почувствовав за щекой монету, дородный лавочник упустил гадкую псину, и гончак нырнул между ногами подошедшего дружинника, повертел головой, ловя носом ветер, и бросился по следу мальчика-попрошайки, непутевого грабителя хлебной лавки.

Заслышав залиvistый лай, Агнешка припустила втрое быстрее. Сорвала с пояса и бросила на дорогу небольшую склянку. Та раскололась, и тотчас в нос ударил едкий запах.

Прелая трава, болотная тина, квашеная капуста, заплесневелая моченая морошка, репный квас, деготь... Натолкнувшись на стену мучительной тошнотворной смеси запахов, пес остановился, припал к земле, растопырив лапы, и принялся с глухим рычанием тереться носом о траву.

Агнешке повезло — стража в воротах не посчитала паренька-нищего достойным внимания княжских слуг. Скривившись, как юродивый, бормоча и спотыкаясь, Агнешка миновала ворота. Пошла быстрее, а после и побежала. В лесу ждал Вражко, а уж такого коня проклятущему кобелю ни в жизнь...

Глава 33

...не догнать.

Сколько ни беги. Этого вороного не догонишь, хоть лапы в кровь сбей.

Проходимец тоскливо смотрел на дорогу. Покрутился, пытаясь взять след, чихнул — проклятуший запах словно въелся в шерсть, и, сколько ни нюхал Проха, всюду мерещились лишь болотная гниль да квашеная капуста. Ушел, зная, манусов мучитель.

Хоть Проха и расстроился, да не таков был любимый гончак князя Казимежа, чтоб вешать блестящий нос. Проходимка завалился у обочины на траву и принялся ловить блох, выжидая, покуда отпустит гнилой дух. Может, тогда и удастся уловить в воздухе запах бродяги, что усккал на красавце вороном.

Прошка задумчиво оглядывал дальний лес, дорогу, выцветшее от жары небо. И тут с небом начало твориться что-то странное: оно выгнулось, провисло между деревьев, как опавший без ветра парус, потемнело и пошло над лесом лоскутами и нитками. Гроыхнуло вдали, и Прошка почувствовал, как его ударило по носу что-то маленькое и теплое — первая капля дождя. Следом хлопнула по дорожной пыли вторая, третья...

Проха вскочил и бросился обратно, надеясь, что дождь разгонит с площади двуногих дармоедов и придет черед благородного племени псов.

Однако и здесь он ошибся. Ливень ухнул на Бялое плашмя, растопырив сизые крылья, распахнув влажные объятия. На улицах не осталось никого. И Прошка долго скребся под дверью, надеясь, что его пустят в дом. Выглянула девка. Прошка сунулся в двери, но противная деваха обругала пса и, подобрав подол, чтобы не испачкаться, вытолкала ногой наружу.

Почти потеряв всякую надежду переночевать в тепле, Проходимка потрусил к конюшням, но вдруг заметил слегка приоткрытый ставень. Не заставив себя упрашивать, он просунул в щель нос, толкнул ставень и перемахнул через подоконник.

Сухая теплая темнота шагнула ему навстречу. Проха отряхнулся и прислушался. Где-то совсем рядом, видимо, за дверью, слышались громкие сердитые голоса. И пес решил, что не станет соваться хозяину под руку, пока тот не в духе, и стал наугад тыкаться во все углы, ища другую дверь.

— Сделано дело! — рычал Казимеж, и Проха слышал, как он ходит по комнате, тяжело ступая сапогами. — И говорить тут нечего! Ты хоть

понимаешь, о чем речь идет, Якубек? Какими слезами отольется нам Элькина дурь?

— Да разве же это можно?.. — с нажимом проговорил княжич. — Ведь она мне сестра!

— А мне дочь, — оборвал его Казимеж. — Да только ежели она мужа к себе не пустит — я сам, слышишь, собственными руками ее задушю. От позора! Или из дому выгоню... Так-то воспитал, так-то лелеял. А она родному отцу нож в спину! Жениха ранила, бесстыдница...

Проходимка отчаялся найти другую дверь и теперь тихонько подглядывал в щель, надеясь, что хозяева уйдут и голодному псу удастся наконец добраться до кухни и наполнить прилипшее к спине брюхо.

— Может, с Элькой потолковать? — уже не так уверенно предложил Якуб.

— Что с дуры взять? — прошипел Казимеж. — Ведь плюнет Владислав, откажется. Вернет срамницу и восвояси поедет. Ему-то нет ничто, а с нами что будет? Слетятся все на Бялое, как вороны на кусок мяса. После такого позора Эльке замужем не быть. Помощи ждать неоткуда. Да самому Владу — только руку протянуть. С его-то силищей, дружиной, богатствами заоблачными... Бялое и так возьмет, без женитьбы.

— Может, матери сказать? — совсем тихо предложил княжич.

— Агате? — взревел Казимеж, подскочив к сыну. — Не смей, ветер тебя поберет! Хоть словом обмолвишься, греха не оберешься. Или ты не знаешь, что она решит?!

— А ты что решишь? — горько проговорил Якуб. — Заставишь Эльку?

— Надо будет, привяжу и держать буду, — тихо и грозно отозвался князь. — И ты со мной пойдешь, чтобы уж в случае чего Владиславу Чернскому не отвертеться...

От грозного голоса хозяина Прошка невольно попятился, налетел на что-то впотьмах. Казимеж тотчас рванул дверь, и кто знает, что ждало бы любого другого на месте бедового пса.

Князь побелевшими от ярости глазами уставился на взъерошенного грязного Проху, и бывалый лизоблюд решил на самое верное средство: развесил уши и осторожно, заискивающе вильнул хвостом. Раз, другой. И гнев в глазах старого князя начал потухать.

— Не могу я так, Якубек, — тихо и горько проговорил он, глядя не на сына, а в голодные карие глаза Прошки. — Разве ж в человеческих это силах... Жестоко карает меня Судьба за былые грехи. Ведь думал, все, женаты. Смирилась Элька. Ради нас всех смирилась. И видишь, оно как...

Казимеж положил руку на мокрую голову Прошки, и тот, изловчившись, лизнул хозяину ладонь. Но князь не заметил лохматого подхалима. Тяжкая мучительная мысль терзала его.

— А может, Элька позора боится? Может, Тадеуш твой уже...

— Не важно, — ответил ему новый, не Якубов голос. Владислав вошел бесшумно, просто возник из темноты, как нетопырь. И в чертах его было сейчас что-то хищное, злое, звериное, и одновременно все в нем — лицо, фигура, расправленные плечи, открытый взгляд — было наполнено уверенностью и спокойствием. Тем спокойствием, с которым бывалый охотник смотрит на угодившую в капкан лису. Лай, кусайся, скули — тебе уже не вырваться.

— Не оставит ли нас с позволения отца юный княжич? — вежливо, с легким поклоном спросил вошедший.

Казимеж лишь коротко взглянул на сына, и Якуб вышел, притворив за собою дверь.

Проха сжался в комок за спиной хозяина в надежде, что Владислав не заметит его. Казалось, и сам Казимеж желал бы быть сейчас где угодно, только не рядом с новоиспеченным зятем.

— Мне не нужно целомудрие. Моя... — Влад усмехнулся, заметив, как дернулась скула его собеседника, — молодая жена не носит чужого ребенка, и этого достаточно. Если ты помнишь наш уговор, князь, мне нужна только одна ночь, когда твоя дочь будет в моей постели, и год, чтобы она выносила и родила моего сына. Дальше, если пожелает, может убираться на все четыре стороны. Я объявлю жену погибшей, и каждый поверит в искренность моей скорби... Но сегодня... я не желаю тратить ночь на войну с девкой. Я не нарушу обетов и не стану накладывать заклятий. Но ты, князь, обетов не давал. Хочешь, колдуй, хочешь, за руки держи, но только на одну ночь сделай свою дочь покладистее, и тогда наш договор в силе... Может, скрепим его родственным рукопожатием? — Владислав протянул тестю темную руку, и Казимеж вцепился в нее, словно утопающий.

— Вот и славно, тестюшка, — бросил Владислав, и алый рубин на его лбу сверкнул в свете свечей, словно глаз ночной птицы.

Глава 34

Птица смежила веки, погасив страшный взгляд. Огонек сверкнул и исчез.

Но еще мгновение все тело сковывал необъяснимый страх. Тот цепенящий ночной ужас, от которого немеют ноги и пересыхает в горле.

Агнешка торопливо отворила двор и потянула Вражко за повод. И тут красный огонек вновь вспыхнул, но уже совсем рядом. И большая черная тень пронеслась над самой головой. Так низко, что девушка едва не вскрикнула.

Мокрая одежда липла к телу, холод пробирал до костей, заставляя зубы выстукивать веселый ритм деревенской песенки. Едва вечер склонился над крышами, вспученное брюхо тучи лопнуло, опрокинулось ливнем на лес, на голову несчастной всадницы и черную спину ее коня. Лило так, словно душу отмывало к Земле на вечный постой. Они, лекарка и нетерпеливый Вражко, остановились под темными соснами, густая хвоя которых заставила дождь отступиться и поискать себе более легкую добычу. И во влажном шевелении листвы, в дождевой россыпи, в бурлении мутных потоков на раскисшей дороге все слышался Агнешке чей-то тоскливый жалобный зов.

— Иду, Иларий, потерпи, — шептала едва шевелящимися от холода губами Агнешка.

А как опустел небесный ковш, тронулись в путь. Но гроза все ходила рядом, кружила над бескрайним глухим лесом, грозно рокоча дальними громами, сетуя на горькую свою судьбу. Плотную темную пелену над горизонтом то и дело озаряли красноватые вспышки.

И Агнешка зря бросала взгляд туда, где уже должно было зазеленеть рассветом небо. Повсюду была лишь надвигающаяся тьма.

Невзирая на гневное ржание Вражко, Агнешка только высыпала коню немного овса и кинулась в дом — посмотреть, не очнулся ли манус.

— Как ты, сердечко мое? — ласково спросила она, ледяной правой рукой касаясь его горячего, покрытого испариной лба, а левой срывая прилипшую к ногам мокрую юбку.

Иларий не ответил, но темные ресницы дрогнули, раз, другой. И это еле заметное движение тотчас переменило планы травницы. Морок отпускал Илария, медленно разжимал когти. И теперь уже не могла Агнешка оставить мануса одного: вдруг пробудится, увидит незнакомое

место, обожженные руки...

Саму лекарку руки мага уже не пугали — радовали. Хорошо заживали раны. Ладони — уже не гнилое мясо, здоровая молодая розовая кожа. Подождать седмицу-другую, и обретут былую легкость движений. Единственное, чего не знала и не могла знать Агнешка, сможет ли манус вернуть свою прежнюю силу.

Она слышала от матушки, что, случается, годами золотники своих помощников ищут: колечки перебирают, медальоны, перстеньки, браслеты. Не во всяком колечке магия в круг пойдет, разбежится, чтоб переплестись со словами в заклятье. Манусам сила дана не в пример большая, да к этой силе — одни руки, выбирать не из чего. А что делать, когда эти руки как чужие, мертвее деревяшки?

Агнешка набросила сухое, склонилась к Иларию. Положила голову на грудь мануса, послушала дыхание. Тотчас кинулась назад, в маленькую кухню, где, накрытый новиною, отстаивался отвар.

Влила несколько капель в рот беспмятному.

— Рано тебе, Иларий, просыпаться, — неуверенно, словно боясь, что манус уже слышит ее, прошептала девушка. — Больно будет.

С губ мага сорвался стон.

На глаза травнице навернулись слезы.

А вдруг не вынесет, не очнется, сгинет ласковый маг. Мучительная тоска сжала сердце. Агнешка торопливо вынула небольшой ножичек, отрезала смоляную прядь длинных манусовых волос и, словно стыдясь, спрятала памятку в материнский медальон.

— Помнишь, как брал у лисички волос, — тихо спросила она, прижимая медальон к сердцу, — знак того, что помощь мою примешь в уплату долга. Отплатила я тебе, Иларий. И, сама знаю, больше, чем на волос. Теперь ты мой должник. И в уплату обещаю мне, что вернешься. Что подавится Безносая, и ты будешь жить.

Мгновение спустя кто-то негромко, коротко постучал в дверь.

— Есть кто? — спросили из-за двери, и Агнешка испуганно наклонилась над широкой лавкой, где лежал Иларий. — Не пустите ли путника на постоя? Гроза идет...

Глава 35

— Чего надобно?

Голос дрогнул, но дверь отворилась, приглашая войти.

Старый Болюсь не стал отказывать вертихвостке-двери: зовешь, так войду, не посмотрю, что у дома крыша проваливается, а крыльцо поднято наспех, на живую нитку.

Дверь скрипнула и, распахиваясь, едва не ударилась о стену. Но хозяйка дома, совсем девочка, ловким прыжком удержала тяжелую створку.

— Спит кто? — вполголоса спросил Болеслав.

Девчонка не ответила, уставилась в глаза старику, заслонила собой вход в избу. Серые глаза девушки и отливающие рыжиной волосы показались смутно знакомыми, словно уже видел где-то старый словник эти желтые прядки у висков, этот взгляд. Да только тогда выражение этих глаз было другое...

— А тебе что, дедушка? — ласково сказала девушка, но не смягчила тяжелого взгляда.

«Как есть на словницу налетел, — испуганно подумал Болюсь, — вон как вылупилась, чай, прикидывает, как петельку лучше закинуть. Заставит выболтать лишнего, а потом на порог не пустит».

Ни заглянуть в будущее, ни хоть как-то защититься от всевидящего взора словницы сил у Болюся не осталось — все забрали ясновидение для бяломястовского князя, дальний путь и бессонная ночь на постоялом дворе. Нехорошо смотрел на старика и его кошелек тамошний слуга-мертвяк. Этаким удавит сонного, только хмыкнет. Вот и тронулся в дорогу Болюсь, как дождь вылился, и заплутал.

Не хотелось старому прощелыге встретить утро в лесу. Где-то вдалеке напевала темной гроздью сизая грозовая туча. В ее отвисшем наполненном влагой брюхе глухо рокотало. А вдруг да вспорется это брюхо над самой головой — не спасет линиялый шатришко. Дождичек-то не глядит, с посохом ты, с книжкой или с драной сумой, всех одинаково поливает.

А ему, Болеславу, простужаться совсем негоже. Прошлой зимой простыл, так едва не помер. В былые годы одним словечком бы услал брюхатую грозой тучу подальше, другой дорогой. А теперь года уж не те. Ослабла колдовская хватка, и сила внутри расходится медленно, тяжело, словно нехотя, покуда раскрутишь, покуда на язык стечет... И слово сказал

— уж иссякла. А после Казимежевой работы поджилки трясутся, где уж силу крутить, тучи гонять.

Зато девчонка — не туча. Хоть пусть бы и словинца. Живет в лесу, стало быть, если и обучена, то нехорошо, по верхам. Болеслав заклинанья не учует. Старик мягко, по-отцовски глянул на девочку, пригладил пальцами белую жидкую бороду, молчал, улыбался, а как почувствовал, что вскипела сила, к языку подошла, отвечивал:

— Прости, хозяйюшка, что в неурочный час. Странник за дорогой идет, вот она к тебе и вывела. Попенять бы ей, проказнице, так уж поздно, дальше побежала. На твою доброту все мое упование. Не пустишь ли на постой?

Этим путем Болюсь хаживал, и не раз. Самый простой из его словнических крючков: на «прости» забрасываешь, на «доброту» подсекаешь, а дальше хозяйюшка сама навстречу кинется, как отца родного приветит.

Только эта оказалась не так проста. Не зацепило ее Болеслава простенькое колдовство. Как стояла в дверях, так и осталась, только усмехнулась уголком бледного рта и глаза прищурила.

— Что, дедушка, в дорогу пустился, а человеческой доброте не доверяешь? Сразу с порога словничью петлю? — весело отозвалась девочка.

— Не погуби, хозяйюшка! — Забыв года, Болеслав повалился на шаткое крыльцо в ноги девушке. — Не признал высшую. Как хочешь казни старого дурака, только прости, что мастерства твоего не уважил...

Не на шутку перепугался Болюсь. Молодая, сильная, Высшая — да одна Земля ведает, что она может сотворить. Хорошо, если будет недостойный до конца дней рысить по дорогам осликом или мулом, а ежели что похуже... И поделом плешивому дурню. Пожалел силы проверить, кто перед ним, положился на опыт и догадку. Но предчувствия и тут обманули старика. Вместо того чтобы обрушить на его голову все немыслимые казни, девочка спустилась с крыльца, села возле упертой в доски головы Болеслава и с усмешкой спросила:

— Голова-то не устала, дедушка? Небось не привык кланяться? Не по тебе эта наука...

Болеслав удивленно поднял голову, с опаской глянул на девушку. Она ласково улыбалась.

— Не Высшая я, — проговорила хозяйка лесной избы, похлопала ладонью подле себя: садись, мол. — Самая что ни на есть мертвячка, «песья кость». Только, уж извини, добрый человек, ни твоя, ни какая другая

магия до меня дотронуться не может. Вот такой мне от матушки-Землицы подарочек достался. Не просила, а получила, не откажешься. Так что давай-ка на чистую совесть. Я тебя пущу. И ничего взамен мне не надобно. А ты, дедушка, в следующий раз попридержи язык...

Болюсь собрался было благодарить, уже сгреб в большие ладони левую хозяйкину руку. И рука была не девичья, грубая, сильная, хоть и не широкая, но и не нежная. Задумался, уж не оскорбится ли чудесная мертворожденная, если не поцелует он этой ручки. Потом устыдился, потянулся губами к шершавой, обветренной ладошке. Но в тот же миг из глубины дома раздался долгий стон, девушка вскочила и бросилась внутрь, крепко затворив за собой дверь. Болюсь остался на крыльце, не решаясь последовать за ней.

Но любопытство взяло верх. Словник бросил у двери свой скарб и, стараясь ступать как можно тише, пошел за хозяйкой. Однако едва он миновал переднюю и изготавился заглянуть за кухонную занавеску, как хозяйка встала перед ним, укоризненно глядя в ласковые глаза старого плутня:

— Эк ты прыток, батюшка. Пустили на лавку, так ты уж и на печь...

— Сми-илуйся, — затянул было Болюсь, но девушка оборвала его, бросив:

— Брат мой болен. Без памяти лежит. Со дня на день очнется. Так что ты, дядюшка, его не тревожь...

— Не буду, матушка, — отозвался словник, пятась. Всего-то и успел разглядеть темные волосы болезного брата да тонкую благородную белую руку, перевязанную широкой полоской новины. Не прост был у хозяйки братец. С такими руками не иначе манус. И руку ему, видно, искалечили знатно.

— Помочь, может, с братцем, хозяйюшка? — предложил словник. Любопытство глодало его, как мышшь сырную корку.

— Обойдусь, тятенька, — наступала на него удивительная мертворожденная. — Длинен у тебя нос, как бы дверью не защемить. А в кухне делать нечего: при брате сижу, кушать не готовила.

— Да разве ж я суюсь, — отступил Болеслав. — Ты только, матушка, укажи, где мне постелить. Ночка выдалась тяжелая. Поспал бы я часок-другой.

Глава 36

— Больше не потревожу...

Она не ответила, отвернувшись, пряча взгляд, темный и ледяной, какой бывает в ноябре вода широкой и полноводной Черны. По пунцовой от жара щеке поползла одинокая слезинка, скользнула с подбородка и, едва не разбившись о ключицу, двинулась дальше, за край сорочки новобрачной.

Владислав не спеша оделся, нисколько не смущаясь стоявшего у двери тестя. За дверью билась и сыпала ругательствами Агата, и в какой-то миг Владу показалось, что зря он отпустил Игоря — великану под силу было бы утихомирить расхаживающую бабу. Влад знал тещу не так давно, но и этого хватило Черному князю, чтобы понять: тяжел нрав у бяломястовкой хозяйки. Да только дело сделано.

А как Элька от колдовства отцовского отойдет — в три ручья плакать станет. Пусть уж мать успокаивает. Князь не терпел бабьих слез и впредь твердо решил придерживаться своего слова: не ходить в спальню к жене. Мало ли в Черне девок, которые не станут реветь, если хозяину захочется «перестелить постель», мало ли мертвячек, которым не под силу сломать полюбивнику кости и пустить кровь.

Пожалуй, с усмешкой подумал Влад, завтра на воротах следует вывесить не Элькину простыню, а его залитую кровью рубашку.

— Не стоит плакать, дорогая, — стараясь скрыть раздражение, выговорил Владислав. — Если ты понесла, то опасаться меня тебе больше незачем...

Эльжбета казалась отрешенной. Тело, еще опутанное заклинанием Казимежа, почти не слушалось ее. Но в одно мгновение глаза молодой княгини вспыхнули бешенством.

— А тебе, муженек, стоит опасаться, — глухо прорычала Элька чужим, сдавленным злобой голосом. — И не ложись спать, не замкнув двери. Вдруг не сумеешь проснуться...

Влад не боялся людской злобы. Она была вернее всего другого, искреннее, правдивее. И в этот момент он отчего-то подумал, что из Эльки выйдет неплохая жена. Девчонка — не податливое серебро, кость. И в руках мастера...

Влад улыбнулся ее словам, однако Казимеж, напряженно следивший за дочерью и зятем, видимо, превратно истолковал эту улыбку. Страх вновь вспыхнул в его глазах, а правая ладонь тотчас ударила Эльжбету по

влажной от слез щеке.

— Молчи, дура! — рыкнул он, опасаясь, что равнодушный прежде Владислав наконец потеряет терпение, и тогда худо придется негоднице. — Почитай мужа, как почитает любая достойная жена!

Словно в ответ на эти слова его собственная супруга вновь ударила плечом в дверь и заголосила, причитая о судьбе дочери.

Владислав резко отворил дверь, отчего бушевавшая за нею Агата едва удержалась на ногах, и вышел. Спустя десяток шагов прислушался и с удовольствием отметил про себя, что княгиня едва ли не с порога сцепилась с мужем.

Уж если не пойдет наследник Черны в отца, так хоть с норовом будет...

Владислав неспешно затворил дверь в свои покои. И уже через мгновение забыл и об угрозах молодой жены, и о тесте. На подоконнике, нетерпеливо скребя коготками, ждал пестрый голубь Коньо.

Влад торопливо прикрыл окно, перенес птицу на стол и отвязал прикрученной тонкой бечевой к лапке письмо. Видно, тому, кто послал в такую дурную ночь крылатого вестника, нечем было обрадовать своего господина. Пробежав глазами послание, хозяин Черны нахмурился, отчего в глубине кровавого рубина на его обруче вспыхнуло багровое пламя.

Проклятая вечоркинская ведьма добралась до Черны. Его Черны. Черны, которую не трогали ни мор, ни голод, на которую даже во сне не разевала рта соседская жадность. В Рябинках, за чередой сторожевых башен, под самыми чернскими воротами проклятая топь изломала до смерти дружинника-палочника, покалечила троих.

— Проклятая девка, — зашипел Влад. — До Черны добралась, радугина дочь. Башни обошла. Хочешь показать, что под носом у Черного Влада людей ломать можешь? Войны хочешь...

Владислав отворил дверь и кликнул мальчишку:

— Голубя мне, да вели, чтоб пленников, что в приданое княжне, в Черну тотчас снарядили.

Мальчик замешкался, протирая глаза.

Глава 37

— Беда какая случилась?.. — спросил он.

— Не твоего ума дело, — был ответ.

Раненый вновь пошевелился. Старик-словник, видно, обидевшийся на грубость, засопел, устраиваясь на лавке.

— Иларий, — тихо позвала лекарка. — Это я, Агнешка.

Веки мануса дрогнули, он застонал, попытался пошевелиться, задел рукой край скамьи и вскрикнул от боли.

— Тише, тише, — уговаривала Агнешка, ласково глядя темные, слипшиеся от пота пряди на висках мануса, отдавая целительную силу, что осталась в руках после попытки словника набросить на нее колдовскую петлю. Так всегда бывало — шаркнет по ней чье-то колдовство, и ненадолго остается в теле отголосок чужой силы. Хватит на один удар или, как сейчас, на одно заклятье. Заклинаний Агнешка не знала. Зачем они той, в ком магия не держится. Просто направила зеленые змейки заблудшей силы в висок раненому и пожелала, чтобы утихла его боль. От этого невесомого касания Иларию полегчало, он открыл глаза и попытался улыбнуться. Обметанные губы не послушались, только в синих глазах мелькнула веселая искорка.

Манус попробовал подняться, но Агнешка остановила его:

— Не торопись, рано тебе вставать, — прошептала она, надеясь, что старый словник уже уснул. — Ты был болен, тяжело болен...

Иларий вновь дернулся, и Агнешка уперлась руками ему в грудь, удерживая:

— Помнишь ли, что с тобой случилось?

Веселая искорка угасла, темные брови мануса сошлись, и тени на исхудавшем лице показались лекарке темнее и гуще.

— Меня ранили? — тихим, хриплым голосом спросил маг.

— Пытали, — с горечью ответила Агнешка. Она замолчала лишь на мгновение, собираясь с силами. Но даже его хватило, чтобы Иларий поднял голову и заметил бинты на руках.

— Мои руки... — словно не веря, прошептал он. — Я ничего не чувствую...

— Иларий, — тихо позвала девушка.

— Или ты не слышишь?! — резко, словно задохнувшись, вскрикнул манус. — Я не чувствую своих рук! Что ты со мной сделала?!

— Не я, — просто ответила Агнешка, до боли сжав кулаки, сдерживая обиду и готовые сорваться с языка неосторожные слова. — Те, кто жег твои руки, гербов на плащах не носят. С них и спрашивай. А моя вина невелика — вылечила твои раны...

Словно опомнившись, Иларий наконец оторвал взгляд от перевязанных ладоней и посмотрел в глаза своей спасительнице.

— Прости... — начал было манус, но Агнешка покачала головой, показывая, что не желает слушать.

— Магию твою я тебе вернуть не смогу. Будет на то Землицына воля — сама вернется. А что руки не слушаются, так это не беда. Вспомнят свое...

И Агнешка, сурово сжав губы, принесла из кухни горшочек, резко пахнувший прелой травой, взяла руки Илария в свои ладони и принялась разматывать новину.

— Повязку пора менять. Не побоишься смотреть, княжий манус?

Иларий качнул головой, откидываясь на своей жесткой постели. Агнешка сняла повязки, зачерпнула горстью зеленоватую мазь из горшочка и щедро покрыла ею ладони мануса.

— Зачем... — словно сам еще не решив, что хотел узнать, спросил Иларий.

— Чтоб шрамов не осталось, — отозвалась Агнешка.

— Зачем... спасла?

— Или ты забыл, я твоя должница, княжий манус, — без улыбки проговорила травница. — Вот и сочлись. Одна малость осталась — на ноги тебя поставить. А там вольному воля и дорожка во все стороны.

Иларий закрыл глаза, и Агнешка тревожно глядела на его сурово сведенные брови и сжатые губы — больно, знать.

— Где мы? — не открывая глаз, спросил манус.

— Заболотное, на самой кромке Бялого, — ласково сказала Агнешка. Гнев ушел, а радость, затеплившаяся в сердце в тот момент, как Иларий открыл глаза, разрослась, окрепла, так что тепло разлилось по рукам, а в самом нутре стало жарко. Бледный и злой, он все-таки был жив. Безногая отступила от изголовья, вышла прочь, только половица скрипнула у двери. А может, это бродит по комнате старый пронира-словник.

Вспомнив о Болюсе, Агнешка тронула мануса за плечо, прижала палец к губам, потом откинула занавеску на двери и позвала:

— Спишь ли, батюшка?

— Сплю, матушка, — покорно отозвался словник. Знать, проснулся хворый?

— Проснулся, батюшка, — стараясь говорить ровно и спокойно, отозвалась лекарка. — Так что уж ты, добрый странник, отдохни, да и в путь пускайся. Много дела будет, дедушка, не до гостей мне нынче...

Но ушлый старик не желал сдаваться без боя. Агнешка услышала, как скрипнула скамья. И почти тотчас круглая плешивая голова словника возникла из темноты в узкой прорехе между занавеской и дверным косяком.

— Ты что-то говорила, матушка, о плащах без гербов, али мне послышалось?

— Послышалось, — в тысячный раз досадуя на то, что впустила пройдоху в дом, отозвалась травница, — померещилось спросонья...

— Еще, хозяйюшка, вздумалось мне со сна в окошечки выглянуть, — задумчиво заметил словник. — И померещились там чужаки. В одном росту, будто на двоих отмерили. Вот и думаю, грезится, знать. Да решил, матушке сказать бы надо...

Агнешка вскочила, осторожно отодвинула занавеску и выглянула во двор. Иларий следил за нею широко распахнутыми глазами, так и не решаясь произнести хоть слово.

Наконец девушка повернулась к нему и едва заметно кивнула.

На обочине дороги, у высоких, тронутых красной кистью зари сосен стояли лошади. Смирные, словно заговоренные, животные склонили головы, но не трогали растущей под ногами сочной травы. Через седло той, что казалась крепче и крупней, был переброшен плащ. Синий — примета палочника. Но Агнешка тотчас узнала этот плащ. Узнала чудное нездешнее шитье, узнала герб — косматый волк на алом медальоне. И отпрянула от окна, потому как на мгновение показалось ей, что из-за угла дома появился хозяин плаща — грозный великан, звероподобный посланник чернского Влада.

— Вставай, Иларий, — тихо прошептала она, поднимая мануса с постели. Ноги не слушались молодого мага, он покачнулся, и Агнешка тотчас подхватила его под руки, помогла сделать шаг в сторону. Отодвинула скамью и рванула изо всех сил крышку тайника. В дверь постучали.

— Дедушка, — позвала она, — пособи-ка братцу.

И, повинуясь стали, прозвучавшей в этом едва слышном приказе, словник потрусил к ней и принялся, путаясь в своей широкой одежде, помогать манусу спуститься в маленький, едва ли пять локтей в поперечнике, тайничок. Было время, когда погребок в обращенной к лесу жилой половине дома не был еще убежищем. Матушка держала здесь

самые драгоценные свои снадобья — те, на составление и приготовление которых уходили месяцы, а порой — год или два. Те, что попроще, хранились в подполе в передней, где матушка принимала и врачевала деревенских. А потом сама жила в этом тайнике — искалеченное, потерявшее человеческий облик чудовище, скрытое от любопытных глаз тех, кого когда-то лечила. Здесь она умерла, скребя когтями земляной пол, едва слышно скуля от невыразимой боли. И Агнешка, травница, лекарка, маленькая испуганная девочка, не сумела ее спасти.

Застигнутая врасплох воспоминаниями, Агнешка замешкалась, и старый Болюсь, деловито оттеснив ее в сторону, принялся деловито заправлять в узкий лаз ослабевшие руки Илария.

— И мне туда, красавица, — засуетился он, — да уберемся ли?

— А ты не торопись, дедушка, — сурово ответила Агнешка, закрывая тайник и возвращая на место лавку, — в твои ли годы по погребам лазать? Самое время за постой платить...

И старый Болеслав охнул и попятился, потому как почуял у самых ребер холодное широкое лезвие охотничьего ножа. Не боялась девчонка стали. И Болюсь почувствовал, как потянулась к стальному острию его сила, небесный металл словно притягивал ее. Болюсь двинулся, стараясь держаться подальше от лезвия.

— Я ведь, батюшка, многого не прошу, — шепнула Агнешка, подталкивая старика к двери, — мы, мертворожденные, не привыкли на судьбу жаловаться. Тебе, дедушка, такая сила дана, а ты ее попусту тратишь — на ярмарочные гаданья да плутни. Помоги, родимый, добрым людям. Побеседуй, дорожку укажи. И такую дорожку, чтобы их подальше вела...

Агнешка встала у стены. Болюсь открыл дверь, впуская гостей и укрывая створкой двери маленькую лекарку.

— Что-то долго ты, хозяин, — бросил полный краснолицый книжник, вступая за порог. — Один живешь?

— Один, один-одинешенек, — запел Болюсь, с оханьем кланяясь гостям и шаркая по полу враз ослабевшими ногами. — Как пест в деревянной ступке. И было б что молоть — впустую толкусь. Входите, сынки, мой дом — ваш дом...

Глаза словника посветлели. Совсем немного — в полутьме сеней не разглядеть. Только словно жемчугом сверкнули зрачки. И тотчас внимательный и суровый взгляд толстого книжника потеплел. И уже глядел он на словника по-сыновьи, ласково, умиленно.

Агнешка изловчилась и заглянула в щелку — великан бродил у

крыльца, поводил напряженными плечами, жадно, словно гончая, втягивая носом воздух. Агнешка помнила эту огромную высокую фигуру, длинные пряди белых как снег волос. Только на этот раз на спине чудовищного чернского великана не было горба — только дикарский лук. Он распрямился, обернулся — и Агнешка отпрянула, так и не разглядев его лица, на мгновение поверив, что этот странный звероподобный чужак способен заметить ее через крошечную щелку двери.

— Коньо, — рыкнул чужак, — здесь.

— Один, значит, живешь, батюшка, — переспросил толстяк. — А не гостил ли у тебя кто?

— Как есть заходил, — запричитал Болюсь. — Мальчик чернявый. А может, белявый, — заметил он, пристально вглядываясь в красное Конрадово лицо, ища помощи. Глаза Коньо, при словах о чернявом парне отразившие лишь недоумение и досаду, вспыхнули.

— А может, и не мальчик... — задумчиво пробормотал старик, так что Коньо тотчас придвинулся к нему, ловя каждое слово. — Где в таких лохмотьях разобраться... А глаза сизые, нехорошие... Знать, воровские...

— Где? — прервав размышлявшего вслух Болюся, спросил Коньо. — Где этот мальчик? Или девочка?

Болюсь пошаркал прочь от двери, на ходу потирая лоб.

— Того не ведаю, сынки, — прошамкал он виновато. — Вчерась приходил, просился переночевать. И этак все глазом зыркал. Ну и решил я, что вор аль побирушка. Стянет чего... А денег нет — по одежонке видать да по самому. Худой как спичка, аж щеки ввалились. Мне, думаю, нахлебников не надо. Согнал я его со двора. Сказал, в Вешнево идти. Мельник там до оборвышей добрый.

— А Вешнево далеко ли? — спросил толстяк. Высокий его спутник так и не взошел на крыльцо. Бродил у двери, то и дело поглядывая на дорогу.

— Недалече... — отозвался Болюсь, бросил быстрый взор на прятавшуюся за дверью Агнешку и добавил: — Пойдем, дорожку укажу...

Лекарка сжала зубы. Злость и ярость душили ее. Да если б могла она — Землица помощи — выпросила бы у Цветноглазой невидимый плащ и заколола старого плута. Выйдет за порог, и тотчас и ее, и манусова жизнь решена.

Но Болюсь не торопился. Он прошаркал мимо великана. Агнешка слышала, как старик хвалил коней и выспрашивал, из какой такой конюшни. Видела в щелку, как он поманил к себе толстяка Коньо, и тот пошел, как баран в поводу.

И уж тут словник начал вертеть руками — дорогу до Вешнева показывать. И чем больше вертел, тем счастливее и благоднее становилось лицо Коньо. Зацепило и бывшего горбуна. Он медленно пошел к старику и пристально уставился на него через завесу белых волос.

И тут Болюсь тихо и осторожно спросил что-то. Коньо ответил ему, великан согласно качнул головой. И старик тотчас задал вдогонку еще вопрос. Агнешка вслушивалась, но без толку. Лицо словника порозовело, маленькие глазки засверкали. И девушка была уверена, что сейчас, именно сейчас продаст ее словник псам Черного князя — и, по блеску глаз, продаст недешево, с выгодой.

Агнешка прижала к груди нож, задумалась. Пожалуй, если заставит Судьба выбирать: свой нож — или пыточные подвалы Черны, быстрая легкая лебединая смерть — или долгая агония, она выберет легко, без сомнений. Да вот только Иларий... Что с ним будет? Ведь едва от морока отошел, из тайника и то сам не выберется...

Очнувшись от невеселых мыслей, девушка глянула в окно и едва не ахнула от изумления. Незванные гости садились на коней, а старик-прощельга провожал их отеческими лобзаннями. И так растрогался, что прижал к глазам замызганный платок. Потом старый шут побрел назад к избешке.

Едва всадники скрылись меж сосен, как Болюсь в одно мгновение преобразился. Исчезла старческая походка, взгляд светился довольством и какой-то нехорошей радостью.

— Хозяюшка, — крикнул он, вступая на крыльцо, — промчалась гроза, растворяй оконца!

— Спасибо тебе, дедушка, — поклонившись до полу и до пунцовых щек горя стыдом, ответила лекарка. — Прости, что была неласкова. Должница твоя теперь травница Агнешка... И коли будет тебе, добрый словник, нужда в моем искусстве — за услугу отплачу услугой.

И Агнешка поклонилась вновь так, что рыжеватые пряди на висках коснулись некрашенных половиц.

— Эх ты, девонька, рассупонила... — бросил старик, семена мимо нее в темные сени. — Должников мне не надобно. Какой из меня мытарь? Не принимаю твоей помощи, травница Агнешка. И на том уговоримся... Загостился я у тебя, красавица, пора и честь знать. Благодарствую.

Словник сгреб с лавки свои пестрые тряпки, наскоро затолкал в мешок, ласково, до лучиков в уголках выцветших глаз, улыбнулся девушке, выскочил за дверь и поспешил — нет, не вслед за всадниками, а в другую сторону. Туда, где хлестало червонным золотом солнце.

Агнешка не стала смотреть вслед словнику, захлопнула дверь и бросилась к тайнику.

«Беги, — шептал у виска тихий, знакомый голос. — Одни пришли, будут и другие».

И померещились вдруг Агнешке совсем рядом, у самого плеча, семицветные глаза, оскаленный в улыбке голый, вычищенный временем череп.

Сердце стукнуло тревожно, пропустило удар, а потом прыгнуло и заколотилось в горле. Под откинутой крышкой тайника была толькодохнувшая прохладой темнота. Агнешка спустилась, подхватила под руки безжизненное тело Илария, вытащила наверх.

Припала щекой к бледным, тронутым синевой губам — дышит?

Глава 38

— Помер?

— Да вроде живой...

Подхватили, понесли куда-то, уложили — как бросили. Лопатки ударились о твердое. Тадек услышал стук, но боли не почувствовал. Тело, пустое и тяжелое, словно остов ладьи, показалось вдруг неподъемной ношей, которую он не в силах сбросить.

Он долго лежал в темноте, завис между сном и явью. Час миновал или день, или одна лишь бесконечная минута упала на весы времени — едва ли мог ответить дальнегатчинский княжич. Небытие омывало его, как вода невидимой реки. И он плыл, спокойный и счастливый. То и дело во мгле проносились, как легкие рыбацкие лодки, образы смутно знакомых лиц — и он плыл мимо, не успевая ухватиться за них.

Иногда чувствовал, как к нему прикасаются чьи-то руки. И от их прикосновения становилось больно и тревожно. Руки были холодные, жесткие. словно сама Цветноглазая пришла за ним и теперь шарила по голове и спине, обрывая последние нити, что держат его на земле.

Руки исчезали и возвращались вновь. Но однажды вместо них появились другие — мягкие и теплые.

Они легли на его горячий лоб.

— Эльжбета, — отозвалось, всплыло из памяти ласковое имя.

— Эльжбета, — вспомнило сердце, забилося, заставив кровь яростно рвануться по жилам.

Исчезла, ушла в синее небо душным влажным паром река беспамятства. Тадек попытался встать. Не вышло. словно чугуном налиты показались руки и ноги. Да что там ноги, веки почудились с мельничные жернова: не свернуть, не сдвинуть...

— Бедный, — шепнул над ухом женский теплый голос.

— Оставь его, Ядзя, не затем я тебя у сестрицы взял, чтоб ты с жалостью лезла, — бросил другой, мужской.

И Тадек почувствовал, как радость просыпается где-то внутри, там, где замерло дыхание, — Якубек!

— Эй, хозяин! — крикнул Якуб.

— Здесь я, туточки, — засуетился невидимый Тадеку трактирщик. — Заботился о вашем товарище, как о родном сыне. Ночей не спал. Вон как его разбойнички-то... Нашли мои парни его в лесу. Как есть полунагого и

без памяти. Вот добро, сколько при нем было...

И хозяин вытянул перед собой убогий сверток Шелест ткани в руках Якуба, усмешка княжича.

— Так в одних портках и бросили? — спросил он, и тонкая иголочка в его словах больно кольнула хозяина, но тот не сдавался, за упавшее с чужого возу держался крепко.

— Как Землица родила, — запричитал он.

— Да проглядели, видно, лихие люди книжечку, — словно походя, бросил Якуб, — вот из сундука самый краешек виден. Плох тот вор, кто награбленного спрятать не умеет! — вдруг загремел он на весь дом.

И Тадеуш попытался улыбнуться: тот Якубек, что вернулся с реки на подводе, изломанный и искалеченный, так не мог. А вот прежний Якуб-золотник, уверенный в себе как в отцовом кольце, веселый с друзьями да резкий с недругами — тот окриком тотчас краску с холопских лиц сгонял.

Знать, и с гада-хозяина румянец слетел, как шелуха с рябого яйца, с удовольствием подумал Тадек.

Ушлый старик тотчас засуетился. Ни слова не проронив, повиताчил из сундуков и кладовок небогатый скарб своего невольного постояльца. Да не удержался, намекнул, паскудник, на плату за постой.

— Жизнь твоя — плата, — отрезал Якуб. — Да не велика ли цена?

— Полно тебе, господин мой, — шепнула Ядзя, и Тадеуш снова почувствовал на лице ее теплые руки. — Давай дальнегатчинца домой заберем. А этот пусть ко всем небесным тварям идет да на каждом шагу Землице кланяется.

Стукнули о пол колени — хозяин бросился в ножки гостям, упрашивал помиловать. Якуб рыкнул на него, велел седлать. Стукнула дверь.

— Ты что, Якубек? — тихо спросила Ядзя. — Как же ты седлать велишь? Ему подводу надо.

— Отец его обратно не велит брать, — резко ответил Якуб. — Пока не велит...

— Да ведь госпожа Эльжбета уж третьего дня как в Черну с мужем уехали. Не будет горя, если привезем. А как очнется, сам князь с ним побеседует, глядишь, и смирится наш господин Тадеуш, не станет беды делать. А так — проснется на постоялом дворе, всякого напридумает...

Что-то еще говорила кротким, воркующим голосом Ядзя — уговаривала любовника. Только не слышал Тадек.

Эленька. Его ясноглазая ласточка. Третьего дня... с мужем... в Черну. Не успел.

Тадек рванулся, вскрикнул и сел на постели.

— Обратно не велит? — сипло повторил за княжичем слова Казимежа. — Так что ж ты, Якуб, со мной делать станешь?

Глава 39

— Дружба дружбой, добро добром, а тут такое дело, что впору не чужие штаны держать, а свои подтягивать... А уж против Черного князя идти — себе дороже...

Старый Болюсь торопливо семенил по дороге и по старой привычке разговаривал с собою. Только теперь это была не простая беседа одинокого старика с собственной тенью. Оправдывался Болеслав перед собой да перед странной девочкой-мертвячкой.

— Так-то девонька, — вполголоса горестно обронил он. — За тобой, хозяйюшка, такие люди приехали, что просто не отстанут. Все равно найдут, рано или поздно. Видел я, девонька, видел: лестницу серую видел, факелы, подземелье видел, крик твой слышал... И, веришь ли, нет ли, как ни крутись, а не миновать тебе этого подвала. И разве хуже будет, если получит дедушка Болюсь с этого свой грошик. Глядишь, угодит старый словник князю Владу и не останется на старости лет без крыши над головой, без плошки гороховой похлебки...

И, признаться, умел словник Болеслав заговорить свою совесть. Покладиста она была, сговорчива — и версты не прошел, уж уговорил, выбелил себя, как печной угол. На постоялом дворе, завидев краснощекую девку в красном сарафане, хозяйскую дочку, завел свое «к сердцу прижмет» и, так да эдак, выклянул себе лошадку.

И уж на лошадке тронулся вслед за двумя посланниками повелителя Черны. Не нагнать желал, всего лишь доехать спокойно до окованных железом чернских ворот, а уж там колдовское словцо дорогу в княжеский терем отыщет. А где словцо не поможет, так золотишко поклонится. Против воли щедр оказался к старику дальнегатчинский мальчишка Тадек.

Ничего не боялся Болюсь. Хорошо стояла защита за проехавшими чернцами. Болюсь держался в трех часах позади. И ни единый лихой человек, ни единый зверь не тревожили его.

Недалеко от поворота на Бялое бросился было под ноги Болековой лошадке крупный гончак. Умный коник вовремя заметил пса. Кобель, жадно втягивавший носом воздух, казалось, и вовсе не обратил внимания на старика. Желто-коричневые глаза пса горели жадной погони. На мгновение, чуть приняв себя к проезжающему, пес сверкнул острым взглядом так, что Болеславу стало не по себе. Собака мотнула головой, снова уткнулась носом в землю и нырнула в траву, отряхнув мелкие белые

и сиреневые лепестки с невысокого крестоцвета.

Внезапно словно из ниоткуда взявшаяся тревога затопила душу словника. Он ударил лошадку пятками, и покорное животное потрусило вперед.

Да и не могла пегая кобылка заметить того, что смутило словника. Совсем рядом, у самого края дороги, стояла Смерть. Цветноглазая пристально глядела вслед уезжающему старику, гадала: остановить ли его, как думала ранее, когда покинула свою любимицу, вечеркинскую ведьму Агнешку. Или пустить, положившись на милость старшей сестрицы — всесильной и милостивой матушки-Земли.

Не верила Костлявая болтливому старику, а вот Владиславу Черному верила — ни разу не подводил князь Безносуя, щедро поил теплой кровью. Не век ходить Цветноглазой за маленькой лекаркой, не век укрывать ее небесным плащом.

Смерть задумалась, глядя, как оседает пыль в неглубокие следы лошадиных копыт. Как сын был ей князь Черны.

Сама вложила Безносая в руки мальчику отцов обруч с кровавым рубином. Сама вела по переходам и хоромам чернского княжьего дворца, заслоняя от колдовских ударов. Способным учеником оказался Владислав, князь Чернский. Щедро напоил кровью матушку-Землю и страшную ее сестрицу. Да только давно это было. С тех пор вырос чернский князь, научился прятать свои мысли не только от людей — от самой Цветноглазой своей наставницы. И порой казалось ей, что и не человек он вовсе. Так не вернуть ли старого доносчика Болюся?..

Не стала. Перевела пустой взор на гончака. Махнула незримой рукой, и верный своей хозяйке ветер сорвался с ее плеча, выхватил из-под самого песьего носа знакомый запах. И унес к облакам. Пес заметался, пытаясь ухватить потерянный след.

— Что же делать мне с тобой, травница Агнешка? — шепнула Безносая.

И в то же время из-за поворота дороги, словно вынырнув из-под пестрой занавеси березовых веток, появилась тяжело нагруженная телега. Крестьянская лошадка выбивалась из сил, но возница словно бы не замечал этого, нахлестывал беднягу по пегим бокам. Растрепанная баба, широко развалившись, почем свет бранила возницу, перемежая брань громкими стонами.

Безносая ухмыльнулась, глянув на громадный живот крикливой бабы. «Дура ты, дура, — криво усмехнулась Смерть, медленно выступая из травы навстречу телеге. — На сносях, да в такую дорогу...»

Словно повинуюсь невысказанному приказу, мужичок остановил телегу.

— У-у, рожа мертвячья, — заблажила баба и тотчас взвыла от боли. — Довезть не сумел, медведь проклятуций. Уж до большого жертвенника не дотянем. Да что б еще в вашу Кринку, радуга ее раздери, поехала... Хоть бы и все коровы у вас легли...

И деревенская ворожея, охая, повалилась на траву, прямо под ноги Костлявой.

— Помочь, матушка? — заохал возле нее мужичок.

— Уйди, паскудная гадина, — зашипела на него баба. — Узел с возу подай.

Возница бросился к телеге. А ворожея, криво повернувшись на бок, уперлась ладонями в траву и, почти воя от нестерпимой боли, запричитала, визгливо забирая вверх:

— Матушка-Землица, бабья помощница, девичья защитница, всему живому матерь...

Новая волна боли скрутила ей нутро, и баба закричала, закинув голову.

Смерть склонилась над ней, положила тощую руку прямо поверх пухлой красной руки сельской ведьмы. Там, под этой вспотевшей ладонью, под травой, под сетью корней земля вздрогнула, придавая просительнице сил, почва задышала жарко, часто. Баба повалилась на бок, ухватившись обеими руками за живот. А Безносая все гладила, успокаивая, охваченную невидимой дрожью землю.

В воздухе пахнуло грозовой свежестью, плотное марево полудня колыхнулось. И лопнуло над самой головой колдуньи-роженицы и склонившейся над ней Смерти. Трещина поползла в стороны, открывая семицветное око топи.

Глава 40

Нет, не поворотил лошадки старый словник Болюсь, поехал дальше за двумя княжьими слугами, как те — за своим господином, его молодой женой и сварливой тещей.

И с отъездом словно вся жизнь схлынула из Бялого. Дружинники, ленивые от жары, отдыхали под навесами. И дворовые мальчишки шныряли повсюду.

Один из них, невысокий, худой оборванец, ловкий, как кошка, пронесся между рядами под самым носом стражника. Перемазанная пылью испуганная рожица парнишки с головой выдавала в нем незадачливого воришку, с минуты на минуту ожидающего расправы за кражу того, что он нес под рваной полрой. Но дружинник только проводил мальчишку усталым, мутным от жары взглядом. А шустрый вор вскоре миновал стражу у ворот и бросился в лес к роскошному вороному. И если бы кто видел его в этот час, то с удивлением заметил бы, что в руках у мальчишки не украденный каравай хлеба, а завернутая в серую от ветхости тряпицу книга.

Угловатые движения, резкие и размашистые, мальчишечьи. Широкие загорелые ладони. Рубашка не по росту да потрепанный колпак до самых бровей. Едва ли кто распознал в этом конопатом постреленке маленькую лесную травницу.

Только глаза выдавали ее. Счастливые это были глаза. Девичьи.

И чем дальше уносил ее конь от Бялого, тем ярче сияла радость в этих серых глазах. И мальчик, угловатый и нескладный, превращался в юную девушку. Рыжеватый локон, выбившийся из-под колпака, уже летел свободно возле ее виска. И девушка не торопилась спрятать его от посторонних глаз.

Казалось, что дорога вовсе не утомила ее, как и проведенный на жаре день. У крыльца дома Агнешка легко соскочила с вороного и бросилась в дом.

— Иларий! — крикнула она весело. — Я ее достала.

— Украла? — сурово спросил черноволосый маг, сверкнул синим взглядом. И девушка тотчас покрылась румянцем стыда.

Молодой маг поднялся со скамьи, зло растирая ладонью ладонь.

— Ты думаешь, с книгой получится? — задумчиво спросил он скорее у самого себя, чем у смущенной девушки. — Хочешь сказать, золотника из меня все равно не выйдет?

— Ведь это только пока... — прошептала девушка. — Пока твои руки не заживут. Чтоб сила не застаивалась, колдовать надо. Мне матушка говорила. А если руки не слушаются, так может...

— Что ты знаешь о силе? Может, ты меня еще из манусов в палочки произведешь? — огрызнулся Иларий. — Думаешь, я стану ворожить на краденой книге, будь она хоть тысячу раз наговоренной?!

Красавец маг надменно фыркнул, с ненавистью расчесывая зудящую молодую кожу ладоней. Коротко глянул на девушку, но, заметив слезы в ее глазах, тотчас переменялся в лице. Раздражение исчезло, синий взгляд потеплел.

— Ну что ты, — ласково пробормотал он, совестясь. — Это все руки... Чтоб их радуга... Зудят, аж покою нет... Не сердись на меня, Агнешка...

Иларий протянул руку и едва прикоснулся кончиками пальцев к обветренным губам девушки. Агнешка вздрогнула, но не отстранилась, только всхлипнула еле слышно.

Не признала бы сейчас княгиня Черны Эльжбета в этой тихой и податливой, как теплый воск, девушке царственную словницу Ханну, не решился бы подтвердить старик-ясновидец, что перед ним хозяйка лесной избушки — неподвластная колдовству мертворожденная. Нашлась сила, от которой не уберег лекарку Агнешку ее чудесный дар.

Девушка прильнула к ласкающей руке, улыбнулась.

Но тут молодой маг вздрогнул, отдернул ладонь, потер пальцы. Словно огнем опалило в том месте, где касалась его руки теплая кожа девушки. Иларий настороженно глянул на пальцы, на покрытую шрамами ладонь. На мгновение показалось, что вот-вот проснутся руки — сверкнула искоркой былая сила. И угасла тотчас.

Иларий рассеянно глянул на приоткрытые губы девушки и торопливо вышел на крыльцо. В окно Агнешка увидела, как он повел к колодцу Вражко.

— Что я тебе сделала? — одними губами произнесла она.

Глава 41

«В чем моя вина? За что ты так обходишься со мной?» — не вымолвились слова, встали комом в горле. Тадеуш осторожно спустил ноги на пол, попытался подняться.

— За что же ты наказываешь меня? — уже в голос спросил он, глядя под ноги, туда, где под дощатым полом расстиралось черное рыхлое тело земли. — Я ходил по праздникам в храм и молился. Я не обидел ни единой земной твари... И за это ты отобрала у меня мою Эленьку?

Тадек рывком встал на ноги и тотчас рухнул. В ярости ударил ладонью в пол:

— Ты дала мне счастье, которого не испытывал ни один человек, для того, чтобы потом переломить хребет оглоблей на постоялом дворе?!

Всем хорош был Тадеуш Дальнегатчинский: крепок, силен, сердцем чист и горяч. Только не благоволила к нему Судьба. Да и не было дела Судьбе до второго сына князя Войцеха — первенцу все, и вотчина, и власть... А первым родиться не поспел — живи как знаешь. В мечтах высоко взлетел Тадек. Больно ударила Земля заносчивого мальчишку.

Тадеуш пополз по полу, цепляясь пальцами за половицы:

— Не выйдет у тебя, матушка-Землица, не выйдет... — прошептал он, хватаясь рукой за подоконник, подтянулся, сел на лавку у окна.

— Нет, Тадек, у тебя не выйдет, — глухо проговорил совсем рядом знакомый голос. — Оставь Эльку, не смущай. Она теперь жена, княгиня чернская. И тебе с этим нечего спорить. Элька большое дело сделала ради блага многих. И не тревожь ты ее. Подожди годок-другой. Сядет Владислав на сани. А как отдаст он Землице душу — будет твой черед. Вся Черна твоя будет.

Якуб подхватил друга, помог подняться. Но Тадеуш оттолкнул его руки и снова рухнул на скамью.

— Не нужна мне Черна, радугам ее в пасть, — отозвался он горько. — Как подумаю только, что ласточка моя досталась... этому...

Тадек прикрыл ладонью глаза, а Якуб медленно обнял его за плечи, мысленно браня отца за трусость. Мог бы и сам объясниться с мальчишкой. За нос водить смелости хватило. А увещевать послал увечного. А вот как решит сейчас в сердцах Тадек силовым ударить — и не станет у Бялого наследника. А может, того и добивается отец, вдруг подумалось Якубу, уж и так земля Чернскому Владу обещана, а не ему, так его сыну. Не оставлять

же удел на убогого. «Да будь я хоть книжником захудалым, — горько признался себе Кубусь, — вроде того же Тадека, хоть было бы за что держаться, за что уважать себя».

А так — какой князь из топью ломанного? Взять бы в одну руку суму, другой ухватить за круглый бок болтушку Ядзеньку и заблудиться в закрайных лесах. Медведей шрамами не испугаешь. Зверей радужная топь не жалует, от человеческого племени кормится. А так, всяк, кто глянет, — тотчас вспоминает: радуга его колдовскую силу прибрала. Свята Землица, охраняй, защити...

С легким сердцем променял бы Якуб свою судьбу на Тадекову. Без сожаления.

— Все равно, — начал было Тадеуш, но не договорил, ударил рукой о скамью, крепко ударил, так, что слезы навернулись на глаза. Порой на сердце так худо, так горько, что кажется, грудь от тоски разорвется. А боль утишит душевную горечь, отрезвит. Тадеуш потерял ушибленную руку, сжал зубы, попытался подняться вновь.

Якуб не поддержал, встал рядом и глядел, как дальнегатчинец снова рухнул на пол.

— Всегда ты, Тадусь, упорным был, как бугай в деревенском стаде, — сухо проговорил он. — Видно, мне с тобой не сладить. Все одно: покуда не расшибешься в кровь — не успокоишься. Как на ноги встанешь, в Бялое поедем. С отцом поговоришь... Виделся я с ним, рассказал ему, что с тобой сделали. Жалеет он тебя. Может, не случай это, а Судьба, Тадусь? Оставь Эльку в покое. На ней свет клином не сошелся.

— Думаешь, тебя Судьба не пощадила, так и ко мне не смиростивится? — бросил ему Тадек.

Княжич вздрогнул от его слов. Рука, словно сама собою, коснулась повязки на лице.

Якуб Белый плат вышел, тихо прикрыв дверь.

Ядзя бросилась к любимому. Он молча отстранил ее, вышел во двор и скорым шагом отправился на голубятню. Послать отцу новости. Не желает слушать разума дальнегатчинец. Пусть делает отец, что сочтет нужным. А ему, Якубу, остается только руки умыть. Кто он теперь в Бялом, чтобы заботы княжеские на себя взваливать? Отец — князь, потом земля Владу достанется. А жар печной руками Якуб Бессильный, Якуб Белый плат разгребать должен?!

Ядзя, робея от собственной смелости, вошла к дальнегатчинцу. Да как увидела, что он плачет, так упала на колени рядом, обхватила его русую голову, прижала к себе.

Уж очень похожи были господин Тадеуш и ее Якубек, оба высокие, русые, чистые, как озерная вода. И такие несчастные. Даром что маги. А ее, мертвую кость, Судьба миловала. Из худой избы отвела в княжеский терем, хозяйку дала самую добрую, суженого самого красивого. Черного князя отвела. За то каждый день Ядзя Землице поклоны била.

— Плохо тебе, господин Тадек? — прошептала Ядзя. — А ты сокрушайся. Делай, как сердце велит. Велит плакать — плачь, велит кричать — кричи. А господина Якуба не слушай.

Ядзя заколебалась, раздумывая над чем-то. И Тадеуш вырвался из-под ее утешающей руки, снова попытался подняться и, упав, в отчаянном желании сдержать слезы уткнулся головой в половицы. И служанка решилась. Из складок широкой юбки точно по волшебству явился сверток. И Ядзя, не глядя, сунула его в руки Тадека.

— Книга это твоя, и денег немного, на первое время, — прошептала она, продолжая гладить его по русым кудрям. — Поднимайся, хватит разлеживаться. Любит тебя госпожа моя Эленька. Пуще жизни. На чем хочешь поклянись, а вот ко князю Казимежу тебе ехать незачем. Не ездь в Бялое, поезжай домой. А хочешь, так и в саму Черну. Господина нашего Якубека я удержу.

Ядзя выскочила за дверь.

Эх, глупая Ядзя. Глупая, болтливая. Думала предостеречь, да вышло по-иному.

Не боль, а злоба, глухая, гордая злоба подняла Тадеуша на ноги, заставила сделать шаг, другой. Помогла развязать сверток, поднять над головой в дрожащих от слабости руках книгу.

— Ну, батюшка-князь Казимеж, — выдохнул Тадек, чувствуя, как белые искорки, срываясь с книжного переплета, колют кожу — гонят боль. — Разговор у меня к тебе...

Глава 42

— Не до тебя, — отмахнулся князь. — Позже поговорим...

Эльжбета как стояла перед ним, робея, так и осталась стоять с приоткрытым от удивления ртом.

— Так ведь... наследник у тебя по весне будет, — пролепетала она, все еще надеясь, что муж не расслышал радостной вести.

Только князь приласкать жену не спешил. И не смотрел на нее вовсе.

— Знаю, княгинюшка, — с усмешкой бросил он. — Со свадебной ночи знаю. А тебя только сейчас проняло. Эх, бабы, волос длинный, а силы — с перстенок. Потому и не быть бабе князем. Ладно... — махнул рукой Влад, отсылая жену. — Пойди отдохни, голубка моя. Сил набирайся. Девоч зови, пусть песни поют. Говорят, от песен дитя в утробе радуется.

— Да что же это ты, князь... — запричитала Элька, только Владислав уже не слышал ее — вышел в двери.

— Ты, матушка, к сердцу близко не бери. Тут и впрямь дело важное... — Игор остановился совсем рядом, горой нависая над молодой княгиней. Элька зыркнула на него, краснея от злости.

— Какая я тебе матушка, чучело патлатое?! — взвизгнула она, отшатываясь от сердобольного великана. — Прочь поди! Господину своему прислуживай, чтоб радуга ему кости прилома...

Огромная ладонь закрыла княгине рот. Элька сперва опешила, но тотчас пришла в себя и укусила окаянного мужниного прихвостня за палец. Но Игор будто и не заметил боли. Удержал мгновение-другое.

— Такого, госпожа, не то что в голос и в мыслях не говори, — шепотом предостерег он. — Радужная топь — она все слышит. Не угадаешь, за кем придет. Вот и не зови...

— А чтоб тебя... — бросила Элька с бессильной яростью, едва лишь Игор опустил ладонь и позволил ей дышать.

Княгиня выскочила прочь, и Игор последовал за ней. Но уже через пару шагов остановился, огляделся вокруг — не смотрит ли кто. Бесшумно скользнул в небольшую нишу, почти полностью занятую объемистым кованным сундуком.

От одного движения руки великана сундук поехал в сторону. За ним, неприметная с первого взгляда, оказалась потайная дверь. За нею — ведущий во тьму лаз. Узкая лестница, завиваясь как лента в девичьей косе, повела сторбленного Игоря под землю. Какое-то время было совсем темно,

но он скользил вниз по ступеням, каким-то чудесным чутьем угадывая дорогу.

— Игор, ты? Наконец-то, — крикнул снизу господин, и великан отозвался приглушенным сиплым рыком.

Внезапно в лицо ударил свет, и Игор прикрыл глаза рукой.

Свечи горели повсюду. А там, где живого пламени не хватало, висели крошечные светящиеся шары — игра Владековой силы.

Полторы дюжины шаров замерло над широким дубовым столом, почти таким же, как тот, за которым князь имел обыкновение обедать. В резком белом свете на столе лежала, как сперва показалось Игору, большая груда заскорузлых тряпок.

Груда пошевелилась и вдруг застонала и заскулила так, что сердце екнуло. И Игор тотчас забыл все, о чем хотел поговорить с господином.

— Что встал, Игор? — бросил князь, склоняясь над жертвой. — Нож подай да склянку. Мне крови ее нужно.

Толстяк Коньо, красный от старания, растирал в ступке сухие травы. Игор сбросил на стул плащ, сплел волосы в косу. Подхватил изломанное тело и перевалил на бок, так что стала видна спина с выпяченным хребтом. Великан ловко разорвал грязную и перепачканную кровью одежду, бросил тряпки в корыто под столом.

— Как звать-то эту?.. — не нашел слов.

— Да ветер ее знает, баба какая-то, — огрызнулся Влад, сосредоточенно насыпая мерной ложечкой в склянку травяной порошок. Залил траву резко пахнувшей коричневатой жидкостью. Перемешал.

— Две седмицы, как топь ее приломала. А все живая. Шевелится. Стонет вон... — с каким-то восхищением добавил Коньо и не удержался — прихвастнул: — Я привез!

— А далеко? — давая другу возможность порадоваться добыче, спросил Игор.

— В Лучках, в Казимежевой земле, — отозвался Коньо, подскакивая к столу с двумя пустыми склянками. Легко надрезал бьющуюся вену, поймал бордовую струйку. — У нашего тестя позволения, правда, не спрашивал. Только думаю, баба эта ему уже без надобности. Чудо, что свои не убили.

— Треплив ты, Конрад, не в меру, — бесцветным, словно бы чужим голосом пробормотал князь. — Чудо ему подавай! Эту бабу свои в деревню на погляд привезли, в острастку баловникам. Вот и долежала до тебя. В наших деревнях уважают чудовищ...

Князь невесело усмехнулся, осторожно рассек жертве кожу вдоль хребта.

— Вон как ее, — присвистнул Коньо, глядя ему под руку. — Кость совсем желтая и не светит.

— Сильна ли была? — спросил Влад, отодвигая толстяка локтем.

— Говорят, хоть и колдунья простая, но могла и без камня — на сосне или осине, если дерево покрепче.

Черный князь словно бы не слышал раскудахтавшегося толстяка, взял у него из рук склянку с кровью и пошел прочь от большого стола туда, где над рядами склянок и пучков трав висел еще один рой светящихся шаров.

Комок плоти на столе едва различимо дрогнул. Гулкий стон раздался из груди истерзанного мяса.

— Никто такого не заслужил, — прошептал великан, проникая пальцами в петли плоти, нащупывая в глубине голову.

— Не медли, Игор, — бросил через плечо князь, — или тебе тоже, как и Коньо, чуда захотелось...

Игор глубоко вдохнул, резко крутанул невидимую в кровоточащем клубке голову. Хрустнула шея. Стон прервался. Несчастная обмякла.

Коньо продолжал держать под ранкой вторую склянку, стараясь не упустить ни капли.

— Прими, Землица, свое детище... — прошептал он деловито и, обернувшись к господину, громко спросил: — Крови хватает?

— Хватает, — задумчиво произнес Владислав, поворачивая перед лицом склянку. — Пить мне ее, что ли? Вон, на площадь выйти... Или у жены в опочивальне... Чтоб смирнее была.

— Зря ты с ней так, — вступился за Эльку Игор, но князь только усмехнулся в ответ.

— Дура, — заключил он, все еще глядя в темную глубину склянки, — вся в маменьку — норовистая дура. Меня другая беспокоит, та, что такое... — Он качнул головой в ту сторону, где на дубовых досках лежал грудой мертвец, — с человеком сделать может. Кто ж ты, вечоркинская ведьма? — спросил он у мерцающей рубином склянки.

Глава 43

— Кто же ты такая? — шепнул маг, глядя, как солнце ласково гладит ее отливающие золотом волосы.

Странное, необъяснимое, но почти осязаемое чувство не покидало его с того дня, когда он прикоснулся к ней. Неотступное желание быть с нею рядом порой заставляло Илария подниматься среди ночи, крадучись подходить к широкой скамье, где спала травница, и тайком гладить ее разметавшиеся волосы. Руки отвечали едва ощутимым ледяным покалыванием. И в те мгновения молодому магу казалось, что вот-вот вернется колдовская сила.

Только казалось...

На второй день после того, как встал на ноги, он попробовал золотничий медальон.

На четвертый — наговоренную книгу.

Измученный стыдом и болью в омертвевших руках, на пятый день взялся за посох.

И пожалуй, бросил бы и его. Те жалкие искры, что он — бывший манус — смог вытрясти из убогой палки, добыл бы и новорожденный ведьмак. Да только неотступная Агнешка едва не извела его своими уговорами. Вот и сейчас стояла недалече, с охапкой крестоцветов в руках — раскладывала цветы на дровнице подвдвнуть. И будто бы невзначай, вполглаза, следила за занятиями мага.

И посох, побори его радуга, начал поддаваться. Сила, мертво стоявшая в теле, медленно тронулась в путь по жилам, и от этого чуть кружилась голова. Иларий радостно подбросил посох на ладони. Дерево тяжело упало в руку, и Иларий тотчас со всей силы вытолкнул сгустившийся внутри белый огонь в самый конец посоха. Брызнули искры.

Агнешка подпрыгнула от неожиданности и захлопала в ладоши.

Иларий взглянул. И не мог дышать.

С минуту стоял, глядя на нее. Сияющую от солнца, радостную. Овечка тонкорунная, золотые копытца. Агнешка улыбнулась, потом потупилась, заметив во взгляде красавца мага что-то, чего раньше не видела. Горячую, опасную жажду.

Иларий выронил посох. В несколько широких шагов оказался рядом с девушкой.

И руки. Его полумертвые, бесчувственные руки ласково обхватили ее

лицо. И бесконечное счастье заполнило его всего, как заполняется парным молоком глиняная крынка.

И почувствовал. Это была она. Та, о которой он грезил. Страдал, тоскуя о ней. И стремился к ней, единственной, необходимой, как сама жизнь.

Его сила. Его сила, которую он оплакал. Его колдовской дар, который считал утерянным навсегда.

Все вернулось от одного прикосновения. Но сильнее и чище. Стократно повторенное невиданным эхом. Разлитое под кожей маленькой лесной травницы.

Иларий сгреб ее в охапку, словно ржаной сноп. И она уже готова была рассыпаться в его руках золотистыми колосьями. Его ладони, словно обезумев, двинулись по плечам девушки, по спине, не желая упустить ни единого зернышка.

И сила хлестала в эти ладони из ее податливого тела так, что сперва в пальцы, потом в запястья, а после до самого плеча впились изнутри ледяные иголки. И Иларий радостно впивал эту силу, все крепче прижимая к себе девушку.

Его руки ожили, обжигающий холод пульсировал в них, заставляя мага смеяться от радости. Его сила возвращалась! Играла между пальцев неуловимой рыбкой — но вот она, здесь, совсем рядом, только крепче сдави, впейся, чтобы не ушла, не выскользнула.

Агнешка уперлась рукой ему в грудь, выпустила из рук крестоцвет, вскрикнула, упав на траву. В глазах у нее был страх. Но Иларий зажал ей рот рукавом — берег ладони.

Она еще пробовала вырваться, кусала сквозь тонкую ткань его руку, билась. Да только напрасно. Не магия, чистая мужская сила взяла над ней власть. Одержимый странной жаждой, Иларий пил искристый холод из каждой пяди ее тела. Рвал рубашку, ища насыщения.

Агнешка уже не сопротивлялась. Только из-под ресниц струились слезы. Она вцепилась пальцами в траву так, что корни забились под обломанные ногти, и просила только одного — перестать жить, перестать чувствовать. Больно было. Слишком маленькой, слабой, доверчивой оказалась травница Агнешка. Иларий гнул, как осиновый прут, ломал, словно неживое. Этой боли Агнешка не боялась — ее знала, с ней свыкла за свою сиротскую жизнь. Руками, губами мучил синеглазый манус — не вилами, не кнутом, не поленом, как учили ведьму в деревнях. Но если б позволил ей кто выбирать — выбрала бы и полено, и вилы, и свистящий, как весенняя иволга, кнут — в руках чужака, злого краснолицего мельника,

брюзгливого сельского старосты, сурового деревенского кузнеца... Она прикрыла бы глаза и стерпела, вверив душу Землице — целую душу, нетронутую коростой предательства. А как теперь вверишь, когда душа эта — плачет, разрывается, захлебывается от боли, какой ни один кнут не причинит, силы не хватит у палача.

«Словно не учила тебя ничему жизнь, — проговорил кто-то внутри, в гулкой от боли пустоте. — Погладил красавец господин по грязной щеке, ты и распахнула душу, как кафтан без кушака».

«Землица-матушка, возьми мою душу...» — пронеслось в голове.

Иларий вцепился в плечи девушки. И проклятый дар травницы оглушил его собственной манусовой силой. И повел дальше — в пределы уже не манусовы, словничи. Внутри родилась и метнулась ввысь ледяная волна, скрутила нутро, и в самом центре снежного клубка полыхнуло с невиданной силой, рвануло огненными когтями по хребту. Молодой маг вскрикнул, отдаваясь этому пламени.

Перед глазами поплыла, расступаясь, явь. И выступили из марева тонкие, искристые, как лучи снежинок, нити времени. Грядущее распахнулось перед ним, разостлалось всего на мгновение. Иларий увидел знакомую дорогу. Двух всадников, хлещущих лошадей. И посохи. Четыре или пять одновременно вскинутых — и сноп белых искр. Конь рванулся, взметнул облако пыли, один из всадников упал. Мелькнул вышитый на плече герб: лазурный щит, дальнегатчинский черный медведь.

Палочник, широколицый мужчина с маленькими темными глазками, чье лицо показалось смутно знакомым. Удар. Кровь на русых волосах. Много крови.

В одно мгновение ткань грядущего напиталась алым, набухла. И Иларий вскрикнул вновь. И в этом крике был гнев. Гнев и жажда мести. Скрылось, утекло сквозь пальцы грядущее. Перед ним было лишь залитое солнцем поле, оброненный крестоцвет, разметавшиеся по траве рыжеватые пряди и крепко зажмуренные глаза маленькой травницы.

Он поднялся на ноги, подобрал брошенную одежду, склонился к Агнешке, но она отвернулась и снова зажмурилась. Иларий хотел погладить ее, но остановил протянувшуюся руку. Сейчас плакать будет, укорять, а потом успокоится. А там, в лесу, недалеко от Бялого, в это время умирает от рук его палача молодой дальнегатчинец. И если он, Иларий, не поторопится, опять уйдет гнида-палочник безнаказанным.

— Не держи зла, лисичка. Милая моя девочка, — торопливо произнес он, отряхиваясь. — Ты лучшее, что за всю мою жизнь Землица мне посылала. И я обязательно за тобой приду. Клянусь, чем хочешь... Только

сейчас я должен...

Агнешка до крови закусил губу, но не шевельнулась. Хлопнула дверь. Раз, другой. Манус собирался в дорогу. Заржал Вражко. Смолк топот копыт.

Солнце медленно скатилось за край леса. Небо потемнело, из бирюзового стало сизым, придвинулось ближе к земле. Агнешка крепко зажмурилась — лишь бы не смотрело в глаза это низкое рыхлое небо.

Под веками плыли полосы, мелькнули и осыпались звезды, и заструились, понеслись от этих звездочек белые искры. Маленькими шустрыми змейками выскочили искорки из-под кожи там, где прикасались к телу травницы руки Илария, собрались в широкие зеленые ленточки, обвились вокруг пальцев. Агнешка не глядела на них. Чувствовала. Когда возвращалась к Иларию его сила, когда хлестал через нее смешанный с болью ледяной ток, опустошая, отнимая желание жить и последнюю веру в то, что есть для нее, проклятой чужими и своими, доброе что-то в этом мире, — осталось в руках немного магии. На один удар. Не открывала глаз лекарка. Только прижала руки к животу, где-то в середке между плачущим от боли нутром и ноющим сердцем и прошептала:

— Матушка-Землица, возьми травницу Агнешку.

Послушные новой хозяйке зеленые искорки зароились, набирая силу, и тотчас словно тысячи крошечных молний вонзились в каждую клеточку, разрывая плоть, отделяя душу от измученного тела. Белая река хлынула под веки.

И боль отступила. Стало хорошо. Так спокойно, словно и не вырастала травница Агнешка, словно осталась маленькой девочкой. Будто приснилась ей жизнь, как страшный сон. И сейчас матушка разбудит ее поцелуем, возьмет на руки, утешит, утрет слезы.

Агнешка улыбнулась во сне, радуясь.

А Земля благодарно тянула из нее белые искры:

— Принимаю душу твою, травница Агнешка...

— Иду, матушка, — хотела шепнуть девушка. — Иду...

Казалось, вот-вот прикоснутся к горячему лбу умирающей теплые материнские губы.

— Здравствуй, моя милая...

Агнешка вся подалась вперед, желая нырнуть в белую реку, да только вместо теплого касания светлой влаги почувствовала девушка, как что-то холодное и сырое ткнулось ей в щеку, потом в шею.

Река отхлынула, сияние померкло. Агнешка умоляюще потянулась к нему. Но тотчас почувствовала новое прикосновение ледяной сырости. Кто-то жарко засопел ей в лицо, и что-то широкое, гадко шершавое коснулось

век.

Сияние растаяло, оставив лишь темную пустоту внутри. Темнота заскулила и навалилась на грудь тяжелыми лапами.

Агнешка с трудом разлепила веки.

Широкомордый лобастый пес, в вечернем сумраке показавшийся громадным, переступил лапами у нее на груди, раскрыл жаркую пасть и снова лизнул девушку в щеку.

— Что ж ты наделал...

Глава 44

— ...проходимец, небово отродье! — Агата не находила себе места.

Эльжбета плакала, закрыв белыми ручками лицо.

— Убегу я, — всхлипнула она. — К Тадеку убегу. Не станет он меня, как простую девку, прочь посылать...

— Разбегалась, — бросила дочери Агата, гневно сведя брови. — Мужняя жена. Что хочет он, то с тобой и сделает. И ни я, ни отец тебе уже не помощь. Раньше бегать надо было, до венца.

— Как есть убегу, — запричитала Элька. — Он и в три дня не заметит. На меня и не глядит, с самой свадебной ночи и не бывал.

— А тебе будто того охота? — насмешливо спросила Агата.

Злилась она на Эльку. Рано Казимеж отдал девку замуж. Ничего в голове нет. Привыкла держаться за мамкину юбку да за папкино кольцо. Муж ей, видишь ли, не угодил. В ножки не упал.

Думала Агата дочку в новый дом проводить, погостить до осени и вернуться. А тут вишь, как оно оборотилось. Уж какое домой собираться, когда дурища Элька бежать задумала, отца-мать позорить. Чуть почувствует князь нехорошее, в мысли ей глянет... Запрет до родов. А после?

Не знала Агата, что и думать. Но не такая статья была у княгини Бялого, чтоб по углам плакать.

— С тобой останусь, — резко бросила она дочери. — Надумаешь бежать, сама за косу приволоку и дома привяжу.

Ждала княгиня, что дочка снова бросится в слезы. Но не тут-то было.

— Ненавижу тебя! — крикнула Эльжбета, сжимая в кулачки белые ручки. — Мать, а хуже последней мачехи!

Агата опешила, отступила.

— Ты во всем виновата! — взвизгнула Элька, вытирая рукавом слезы. — Батюшка-князь тебя завсегда слушал. Сказала бы ты ему, что не невеста я Черному Владу, отдал бы он меня за Тадека. Ведь он обещал...

«Ах, паршивка, — только и пронеслось в голове у Агаты, — паскуда неблагодарная... Растила, ласкала, косы золотые расчесывала...»

Сердце сжалось так, что в голове помутилось, поплыло, посерело. А за болью явилась ярость. Та, что помогла юной Агате, княгине Бяломястовской, двадцать лет назад против жадной своры мужних товарищей да советчиков выстоять, та, что подсказала, как мужа в узде

держатъ. Не Агата — страшная, лихая ярость схватила Эльку за толстую золотую косу и поволокла по выскобленному полу к двери.

— Я виновата! Так убирайся, беги! В лесу ночуй! К отцу беги или к сопляку своему дальнегатчинскому!

Заблажила перепуганная Элька, словно тараканы выскочили изъ всех углов девки, остановились в страхе: к хозяйке бы бежать, подымать, под белы ручки в покои увести — да уж больно матушка Агата гневна, возьметсѧ за колечко, так и с жизнью недолго проститься.

— Что ж ты делаешь, матушка? — Нянька, неловко припадая на больную ногу, бросилась к ним, упала на пол, под ноги Агате, обхватила Эльку за трясущиесѧ плечи.

Схлынула ярость, ушла как не бывало. И Агата в недоумении устѧвила сѧ на свою руку, сжимающую желтую Элькину косу, на опухшее от слез, подурневшее лицо дочери, на ее крупное, хоть еще не располневшее в ожидании грядущего материнства тело и пустые, словно бы погасшие глаза. Разжала пальцы.

Девки-мертвячки, чуткие к причудам барского нрава, бросились хлопотать вокруг княгини. Нянька сверкнула глазами и промолчала. Умна была старуха.

Агата отвернулась и зашагала прочь. Мальчик, прислуживавший при кухне, выскочил было перед ней. Княгиня замахнулась на паренька. Не ударила.

Глава 45

— Пшел! Небова мразь!

Не первый день на свете живешь, должен бы уж чують, когда не стоит истиннорожденным на дороге попадаться.

Но пес, хоть и шарахнулся от копыт лошади, быстро опомнился и с залиivistым лаем понесся следом.

Он это, он — Иларий. Живой, хоть и сердитый. Сколько же Прошка искал веселого черноголового мануса! Уж и не чаял найти. Шел по едва уловимому следу. Сколько дней во рту ни сладкой говяжьей косточки, ни утиного крылышка. Мыши-полевки да жуки, будь они неладны.

— Ила-арий! — радостно трепетала собачья душа. Залиivistо лая и повизгивая от счастья, Проходимец бросился вслед за Вражко в надежде, что его седок наконец узнает верного друга, княжьего гончака Проху. Но Иларий ударил вороного и снова крикнул:

— Пшел!

Прошка напруг все силы, все еще надеясь догнать всадника, рванул наперерез по высокой траве. Запутался в толстых, сочных стеблях, рухнул и заскулил от боли и отчаяния. Покуда выпутаешься, покуда след возьмешь — ускачет Иларий.

Проха поднялся на ноги, приготовился бежать, искать, спасать. И остановился как вкопанный. Зарычал, вздыбив шерсть.

В паре шагов от него, по грудь в густой траве, стоял другой пес. Белый как лунь, громадный, как новорожденный телок, и пушистый, как соболь. Проха грозно оскалился, надеясь нагнать страху на нежданного противника, но чужак не торопился приближаться. Он стоял неподвижно, словно и не живой, и спокойно рассматривал тяжело дышавшего гончака внимательными семицветными глазами.

Проха снова зарычал.

Белый пес двинулся к нему, слегка склонив голову набок. И Проходимец почувствовал, как лапы и веки наливаются тяжестью. Не в силах бороться с ней, он опустил на траву. И Белый прилег рядом. Положил лапу на широкий лоб пса.

И Прошка увидел. Едва ли вспомнил бы он, что показал ему странный Белый пес. Метались в этом чудесном сне черные и светлые тени, пахло кровью. А потом повеяло смертью. Не холодом, как от искорок, что сыпал с кольца хозяин или сбрасывал манус с холеных пальцев. Повеяло жирной

землей и увядающей травой. Землица-матушка принимала не мертвеца — живого. Пила жизнь из еще бьющегося сердца.

От этой мысли словно лопнуло что-то внутри у Прохи, разлилось горячим под черепом. Не успел заметить Прошка, как Белый пес исчез. Но в надвигающихся сумерках вдруг что-то позвало Проху, заставило со всех ног броситься назад, туда, откуда уносил вороной княжьего мануса.

Не зря надеялась Безносая на молодого гончака. Успел Проходимка, вырвал у Землицы то, что само ей отдавалось, само просилось, само от жизни отказывалось. Лизнул умирающую в закрытые глаза, раз, другой, жадно вдыхая знакомый запах. И как он раньше думал, что она — враг? Враги злые, а у нее щеки соленые...

Проходимец снова коснулся шершавым языком бледного лица, обведенных темными кругами глаз. И глаза открылись. Еще мгновение отражались в них счастье и покой, а потом все вернулось — боль, страх, ненависть... С укором смотрели на Проху серые, как осеннее небо, глаза травницы.

— Что ж ты наделал, проходимец? — тихо и горько шепнула она.

— Признала, — радостно подумал Проха и отчаянно завилял хвостом.

Глава 46

Темнело медленно. Долгий летний день не желал сдаваться сумеркам. Из последних сил цеплялся за кромку леса.

Тадеуш не торопил коня. Бедняга выбился из сил и уже не чуял пяток седока, шел так, как хватало мочи. Хорошо шел еще, прытко. Тадеуш приник к теплой, дышащей усталостью шее. Слабость валила из седла, кружилась голова, болело изломанное тело. Другой дал бы отдых коню, сполз на влажную от вечерней росы траву, прилег, жалея битые кости. Да только не таков был Тадеуш Дальнегатчинский. Много задолжал ему Казимеж, хозяин Бялого мяста, и больше отдыха, больше сна и избавления от боли хотелось Тадеку взыскать с двуличного старика должок. За все спросить — за Эльку, за обман, за позор перед отцом и братом...

Тадеуш зажмурился, прижался к шее коня. Темнота сгущалась, роясь между стволами деревьев. Ветер бросился в листья. И в лесу зашуршало, зашептало тревожно. А когда стихло, Тадеуш услышал позади топот копыт да едва различимый окрик.

Тадек ударил коня, и тот, почуяв страх седока, рванулся вперед, напрягая все силы.

Молодой книжник обернулся, нащупал в сумке книгу, прислушался. Судя по стуку конских копыт, преследователь был один. А с одним уж как-нибудь да справимся.

Тадеуш прижал книгу к груди, вновь обернулся, слушая, не приблизился ли шум погони. И тут сверкнуло белым, охватило холодом. Магическая волна ударила в ребра, да не сзади, а совсем с другой стороны — из непроглядного, словно налитого чернильной тьмой леса. Ударил не один маг. Четыре ровных ледяных луча зацепили жертву. Конь встал на дыбы, стараясь избежать обжигающего холода заклятья. Сброшенный всадник покатился на землю, чудом не запутавшись в стремянах. Трусливая лошадка бросилась опрометью вперед, в густую, как ржаной кисель, тьму. Льдисто мерцающие нити оплели упавшего, в одно мгновение обездвижив, и Тадеуш забился в этих сетях, уже не надеясь выбраться.

Нападавшие вышли из леса. Четверо в черных плащах без гербов. «Палочники», — с досадой заметил Тадеуш. Да если б знать, что засада, справился бы он и с четырьмя палочниками. На то книжник не из последних. Рассердился на себя. Не думал в тот миг ни о смерти, ни о том, зачем напали на него наемники-палочники, — жалел, что торопился.

Эльжбету из-за своей торопливости потерял, а теперь, может, и с жизнью из-за проклятой спешки придется расстаться.

— Выживу, помяни мое слово, матушка-Землица, — с сердцем пообещал себе Тадек, — не в пример умней буду. И осторожней.

Ледяная петля ожгла горло, книжник задохнулся, мысли спутались. Показалось — вот оно. Конец. Да только услышала Землица молодого мага. Знать, решила, что рано ему на покой. Не все сделал, не со всех должное получил.

Черный как смоль красавец скакун вылетел на дорогу, взметнул громадные копыта над головами палочников. С диким, почти нечеловеческим окриком взмахнул рукой всадник Искры ухнули белым снопом на разбойников, на слабо светившиеся посохи, на покрытые капюшонами головы.

Трое отпрянули, побежали. А один, видно, старший, замешкался. Уставился в лицо нежданному противнику. Словно узнал, да глазам собственным не верил. Не могло быть здесь, на темной лесной дороге, княжьего мануса Илария.

Ошибался широкоплечий палач — вот он, манус. Одним движением холеной руки, на которой выделялись в лунном свете розовые подживающие рубцы, Иларий послал в лицо своему мучителю новый сноп искр. Палочник нелепо взмахнул широкими ладонями, уронил посох и ухнул навзничь.

Иларий, лишь чуть покачнувшийся от удара отповеди, соскочил с коня, рванул упавшего за ворот, отбросил с его лица капюшон, взгляделся в знакомые черты: широкие скулы, маленькие черные глазки.

— Кто тебя послал? — прошипел манус, склоняясь к самому лицу поверженного противника. — Кто велел тебе жечь мне руки?

Палочник едва заметно улыбнулся. Иларий не стал марать рук, ударил скотину его же собственным посохом, так что палочник закашлялся, захлебнувшись кровью. Даром что манус, дрался Иларий щедро, от души, как мертвяк, которому на силу полагаться не приходится. Спасибо старому Тимотеушу с его наукой, спасибо природе-матушке, не одной магией силен был синеглазый Илажка — ежели что, умел и рукав закатать, и девичьи свои белые пальцы собрать в крепкий кулак.

— Кто тебе заплатил? — еще тише спросил манус.

— Чернский князь, — булькнул разбойник, стараясь повернуть голову и сплюнуть кровь и выбитые зубы.

— Черный Влад? — вскрикнул Иларий, поднимаясь. Паскуда-палочник смеялся, давясь кровавой пеной. Иларий ударил снова, посох

глухо врезался в скулу распластанного на земле палочника.

Тот захохотал. Иларий ударил вновь и вновь. За бессилие, за мертвые руки, за свою потерянную привольную жизнь. Опустил посох, только когда голова палочника бессильно дернулась в сторону, из проломленного виска рывками выхлестывалась на песок бурая кровь, а под сапоги Илария потекло из-под лежащего на земле тела.

Манус брезгливо переступил через него, подал руку спасенному дальнегатчинцу.

— Вставай, господин Тадеуш, — невесело бросил он. — Миновала беда. Повалялся, пора и честь знать.

Но, видимо, совсем худо пришлось дальнегатчинскому магу. Тадеуш приподнялся на локте и тотчас упал. Попробовал снова. И вновь без толку.

Иларий рывком поднял его на ноги, подхватил, повел к вороному.

— Ну что ты, Тадек, совсем силу растерял? Уж не хочешь же ты стать бабьей тряпкой.

Тадеуш попытался выпрямиться, не сумел, только выругался. Иларий улыбнулся, подхватил парня покрепче. Знать, нелегко пришлось дальнегатчинскому мальчишке, раз на ногах удержаться не в силах.

— Всегда ты был мне по душе, Тадек, — бросил Иларий, улыбаясь. — И раз уж обязан ты теперь мне своей жизнью, давай выберем жребий повеселее. Есть тут недалеко в лесу охотничий поселок Казимежев. Может, бывал, знаешь. Так вот... живет там одна чернобровая... тоже должница моя, в некотором роде. Ей тебя и поручим.

Глава 47

И грех в такие руки было не отдаться. Пышная, румяная, как свеклой крашенная. Локоточки да коленки с ямками. Где у иных едва завязь намечается, у этой уж грозди. И грозди самый сок. Из таких, сочных да сладких, на летний солнцеворот Бялу выбирают. Пригляделся Казимеж, прищурился — вроде оно и есть. Эту самую девку прошлым летом мужички на пашне валяли, святым днем не гнушаясь. По обычаю на солнцеворот надо семь разновеликих магов в одном месте собрать, да чтобы они Земле-матушке земной поклон отдали да руками съединились. А как пойдут искры по ладоням скакать и на радугу рассыпаться — тут и Бяла идет, от матушки-Земли со всех людских грехов отпущением. И красиво-то как раньше было.

Казимеж задумался, замечтался. В банном пару само поплыло перед глазами детство. Как покойный свет дедушка Вроцлав Бяломястовский, упокой Землица его душу, водил внука на пашню, в светлый праздник Бялу чествовать, младшей дочке Землицы, заступнице людской, хвалу возносить. И было за что: хранила в те поры Вяла удел, ее именем святым названный, край на Белой реке, особой милостью Землицыной пожалованный. За большие барыши звали высшего мага, бывало, и из Загатчинских, и дальше. Словника нанимали, проверенного. И всякий, кого князь для святого праздника выбрал, наряжается, да так, чтобы других красней и богаче. Последнее продай, а госпожу Бялу встречать — в новом. Уже и в те поры немногие чтили старину, да только Вроцлав был из стойких, правой верой не брезговал, от сердца молился, среди семерых вставать не гнушался, за земное прощение, за святое благословение руку деревенскому ведуну подавал, силой с простым палочником переплетался...

Эх, уж нынче все не так, как было при деде. И при батюшке стали мужички на святой день шалить, девок силой в лес водили. Им бы молиться, а у них на уме не святое. Да и батюшка, князь Кшиштоф, до радости был охоч, а до молитвы и благости сам не строг и людей не стращал. Оглянулся по сторонам: забыли другие князья старую веру, и не разверзлась Земля под их теремами. А значит — и нам бояться нечего. Вот и жали прошлый год сдобную да спелую девку-Бялу на пашне едва ль не половина тех, что в святую семерку часом раньше становились, молитву творили. И казны стало жаль, высший маг дорогонько обходится. Вот и стали сперва звать вместо высшего — словника. А потом и на словников

поскупились. Нынче — все семеро хорошо, если палочники, да книжник затешется, а то — сплошь деревенские ведьмаки, что из палки искры не выдавят, на валунах да деревьях колдуют. Только как ни гоняли свою скудную силу ведьмаки — не бежит по рукам радуга. А ведь помнил Казимеж — была. Текла по ладоням, запястьям, под самое горло поднималась радужная сила, ручная была, ласковая.

— Разозлили мы, знать, тебя, матушка, раз ты теперь нас наказываешь, — прошептал Казимеж, поворачивая под горячий березовый веник другой, ненахлестанный бок. — Радужным огнем очищаешь...

— Чтой-то ты, батюшка князь, страсти какие говоришь? — задохнулась от жара, замахнулась душистым березовым веником девка. Веник упал, прохватил князя поперек спины, да так, что достал хлесткими концами бок. Казимеж охнул, хотел было напуститься на неумеху за негодную баню, да передумал — ущипнул за розовый, разопревший бок. Гуляй, бывалая кость, пока супружница в Черне окаянному Владу хребет грызет.

Девка взвизгнула, бросила веник. Другая подхватила было, да поняла — кончена княжья баня. Не до чистоты нынче, хозяйская душа ласки требует. А в передбанничке уж припасено все, накрыто, расставлено и постелено. А угодишь, так князь-батюшка денежкой, а то и перстеньком подарит.

Угодили. Расстарались. Хоть и мертвая кость, а горячая — ключом кипит. Поздненько вышел из бани князь Казимеж. Уж крепко за вечерело, и всегда ласковый под хмельком бяломаястовский господин неторопливо двинулся через двор в сопровождении тайком позевывавшей челяди.

Да только и во хмелю чувствовал князь, что чего-то недостает в его большом расписном тереме. Казалось бы, вот он, покой благословенный, земной — убралась в Черну за Элькой ведьма Агата, поразбежались докучливые Эльжбеткины ухажеры, Якуб запропастился где-то в лесах — дыши вольно, князь Казимеж, никто не просит, не кричит, бороды не дерет. Да только уныло стало в Бялом, холодно, бесприютно. Не скучал Казимеж по семье — с Агатой мира у них отродясь не было. Эльке Землица-матушка красоты дала щедро, да умом обделила, срам один. Вроде с Якубом наладилось, да какие наладки, коли оба знают, что не быть Якубеку князем — какой из него государь, если любой палочник его легоньким заклятьем перешибет.

Что уж крутить, не из-за дурака Юрека, что собственной бабы унять не может, — из-за Якуба пришлось отдать Иларию Черному Владу. Оставь такого ухара, молодца, мануса чистокровного, с синим его насмешливым

взором, с озорным да смелым умом — оставь такого возле беспомощного, битого жизнью наследника. Оглянуться не успеешь, а уж Илажка на княжье место сядет, рядом с кровным повелителем Бялого. Куда не придет Иларий — всякий ему улыбается, всякий его взгляд, его улыбку ловит. Уж таков он, черноволосый манус, пальцем шевельнет, да в самую серединку влезет, за сердце. Тосковал по Илажке князь, завидовал покойному другу Игнацию, что достался тому в сыновья такой сокол, рядом с которым что Якуб, что другой кто — не краше щипаного петуха.

Да будь воля, сменял бы Казимеж сына на Илажку, да сверху бы приплатил. А не Илажку, так дальнегатчинского Тадека...

Еще пуще заныло сердце у князя. И Тадека было жаль. Не от охоты — от худшей неволи пришлось послать Юрековых палочников за жизнью Тадеуша. Сидел бы дома, при батюшке, при Войцехе, так ведь не сидится — кровь бродит, в висках стучит — ноги сами торопятся. Что прикипел такой парень к дуре Эльке? Нешто поумней да посноровистей девок не нашлось? Эх, да если б мог Казимеж оставить Бялое място сыну, разве стал бы он отдавать Эльку кровопийце Чернскому. Сам бы за руку в Дальнюю Гать привел. Лучшего, чем Тадеуш Войцехов, для Эльжбеты и искать не приходилось. Свой, в доме вырос, как родной... Только ради Бялого не должен теперь Тадеуш на Элькином пути являться... А он не отступится. Поэтому, как получил князь записочку от сына, что не хочет Тадеуш слушать, за Эльжбетой вслед рвется, — вызвал Юрека. А тот и рад угодить, прежние промахи загладить. Долго ли — в несколько посохов раненого книжника одолеть. Жаль было Тадека, как и Илария было жаль, но для родных детей, для земли Бяломястовской чего не сделаешь.

Только так и тянет руки ополоснуть, словно испачканы ладони чем. И ни в какой бане не отмыться.

Душно, тягостно стало князю в плотном вечернем воздухе. Тело, дышавшее банным паром да сладким девичьим потом, обмякло, ссутулилось. Князь замедлил шаг. Перед самым крыльцом вздохнул глубоко, так, что в голове зашумело, прикрыл рукой усталые глаза.

Подумал: почему так несправедлива Судьба к нему, властелину Бялого мяста? К чему Войцеху два справных сына, ему довольно и Лешека, разумного, сильного? К чему Игнацию, манусу с клочком земли вдесятеро меньше Бялого, четверо сыновей, один лучше другого? Да что там — благословило Игнация родить красавца, небова беса Илажку на пятидесятом году. А ему, Казимежу, расщедрилась змея-Агата на одного сына, да и того топь приломала. За какую такую вину? Жил честью-правдой, а что делал дурного, так ради княжеского своего долга. Разве

только за ту ночь в Черне... Так давно это было, тридцать лет прошло. И не было Казимежа в Черне в ту страшную ночь... Не за это наказывала Земля бяломястовского господина. Может, просто вышло время роду, высохло дерево, вот и ломаются последние ветки, сыплются, не вызрев, зеленые яблочки. Может, и правда, новой, сильной, праведной крови хочет полноводная Бяла, нового господина желает? Отдал бы Казимеж Бялое, хоть Илажке, красавцу стервецу, хоть Тадеушу Дальнегатчинскому...

Но не примет Земля другого — только бяломястовича. Вот и пришлось позволить изуверу Юрке прижечь белые манусовы руки, отдать Илария, полумертвого, Черному Владу. А может, жив еще, небов прихвостень. Увезла какая-нибудь девка, из тех, кому он подолы мjal, выходила свою зазнобушку...

Казимеж взошел на высокое крыльцо, в распахнутую дверь. Да так и застыл. В глазах заплесали, запрыгали тревожные блики, и только, не спросясь хозяина, поползла, растянуты губы ласковая улыбка.

— Жив, — только и выдохнул князь. Хмель слетел, и захлестнувшие на миг чувства пропали из глаз, схороненные глубоко и надежно.

— Жив, князь-батюшка, — широко улыбнулся Иларий. — А ты, я посмотрю, уж по мне тризну справляешь?

— Ах, дерзец! Ах, паскудник!

В ответ Иларий по-родному, по-сыновнему подошел, сгреб в охапку старого лиса. Казимеж, ласково бранясь, хлопал его по спине. Все было позволено в этих палатах черноволосому манусу, всегда был он здесь свой. И теперь как домой вернулся. Да и не было у Илария уж сколько лет другого дома, не было отца, кроме старого плута Казимежа. Не торопились братья вызвать младшего в родной удел, в Ганино. А Илажка не навязывался. Девкам ему и в Бялом довольно было...

— Уж думал, в живых тебя нет, — уронил Казимеж, и в его выцветших глазах вновь мелькнуло на мгновение горькое сожаление. — Говорили, рогоносец прыткий попался, поймал сокола за голый зад. — Пропала горечь, мелькнула так скоро, что и внимательный глаз не приметил бы, а Иларий не приглядывался.

— Да куда ж я денусь? — усмехнулся синеглазый. — Ну что, князь-батюшка, вернулся на службу твой блудный манус. Примешь ли?

— А куда денусь я? — подмигнул князь. — Служи, коли служится. По бабам только сильно не балуй, а то...

Князь потрепал красавца мага по черным кудрям, усмехнулся. И, будто втайне от самого себя, не удержался, шепнул спасибо матушке-Землице: вернула, не дала греху совершиться. Полегчало на сердце у князя,

отпустила глухая, затаенная тоска. Может, и Юрек сегодня вернется с охоты ни с чем — и Тадеуш одумался да подался в отцов удел?

— А, ветер с ним, — буркнул князь, уже готовясь ко сну, позволяя раздеть себя. Бесшумные слуги сновали у господского ложа: Агата вышколила. — Не взяла Безносая Илажку, так я упрашивать не стану. На службу вернется... И колдун он сильный... Пусть все идет своим чередом...

И князь устало опустил голову на подушки, не дав себе труда додумать брезжившую в уме мысль.

Глава 48

Да только не сдавалась мыслишка. Засела крепко, в самом темечке.

— Повернуть бы все вспять да быть поумней, понапористей... И стало бы все счастливо, гладко, хорошо.

Эльжбета прижала руки к животу. Но то был не древний материнский жест, оберегающий, заслоняющий. Так заслоняют лицо при виде мертвеца, так укрывают от чужих глаз постыдную тайну. Брезгливая злоба исказила милые черты молодой чернской княгини. И мыслишка, черная, страшная, греховная мыслишка точила висок;

— Владиславу сын нужен, а как будет наследник — так ты уж без надобности. Много ли сможешь с перстеньком против высшего мага? А если не будет наследника?..

Эльжбета дернулась, словно ее ударили. Попыталась выбросить из головы запретную мысль. Шутка ли — собственному дитяте зла пожелать.

Подошла к оконцу, выглянула.

И небо глянуло в лицо юной княгине. Чистое, утреннее, словно мелом натертое, к празднику выскобленное. Оно тянуло, сулило, ласково нашептывало о любви родным, Тадековым голосом. И столько в нем было радости, свободы, что Элька подалась вперед, оперлась руками о подоконник, подставила заплаканное лицо едва различимому, дышащему травой ветру. Да тотчас и отпрянула, заметив справа, вдалеке, серую «страстную» стену, редко усаженную чем-то круглым, размером не больше хорошей репы, вперемеж изжелта-белым и буро-черным. До черного да бурого охотились вороны.

Скор был Владислав Чернский на суд, скор на исполнение приговора. За проступки карал жестоко; клеймил распутников, вел под топор грабителей и убийц. Да не в том жестокость, что головы рубил — так и батюшка Казимеж делал, — а в том, что головы, ко вразумлению иных, прибавляли к Страстной стене да ставили на кольях возле всех ворот Черны: мол, будьте гостями, люди добрые, только наш закон суров, держите душу в чистоте, а голову — обеими руками.

Так и сделала Элька: опустилась на пол, обхватила ладонями золотую голову.

«Бежать, — шептала внутри тоска. — Бежать к Тадеку в Дальнюю Гать».

А побоится старый Войцех с Владиславом Чернским связываться, так

им с Тадеком много ли нужно... Мир широк, место найдется. И беглой княгине Эльжбете, и ее дитяте.

И вновь страшная мысль зашевелилась, отравила, наполнила рот горечью:

«Думаешь, отпустит тебя Кровавый Влад со своим наследником во чреве? Искать будет так, как голодный зверь добычи не ищет, а найдет...»

Снова предстала перед красавицей княгиней Страстная стена, усаженная голыми желтыми черепами давних разбойников да склизкими от разложения головами недавних. Тошнота подступила к горлу.

Элька бросилась к умывальнику, склонилась, пытаясь унять расхажившееся нутро.

— Что ты, касаточка? — всплеснула руками в дверях нянька. — Плохо? Мутит?

Касаточка кивнула, желтая коса сорвалась с плеча, упала едва не до полу, вспыхнула золотом в утреннем луче. Нянька бережно убрала эту спелую, как пшеничный колос, туго плетенную косу на спину княгине, погладила вздрагивавшие плечи. Не было у старухи своих детей. Когда-то были, да потом помер старый муж, и позвала бяломястовская госпожа вдовую книжницу в няньки к маленькой княжне, и не удержалась нянька от бабьего искушения — власти отведать. Отдала мальцов мужней семье, взяла книгу да черный платок и пошла в услужение. И с тех пор привязалась к хорошенькой, доброй, как ягненок, княжне, словно к родной дочери, а потому терпела и гадину Агату, и потаскуна хозяина, благо тот на зрелых баб да магичек не заглядывался, все с девками-мертвячками уговаривался. Терпела, лишь бы остаться около своей Эленьки.

Да только не уберегла. Не во власти старой книжницы было отвести Черного Влада. Понравилась золотокошая княжна старому упырю. Взял на закате лет молоденькую жену, обрюхатил, да и забыл будто. И в покои не заходит. А ласточка вон как убивается, о Тадеке своем каждый день жалеет.

По правде сказать, не любила раньше нянька дальнегатчинца. Не такой ее Эленьке надобен был супруг, не второй сын захудалого князя, а полноправный властелин, и не из младших князей, книжников да золотников, а лучше манус или, чем ветер не шутит, словник. Не чаяла нянька, что пророчит, а как посватался к Эльжбете Черный князь, прикусила старая книжница вдовый вещий язык, но опоздала. Свадьбу справили. Понесла княжна. Теперь уж далеко заехали, назад оглоблей не поворишь. Хотя...

— Нянюшка, — усталым, ослабевшим от дурноты голосом спросила Эльжбета, — а не знаешь ли ты заклятья или травки какой, чтоб сердце так

не болело? Не то убегу я, и никакой муж не удержит. Как есть всех опозорю, убегу... Да будь моя воля, разве ж я допустила бы все это...

И снова руки помимо хозяйкиной воли потянулись к животу, туда, где засела занозой причина Элькиных слез, туда, где росли день ото дня живые кандалы, что свяжут ее с нелюбимым мужем крепче всех клятв и обетов.

— Есть заклинание, — ласково заворковала нянька, усаживая ее на постель. — Есть. На всякий случай слово колдовское найдется. И человека верного я знаю. А ты не горюй. Как скажешь, так и будет...

Глава 49

— Все, что попросишь, сделаю. Ты только слово скажи... Ведь мне без тебя и жизнь не в жизнь. Сколько я по тебе плакала... Неужто и весточки подать не мог?

Иларий не ответил, только усмехнулся, и от этой усмешки стало горячо внутри, бросилось сердечко галопом. Катаржина прижалась к плечу мануса, поцеловала раз, другой, третий. Недоверчиво, будто проверяя, не лгут ли глаза. Здесь он, здесь. Живой, горячий, ласковый.

Каська придвинулась теснее, хоть и знала, что не любит этого манус, взяла в обе руки белую, изрезанную шрамами ладонь, прижалась губами, обещая все небесные муки тем, кто сотворил такое с ее синеглазой зазновой.

Иларий насмешливо и нетерпеливо высвободил руку, потер привычным жестом чуть онемевшие пальцы.

— Эк ты, чернобровая, расходилась. Или муж тебя не радует? Или палочник в постели не греет?

Каська обиделась, надула алые губки, сверкнула темными глазами. И манус сгреб ее в охапку, мягкую, истосковавшуюся. И будь Катаржинина воля, не отпустила бы она от себя красавца мануса. Муж обещал, что со своими людьми на три дня уезжает, не больше. Будто ей, Катаржине, его ждать охота. Всегда торопится Юрек домой, и уж если сказал — на три дня, так раньше утра четвертого не жди. Еще денек есть. Что бы Иларию не остаться, не погостить, не согреть своей милочки прохладной летней ночью.

Но таков Иларий — свежий, чистый, скорый, как вода, не успеешь напиться-насытиться, уж сквозь пальцы уйдет, не воротишь. Вот и сейчас засобирался, легко поднялся с постели. И Каська невольно залюбовалась им, жадно впиваясь взглядом в каждую черточку.

— Ты, Кася, парня моего не обижай, — попросил манус. И просил-то ласково, да послышалась жесткая нотка в голосе. — Спрячь. Сама видела, как плох. Видно, кто-то очень хочет нашего с тобой гостя жизни лишить. А где еще лучше спрятать, как не у тебя, ведь муж твой, кажется, у князя нынче в ближайших помощниках. Уж как так случилось, что мы с ним ни разу у Казимежа не видались, не знаю...

— Да он для таких дел князю нужен, за какие приличному человеку братья грех. Вот и живем в лесу, в Бялое по большим праздникам едем,

хоть и недалеко, — словно оправдываясь, пробормотала Катаржина. — Да только платит князь ему щедро, он мне уж и дом в городе купил. На свадьбу княжны пошла из своего терема...

— И Черного Влада видала? — оборвал ее манус. Нехорошо заблестели глаза Илария.

— А если и видала, — зажеманилась Каська, — что с того?

— И какой он из себя? — допытывался Иларий.

Каська потянулась на постели, закусила губку, припоминала:

— Да пожалуй, что и не страшный вовсе. Прямой, как палка, остриженный. Ему уж за сорок, а стариком не назовешь. Хотя, видно, многого молодой жене ждать не приходится. Я у самого помоста стояла, так он на меня и не глянул. Зато щедрый, спаси Землица. Никого не обделил...

Но Иларий не слушал. Хоть и смотрели синие глаза на едва прикрытую наготу чернобровой Каськи, мыслями был манус далеко. И невеселые это были мысли. Разгорался огонек в небесных глазах молодого мага, исподволь сжимаясь в кулаки, рвали пальцы красные нити шрамов. Опомнился Иларий, спрятал страшный взгляд, усмехнулся, шагнул к двери.

— Что ж ты, хозяйюшка, — шуточно укорил он, — гостя и до порога не проводишь?

Каська подскочила, потрянула темными и блестящими, как соболий мех, волосами, не торопясь, бесстыдница, набросила рубашку. Подняла с пола перепачканную Илажкину рубаху, хотела подать, да задумалась, потянула из-за ворота длинный рыжеватый волос.

— Все вы, бабы, любопытней сорок, — огрызнулся молодой маг, вырвал из рук опешившей Каськи рубаху, вынул из щепотки чужой волос, намотал на указательный палец, на котором заметила Катаржина колечко из таких же, как найденный на одежде, рыжеватых волос. И вышел, оставив любовницу ревнивым мыслям.

Не любил Иларий прощаться. Когда, едва одевшись, выбежала хозяйюшка во двор, уже не было там ни красавца Вражко, ни его своенравного хозяина. Ускакал Иларий. Всегда так уезжал, словно и не было. Будто и не вернется. Да только возвращался раз за разом к своей Катаржине.

Каська поправила платок, подняла горделиво голову, словно и не несло ее тоскующее, исцарапанное ревностью сердце вслед за вороным. Но отправилась не в дом. Обошла двор и, опасливо оглянувшись, двинулась к старой конюшне. В былые времена стояли здесь княжеские охотничьи жеребцы. А нынче новую конюшню завел Казимеж, а что со

старой делать — не решил. А Юрка все малодушничал, ждал княжьего решения, хоть Каська давно просила снести развалюху.

Покуда суд да дело, приспособили конюшню под ближнюю сельницу. Теперь на свежем сене отлеживался Илажкин друг — сумрачный рослый юноша, по одежде и гербам дальнегатчинец, по говору — свой, бяломястовский. Только порой проглядывало в чудной мелодичности его голоса что-то чужое, северное. И если бы не зазноба Иларий, верно, сочла бы Каська дальнегатчинца красивым. Ладно вылеплен, ладно скроен. Только глаза сердитые, взгляд упрямый, строгий. С таким взором в храме хорошо народ радужной топью стращать, а не по лесам от разбойничков бегать.

И видно, бегал молодец похуже других, потому как поломали его знатно. Сперва, в утро первого дня, Каська сама ходила за раненым, да к вечеру вернулся от Казимежа Иларий, привез денег и бабу-колдунью. Длинную сухую старуху-ворожею, что нанял на базаре. И Каська, не противясь, уступила той место.

Ведунья, полувековая бобылиха, сперва не глянулась Каське. Хватало ей ведьм и без этой хмурой бабы, а потом разговорились за жизнь да за сердце, и подумалось Катаржине, что умна ворожея и в жизни много видела.

Вот и теперь пошла Каська тайком раненого проведать, а думала, как бы у бабки совета выпросить. Про рыжий волос, что манус не выбросил, а с собой унес. Про странную его задумчивость, про непривычную холодность за напускной веселой удалью.

По дороге остановилась у колодца, вычерпнула ведро ледяной воды. Щедро плеснула на лицо. Не догадался бы дальнегатчинец, что еще не остыли на Каськиных плечах объятья мануса. Взяла ведро с собой для раненого, выплеснув половину, чтоб нести было легче.

Незванный гость лежал в самой глубине, в дальнем стойле на охалке душистого, свежего сена. Будто от света прятался. От сенного духа у Каськи защекотало в носу. Гость повернулся ей навстречу, привстал со своего ложа. Новое облако сенной трухи поднялось в разогретый солнцем воздух, полетело в лицо чернобровый красавице, и Катаржина не удержалась, чихнула, прикрыв лицо рукавом.

— Храни тебя Землица, добрая хозяйюшка, — глухо пробормотал гость. — Ты за меня не тревожься, часто не ходи. Я в тягость быть не люблю, как на ноги покрепче встану, так пойду своей дорогой.

— Не гоню, — коротко бросила Катаржина, неласково глядя на незванного постояльца, развалившегося на свежем лучшем сене. Будто не

мог Илажка для дружка взять сенцо похуже. Пока лежит, поправляется, все цветки да зелень обобьет, одни палки останутся, даже и корова такое сено не возьмет.

— А ведунья где, Надзейка? — бросила Катаржина, глядя в сторону.

Странный был гость дальнегатчинец. Вроде и чужак, а смотрел открыто, как смотрят одни добрые, и видно было, что много боли ему выпало. И тотчас хотелось ему о своих тревогах рассказать. Выспросить у него, что знает тот про нового, вернувшегося из-за гроба Илария. Чтобы посмотрел молодой книжник своими серыми глубокими глазами, и в два слова развеял тучи, освободил сердце от гнетущей печали.

Однако не из тех была Катаржина, жена Юрека, княжьего тайника. Сама умела тайны хранить. За порог сора не выносила. Вот и не глядела сейчас на гостя, чтоб тот и не подумал разговоров начинать. Да только и дальнегатчинец себе цену знал, видно, не из захудалого рода, и повадка, и стать. Не стал отвечать на вопрос, заданный небрежно, в пустоту. Ждал, пока Катаржина спесь смирит и в глаза посмотрит.

Не выдержала, перевела на гостя темный, блестящий, как вишня, взгляд.

— Надзея где? — повторила, выдерживая внимательный, осуждающий взор постояльца.

— За травами пошла, — отозвался гость. — Да уж должна вернуться. Сядь, обожди...

Каська фыркнула: мол, станет постоялец старой конюшни хозяйке указывать. Но присела на расщепленную деревянную скамеечку, где лежал свернутый плащ гостя да порванный в нескольких местах кафтан. Наряд соскользнул наземь. Катаржина склонилась, подняла кафтан, почувствовала под пальцами тонкую дорогую шерсть, и пуговицы-то не медные...

— Что задумалась, хозяйюшка? — оборвал ее мысли раненый. — Гадаешь, кого на порог к тебе принесло?

Каська глянула испуганно. Будто мысли ее прочел странный молодой гость. А может, и не книжник он. Говорят, высшие маги в чужой душе как в открытой книге читают.

— А ты не гадай, — заговорил гость тише и сердитей. — Пришел к тебе человек в беде. Можешь помочь — помоги, а роду не спрашивай. Не потрафил я двум князьям, от наемников едва смерть не принял, да только выбрался и теперь хочу с них за все спросить. Вот надеюсь у тебя денек отлежаться, хозяйюшка. Не стесню сильно?

— Да лежи, — отмахнулась Катаржина, — кого ты стеснишь в старой конюшне. Только учти, коли за тобой, скажем, от Черного князя

придут... — Гость вздрогнул, Каська заметила, но продолжила как ни в чем не бывало: — Так я лгать не стану. Я ведь всего-навсего баба. Куда мне из-за тебя, безымянного, под пытки Черному Владу лезть да мужа под княжеский гнев подводить...

— Вот и славно, хозяйюшка, — начал гость, но дверь скрипнула, и вошла тяжело нагруженная свертками ворожея.

Щедр к бабке Иларий, ревниво подумала Катаржина. А мне и платочка шелкового не принес. Зато вот Юрек, постылый, без платочка или ленты золототканой домой не возвращается. И что с того? От лент объятия горячее не становятся.

— Здравствуй, матушка Катаржина, — низко поклонилась ведунья, опуская на выстланный соломой пол свои свертки, отчего сенная пыль вновь поднялась в воздух. — Случилось что?

— Да ничего, Надзейка, — отмахнулась Кася, ощущая, как щекочет в носу, — пришла гостя проводить.

— Славное дело, госпожа моя, — пропела ворожея. — Людская доброта — она исцеляет, силу прибавляет. Сердце от страдания лечит. Так ли, господин мой?

Она оборотилась к лежащему на спине дальнегатчинцу, но тот только запрокинул голову и закрыл глаза.

— Сердце, Надзея, ничем не вылечить, — отозвалась Катаржина. Встал перед глазами веселый синеглазый манус, а потом — узкая белая ладонь да накрученные на палец рыжеватые волоски.

— Сердце, — хмыкнула Надзя, — как и все в нутре человеческом, на силу и травку откликается, и заживает не дольше расшибленного колена...

— Может, твое и заживет, — недобро отозвался дальнегатчинец, подымаясь на локтях, — ежели имеется. Не говори, мать, о чем не знаешь. Не болело у тебя никогда сердце, раз говоришь, что травка и сила его вылечить могут.

— Болело, — вымолвила Надзя, — совсем как у тебя, мой господин. И мстить хотела, да только мстью любимого не воротишь, у Безносой не отымешь... А убийца моего дитятка до сих пор по земле ходит. И от каждого его шага сердце у меня болит. Так болит, что жить мочи нет, но нашлась травка, и нашлась сила. Вот и живу.

Гость осекся. Надзя захлопотала над своими свертками. А Каська устала на постояльца, пронзенная острой болью сострадания. Видно, потерял сердитый молодчик свою любимую, вот и бросается на людей, как цепной пес.

— Так если нет твоего серденька на свете, одна только месть и

остается, — проговорила Каська осторожно в безотчетной надежде помочь, утешить. — У Цветногоглазой не спросишь, так у виновных за вину взыскать надобно. Может, и сердце успокоится.

Сказала и сама испугалась своих слов. Гость почернел лицом, нахмурился, с трудом поднялся на ноги, покачнулся, но удержался за перегородку стойла.

— Это ты обо мне? О моей ласточке? — спросил он спокойно. И этот спокойный, равнодушный голос не вязался никак с блестящими яростью глазами. — Жива она. Рано хоронишь. Лезешь глупым бабьим умом в то, чего не смыслишь. Извини уж, хозяйюшка, при всем почтении дольше у тебя не останусь. Давай мне, бабка, своей травы, пусть на ноги поднимет...

И тут не стерпела Каська, все высказала. Про то, что не понять мужику бабьей доли. Что одних себя они и видят. Что в любви, что в злости одной своей прихоти потакают. Три седмицы без весточки пропадал синеглазый маг, а появился — будто и не уходил. Ни словечком не обмолвился, не спросил, сколько ночей проплакано. А в самом месте так и ходит, руки в кулаки сжимает.

— Да хоть подавитесь вы своей мезтью! — вскрикнула Каська, вскакывая. — Пусть твоя ласточка душу себе рвет, по тебе страдает, пока ты свою дурную голову под косу Безносой подставляешь! Пусть...

Хотела бежать в двери, да только качнулся гость, ухватил за руку, подошел на шаг, другой. И глаза, серые, глубокие, смотрели так тепло, так печально.

— Прости, хозяйюшка, сотню раз прости. За себя прошу, за Иларию, за всех нас перед всеми вами, бабочки, земного прощенья прошу, — вымолвил и упал в ноги, положил горячий лоб на Каськины ножки в кожаных сапожках. Трижды землю поцеловал, и все прощенья просил.

Подняла, обняла, как обнимала бы брата, и схлынуло все темное. До заката просидела Каська со своим гостем. Только как полегчало ему после Надзейкиных трав да ворожбы на колдовском камне, ушел дальнегатчинец, хоть и уговаривала Каська и прощенья просила за свои неосторожные слова. А гость все улыбался, благодарил, ответил, что она глаза ему открыла. Что теперь дорога его другая. Не за мезтью, за любовью. Так, мол, Иларию и передай — за любовью поехал твой должник и, коли жив будет, расплатится. А нет, замолвит словечко за мануса перед Цветногоглазой.

Собрала Каська узелок в дорогу, проводила до ворот.

Высунулась было соседка посмотреть, что за красавца Юрекова жена провожает, но Каська не стала грозить, ругаться.

— Брат мой двоюродный, — со слезами на глазах поведала она

соседке, доставая из рукава беленый льняной платочек и прикладывая к щекам. — Не знаю, когда еще и свидимся.

Соседка поцокала сочувственно, покачала головой и, не дождавшись скандала, убралась восвояси. Но ненадолго.

Уже завернула Катаржина за створку ворот, как вдали показалась незнакомая телега. И чернобровая жена тайника Юрека, и соседка, жена его ратника, младшего тайника Славека, обе бросились к ней, и внутри оборвалось, затрепыхалось. Хмурые ехали провожатые. Сдвинули шапки до самых потупленных глаз. На подводе, укрытое с головой плащом, болталось чье-то большое, неуклюжее тело.

А как поворотила подвода к их воротам, охнула Каська, заголосила, упала в серую дорожную пыль, тотчас забыв про «брата».

Хоть не любила она мужа, а смерти ему вовек не желала.

Глава 50

Если бы можно было — вернула бы все вспять. Не пожелала бы такого и под страхом самой лютой пытки. Пророчила бы своей ласточке не княжеский терем, а мужа простого, доброго — золотника, книжника, да хоть палочника. Лишь бы не допустить к Эльжбете этого зверя Чернского. А теперь уж не воротишь ничего.

Нянька сжала в толстых пальцах голубку, примотала к лапке письмецо. Пока доберется оно до того, кому послано, седмицы две, а то и три пройдет. Благо удалось успокоить Эльжбету, уговорить ее подождать. Шуточное ли дело они затевают. Если князь Влад хоть на мгновение засомневается в жене, хоть раз ей повнимательнее в мысли глянет — ни Эльке, ни ей, няньке, не жить. Болтаться ее голове на Страстной стене за такое злодеяние. Да что там, за умысел один.

Была бы под боком старая знакомица — поскорей бы дело сладилось. Чтобы не ходить Эльжбете под копьём Безносой. Просила нянька, молила ведунью поехать с ними. Чтобы, если примется опять болеть калечная нога, было где лекарство взять. Сама нянька к чужим силам, к небовой волшбе прибегнуть боялась. Но уперлась старуха. И уперлась-то из-за чего — не дала ей нянька подарочка от чернского Влада. И ведь достала, выполнила наказ. Вынесла ей нянька платок княжеский. Кто ж виноват, что старуху в толпе у дома княжеского затолкали. А потом выбросила нянька гадкую тряпку. Уж больно страшен был Владислав Радомирович.

И сейчас боялась его нянька так, что дух перехватывало. Но за Эленьку, за ласточку, готова была и на Страстную стену. И понесла на лапке голубка самые сладкие, самые щедрые посулы черной небовой ворожее. Лишь бы избавила та молодую княгиню от ее тяжкого бремени.

Голубка нырнула в небо. И нянька поковыляла обратно к воротам.

Только ветер метнулся ей навстречу. Взмыл вслед за голубкой, едва качнув невидимым крылом. И обернулся к своей Цветноглазой хозяйке. Мол, хочешь, изломаю, брошу вниз негодную глупую птицу. Разобьются вместе с ней черные планы молодой княгини.

Безносая качнула головой, отзывая верного слугу. Ветер покорился, ринулся с высоты, обвив ее плечи. И голубка полетела дальше. А Цветноглазая снова припала ладонями к Земле, прислушалась к едва уловимой земной дрожи. Не в силах она была унять лихорадку старшей сестры. Измучили, измотали дети свою великую мать. А значит, как ни

держи, ни успокаивай — снова вырвется на свободу семицветное око топи.

— Что же ты медлишь, травница Агнешка? — беззвучно спросила Смерть, проникая длинными костлявыми пальцами глубже в траву, в почву, в дрожащее в агонии тело сестры.

Глава 51

— Не погуби, родимица. Во всякий час на милость твою уповаю, людская заступница. Утиши сердца злые и гордые, прости их прегрешения вольные и невольные...

Покуда спутница молилась, Ядзя открыла туесок, достала фляжку с водой и лепешку и принялась за обед. Телега катилась медленно, неторопливо проплывали перед глазами путников узловатые стволы старых берез, свесивших до самой земли тонкие ветви. Ветер запутался в этих зеленых косах, полоща в пыли мелкие листочки. Только Ядзя не смотрела по сторонам. Ела молча. С набожной соседкой разговор не заладился. Не стала она слушать Ядзиной болтовни, отвернулась, забормотала одними губами незнакомую молитву, глядя на свой резной посох.

А Ядзя не навязывалась — сидела, грызла подсохший хлеб. По правде сказать, рада была поболтать: когда язык занят, в голове мысли медленнее идут, до сердца редко достают, все верхом пробегают. А как замолчала, сразу стало и горько, и обидно.

Отослал. Как охромевшую лошадь, как старую гончую, отослал подальше. С глаз долой. Чтобы не мешала, не крутилась под ногами. А всего-то набедокурила — дала дальнегатчинскому княжичу книгу, одежду да пару монет. И ведь не Якушкиных монет дала, своего сбережения. Не знала Ядзя, что к чему, в Бялом мясте и в тех высоких облаках, где другая птица летает, покрупней Якубовой горлицы. Не знала, а чувствовала, что сходятся тучи над Тадеушем из Дальней Гати, и это темное, неясное Якубеку ее — поперек сердца. Не любила Ядзя думать, не сильна была умом, а сердце подсказало — убежит дальнегатчинец, и на сердце у Якуба легче станет.

Осерчал Якуб Белый плат так, что едва не прибил. Ядзя думала, успокоится после. Но не успокоился, ходил день-другой, а на третий вызвал к себе. Не бранил даже, смотрел как чужой, словно и не видел. Показалось даже Язде, что не на нее он сердится, а на кого-то другого, так что ей даже злости Якубовой не досталось, только досада и ледяной взгляд из прорезей белого платка. К вечеру следующего дня погрузилась Ядзя на подводу да поехала в Черну, как велено было, — молодой княгине Чернской Эльжбете весточку от братца и батюшки отвезти, да назад не торопиться.

Услал бы старый хозяин, Казимеж, и слезы б не пролила. И у долгой дороги конец находится. Вернулась бы рано или поздно к своему Якушке.

А тут — сам прогнал. Может, не осерчал — разлюбил? И в Черну послал, потому что опостылела...

Не умела думать Ядзя, а тревожное сердце подсказывало невпопад.

— Что, девка, пригорюнилась?

Ядзя выпустила лепешку, но поймала в подол, оглянулась. Крепкий бородатый возница обернулся, ослабил:

— Хозяйка обидела аль хозяин не обидел? — Мужик подмигнул, хмыкнул, и Ядзя обиженно насупилась.

— Да не дуйся, я-то ведь не обижу, — хохотнул мужик. — Дорога длинная, поболтать охота. Другие все поют, только я петь не мастак, а языком потрепать большой охотник. Залазь на козлы, а эту ворону оставь, пусть бормочет. Не заскучает.

Черная молитвенница-ворожея зыркнула на весельчака недобро, но промолчала, снова углубилась в молитву. Подумала, знать, что посохом огреть успеется, дорога длинная, а лошадь кому-то погонять надо.

Ядзя с мгновение переводила взгляд с веселого возничего на угрюмую спутницу, потом подобрала подол и котомку и полезла через поклажу на козлы. Мужик загляделся было на ее плотные белые икры, крикнул, отвернулся, уставился на желтые петли дороги.

Ядзя уселась, сложила ручки на коленях. Мол, вот она я, батюшка-возчик, коли желаешь поболтать, так я готова слушать.

— А сама-то бяломястовская? — спросил тот.

— Здешняя, батюшка, — скромно ответила Ядзя. — Из Кременков, к северу от Бялого. А ты сам?

— Тутошний, — неопределенно махнул рукой возница, и Ядзя заметила страшные шрамы, словно зверь рвал когтями крепкую руку возницы. — Какой я тебе батюшка? Зови меня Славко.

— Согласна, дядюшка Славко, — ответила Ядзя, блеснула озорно глазами, чтоб не догадался ямщик, что она его увечья разглядывала. — А что, и правда петь не умеешь? Возчики-то, они все поют.

Вместо ответа мужик запрокинул голову так, что густая его косматая борода встала колом, открыл широкую желтозубую пасть и что есть мочи заголосил глубоким, хриплым разбойничьим басом:

— Ма-атушка-Земли-ица, ра-адость и краса-а! Сто-орона родна-ая...

— Полно, — засмеялась Ядзя, — верю, дядюшка. Верю!

— То-то, — загоготал ямщик, — впредь доверчивей будь. Доверчивая девка — мужику радость.

Ядзя не обижалась на грубые шутки и крепкие словечки. Отступили под напором озорной удали возницы тяжелые мысли. И девушка радостно

крутила головой, слушая его рассказы. О каждом расщепленном дереве, о каждом повороте видневшейся в стороне Бялы была уже готова у Славко сказка, все чаще страшная, до того, что сердце щекотно в пятках заворачивается. А бывало, что и о любви. И тогда Ядзя отворачивалась, глядела вдаль, чтоб не заметил веселый возчик набежавших на глаза слез. А возница, напротив, смотрел на нее внимательно, лишь изредка взглядывая на дорогу.

И уж к третьему дню пути Ядзя и новый ее знакомец были, почитай, не разлей вода. И, сидя над плошкой супа в придорожной таверне, Ядзя то и дело поглядывала над головами других постояльцев, выискивая в гомонящей толпе извозчиков черную густую бороду. Однако по мере того, как повозка катилась дальше, приближаясь к Чернской земле, речь Славко становилась отрывистой. На лошадей он покрикивал строже, без ласки, а будто с какой-то затаенной злобой.

— А там что, дядюшка Славко? — Ядзя вытянулась, вглядываясь в узкий просвет между переплетенными ветвями сосен. — Город какой? Черна?

Разглядывая странную башенку, словно вопреки всем законам выстроенную прямо в поле, на конце тонкого, редкого перелеска, девушка склонилась в сторону кучера. Толстая русая Ядзина коса упала вознице на колени, и тот невзначай опустил на вплетенную ленту руку, едва заметно погладил.

— Не Черна это. Сторожка Владова... — бросил он, словно не замечая вспыхнувшего в Ядзе жгучего интереса.

— Дя-яденька, расскажи! — запросила она, вцепившись обеими руками в большую медвежью ручищу возницы. Черного Влада Ядзя не боялась. Видала она чернского властителя на свадьбе — человек как человек. А что младенцев ест — так, верно, брешут.

— Не буду, — уперся Славко. — В Черну приедешь, там и спрашивай.

— Ну дяденька Славко, ну миленький, — упрашивала Ядзя, и возчик сдался, хмуро, с напускной строгостью кивнул ей, мол, подожди, узнаешь. Дорога свернула в сторону. Башня становилась все ближе, и Ядзя зачарованно смотрела на «Владову сторожку», не замечая ни повисшей тишины, ни угрюмого взгляда возницы...

Завечерело. Весь день одной бабе со второго воза было худо, а потому оказалось, что дотемна на постоялый двор не успеть. Стали располагаться на ночлег прямо здесь, в лесу, под раскидистым вековым дубом. И черная богомолка, и те, кто ехал на второй подводе, уселись вокруг костра. Стали готовить еду, и Ядзя уже бросилась было помогать, только Славко поманил

ее за собой в сизые тени ночного леса.

— Ты что, дяденька? — удивленно спросила девушка, ускользнув от костра.

— Ты хотела на башню смотреть? — хмуро отозвался Славко. — Так пошли, куда совсем не стемнело.

Ядзя подобрала подол и припустила следом за быстро шагавшим провожатым. Они нырнули в подлесок, еще подкрашенный по верхушкам угасающей зарей. Затаившиеся в глубине, за глухим частоколом стволов, тени медленно покидали свое укрытие. И Ядзя старалась не отставать, доверчиво жалась к своему угрюмому нынче спутнику.

Поле открылось вдруг, словно внезапно отдернули в сторону плотный полог леса. И совсем рядом, так, что стало страшно, оказалась Влагова башня. Невысокая, сложенная из выбеленного временем камня, она казалась пиявкой, жадно припавшей к коже земли. В узких окнах то тут, то там блестел свет. На вышке в напряженной неподвижности застыл часовой.

— Он живой ли там? — опасливо прошептала Ядзя. — Говорили, Черный Влад с Безносой договор заключил, потому и земли его радужная топь меньше треплет.

— А то, — отозвался Славко. — Живой. Живей многих. Только не приведи Землица нам с тобой увидеть насколько...

— А почему? — не унималась Ядзя. — Зачем Владу здесь, в поле, башня? От кого сторожить, если здесь уж давно Чернская земля. Граница в стороне. Сюда враги не сунутся.

— Другие цели у Владислава Чернца... — бросил Славко.

В этот момент на башне протрубил рожок, рядом с часовым, словно из воздуха, вырос другой, замер в напряженном внимании. Первый исчез. Славко занервничал.

— Да только не твоего ума это дело, девка. Твоя работа — хозяйке гребень подавать да умывание.

Возница сердито развернулся и зашагал прочь, отводя рукой тяжелые еловые ветки. Одна из них выпрямилась, ударив Ядзю по лицу. Девушка ойкнула, схватилась за оцарапанную щеку и глаз. Славко обернулся, остановился. Понял, что наделал, и тотчас принялся уговаривать Ядзю отнять от щеки руку — рану посмотреть.

— Ух, и глупая ты девка, Ядвига, — пробормотал он сквозь зубы. — Нешто не видела, что ветка...

Ядзя всхлипнула, отвернулась.

— Дурочка и есть, — приговаривал Славко, осматривая припухший глаз и ссаженную щеку девушки. — По лесам с чужим мужиком бродишь.

А вот если повалю я тебя сейчас наземь...

— Не повалишь, — не позволила ему договорить Ядзя. — Я хоть и не ворожея, а злого человека от доброго всегда отличу.

— И что я? — усмехнулся в черную бороду Славко.

— Ты добрый, — обиженно ответила Ядзя, нянча в ладони щеку.

Смеялись над ней блестящие глаза возчика. Он протянул руку, взял в широкую ладонь длинную Язькину косу с дорогой лентой, подарком Якубека. Хотел спросить что-то, глубоко вдохнул, собираясь с силами.

Но в этот миг треснуло у Ядзи за спиной. Лес подсветился бледными переливами алого, зеленого, голубого. На башне резко вскрикнул часовой.

Ядзя обернулась, и одновременно ловкий Славко стащил ее на землю, накрыл большой рукой.

— Лежи, коли на костер не хочешь! — рыкнул он. — Надеюсь, не заметили нас с тобой, а то как решит Черный Влад, что ты вечоркинская ведьма, так и обоим нам несдобровать.

Но Ядзя не слушала — смотрела во все глаза, как немного в стороне, как раз между их убежищем и башней, развернулось в темном небе радужное око. Медленно текли в его сердцевине разноцветные блики. И казалось, манит око, зовет прикоснуться, дотронуться рукой до теплого маслянистого водоворота. Но Славко держал крепко.

— Я мертвячка, мне вреда не будет, — отмахнулась Ядзя. — Говорят, око мертвую кость не берет.

— Око не берет, да люди не побрезгуют, — буркнул спутник.

Тем временем башня ожила. Высокий мужчина, по всему — манус, ударил в радужное белым жгутом силы, и око тотчас потянуло его за брошенное им самим вервие. Широко открылись ворота, и оттуда выволокли на цепях странное существо, в котором, только приглядевшись, Ядзя узнала человека. Одежда на нем, хоть и добротная, висела мешком, длинные нечесанные волосы спадали на лицо, но между спутанными прядями были видны блеклые безумные глаза. Несчастный пытался вырваться, но трое сторожей-мертворожденных поволокли его к широко распахнутому оку топи. Зачарованный ее переливами, безумец пошел покорно, медленно, словно в полусне переставляя ноги. И тут скорчился, прижал к животу скованные руки, рванулся прочь, но стражи удержали его, намотав цепи на крепкие кулаки. Око дрогнуло, выгнулось навстречу своей жертве. Манус опустил руки, обессиленно упал на траву. Юродивый забился в судорогах, невидимая сила ломала его, выворачивала суставы, рвала нутро. Несчастный выл и катался по земле, но его мучители крепко держали свою жертву.

Око стало опадать, словно насыщаясь. Побледнело, налилось, растягиваясь. Безумец взвыл пронзительно и страшно, и оно лопнуло, окатив градом осколков распростертого на траве сумасшедшего, его сторожей. Несколько мелких осколков впились в шершавую сосновую кору над головой Ядзи, оцарапало ладонь удерживавшему ее спутнику. Славко вздрогнул, словно ужаленный, отдернул руку.

— Признайся, уж не ты ли — вечеркинская ведьма? — озлобленным шепотом спросил он у девушки, и теперь Ядзя впервые всерьез испугалась своего нового знакомого.

— Нет, нет, что ты! — замахала руками девушка, поднимаясь с земли, попятилась. — Пли ты не видишь, мертворожденная я. Хотя все горы на свете мне дай, и искорки не выжму. Какая я ведьма?!

Славко тряхнул головой, закрыл широкой ладонью глаза.

— Стыдно? — спросила Ядзя опасливо.

— Извини, уж кому радужной топью людей ломать, да не тебе, — хмуро проговорил он, все еще не поднимая глаз. — Добрая ты. А я вот недобрый...

Но Ядзя не стала слушать исповеди бородатого возницы. Совсем рядом слышались голоса. Знать, не только Славко пришла в голову мысль, что девка неподалеку от голодной радуги — и есть ее хозяйка, вечеркинская ведьма. Знать, видели их с башни. Ищут. А как поймают, так поди докажи, что ты и не ворожея вовсе.

Ядзя бросилась наутек, сверкая пятками. А за нею, ломая широкими плечами ельник, побежал ее спутник.

Глава 52

Казалось бы, вот уже в руках беглянка. Да только разве ж ее возьмешь. Лови рыбку голыми руками. То там, то здесь вспыхивает радужная топь. И казалось бы, кругами ходит вечоркинская ведьма, то в Бялом распахнется око, то в Черне, то из Дальней Гати вести придут, что снова кого-то топь изломала. А есть места и впрямь как кем проклятые — что ни месяц, новое семицветное окно. И не горожан берет, все больше по деревням ходит. Башни новые строить — везде не закроешься. Да и старые теперь оборонять приходится — во всех уделах разбойнички как разбойнички, бока наломать да кошельки срезать, а в Черне озлобилось лесное братство на сторожевые башни. Словно самой радуге служат или, ветер ее трепли, вечоркинской ведьме.

— Как бы ты мне, Игор, ее привез, — с досадой рыкнул Владислав, ударил по столу широкой ладонью, подпрыгнули с легким звоном лезвия и склянки. — Уж я бы вызнал, как она топи открывает.

Игор откинул с лица длинные белые пряди, протянул руки к очагу. Здесь, в подземелье, никогда не хватало тепла, зато трупы портились медленно. Пока завоняются — хозяин уж и закончит.

— Да не она это, — тихо отозвался Игор, — не она.

— Она, — повторил Владислав. Он уже не смотрел на великана, сидящего у огня, вновь принялся растирать в ступке какие-то травы.

— Да не она, — громче повторил Игор. Он поднялся, став едва ли не на полторы головы выше своего господина, подошел к стене и указал длинными пальцами на криво нарисованную углем на стене карту. — Здесь и здесь на прошлой седмице. У нас, под Черной, в Кривках, в Радове — и все за десять дней. Как знаешь, княже, только чтобы и тут, и там успеть — и трех ведьм не хватит...

Лицо князя потемнело от этих слов, брови сошлись грозно, но Владислав сдержал гнев.

— Ты, Игор, не суди о том, в чем не смыслишь, — бросил он. — Тут с такой силой мы встретились, против которой, может статься, и я, высший маг, не крепче младенца. Мне, моей силе, мало кто поперек встать осмелится — я за версту мыслью в кровавую кашу могу стереть. Думаешь, тот, кто настолько силен, что топью повелевает, не способен за пару-тройку верст одним желанием, одним сосредоточением воли призвать ее туда, куда нужно?!

— А зачем надобно? Что ей, скажем, в Кривках? Или в лесу под Бялым? — возразил Игор с какой-то покорной усталостью. По всему видно было, что разговор этот с господином Черны давний. И даже терпеливый великан Игор отчаялся убедить хозяина не гонять дружинников по лесам в поисках вечоркинской ведьмы, не тратить казны на наемников. За такую плату они из каждой деревни по девчонке привезут. Уж сколько перевозили. А наемнички — народ веселый, в пути потешатся, попортят, а то и неживых уж привозят. Поди докажи, что не та. Что мертвому пытки? Может, и попалась уже вечоркинская ведьма — не этим, так другим: привезли менять на княжескую награду или тихо да мирно в лесочке на дуб вздернули...

Не верил Игор, что может один кто-то топью управлять. Кому дана такая сила, тот небывалый человек. Зачем ему прятаться. А та рыженькая девчонка пряталась, бежала так, словно всю жизнь от людей бегала.

Но сколько ни объясняй, не уймется Владислав, пока не получит ведьму в собственные руки, не дознается до каждой мелочи.

Во всем таков был Влад Чернский — себе одному верил, своему уму, своим рукам. Как хороший гончий пес, взяв след, не жалел сил, гнал жертву до правды или до смерти. А когда чувствовал, что уходит добыча из-под самой пасти, рвал и рычал хуже дикого зверя. Вот и сегодня князь не находил себе места, сразу после утренних дел, поскорее отделившись от посетителей и просителей, спустился сюда, вниз, в подвал и без усталости возился со своими склянками и сосудами. Но видно, самым его смесям и настоям передалась раздраженная вспыльчивость составителя, на широких дубовых столах князя то и дело что-то взрывалось, шипело, сыпались осколки.

Куда-то запропастился лентяй Конрад, и весь гнев хозяина доставался молчаливому закрайцу. В конце концов и он не стерпел, отряхнул с длинных волос и плаща осколки и брызги княжьих эликсиров, с хрустом расправил затекшие плечи:

— Пойду я, хозяин...

— Не торопись, Игор, закончи тут за меня, приberi, — рассеянно ответил Влад, потирая лоб. Игор встрепенулся, с тревогой посмотрел на господина. Предчувствия князя никогда не обманывали, и Игор собрался, готовый броситься на защиту хозяина по первому его слову.

— Наверху словник Конрада зацепил, проверить надо, — шепнул Влад. — Только ты не ходи, от заклятья эхо досюда достало, значит, кто-то сильный. Так что жди здесь, эликсиры убери подальше. С тем, что мы с тобой тут затеваем, и простой палочник горы свернет, а уж умелый

словник...

Князь широким шагом направился к лестнице, а Игорь остался, но не пошел к заставленному склянками столу, а, напрягая все свои колдовские силы, вслушивался, искал эхо словничьего нападения. Да так и не учуял. Что дано великому, малому в руки не дается.

А Влад чувствовал, звенело в ушах эхо чужих слов.

И верно, не зря беспокоился. Едва успел прикрыть тайный ход в подвал, как на него из-за угла с непривычной прытью вылетел Конрад, а за ним, непрерывно болтая, спешил дрянной плешивый старик. При виде князя словник в одно мгновение сник, смолк и отступил на шаг, а Конрад с разбегу едва не врезался в своего господина.

— Куда это ты так торопишься, Коньо? — сурово спросил князь, но смотрел не на провинившегося книжника, а на того, кто посмел в доме Чернского князя его слуг словничьим заклятьем смущать. Старик тотчас смекнул, что один жест Владовой руки отделяет его сейчас от Страстной стены, упал на колени и припал, словно стараясь удержать эту руку, сухими губами к княжьим пальцам.

— Не вели казнить, Владислав-батюшка, — заблажил он козлиным тенорком, — не с худым намерением, но с вестью к тебе...

— Полно валяться, — оборвал Влад. Коньо понемногу приходил в себя, и в глазах его появился ужас от того, что он едва не привел ушлого старика в самую тайную комнату князя. Толстяк попытался отступить на шаг, но Влад ухватил его за плечо и поставил на колени рядом со стариком.

— Где ты видел этого старого кота? — сурово спросил он.

— Да отчего же ты решил, что я его видел? — горестно заскулил Коньо. — В первый раз только и встретил, так он на меня словничью петлю...

Князь гневно топнул, и книжник испуганно замолк.

— Не первый, — медленно и грозно заговорил князь, и под его взглядом словник съежился, почти распластавшись на полу. — Где-то ты уже с ним встречался, потому как такого заклятья с первого раза не бросить. Была уже у этого прохвоста на тебя веревочка, он только потянул посильнее да повел тебя, как козла на бойню. Где ты на него первое заклятье закинул, старик? — ледяным голосом обратился к словнику князь. — Как посмел моего слугу на словничьей веревке вести? Кто тебя послал?

Не успел старик опомниться, как князь выхватил длинный тонкий костяной нож, прижал старика к полу коленом и приставил нож к его тощему горлу. Не растерявшись, Коньо уселся всем немалым весом на

судорожно дергавшиеся ноги старика.

— Кто тебя послал? — страшно прошипел князь, и старик почувствовал, как лезвие коснулось его шеи. — Истина, старик, девка ветреная, но меня любит верно. Потому как я подход к ней знаю...

Страх застлал глаза Болюся серой пеленой, и на мгновение померещились ему не серые, холодные глаза князя, а семицветные очи Безносой. Та приложила палец к губам, и словник собрался уже пообещать ей, что слова не вытянет из него Черный Влад. Но князь чуть сильнее нажал, острое прокололо кожу, и тонкая горячая струйка потекла по шее за ворот, вернула старику сознание.

— Как есть все расскажу, батюшка, — просипел он, еще содрогаясь от страха, внушенного то ли видением Цветноглазой, то ли ножом Кровавого Влада. — Никто не послал, сам к тебе пришел. С весточкой о вечоркинской ведьме.

Влад убрал нож.

— Я у нее в доме ночевал. Все как есть...

Князь кивком дал знак Коньо отпустить старика. Болюсь задохнулся от страха, когда сильная рука подняла его, поставила на ноги.

— Вот и славно, что ты подоспел, Игор, — бросил князь тому, кто держал старика за шиворот. — Отведи-ка нашего дорогого гостя туда, куда ему так не терпелось попасть.

Словник увидел, как распахнулся перед ним темный потайной ход. Все та же сильная рука поволокла его по круто уходящей вниз лестнице. Той, что уже встречал однажды старик в одном из своих видений. Вспомнив, Болюсь забился в руках великана Игоря, закричал, но ему зажали рот.

Глава 53

...да так, что не вздохнуть. Только сердце бьется, из груди выскакивает, и страх сжимает горло. И все мерещатся рыжая прядка да заплаканные глаза.

Иларий прижал ладонь к расходившемуся сердцу, потер веки, прогоняя сон. Кошмар отступил, развеялся лоскутками в утреннем прохладном воздухе. В открытое окно свистел укоризненно и грустно соловей. Но Илажка не стал слушать.

Встал, набросил рубашку.

Думал, хорошо будет спать дома, под боком у князя Казимежа. После жесткой лавки показалась постель мягкой и пышной, как свежий каравай. Но не спалось на этой мягкой постели, ныли и горели руки. Только под утро удалось манусу заснуть, и тотчас закружил странный и мучительный сон, уставились из темноты серые, полные боли глаза.

Иларий проснулся совершенно разбитым, но не таков был княжий манус, чтобы сдаваться мимолетному сну. Умылся ледяной водой, пригладил непослушные черные кудри, потрянул головой. Подумал: к Каске надо бы съездить, поглядеть, как там дальнегатчинский княжич, должен был за пару дней уж на ноги встать. И пора за работу браться. Может статься, найдется у Казимежа дело в Черне, так надо рядом быть и вовремя под руку подвернуться. С Казимежевой грамотой в Черну спокойней ехать. Месть — она не заветреет, а сила со временем возвращается.

Иларий вышел во двор и широким бодрым шагом направился к князьему терему, на ходу застегивая кафтан. Одна пуговица не пожелала поддаться, Иларий на мгновение остановился, чтобы справиться с нею, и тотчас получил крепкий удар локтем.

Манус развернулся, гневно сверкая глазами и привычно складывая ладонь в оборонительное. Но тотчас опустил руку и угасил яростный взгляд. Перед ним стоял Якуб Белый плат.

При виде мануса лицо Якуба посветлело, княжич улыбнулся, протянул руку старинному товарищу. Иларий сперва приветствовал будущего повелителя Бялого как полагается, поклонился низко, шапку снял. А потом сверкнули из-под темных кудрей синие глаза, Илажка сгреб Якубека в охапку, стиснул.

Белый плат, не вполне оценив его щенячью радость, похлопал мануса

по плечу, шепнул: «Полно» — и попытался отстраниться. Да что уж скрывать, обрадовался, что жив Иларий.

— Где пропадал, паскудник? — насмешливо бросил он, разглядывая бледное лицо Илария, впалые щеки. — Чай, от рогоносцев твоих баб по лесам прятался. А батюшка по тебе уж и тризну хотел править.

— Не так уж и ошибался батюшка князь Казимеж, — ответил Иларий с широкой улыбкой, пряча в складках одежды изуродованные шрамами руки. — Едва не помер ваш Иларий, одним упрямством да бабьими молитвами вернулся.

— Видно, хорошо наши бабы умеют молиться, — захохотал Якуб, — да только, знать, так рьяно не за всякого просят. Меня вот, видишь, не отмолили.

Тень мелькнула на лице княжича.

— Умеют, умеют бабы молиться, — словно бы не замечая ее, подхватил Иларий. — На подъезде к Бялому хотели дальнегатчинца нашего, Тадека, вольные люди порешить. Да только я поспел — не иначе молилась за него твоя сестрица. А может, и еще кто, кому по сердцу наш русский богатырь... Да и за тебя, я думаю, та девчушка Элькина, с косой, верно, крепко молится.

Иларий весело прищурил синие глаза, ожидая, что подхватит Якуб шутливый разговор, но тот не подхватил, хмуро глянул на бледнеющее небо. Откуда было знать веселому манусу, что согнал Якубек со двора свою Ядзю, отослал в Черну за то, что помогла Тадеку. А теперь, видишь, оказалось, что едва не погубила. А может статься, не одного Тадеуша поджидали в лесу разбойники. Только не стал делиться Якуб своими темными мыслями с воскресшим манусом.

— Эльке сейчас едва ли до молитвы, — посуровев, ответил он веселым словам Илария. — У Чернской княгини много дел. А Тадеуш куда подался, не знаешь?

Иларий отшатнулся, удивленно захлопал глазами.

— Нешто отдал батюшка Казимеж Эльжбету Чернскому душегубу, — проговорил он, словно не услышав последнего вопроса. — А я думал, брешут, что сам кровопийца к нашей Эльке сватается.

— Собаки брешут, — буркнул Белый плат, — а молва редко ошибается. Отдал Эльку, быстро дело обернул Черный Влад. Почитай, через четыре дня, как ты пропал, стала Эльжбета княгиней Чернской. И приданое отец дал непростое. Людьми расплатился...

Якуб пристально смотрел в лицо манусу, думал — выдаст Иларий, хоть взглядом, хоть движением капризных губ, что знает, как Казимеж его,

раненого, Черному Владу в Элькино приданое дать хотел.

Иларию отозвался не сразу. Вспомнил — говорила что-то лесная травница про свадьбу в Бялом. Только не до того ему было, и не слушал ее вовсе. О руках думал. Себя жалел. А про то, как он в ее доме оказался, Агнешка и говорить не желала. Мол, долг свой плачу, и весь сказ. А вот тот палочник, что умер в лесу от своего посоха в Илажкиной руке, — тот о Черном князе говорил.

«Здесь был мучитель Владислав Чернский», — подумалось Иларию. Только в то время едва ли мог с ним манус поквитаться. Еле жив остался. Да пока валялся в лесной избушке, в Бялом пес знает что наворотил князь Казимеж.

— Это как, людьми? — спросил Иларию. Подумал, если б летели на свадьбе головы, так сказала бы ему Агнешка. Видно, пленными взял. Может, рабочими, мертвяцкой силой. Говорят, Черну Влад стеной колдовской обносит, башнями огораживает. И врут, будто за те башни сама топь пройти боится, рядом ходит. Может, толковых ремесленников Чернцу надо — вот и взял за Эльжбетой приданое каменщиками, плотниками.

— Магами взял, не ниже мануса, — прервал его размышления Якуб. — Да не просто магами, а увечными, умалишенными, теми, от кого и семья отступилась. И не на время, на полный герб. Не иначе до смерти услужатся новому хозяину...

Якуб невесело хмыкнул. Иларию заметил, что княжич осунулся и оброс щетиной. Только платок, закрывавший половину его лица, оставался неизменен в своей чистой белизне. На какой-то миг показалось манусу, что не Якуб перед ним, а кто-то другой, похожий, но был этот кто-то старше и грустней. И раньше была в Якубе трещинка, а теперь будто кто воткнул в нее нож да провернул со всей силы. И вытекала через эту расщелину из княжича жизнь.

— И что, Казимеж позволил?

— Позволил? — отмахнулся Якуб. — Да он бы, попроси Влад, последние порты отдал.

Иларию невольно оглянулся, не слышит ли кто крамольные слова Якуба. Княжичу хорошо, он будущий властитель Бялого, а Илажка — человек служилый, у тех, кто под князем ходит, голова на плечах не так крепко сидит.

— Жаль, не видел ты, Иларию, как батюшка нового зятя обхаживал, — не замечая манусовой опаски, продолжал Якуб. Горькие думы, терзавшие его не первый день, легко переплавились в полные злого яда слова. — Думает, только Черный Влад теперь Бялому защитник. А уж

нас он и в расчет не берет — кого защитит увечный княжич?!

Знать, крепко наболело на душе у Якуба. И сказать о том было некому. А с Илажкой столько лет бок о бок — вот и прорвалось, высказалось запретное.

Иларий место свое знал. А потому потупился, словно бы и не слышал, что сгоряча вырвалось у молодого хозяина. Но словно невзначай протянул руку, положил по-дружески на горячую ладонь княжича.

Якуб точно очнулся, замолчал. Привычным движением поправил белый платок на лице.

— Забудь, Илажи, — отмахнулся он, отводя взгляд, — не пришлось бы тебе еще под Черным Владом жить, как родит Элька Владиславу сына и перейдет Бялое через мою калечную голову племянничку...

Якуб усмехнулся своей невеселой шутке. Иларий сверкнул синими глазами, но смолчал.

Так и попрощались, молча и невесело. Якуб неторопливо двинулся в сторону княжеского терема, двое слуг, терпеливо ожидавших в стороне, пошли за ним, ведя в поводу лошадей.

Иларий пошел в другую сторону, чувствуя, как ворочаются в голове темные, тяжелые мысли.

— Может, и меня взял бы беспамятного Владислав на полный герб, — внезапно осознал Иларий. — Обмакнул палец в чернила, оттиснул — и получи молодого, сильного мануса. Знать, здорово насолила Агнешка Чернскому властителю, когда из-под его носа раненого увезла. Вот почему она по лесам скрывалась, почему от каждого шороха вздрагивала.

Защемило сердце. Вспомнилось, каким злым, грубым, неблагодарным был с девчонкой Иларий.

«Вернусь за ней, — успокоил он расходившуюся совесть. — Истинный поклон Землице, вернусь».

В том, что дождется его лесная травница, Иларий не сомневался. По глазам видел. Но наперед надо с Влада Чернского должок взять, да Тадека-дальнегатчинца домой отправить. И вслепую действовать нельзя, осмотреться стоит. Хоть Каську толком порасспросить. Всего-то не было Илария в Бялом без малого три седмицы, а переменилось все так, что не разберешь уже, кому верить, кому кланяться. Намутил воду Чернский владыка, всех обвел вокруг пальца. Сына против отца настроил, народ против властителя — хитер и силен Влад. И силой своей тешится, потому что равной никогда не знал. Казалось, нет во всем мире того, кто осмелился бы встать ему поперек пути. Были когда-то, да захлебнулись собственной кровью, выворотило им нутро волшебство Черного князя.

Иларий вытянул перед собой руки, шевельнул пальцами и залюбовался, как побежали по ним белые искорки. Не было Владу достойного противника — так будет. И без того со своей силой Иларий жил в любви-согласии, а после того видения в поле возле дома лекарки, казалось, прибавилось силы, легче раскручивался в груди ледяной вихрь, легче шел в опаленные руки. Сейчас хоть и манус, а без сомнения пошел бы Иларий против любого словника. Да что там — и мысль померяться силами с высшим магом не путала.

Он вскочил на спину Вражко и выехал за ворота в сторону княжеского охотничьего поселения. Когда подъехал, дворовые шавки выглянули было из своих подворотен, но каким-то неведомым чувством, хранившим их пегие бока, поняли, что не стоит соваться под черные сапоги красавца мага. Одна или две залились ему вслед лаем, и за этим визгливым подвыванием Иларий не заметил, что и впереди, там, куда он шел, было неладно: на Каськином дворе кто-то голосил. Жалобно и горько. Иларий замедлил ход, заглянул во двор, с удивлением заметил покрытую телегу. В доме и во дворе толпились бабы. То одна, то другая принимались громко всхлипывать, а то и подвывать, заливаясь слезами.

Молодой маг прошел стороной, хотел подняться на крыльцо, но помедлил. Никем не замеченный в общем вое, он обошел дом и направился к старой конюшне. При виде открытой двери тревога, уже зародившаяся в сердце, холодной иглой уколола в основание шеи, потекла по спине ознобом. Ни дальнегатчинца, ни следов его пребывания не осталось.

Холодея, Иларий бросился в дом, также полный плачущими женщинами. Внимания на него никто не обращал, и манус беспрепятственно прошел по комнатам, пока не наткнулся на высокий стол с покойником и лежащую возле него ничком Катаржину. Словно почувствовав его присутствие, Каська подняла красное от слез лицо, вскрикнула и, горько рыдая, бросилась к нему на грудь:

— Как же это, Илажи, ведь я же не хотела... Он не плохой был. И меня люби-ил...

Каська зашлась рыданиями, тяжело повиснув на его руке. Через ее голову Иларий заглянул на мертвеца, и одновременно два чувства всколыхнулись в нем: и облегчение, и злость. На столе, почти до самого подбородка накрытый новинкой, лежал, слава Земле, не дальнегатчинский Тадеуш, а ночной разбойник, палач, прижигавший раскаленным железом его руки. Тот, кого убил, не совладал с гневом, манус Иларий. Тысяча мыслей пронеслась в голове мага. Не зря казалось это лицо знакомым.

— Юре-ек, — заголосила Катаржина. — Ю-урек!

Каськин муж, рогоносец-палочник. Вот кто это был. Не раз видел его Илажка в дружине князя, да не дал себе труда запомнить лицо. Знать, больше бросились в глаза черные брови да шустрые глаза его жены. Так вот что горело в глазах мучителя — ревность. Кабы раньше знать, легко попрощался бы Иларий с чернобровой Каськой. Никакая девка манусовой силы не стоит, не стоит сожженных рук. Что баба: нынче подолом крутит, завтра... А сила — она на всю жизнь с тобой, и без этой возлюбленной свет не мил, земля не жирна.

— Илажи, миленький, — зашептала Каська горячими губами, заставляя оторваться от раздумий. — За всю мою любовь об одном прошу — сыщи, кто Юрека погубил. Ты на княжей службе, при батюшке Казимеже первый человек после княжича. Землицей прошу, сыщи.

— Зачем тебе, Кася? — пробормотал Иларий холодно, стараясь отстраниться от ее заплаканных глаз. Видно, давно в слезах — подурнела, расквасилась, словно и вправду бы верная жена. — Что тебе мужний убийца? Ворожея из тебя плохонькая? Не иначе косой задушишь. Брось дурить, о том, кто мужа твоего в царство Цветноглазой свел, не думай. Живи как жила, а князь тебя милостью не оставит, о том я позабочусь.

— Сыщи, — твердила Каська, словно не слушая. — Я ведунью знаю сильную. Я ей денег дам... Сколько спросит... У меня есть, батюшка князь с Юреком щедр был, так что уплачу, сколько надобно... Пусть она душегубцу кишки выворотит.

Живот Илария громко отозвался на ее слова, напоминая о том, что манус позабыл про утреннюю трапезу. Служанка-мертвячка сунулась спросить у хозяйки, не надобно ли чего, но, увидев ее в объятиях синеглазого красавца, густо залилась краской и шмыгнула обратно за дверь.

— Полно, Кася, — уже спокойнее и ласковее проговорил Иларий, — поплачь, покричи. Горе и выйдет. А месть — не бабье дело. А бабье — оно другое...

Молодой маг крепче прижал к себе всхлипывающую молодую вдовушку, стал неспешно осыпать поцелуями высокий белый лоб, расчесанные на прямой пробор темные волосы. И Каська притихла, словно нехотя подставляя щеки под его неторопливые поцелуи.

— Бабье — оно слаще мести будет... — вкрадчиво шепнул он на ухо сомлевшей Катаржине. Та прикрыла глаза, покачнулась, оперлась рукой о край стола, на котором лежало тело Юрека. И тотчас вспомнила все, отпрянула, залилась слезами. Иларий вышел, оставив вдову горевать с девками и приживалками. Но в животе вновь зашевелился голод, а под ноги — на беду — сунулась давешняя служанка.

— Куда спешишь, красавица? — улыбнулся ей Иларий, девушка потупилась, вновь краснея.

— Не опускай глазки, моя горlinka, — замурлыкал манус, поправляя белой рукой темную прядь, упавшую на лоб. — Такие глазки грех прятать. Землица накажет. Землица, она грешницу от праведницы всегда отличит. Грешницу наставляет, а праведницу испытывает. Вот просит у тебя смиренный путник кусок хлеба да глоток воды, смилостивись над несчастным?

— Кушать желаете, добрый господин? — не зная, куда деться от собственной робости, пролепетала девушка. — Так на помин хозяина Юрека много уж наготовлено. Я сбегая...

Она попыталась проскользнуть мимо разговорчивого гостя, но Иларий преградил ей путь.

— Разве испытание — подать нищему кусок хлеба. Испытание — грешное искушение, соблазн небесный. — Манус коснулся холеными пальцами загорелой руки девушки, погладил запястье, и тотчас невидимые его испуганной жертве побежали по смуглому от солнца предплечью белые искорки, нырнули под кожу, растворились в крови. И тотчас вынырнули вновь — лукавым огоньком в девичьих глазах.

— Что ж тогда испытание? — заговорила служанка, поднимая на Илария сияющий огненными брызгами взгляд.

Илажка потянул девушку к себе и юркнул в боковую дверь, что вела в кладовые. Дом Катаржины он знал как свои пальцы, а скромница мертвячка могла стать хорошей союзницей, если Каська не откажется от своей глупой бабьей мести.

Глава 54

Такая разве отступит.

Раз втемяшила что себе в голову, так всю душу вымотает. Вынет правду вместе с нутром.

— Не крути, мил человек, — пристальный взгляд впился в карие глаза бородача. — Начал сказ, так досказывай. Не все ты мне рассказал про Владовы башни.

Славко опустил голову, впился крупными желтыми зубами в жареное на углях мясо. Да только Ядзя не унималась. Ее настойчивый шепот не давал вознице вволю насытиться, под пытливым взглядом кусок не лез в глотку, и жаркое по вкусу было не сочнее пучка соломы, что и голодная лошадь не тронет.

— Расскажи, дяденька Славко, — пропела Ядзя, заходя с другой стороны. — Неужто вовсе меня не жалеешь. Ведь я в Черну еду, княгине в услужение, князю Владу в руки. А вдруг он, как и ты, решит, что я вечоркинская ведьма? Говорят, у него на площади столб стоит, а на нем головы человечьи?..

Но возница молчал да глядел не то с мольбой, не то с досадой.

Ядзя присела к костру, приняла из рук суровой молитвенницы плошку с похлебкой, сердито захлюпала горячим варевом. Но Славко держался. Как ни жалко ему было спутницу, не мог ответить на ее вопросы. Будь его воля, не отпустил бы ни на шаг бойкую болтушку Ядзенку, не посмотрел бы на то, что лента у нее в косе дорогая, дареная, не послушал бы никого — своими плечами загородил хоть от Влада Чернского, хоть от радужного глаза, хоть от самой Безносой. Казалось, за три дня пути прикипел он сердцем к спутнице так, что заживо не отнимешь. А рассказать не мог.

Невеселые мысли бродили в голове Славко. Он щурился на огонь, почесывал густую бороду. И тут большая ночная птица, сверкнув глазом, низко чиркнула крыльями над самыми головами путников. Вскрикнули женщины, молитвенница привычно схватилась за свой посох, а Славко сложил пальцы в оборонительное, опомнился, спрятал исчерченную шрамами руку. И натолкнулся на удивленный взгляд Ядзи.

Девушка не сказала ни слова. Но по глазам увидел бородатый возница, что задумалась крепко. Славко занимался лошадьми, поболтал с кучером другой подводы, а Ядзя все сидела, непривычно молчаливая, положив подбородок на руки, да смотрела, как подмигивает тысячью алых глаз

догорающий костер.

«Вон какая пасмурная, — ядовито прошептал кто-то в голове у Славко, — знать, о господинчике своем кручинится. О том, что дорогие ленты дарил, а потом в Черну к душегубцу выслал. Такая красавица за простого не пойдет. Ей не ниже палочника мужа надобно, чтоб у князя на службе, домик с палисадом, платок вышитый красный в базарный день...»

Славко отмахнулся от злого голоса, опустил голову, разглядывая свои руки. Теперь бронзовые от загара, растрескавшиеся как сосновая кора. Разве таким рукам расплестать девушкам шелковые косы. В таких пальцах и вожжи тоньше кажутся.

Славко поправил упряжь, похлопал по крепкой шее пегую лошадку. Путешественники торопливо занимали места на возах. Ядзя, все такая же задумчивая, как давече, не села с ним на козлах, и ворона-молитвенница тотчас завела с ней беседу о земном и Землицыном. Ядзя рассеянно кивала. Славко вконец расстроился. Задумался, не сказать ли и вправду Ядзе то, о чем так старался он не вспоминать долгих три года.

Но тут дорога нырнула ручейком в лесную чащу, и навстречу обозу словно из-под земли вырос статный молодчик в чернских гербах — волки по плечам и на груди — и жестом приказал кучеру остановиться. Парень не был похож на разбойника, но, наученный долгой службой, Славко перехватил вожжи и достал из-за пояса топорик. Чтоб знал встречный, что хоть и не маги, а седоков своих защитить сумеем. Заметив это, ворожея на возу выставила вперед палку, на которой тотчас засветилась россыпь мелких белых огоньков, скоро роившихся на самой вершине посоха, — колдунья готовилась ударить двойным оборонительным.

— Пойдите, люди добрые, — громко проговорил остановивший подводу и поднял над головой, так, чтобы и на втором возу не хватались за оружие, пожелтевший от частого использования свиток, запечатанный Чернским волком. — По велению князя моего, Владислава из Черны, следую в город его, и ежели вы — подданные господина моего, то повелеваю вам от его имени, ежели нет — прошу, как гостей земли Чернской, оказать содействие посланнику князя, ибо дело мое важности великой.

Торопливо выпалив заученное послание, парень опустил грамоту, подбежал к Славко и, бросив лишь мимолетный взгляд на его иссеченные шрамами руки, потянул за рукав с козел. Отвел в сторонку и доверительно прошептал:

— Пособи, друг, отвези в Черну да гони лошадку поскорей. Башенного сторожа прошлой ночью проклятьем убило. Сам знаешь, по рукам твоим

вижу, что знаешь, зачем я тороплюсь. Не за себя прошу, и даже не за князя, за людей чернских. Второй сторож башни — старик семидесяти годов, третий — манус, пока око держал, вовсе обессилел. Старик хоть и книжник, а случись снова, долго ли он удержит?

Славко оглянулся на своих седоков. Все настороженно смотрели на странного Князева посланца, но скорее с любопытством, чем со страхом. Только Ядзя отвела взгляд, словно и не интересно ей было.

Возница кивнул парню, мол, ищи себе место. Служитель башни собрался было уже вскочить на козлы рядом с кучером, но тут Ядзя подняла на него серый лукавый взгляд и бросила:

— Садись, мил человек, на мое место. Отдохни. А я и на козлах устроюсь. — И, махнув синим подолом сарафана да русой косой, угнездилась рядом со Славко, смиренно сложила ручки на коленях. Ведьма-палочница, казалось, нашедшая в девушке благодарную слушательницу, обиженно нахмурилась, но Ядзя сидела кротко и смирно, как девочка, которую нарядили в праздничный день к Землицыну причастию. Как ни старался возница поймать ее взгляд, смотрела перед собой между ушами прытко бегущей лошадки. Но едва дорога пошла по камням и колеса загрохотали, заглушая людские голоса, Ядзя придвинулась к нему, тотчас растеряв свое молчаливое смирение.

— Ведь это он, Славко, — заговорила она, — это один из тех, что были у башни. Что того человека на цепях тащили. И ты позволил ему на воз сесть. А еще он тебе сказал, что ты знаешь, зачем он торопится.

«Вот ведь девка, — подумал Славко, крепче сжимая вожжи, — болтлива как сорока, а все услышит».

— Я видела, как ты у костра колдовать хотел, — продолжала Ядзя, не сводя с него испытующего взгляда. — Ты ведь раньше был магом. Манусом. Я по рукам твоим догадалась. У бяломястовского князя в услужении манусы есть, я видела, как они руками такие же знаки делали.

И умна, подумал Славко. Там травинка, там другая, лихо корзинку сплела. Не зря ему глаза эти серые приглянулись. Этакой не Расскажи правду, так сама найдет.

— Ты ведь не всегда мертвяком был? — спросила Ядзя, положила теплую ладонь на плотную сеть шрамов на руке возницы. Славко кивнул с обреченной улыбкой, словно нож ей в руку вкладывал.

— Неужто манусом? — Глаза девушки распахнулись от любопытства и сострадания.

Славко снова кивнул, уже не надеясь, что она оставит свои расспросы.

— Это оно тебя, око радужное? Как? И не убило? — засыпала

вопросами Ядзя.

— Убило, — тихо отозвался Славко, крепче сжимая вожжи и пристально глядя в песчаную ленту дороги.

Ядзя прижала руку ко рту, словно стараясь вернуть свои бабьи речи и надеясь, что еще можно оставить невысказанным то, что еще минуту назад она желала слушать. Но было поздно. Наболевшее, застарелое, мучительно скрываемое уже не держалось в широкой груди возницы, словно по собственной воле облекалось в слова.

— Да знаешь ли ты, Ядзенка, как это — быть истиннорожденным манусом? — прорычал он глухо. — Где тебе, девочка, знать. Ты за всю жизнь искры земной в руках не чувствовала. А я помню, как это. До сих пор помню. Иногда перед грозой по хребту под кожей холод гуляет, словно сила вернулась, расходится, в руки просится. А пальцы — как мертвые. Словно душу из меня выпило око. А ведь когда манусом был — ничего не боялся, и топи не боялся. Думал, сильнее сильного, умнее умного. Дом у меня был, не богатый, но и не лачуга рыбацкая. Жена была, красавица голубка, вроде тебя. А как начала вокруг Черны топь просыпаться, стал князь Влад оборону собирать. Плотников, каменщиков со всех окрестных княжеств скупать, башни охранные строить. А потом стал в башни магов нанимать, кто посильнее... Это сейчас он увечных да убогих топи скармливает, а тогда не так боялись — здоровые, сильные в услуженье шли.

Славко бросил взгляд на руки.

— Вот моя голубка и надоумила меня охранником в башню пойти. Как же, охрана. Платил Владислав щедро. А работа невелика. Вот я и согласился, дурья голова. Другие сторожа сказывали, что за год, за два разживались таким барышом, что лет пять на печи сидеть можно, по дружинам, по наймам не таскаться, при жене быть, девок дворовых щипать. А всего работы — ждать, когда топь объявится, глаз свой семицветный откроет, да и ударить в него силовым, пока не лопнет. Красавица моя все упрашивала — пойти на службу в башню. Деньги большие, хозяйством обзаведемся, а топь, она, может, и вовсе не выйдет. Люди говорят, ока в одном месте дважды еще ни разу не видали. Послушался бабы, пошел. За легкой деньгой...

Славко замер, прислушиваясь к стуку лошадиных копыт. Дорога шла песчаная, и уж на возу стали приглядываться, что так жарко толкует возница своей соседке. Ядзя сидела неподвижно, только глаза ее все больше наливались обычной бабьей жалостью, от которой так муторно мужику на душе. Славко не смотрел на нее, не хотелось ему жалости. Раньше не хотелось. А теперь отчего-то подумалось, что ежели бы обняла

его сейчас болтушка Ядзя пухлыми ручками, ослаб бы тутой узел в груди. Узел, что связался сам собою, когда впервые посмотрел бывший манус на свои мертвые руки.

Дорога вновь пошла по камням, они зачиркали по колесам, заглушая разговоры. Славко оглянулся через плечо на подводу. Молодчик с башни спал, свесив на грудь кудрявую голову. Черная молитвенница, лишившись собеседницы, угрюмо перебирала посох да шевелила бледными губами, бормоча. Коренастый старик-каменщик дремал, положив под голову свой заплочный мешок. Видя, что никто не слушает, Славко снова обернулся к своей спутнице, глянул сурово в ее блестящие непролитыми слезами глаза:

— Все думают, Черный Влад на одной своей небесной силе топь в узде держит, в Черну не пускает. Не своими руками Владислав Чернский жар загребаёт. Вот этими...

Он закатал рукав, обнажая предплечья, где тонкая сеть шрамов становилась гуще, наливалась кровью.

— Я, Ядзенка, тоже думал, что Владислав — недалекий парень. Такие деньжищи платить за то, чтобы словники да манусы, которым в мирное время и дела особого нет, в башне пиво пили да в кости играли. Оказалось, умен Влад. Самой топи умнее. Словно знал, что тяжелей станет. А может, и правда знал... День ото дня все новые вести, обступает топь. Словно кто черный глаз на княжество положил. Не знали мы тогда... Струхнул один из моих дружков-сторожей, дал деру до мамкиной деревни. Так его голова на Страстной стене всю осень висела. А я не побежал. Честный был очень, договор гербовый читал. Послал за другим сторожем в Черну, да тут и случилось. Хлопнуло, развернулось. В два роста, так что и глянуть страшно. А я в башне один-одинешенек. Выбежал, поднял руки, сложил в силовое, а ударить не могу. Страшно. И тут смотрю, от глаза семицветного по траве как трещинки стелются, и из них тоже лучики семицветные скачут, подмигивают. И трещинки в разные стороны медленно расползаются. Уж тут не за себя испугался, за Черну, за красавицу мою, за друзей, что, ежели не ударю, трещинки и дальше пойдут. И со всей мочи, так что аж от локтей руки словно во льду, — ударил. А получилось, словно веревку ей бросил. Рванула меня к себе, тянет, тащит, и силу мою словно тонкую нитку выматывает, прямо из жил рвет.

Возчик впился горящим взглядом. У Ядзи сердце разрывалось от жалости. А он словно не чувствовал, как больно ей за него, — продолжил:

— Больно было, Ядзенка, так больно, что рассказать нельзя. Я держу, а она меня по траве, по камням к себе тащит. И силища это такая, что никому перед ней не устоять. И только чую, смерть моя близко. Стоит Безносая,

своего часа дожидается. Вдруг налился глаз, трещинки погасли... Рвануло в последний раз так, будто хребет из живого вырвать хотело. Я упал и слышу через темноту, как оно надо мной лопнуло, осколками окатило. А как очнулся — рук не чувствую. Все небова тварь прибрала, всю силу до капельки. Не стало мануса. Князь Влад лекарей ко мне присылал и денег давал. Да я лекарей прогнал. Красавица моя меня оставила. Шла-то за мануса, а получила калеку-мертвяка. Вот и перешла в родительский дом, при живом муже вдовой себя называла. Пил я сперва горькую, силу свою оплакивал, корил себя, что променял ее на легкие княжьи деньги. А потом стал мертвяком жить. Возницей нанялся. Нашел себе по душе дело, о котором раньше и не помыслил бы.

Славко, неласково хмурясь, запустил пятерню в густую черную бороду. Ядзя положила на его широкое плечо руку, слезы текли по щекам девушки. Вспомнился Якубеков белый платок, и в груди стало тесно от чужого страдания. Да если бы спросили ее, Ядзю, она без мысли отдала бы свою мертвяцкую жизнь, сама бы в око кинулась, лишь бы вернуть ему силу. Ему и странному вознице. Да только ее жизнь радужной топи не нужна. Нет у нее силы, а око сильных берет, истиннорожденных ищет.

— Теперь ты, Ядзя, всю жизнь мою знаешь, — прервал ее горестные мысли Славко, чуть дернул плечом, так что рука Ядзи вновь упала ей на колени. — К сердцу не бери, не тобой пережито, не тебе и плакать. Только ты запомни, что Черный Влад ничего попросту не делает. Во всем он свою выгоду и цель имеет. Станешь ему служить, крепко это в голове держи. Кнут у князя близко лежит. А уж как он им щелкнет, поздно рукавом закрываться...

Глава 55

Не выдержала, заслонила рукавом, как поехали мимо Страстной стены. Влад внимательно следил за лицом жены. Готова ли Эльжбета княгиней чернской сделаться. Как родится наследник — налетят стаей, начнут клевать. И хорошо, если клевать. От стрел щиты, от силы сила. А вот если не делом, а словом начнут действовать, оболящать дарами, посулами? Запутают Эльку, заставят молоденькую чернскую княгиню под свою дудку плясать, против мужа козни строить. О Казимеже Владислав не беспокоился — крепко поплатился старый лис за давнее свое предательство. Дрожит как осиновый лист, все надеется, что кровопийца-зятек и Бялое в порядок приведет да наследнику передаст во всем цвете и красе.

Другие найдутся. Те, кто сейчас сидит да помалкивает. Помнил Владислав — сколько лет прошло, а помнил крепко, — как эти, молчаливые, матушку красивыми словами опутывали, а потом горло резали. Даром что словница была сильная, и словечка вымолвить не успела, как отдала Землице душу. Помнил их сильные руки, красные ножи. Помнил их головы на Страстной стене.

Не была она тогда еще Страстной, была Красной — читал с нее глашатай княжьи указы. И в тот день, когда князь Владислав сам прибил на нее первую голову, голову отцова убийцы, прибил низко, насколько хватило роста, в тот день одно было у него к своему народу послание: враг не заслуживает сострадания. Тот, кто решится пойти против нас, против Черны, должен знать, что дороги назад не будет. Прощенья нет. Здесь Безноса собирает свой урожай: убийце — смерть, вору — смерть, предателю — смерть, нарушившему договор — смерть.

С тех пор от слова своего Влад не отступал. Всяк, кто желал жить в Черне, знал: не помилует князь. Уже тридцать лет жила Черна по Владову закону. И не было сперва места на Страстной стене. Засобирались люди, побросали дома, кинулись в соседние княжества — искать спасения от губителя. Но отчего-то скоро стали возвращаться.

Потому как был у князя еще один закон: другу — помогай всегда. Купцы в Черну шли охотно. Плату за торг Владислав брал умеренную — не в пример другим князьям. А воровать в Черне никто не решался — решительные скоро оставляли на стене головы. С убогими, бедными, увечными Владислав всегда был щедр. Убогих Землица любит. Кормили

каждый день на княжьем дворе нищих, давали грош да чистую рубаху. Но уж если кого природа подведет, потянется рука за чужим грошом... И за грош примет Страстная стена.

Каждый в Черне знал, каков их князь, каков его закон. Всяк знал, что под высшим магом ходит — вздумается господину, сведет светлые брови и каждую мысль твою узнает. Хорошо в Черне, сытно, спокойно, торг честный, князь щедрый, каждому работа есть. А что с небесными силами Владислав знает — то бабушка надвое сказала. А уж кто на руку нечист или жизни чужой не жалеет — тем никакой сытости не надо: собирай скарб да за ворота.

И теперь внимательно смотрел князь на молодую жену: поймет ли, зачем ему такой суд. В другом мире воспитана красавица Эльжбета. В мире, где единое мерило правде — князь-батюшка. Не закон решает, кого казнить, кого миловать, — человек. Трудно ей будет понять, отчего в Черне порядок другой. Трудно будет принять его, сердцем принять.

— Зачем ты, господин мой Влад, меня всякий раз мимо страшной своей стены возишь? — плаксиво спросила Эльжбета, опуская рукав.

— Разве ж это можно, — подхватила сурово молчавшая Агата, — жену такими ужасами пугать. Наследнику вред, коли мать испугается. Как бы не выкинула...

Владислав зыркнул на тещу так, что та осеклась, только темными глазами сверкнула.

— Или ты думаешь, тещенька, — тихо и грозно проговорил он, — что я дитя свое защитить не сумею?

Агата промолчала. Эльжбета всхлипнула, все еще надеясь, что мать встанет на ее защиту, но Агата предпочла отвернуться, стала глядеть в спину вознице.

— А мимо стены я тебя вожу, дорогая женушка, — ласковее проговорил Влад, — чтобы ты Черну увидела. Не богатство, не порядок, а то, на чем он стоит.

— Для блага людского, видать, ты головы режешь, — буркнула Агата, все еще не глядя на зятя.

— Для блага, матушка, — отозвался Влад, — потому как упустишь в малом, отольется в большом. Прости вора, завтра он украдет больше. Прости того, кто убил намеренно, в другой раз он умнее будет, только жизни чужой все равно не пожалеет. Прости предателя — и он ударит тебя в спину. Тебе ли, матушка, этого не знать?

Агата повернула к нему раскрасневшееся от гнева лицо.

— Откуда мне знать, зятюшка? — вымолвила, словно ядом

плюнула. — Я не крала, не убивала, не предавала... Да только знаю вот здесь, — Агата ударила себя рукой в грудь, — что милосердие — вот закон первейший для всех истиннорожденных. Пусть мертвяк своего врага вилами в бок тычет. На то нам сила дана, чтобы отребья не бояться, а поступать по совести. Испортил разбойник девку и убил — на стену его, украл голодранец яблоко — и того на стену?

Хороша была в тот момент Агата. Глаза горят, коса черная из-под шитой кички на волю просится, и седого волоса ни единого. Грешным делом подумал Влад, что хорошая вышла бы из Агаты княгиня в Черну. Смелая, умная, гордая. Его, Владислава, теща двумя годами моложе. Не старуха еще. И умна Агата не ученостью, правильным умом крепка, в самую суть смотрит. И ежели растолковать ей — поймет, примет.

Жаль, Эльке материнского ума досталось толика, зато кротка была Эльжбета, как барашек белый. Взбрыкнул было этот барашек, понадеялся Влад, что материнская кровь в Эльке просыпается. Что будет у него сильная да страстная княгиня. Нет, куда там. Разволожилась Эльжбета. И чем дальше, тем слезливей делается. А может, просто тягость ей не к лицу. Теперь уж и взбрыкивать перестала. Куда поведет муж, туда пойдет. Блеять будет жалобно, но пойдет ровно, не упираясь. Хорошо бы Агату при Эльке оставить. Мало ли что случится с ним, Владом, когда наследник родится. Должна быть при мальчике крепкая рука, хоть бы и бабья.

Владислав посмотрел на тещу, иначе посмотрел, не так, как раньше. Злая, как коза бодучая, на язык острая — а лучшей защиты для наследника не найти. Понятно, Игор и Коньо при мальчике останутся, да они кто — слуги, наемники. А вот Агата запорошить Эльке глаза не даст.

— Не злись, тещенька, — усмехнулся ее гневу Владислав. — В звери ты меня записываешь. Словно я клейменный. Молва заклеимила, а ты готова со двора гнать. Называют душегубцем, а ты клейму не верь, ты делам верь.

Агата потупилась. Умел Владислав ударить больно. И в Бялом не все было гладко — не умели бяломястовские князья мыслей читать, а потому — того, чьей вины доказательств верных не было, клеймили. Мол, не пойман, да и веры ему нет. А что это было, как не убийство. Своих рук не марали. Да только клейменого никто в дом на постой не пустит, никто на службу не возьмет.

— Посмотри вокруг, тещенька. — Владислав глядел прямо в глаза Агате, Эльжбета взволнованно переводила взгляд с мужа на мать и обратно, не слишком понимая, к чему их спор. — На мне земля, богатая и щедрая, и на эту землю у соседей не первый год слюна течет да живот перехватывает. Тут добреньким быть — почитай, мертвым.

— Да хоть бы и прибрала тебя Безносая, душегубца, — прошипела Агата. Влад улыбнулся. Злилась теща, а слова его все до единого запомнила. Пусть думает, решил князь.

Возок остановился у высокого церковного крыльца. Следом встала повозка прислуги, и высыпавшие из нее девки бросились помогать обеим княгиням выйти из возка. Последней вывалилась на паперть нянька. Зло глянула на Влада, но тот, легко спрыгнув на землю, не удостоил старую каргу взглядом. Быстро поклонился круглому медальону с крестоцветом на воротах церкви, поцеловал три земляные ступени, но внутрь не вошел.

— Грехи не пускают? — ядовито спросила Ахата.

— Дела, тещенька, дела княжеские, — ответил Влад. — Ты, матушка, за меня помолись.

Редко князь ходил к утренней службе. Неустанного внимания требовала Черна, да и другое его дело отлагательства не терпело. Однако жену и тещу возил к утрени едва не каждый день. И сам ходил по большим праздникам, на солнцеворот вокруг храма венки из крестоцвета носил, а коли случалось быть вдали от церковных ступеней, собирал в поле пучок мелких белых цветов, становился на колени и молился долго и горячо.

Обступала Черну радужная топь. словно до него, Влада, силилась добраться. За грехи его несметные. А потом узнал Владислав, что то здесь, то там видели в тех местах, где топь людей приломала, девочку-ведунью, вечеркинскую ведьму.

Не пошел нынче к утрени Владислав, потому как ждал его внизу, в подвале, старик-словник. Тот, что клялся, что у вечеркинской колдуньи на ночлег останавливался. Оставил Владислав с ним Коньо и Игора, уж те сумеют старику язык развязать. Хотя тот, видно, и сам не прочь поговорить. Вот и просил у Землицы прощения Владислав — заговорит ли старик и что скажет, неведомо, вдруг да придется согрешить, дознаться до правды не добром, а силой.

Владислав прошел по улицам, ласково кивая на низкие поклоны чернцев.

Едва спустился в свой подвал, как заметил, что старик, тот, с которым он думал побеседовать, затравленно скалясь, сидит в углу у полупогасшего камина, едва держась в рассудке, а Коньо и Игор взваливают на стол что-то, завернутое в пропитанное кровью мешковину.

— Нового привезли тебе, князь-батюшка, — насмешливо бросил Конрад, — вот, старичок-то наш... как кровушку почуял, так тотчас без чувств и свалился. А все причитал, мол, услужить князю чернскому готов. А как попросил пособить мертвеца на стол поднять — так и плешь

запотела.

Старик и правда был ни жив ни мертв.

— Какого неба вы при этом старом прохвосте мертвеца сюда приволокли? — рассвирепел Влад. — На лед его. А то, пока я с нашим гостем разберусь, завоняется. И посмотреть толком не успеем. Жара на улице.

Игор, по-звериному рыкнув от натуги, взвалил ношу на плечи, отчего бурые ручейки побежали по синей ткани плаща, и двинулся в глубь подвала, к леднику. За ним по полу потянулся кровавый след, и толстяк Коньо, засучив рукава, принялся наскоро подтирать его ветошью.

Старый Болюсь глянул на это вытаращенными от страха глазами и снова стал заваливаться на спину, но Влад ударил старика по бледному как мел лицу и строго спросил:

— Так где, батюшка, ведьму ты видел?

Конрад тотчас заторопился проведать, как там Игорь, и Владислав понял, что старик уже указал его товарищам место, где надо было искать колдунью.

— Так вот где словник на Коньо петлю волшебную кинул, — прошептал себе под нос князь. — Были мои люди у самой вечоркинской ведьмы в доме, а ушли несолоно хлебавши, да еще и со словничьей петлей.

Усмехнулся князь, тряхнул еще раз едва приходящего в себя старика, подвел к нарисованной на стене карте. Болюсь ткнул пальцем вниз, в лес. Любила, знать, ведьма по лесам прятаться.

— Вот здесь, под Заболотным, она и живет. Дом там заброшенный.

— Под Заболотным? — перепросил Владислав громко, услышав за спиной тяжелые шаги Коньо. — Так мои друзья там были. И никакой ведьмы не видели.

Влад насмешливо глянул на толстяка-книжника. Тот залился багровым румянцем, опустил голову.

— Как есть там она. — Словник подобострастно заглянул в глаза князю. — Разве стану я, бедный старик, лгать тебе, Чернскому государю.

— Станешь, — бросил Влад, — нет ее в Заболотном. Не так глупа вечоркинская ведьма, чтобы после таких гостей в доме остаться.

— Брат при ней больной, — выпалил старик. — Куда она с лежащим денется?

Тут уж все трое придвинулись к старому словнику, вцепились взглядами в его лицо:

— Какой брат?

— Чернявый, — проямлил Болюсь, — а может, и не брат. Она сама

рыженькая, загорелая. Ни то ни се. А братец — красавец писанный. Только раненый он. Толком не разглядел — не позволила, вроде руки у него были новиной замотаны. Так она за него как волчица грызет. Так что без братца никуда не денется.

— Игор, — позвал князь. В висках застучало. Может, и правда осталась в своем домике ведьма. Тогда через пять, может, шесть дней будет здесь. Игор сбросил на скамью у стены окровавленный плащ, подошел к хозяину.

— А ну, старик, укажи точно, где тот дом? — едва сдерживая волнение, спросил Влад.

— Как есть тут, — словник ткнул корявым пальцем в карту, точно в алую метку. Коньо охнул от неожиданности за плечом хозяина.

Красная метка. Первое око топи открылось здесь, под Заболотным. В деревне сказывали, убило лекарку-золотницу. Девочка у нее осталась, а потом пропала. Верно, сами деревенские и убили сгоряча, да не признаются.

— Как, говоришь, ее звали? — оборотился Владислав к Коньо, силясь вспомнить имя девочки.

— Агнешка, — угодливо прошептал Болюсь, думая, что князь все еще обращается к нему. — Агнешкой ее звали.

— Верно, Агнешкой, — задумчиво проговорил Влад. — Только та девочка была мертвая кость, а твоя, дед, ворожея самой топью управлять может. Кто она, золотница, мана, словница?

— Да небо ее знает, — пожал плечами старик, — хотел петлю на нее кинуть, соскочила. Словно кто обороняет. Только ты, князь, ее не ищи.

Владислав недоуменно уставился на старика. Уж не спятил ли со страху.

— Сама придет, — добавил тот, — видение мне было, батюшка. Грядущее — оно чаще всего как паутинка редкая. Чуть ткнешь — расплзается. А тут связаны ниточки крепко — дергай, не дергай, а раньше, чем эта Агнешка к тебе на двор придет, ты ее не сыщешь. Не гневи Безносую, не ищи ее.

— Как же не искать, — опешив от этих слов, обронил князь, — когда она топью людей давит?

— Да не она это, — рыкнул за его плечом Игор, — сам знаешь, господин, что не она. Разве может она столько топей разом удержать. От двух башен гонцы прибыли, смену просят, сторожей изломало, я им из бяломястовского приданого двоих отдал... Сам знаешь, не она.

Старик сжался, ждал, что за такую дерзость сделает князь со своим

великаном-слутой. Но Владислав рассеянно смотрел в сторону, размышляя, потрепал Игоря по плечу, признавая его правоту.

— Может, и так, Игор. Пошли сегодня же за Яреком: пусть берет дюжину — и в путь. Сильные маги нам сейчас нужней нужного. А ты, Коньо, на башни съезди: след топи померяй, земли привези.

Оба слуги вышли. Влад задумался и, казалось, забыл про сжавшегося у огня старика. Ободренный мягким отношением Владислава к громадному Игорю, Болюсь, зная, решил и сам попытать счастья.

— А я, князь-батюшка, — залопотал он подобострастно, — не сгожусь ли на что?

— На что? — отозвался Владислав, удивленно и грозно глядя на старика, осмелившегося прервать его мысли. Но Болюсь не растерялся под этим взглядом, а напротив — встрепенулся и затараторил, для пущей убедительности со страстью кивая и разводя руками:

— Я человек маленький, а словник сильный. Прожил жизнь вольной птицей, да под старость хочется под стреху забиться. Вот и подумал я, батюшка, что могу тебе пригодиться. А за службу свою я много не возьму, мне бы только крышу над головой, сухую и теплую постель да кусок хлеба.

Чем жарче говорил словник, тем заметнее становилась искра смеха в глазах князя. Он облокотился на стол, на котором еще недавно лежал безымянный покойник, и приготовился слушать, гадая, удержится ли старик от соблазна кинуть на высшего мага одну из хитрых словничьих петель.

Не удержался. Ловко закинул словник крючочки. И верно — хорош был в своем ремесле, и силу имел немалую. Даром что старик — едва успел Владислав перехватить вдруг побежавшую по позвоночнику ледяную искорку, зацепил шуструю магическую змейку мыслью за хвост, но не раздавил — пусть думает старик, что поймал князя.

— А я тебе пригожусь, — заворковал Болюсь, побитой собакой заглянул в глаза Чернского князя. — Я травницу Агнешку в лицо знаю. Как появится она в Черне, тотчас тебе на нее укажу.

— Зачем мне она, раз над топью не властвует? — усмехнулся князь.

— Затем, что... — Болеслав помедлил, взвешивал, стоит ли выкладывать князю самый сильный свой козырь. — Сила ее не берет. Никакая. Любое заклятье, словно горох от стены, от девчонки отскакивает.

— Откуда знаешь, что любое? — недоверчиво, стараясь скрыть пробудившийся интерес, проговорил князь.

— Сама сказала. Мне, говорит, такой от Землицы подарок, — торопливо ответил Болюсь. — Я на нее верные крючки кидал — и ничего.

Ни одним не зацепил.

— Неужто Бяла... — шепнул одними губами Влад. — Бяла... Да нет, не может того быть.

— Посиди здесь, дедушка, коли мертвецов не боишься, — бросил он походя, не глядя на старика. — А боишься — пойдешь город погляди. Болтать будешь — Страстная стена недалеко. А к вечеру вернешься — дам я тебе работу. Будет и крыша, и постель, и хлеб.

И не заметил словник, как, проходя мимо него, князь рассеянно нахмурился, словно бы своим мыслям, а невидимые старику искорки уже зароились у словника на висках, нырнули внутрь.

— Посмотри город, дедушка, — продолжал говорить Владислав, пока глаза старика делались все более сонными. — Как лето на осень поворачивает, Черна красивей всего делается.

А сам мысленно потянул на себя тонкую колдовскую ниточку, медленно вытягивая из памяти старого словника все, что знает он о травнице Агнешке. Задрожали на ниточке радужные капельки, и в каждой капельке дрогнуло отражение — вот заросшая со всех сторон подлеском избушка, вот кривое крыльцо. Темная яма погреба. Белое лицо молодого мага, мертвое лицо, перевязанные новинкой руки. Владислав потянул сильнее. Нить зазвенела, не желая поддаваться. Словно держал кто. И держал не старый словник. Боюсь был сейчас безобидней малого дитяти, полностью под властью княжеской силы. Держал кто-то другой, да так, что мороз бросился по коже, но Владислав не остановился, изо всех сил рванул непослушную нить — выскочили две жемчужные капельки, засверкали, переливаясь. Вгляделся Владислав: широкие натруженные ладони, прядка рыжая. Ничего больше не успел увидеть, поплыли, растекаясь, капли — и вот уже уставились ему прямо в лицо два радужных глаза. Знакомые глаза, страшные.

Тотчас лопнула магическая нить. Исчезло все. Старик помотал головой, отрясая обрывки колдовского сна.

— Иди, дедушка, — указал ему на лестницу князь, к вечеру будь здесь. Да у стены погуляй. Для ума...

Словник взлетел вверх по ступеням, не оборачиваясь, и так скоро, что сверкнули подошвы поношенных башмаков.

А Владислав открыл одну из дверей за ледником и вошел в узкую и длинную комнату, кротовьей норой уходящую в темную глубину земли. В лицо тотчас дохнуло сухой пылью, но чернский властитель не поморщился. Зажег несколько свечей, взял одну в левую руку и пошел в глубь своего логова, правой ласково поглаживая сокровища, которыми были заставлены

длинные полки. Золото, драгоценные камни на замках, дорогая кожа — Владислав гладил книги, словно не глазами, а легкими касаниями пальцев искал нужную.

— Неужто Бяла... — шептал он, наконец останавливаясь напротив одной из полок. — Игора бы подождать.

Вспомнились снова радужные глаза. Владислав ухмыльнулся, поддаваясь воспоминаниям:

— Видно, теперь новая у тебя воспитанница, наставник Мечислав. Чему-то ты ее учишь? Уж не тому ли, как топь за многие тысячи шагов от себя открывать и на истиннорожденных нацеливать?

Глава 56

— И этому научу, — спокойно отозвался старик. — И силой управлять, и нравом. Заклинать словом и усилием мысли, менять природу существа, подгонять и замедлять течение времени и вод. Боевая, защитная, познавательная, поиска и хозяйской руки. Какие еще науки силы ты желаешь для своего сына, княже?

Князь Радомир подошел к нему так близко, что конец русой бороды князя коснулся широкого рукава старого мага. Владек остался за спиной отца, не решаясь подойти ближе к новому учителю. Казалось бы, старик как старик, но глаза его, странные, глубокие, черные, в какой-то момент блеснули радугой. И Влад решил довериться отцу. Радомир умел читать в мыслях как по-писаному. Если задумал зло старикашка-учитель, отец тотчас узнает.

— Вижу, ты знаешь довольно. Насколько хорош в учении, сам погляжу. Так что не сердись, если на занятия к вам буду приходить. Не из недоверия к тебе, маг Мечислав, а только из заботы о сыне.

Князь бросил быстрый взгляд на напряженно уставившегося под ноги наследника. Казимеж едва заметно толкнул его локтем, и Влад поднял глаза.

— А как ты, высший маг, дошел до того, что по чужим домам на службу нанимаешься? — прямо спросил князь. — При твоей силе ты, верно, не простой мужик-лапотник? Из какого ты рода? Может, есть за тобой грех, из-за которого от тебя семья отреклась? Земля родная отвергла? Я сам перед тобой душой не кривлю, держу мысли открытыми. И от тебя того же прошу. Владислав — мой единственный сын и наследник. Стоишь ли ты, чтобы я доверил тебе его обучение?

Князь придвинулся еще ближе, пристально глядя в странные глаза старика. Тот выдержал испытующий взор чернского господина, глаз не опустил. Ни одна черточка не дрогнула в его лице. Старый маг был спокоен, словно не на него сейчас была направлена вся мощь мысли князя Радомира. Хозяин Черны прищурился, кроваво-красный рубин на его венце зажегся и погас. И князь недовольно нахмурился.

— Не серчай, великий княже, — ответил старик, опережая слова, что готовы были слететь с губ господина Черны, — не торопись отказываться от моей науки. Не могу я открыть тебе своих мыслей. Если бы мог — открыл бы, ничего не скрывая. Одна беда — от рождения я таков. Закрыт

ото всех. За то и пострадал я и был отлучен от своей семьи. Я из знатного рода, и по рождению я тебе более чем ровня, князь. Но историю своей семьи расскажу тебе как в храме в Землицын день. Мы были рождены в один день — я и моя сестра. И были так дружны, что никто не думал, что мы разлучимся хоть на минуту. Сестра не уберегла своей девичьей чести и понесла от недостойного, двуличного, лицемерного... — Старик задохнулся от негодования. — И наш отец не нашел лучшего, как обвинить меня в том, что я не досмотрел за ней. Сестра родила сыновей. И я был приставлен к ним нянькой. А когда они выросли, пришлось мне идти по свету. Я все-таки высший, князь, и не стану тратить силы на обучение младших магов. Так я пришел к твоему двору и предлагаю обменять свои знания на кров, пищу и твое доверие. Ты волен испытать меня, как тебе будет угодно. И я клянусь силой, что не пущу своего искусства во вред твоему сыну.

Владек увидел, как недовольство на лице отца сменилось задумчивостью. Он хотел шепнуть отцу, чтобы отказал от места старику магу. Пожалуй, Влад не мог бы сказать, что насторожило его. Слишком мудрые, проницательные, поблескивающие радугой глаза нового учителя, его рассказ или его невозмутимое спокойствие перед лицом чернского владыки, но Влад едва удержался от того, чтобы крикнуть: «Я не стану у него учиться!» Не крикнул лишь потому, что тогда отец спросил бы о причине. И Владислав вынужден был бы сказать правду. Он испугался. Этот кроткий, невысокий, приземистый старичок с рубином высшего мага в правом ухе при первом же взгляде вызвал в сердце княжича такой страх, что у Влада затряслись руки, и он спрятал вспотевшие ладони за спину. Стоявший рядом с ним Казик ухмыльнулся в пшеничные усы, заметив робость младшего друга, и положил на плечо Влада широкую ладонь. Владислав немного успокоился, хотя и сделал невольно шаг в сторону бяломястовича. Рядом с Казиком было как-то спокойнее.

Мечислав тем временем подошел к своему новому ученику, оглядел Влада с головы до ног взглядом, каким осматривают лошадей на рынке в Дальней Гати, кивнул, довольный тем, что увидел. Поднял руку, словно намереваясь погладить Владислава по щеке. И тут, не предупреждая, ни единым лишним движением или выражением глаз не выдав себя, ударил двенадцатилетнего княжича по лицу и, одновременно, ударил силой, пробивая защиту, которую Владислав совсем недавно научился ставить на мысли и воспоминания. Владек даже подумать не успел — сами собой шевельнулись руки, сама собой сгустилась в один миг сила там, где сходятся брови. Юный наследник перехватил руку нового учителя в

полуволосе от своего лица и одновременно отбил незримую атаку мысли. И словно сами собой сплелись мысли в простенькое силовое заклятье. Старик лишь стиснул зубы и прикрыл страшные глаза, когда удар Влада достиг цели.

— Что ты себе позволяешь, старик?! — возмутился князь, видя, что лишь ловкость сына еще мгновение назад отделяла его от бесчестья.

— Твой сын достоин великого жребия, Радомир Чернский, — ответил старик, убирая руку. — Из него, может статься, вырастет великий и благородный воин и добрый хозяин. Но тех, кому Земля много дала, Небо искушает и испытывает вдвойне.

— Вот и подготовь его к этим испытаниям, маг Мечислав, — грозно нахмурившись, бросил Радомир. — Чтобы мой сын мог стать мне достойной заменой. Но если еще раз увижу, что ты поднял на княжича руку...

Отец замолчал. И Владиславу захотелось вступить за учителя, который теперь уже не казался ему таким ужасным, но юноша промолчал, не в силах перечить отцу. А Казимеж не утерпел:

— Так как же учение — и без палки? — усмехнулся Казик, подкручивая желтый ус. — Мой батюшка, бывало, как примется учить, так потом по три дня ни я, ни братец Желек сесть не можем.

Князь не пожелал ответить на шутку. И Казик смущенно отвел глаза.

— А если княжич пожелает ударить меня? — спокойно спросил старый маг.

— На то он и князь будущий, чтобы учить нерадивых слуг и холопов, — ответил Радомир, — а ты и думать не смей, старик, иначе придется тебе искать другой кров. А на старости лет достойное место найти непросто.

Князь вышел, поманив за собой Казимежа и оставив наследника наедине с новым учителем.

— Не моей руки тебе надо бояться, князь Радомир, — едва слышно шепнул старик.

Глава 57

Если б знать, что случится беда, верно, нашлось бы средство — не допустить, отвести, оборониться.

Что же делать?

Вспыхнули в одно мгновение страх, боль, горькая обида за предательство. И опали, как опадает, ударившись о берег, речная волна. Всю злость забыла, всю обиду. Бросилась к неподвижному телу, обхватила руками бессильно запрокинутую голову. Вся жизнь перед глазами пронеслась, промелькнула. Словно вдруг вывернулось время, и все крошки, все узелки памяти вышли наружу. И не вспомнилось дурного, всколыхнулось хорошее: радость, нежность, любовь.

Агата припала щекой к груди Эльки, прислушалась. Даже не услышала, сердцем учуяла, что жива дочка. Тотчас, подхлестнутая материнским страхом, заklubилась сила, полетели с зеленого кольца княгини белые искорки, упали бисеринками на тело Эльжбеты, и тотчас вобрала их тонкая ткань платья. Элька вздохнула судорожно, резко, закашлялась, хватая ртом воздух.

Жива.

Часто гадала Агата, за что Судьба так обошлась с Якубом. Неужто успел настолько прогневить Землю-матушку дерзкий мальчишка, что пришла по его силу, по его душу радужная топь. А теперь поняла — не Якубека наказывала Земля, а его непутевую мать. Ее, княгиню Агату, ударила через сына неведомая сила, что следит за нашей жизнью, доброе и недоброе мерой черпает. И знать, сильно прогневила бяломаястовская хозяйка эту невидимую длань, раз ударила она вновь — по Эльжбете.

Элька задышала, еще неровно, вцепившись бледными пальчиками в горло, словно пытаясь скинуть душившие ее невидимые руки. Агата бросила еще заклятье, и дочь успокоилась, опустила руки, забылась в целительном сне.

— Ну, карга старая, — грозно повернулась Агата к застывшей в дверях няньке. — Рассказывай. Да ничего не таи. Потому как, если заподозрю, что солгала, тотчас к Владиславу, хозяину нашему радушному, собственной рукой поволоку и скажу, что ты жену его и дитя нерожденное пыталась убить. А уж он из тебя сумеет правду достать...

Грозна была Агата, да только старая книжница не робела, что там — и не глядела на хозяйку. Не сводила глаз с бледной как полотно молодой

княгини.

— Что я натворила, ласточка? Ведь чуть не убила тебя, красавица моя? — прошептала она, закусила кулак, чтоб не выпустить слез из блестевших глаз.

— Что ты сделала? — Агата подскочила, схватила что есть силы няньку за плечи, тряхнула раз, другой.

Старуха попыталась вырваться, но не тут-то было. Агата наотмашь ударила ее по щеке и снова тряхнула:

— Что ты сделала? Сама скажешь или у князя Влада и его палачей спросим?

Спрашивала, а сама уже ответ знала. Не нужна была ей нянькина правда. Твердила Элька, что к Тадеку своему убежать хочет, вот и решилась — упростила старую дуру помочь ей от дитяти избавиться. А та для своей ласточки об землю расшибется, тварь колченогая.

— Вон пошла! — зарычала на старуху Агата. — Да чтоб в три дня от тебя в Черне духа не осталось, небово отродье! И ежели не помрет твоя ласточка, живи как знаешь, а если, не дай Землица...

Агата не договорила, перехватило дыхание. Нянька развернулась, заслонила лицо руками, побежала вон, тяжело припадая на искалеченную ногу.

— Приключилось что? — сунулась в двери девка.

— Прочь поди, — махнула Агата, поднимаясь, чтобы заслонить от любопытной служанки распластанную на постели бледную как смерть Эльжбету. — И передай князю-батюшке Владиславу, что молодая княгиня к ужину не пойдет, наследники, мол, легко не даются. Пусть не тревожится, я с дочерью посижу.

Служанка скрылась, поклонившись. Агата сама раздела дочь, уложила в постель, укутала холодное как лед неподвижное тело. Проверила: дышит Элька, жива. Как бы узнать, не уморила ли глупая девка княжьего наследника. Если так, то разлеживаться некогда, бежать впору. Отправит князь Влад к Безносой и слезы не проронит, а жену новую возьмет, такую, что не станет от дурости да несчастной любви плоду вредить.

Агата положила ладонь с зеленым кольцом на живот спящей, прикрыла глаза, представила, как течет ее сила из кольца под Элькину кожу, как тонкими белыми щупальцами ищет в утробе молодой княгини отзвук биения маленького сердца. Только ударило что-то, оттолкнуло, сбросило с постели на пол. Помутилось в глазах, подступила к горлу горечь.

Умен оказался князь. Знал, что найдутся те, кто захочет нерожденного наследника извести, защитил ребенка высший маг своей силой. Может, и

сохранила защита младенца от нянькиной и Элькиной ворожбы. Да только теперь как понять, все ли хорошо с будущим чернским княжичем?

Испугалась Агата, словно сами собой вырвались слова: «Землица-матушка, отведи, спаси, помилуй...»

Глава 58

— Осторожному человеку Земля помогает, — проговорил князь, подкручивая пегий ус. — А твой сыночек высоко мостится.

Войцех нехорошо уставился на гостя. Они с князем Милошем, господином Скравека, были дальней родней. Мать Милоша, Рогнеда, приходилась двоюродной сестрой Войцеховой бабке. Вот и завернул родственник себе на самом лучшем в этих краях рынке пару хороших скакунов для охоты да несколько справных лошадок для дочерей. Сколько девок было у Милоша, Войцех уже и со счету сбился. Не хотел сдаваться старый хрыч-скравчанин, надеялся наследника родить. А наплодил девок, думай, куда пристроить. Вот и наведывался Милош то и дело за лошадами в Гать, а сам гостил у родственника и то и дело заводил разговор, что нехорошо Лешеку, наследнику, ходить неженатому. Да и Тадеку, раз Элька-бьяломястовна замуж выскочила, не худо бы невесту приискать. А завражские красавицы самые стоворчивые.

Войцех отмахивался. Два или три вечера проводили они за родственными разговорами, бражничая. К концу третьего дня обычно Милош уже называл хозяина Дальней Гати кумом и братцем. Потом князя Скравека, все еще нетверезого и веселого, грузили в возок. Войцех провожал родственника, стоя на крыльце.

Но в этот раз угораздило Милоша явиться в тот самый день, когда домой вернулся Тадек.

Войцех едва не охнул, только глянув на сына. Месяц не прошел, как из дома уехал, а словно подменили. С лица спал, сам — кожа да кости. Словно потемнел и вырос ласковый щенок Тадусь. На этот раз не бросился обнимать отца. Поприветствовал и князя, и его гостя сдержанно.

Выбежал Лешек, хотел отвести брата в дом. Обнял. Тадеуш смотрел вроде бы и весело, и рад был домой вернуться, но что-то было в его взоре такое, от чего Войцеху стало тяжело на сердце.

До ужина не удалось даже словом перемолвиться с сыном. Дальнегатчинский князь надеялся спровадить родственника и поговорить по душам. Но Милош никак не желал пропустить новостей из Бялого. За столом разговор не шел. Милош и Лешек расспрашивали Тадека, тот отвечал вежливо и коротко. Так что скоро вопросы иссякли. Милош крикнул слуге, чтобы почаще наполнял кубок. И очень скоро беседа снова завязалась. Войцех и сам не заметил, как оказалось, что Тадек говорит,

пылко и скоро, а Милош кивает ему благосклонно, но опасливо.

Сквозь хмель понял Войцех, что сын уговаривает родственника выступить сообща против Чернского Влада.

— Да что ж ты говоришь такое? — не стерпел Войцех. Хотел оставить гневные слова до той поры, как гость съедет со двора, но Тадек не унимался, не понимал сурового взгляда отца и испуганного — брата. — Ты хоть понимаешь, на что подбиваешь? Не позорь отца перед родней, уйми язык!

Но Тадек словно не слышал. Он спокойно и сурово глянул на Войцеха, Лешека, перевел взгляд на Милоша.

— Элька меня любит, — проговорил он. — Когда родит она Владиславу наследника, мы будем уже готовы. Агата Бяломястовская против была, чтобы дочку Владу отдали. На нашу сторону пойдет. А Элька меня слушает. Второй раз не дам я мое сердце у меня отнять. Земля чернская Владова сына признает. Эльжбета при нем правительницей будет. А я подле вдовы сяду. И уж тогда не забуду тех, кто помог удел от лютого кровопийцы освободить, ядовитый корень из гряды выворотить.

Войцех хотел уже подняться, гневно сверкая глазами, но Милош удержал его за руку, желая закончить разговор.

— Да так ли уж чернская княгиня тебя любит, раз за Владислава замуж пошла? — прошипел он, придвигаясь к Тадеку.

— Любит, — ответил Тадеуш, не дрогнув, — ради отца и земли себя на растерзание отдала. Но оставила мне зарок. Так что сядет Владислав на сани — моей будет его вдова.

И Тадеуш осторожно вынул из-за пазухи белоснежный Элькин платочек.

— Давно ли тебе бяломястошна зарок-то оставила? — продолжал допытываться Милош, глазки его заблестели, забежали. — До или после свадьбы с Чернцем.

— После, — ровным тихим голосом ответил Тадеуш.

Милош поскреб задумчиво в пегой бороде.

— А что, батюшка Войцех, ты поддержишь сына, если и вправду сумеем мы Владислава Радомировича, приломай его топь, с места сковырнуть и посадить на коготь Цветноглазой? Если поддержишь, так есть о чем разговаривать. Збигнев будет рад-радешенек. Можно и князя Яра, и князя Всеслава порасспросить, нет ли у них лишнего десятка магов на полный герб да полусотни мертвяков в ополчение. Кажется, и у того и у другого есть счет к Чернскому душегубу.

Вместо ответа Войцех лишь едва приметно склонил голову. Милош

удовлетворенно улыбнулся.

— Что ж, подумаю я над твоими словами, Тадеуш из Дальней Гати. Не зря отдал тебя отец на воспитание ко двору Бяломястовского лиса. Научился ты видеть по-лисьи, на большой кус позарился. Хорош у тебя вырос сынок, Войцех, жаль, не выбрал себе одну из моих дур.

Милош поехал домой следующим же утром. Тадеуш старался не попадаться на глаза отцу. А Войцех все думал. Все пытался разглядеть, откуда взялась в его сыне за считанные дни такая волчья злость, такая страшная хватка. Да, было дело, зарился на Бялое място сам Войцех. Но то, что предлагал Тадек, — ловко, да слишком лихо загнуто.

У Владислава колдовские петли на многих есть. Узнает о заговоре — несдобровать никому. С другой стороны, удача дерзких любит. Дерзких и осторожных. Добывает себе младший сын удел. Может, слава его ведет, сама Земля подсказывает...

Войцех задумался. Неслышно вошел Лешек.

— Где брат? — спросил князь и понял, что с самого возвращения Тадеуша говорит о нем, словно о чужом. Словно подменили его Тадека кем-то другим, похожим, но старше и злее.

Глава 59

Он вернулся уже за полден. Измотанный, но уже не злой. А даже будто довольный. Забрался в стылую баню, скинул одежду и принялся лить прохладную воду на разгоряченное тело.

Непросто далась Илажке помощь молоденькой Каськиной служанки. Ушлая девка: за пирог да полкрынки молока потрудился Иларий знатно. Зато обещала Улита ему кликнуть, если Катаржина задумает мужнего убийцу сама искать.

Теперь бы с князем переговорить. Если был Юрек у Казимежа тайником, не мог он без ведома старого Бяломястовского лиса темные, грязные свои делишки крутить. Или мог? Черный Влад кому хочешь глаза отведет. Оставил тестю своих головорезов, чтоб тайниками служили. А они для Владислава людей по лесам резали.

«Может статься, что и так, — решил Иларий. — Допустим, Юрек из ревности покалечить мог. Знал, что чернскому князю маги увечные нужны, вот и подумал, покалечу да продам. А уж когда на Тадеуша Дальнегатчинского напали — тут рука Черного князя видна. Молодой чернской княгини хахаля извести хотели. Да только на их беду явился княжий манус Иларий».

Молодой маг погрузился в свои мысли. Как был наг, присел на дубовую банную скамью. Вспоминал слова княжича Якуба, то небольшое, что рассказывала ему лесная травница о дне его пленения. Думал о Чернском князе Владе и его силе. Раньше Иларий не слишком задумывался о других уделах и их властителях. Надеялся всю жизнь прослужить у хозяев Бялого мяста. Полагал, что брешет молва, как всегда, о Чернце и его невиданной силе, будто и топь его не берет, и отповедь. Будто может Влад силой мысли людей резать и во что пожелает оборачивать, и ему за это Земля ответить не может, потому что он душу небу и ветру заложил. Говорили, что может князь, не видя человека, в разум к нему влезть и повелевать им, как крутит тряпичным Петрушкой в ярмарочный день проезжий скоморох. Брехали, что может князь летать, как радужные твари, и что видели его в небесах парящего на крыльях. И над этим Иларий обычно смеялся в голос. Уж на что страшен и силен Чернец, а на самые небесные вилы лезть не станет.

Сказывали, что Владислав Чернский мертвецов из земли поднимает, Иларий верил. Так многие маги делали, кто посильнее, словники или

высшие. А бывало, и хваткий манус мог усопшего поднять, если умер не так давно. Упокойники и работают хорошо, и кормить-поить не надо. Но силы на такого слугу много идет, а ходит он недолго. А вот тому, что Владислав упокойников не для работы, а для жутких обрядов своих из Земли-матушки достает, Иларий раньше не верил. А теперь, спроси его кто, признался бы, что верит едва ли не во все, над чем раньше лишь смеялся.

Владислав в считанные дни стреножил бяломястовского лиса Казимежа, обвел вокруг пальца Войцеха с сыном. Месяц не успел смениться, а он уже, почитай, хозяин Бялого при живом князе и наследнике.

Может, и правда влез Кровавый Влад в голову бяломястовскому князю, заставил Эльжбету замуж выдать, удел чужаку в обход родного сына пообещать и его, Илария, отдать беспамятного на расправу чернским изуверам-землеотступникам.

Бессильный гнев захлестнул молодого мануса. На самое святое, самое драгоценное посягнули мучители, посланные Черным князем, на то, без чего жизнь не в радость. В том, что даже если и послал Казимеж Юрека, то сделал это под заклатьем Владиславовым, Иларий не сомневался. И желание отомстить чернскому душегубу застилало глаза кровавой пеленой. Но как встать против высшего мага с голыми руками мануса? Все равно что самому голову в петлю сунуть.

Хотя... Волка гонят сворой. Не одному Иларию задолжал за свою долгую жизнь Черный Влад. Может, и найдутся те, кто захочет с князя должок получить. Надо только запастись терпением. Месть не остынет, а холодная голова лучше думает.

Поглощенный своими мыслями, Иларий не услышал, как в предбаннике хлопнула дверь. Когда совсем рядом послышались голоса, манус торопливо схватил со скамьи свою одежду, натянул штаны, но понял, что одеться времени нет. Прижался к стене, надеясь, что спорщики зашли ненадолго и вскоре уберутся восвояси. Голоса приблизились. Тот, что помоложе, звучал у самой двери. И Иларий с удивлением узнал голос Якуба. Ему вторил тихий и сердитый голос бяломястовского хозяина.

— Нешто мне пристало по баням да по паучьим углам за тобой лазить? — в гневе напустился князь на сына. — Места другого не нашел?

— Нашел бы, — отозвался Якуб, — да только ты, батюшка, будто бегаешь от меня. Сына твоего и наследника. Я с самого утра поговорить хочу. С глазу на глаз.

— Так и говорил бы в тереме, как по уму положено, — гневался Казимеж.

— В тереме твоём ушей да глаз полно, — возразил Якуб. — Иларий

вернулся. Что, если он наш разговор услышит? Как-то ты ему, батюшка, объясняться станешь, что на верную смерть отправил? Сперва велел холопу твоему, Юреку, мучить своего любимца, а потом Чернскому Владу обещал. Как приданое Элькино... Думал, про Юрека я не догадаюсь?

Иларий замер. Обида перехватила горло. Словно крепкой настойки выпил и не успел дыхание перевести. Сердце глухо ухало в груди так, что казалось, только чудом не слышат его спорящие за стеной. Он-то на Черного князя грешил, дурак!

— Коли ты не скажешь, не узнает Иларий, — угрюмо ответил князь. — Тебе ли говорить, что не мог я иначе. Против воли Владислава Чернского с моим перстнем идти — как нож к горлу приставить. Думал я, что тебя спасал. Думал, погубит тебя Иларий, подведет под гнев Чернца. Но, сам видишь, не дала Судьба свершиться дурному делу. Илажка живым вернулся. И уж в другой раз Черному князю меня не заставить на такое пойти.

— Значит, заставил тебя твой любимый зятек? — насмешливо проговорил Якуб, и в его голосе слышалась горькая обида. — Заставил Илария, что как сын тебе был, палачу отдать? Заставил Тадеуша в лесу зарезать? Или уж тут ты сам?

— Помни, с кем разговариваешь! — взревел Казимеж. Что-то бухнуло в дверь — знать, не стерпел князь, ударил сына. Иларий припал к щели в створке двери. — Князь перед тобой! И не мне отчитываться! Весь удел на мне, люди, что князем-батюшкой называют! Я для блага народа ничего не пожалею...

— И сына? — задыхаясь от накипевшего в груди гнева, спросил Якуб. — Уж не ждал ли ты, что мы оба, я и Тадеуш, в руках Юрека свою жизнь окончим? Поехал бы я с ним, не дала бы ему уйти моя Ядзя, так и валялись бы мы все с перерезанными глотками на лесной дорожке?

— Не смей! — крикнул Казимеж. — Может, и надо было тебя Юреку отдать... Какой из тебя князь, Кубек, в зеркало глянь? Якуб Белый плат! Да только сын ты мне. И я тебя, как Землица свята, люблю! И о Тадеуше горюю, потому что, если бы не увязался он за Элькой, жил бы у отца в Дальней Гати, да если б хоть тебя послушался и коня поворотил — не пришлось бы мне Юрека на ловлю посылать!

— На ловлю, говоришь, — грозно надвинулся на отца Якуб. — Ты ведь Юреку наказ дал Тадека убить, когда я еще за ним во второй раз отправлялся. Когда ты сказал, чтобы я его домой вез. Я ведь голубя второго послал с вестью, что Тадеуша Ядвига отпустила, когда тот уже со двора уехал. Не успел бы Юрка его в лесу встретить. Знать, не один день

просидели в засаде твой тайник с дружками... И ты в глаза мне глядишь, отцовской любовью в лицо тычешь?! Так вот, жив дальнегатчинец наш. Иларию от разбойника твоего его спас. Сам мне поутру рассказал... И балаганной твоей жалостью меня уж не купишь!

— Жив? — В голосе Казимежа послышались Иларию и удивление, и радость. Князь выдохнул. Послышался шорох. Видно, присел на лавку, сбила его с ног добрая весть. — Вот видишь, Якубек, ни в чем моей вины нет. Только теперь уж не знаю, как нам от Влада Чернского заслониться. Как пить дать понесся Тадеуш к Эльке. А ей, дуре, только этого и надо. Тут уж самому Владиславу придется в крови попачкаться. Не руками моих слуг устранять соперника.

— Не вали, князь, на Чернца своих грехов. Земля-то, она все видит. Ядзя моя да Иларию Тадека спасли. И теперь знаю я, за чьи грехи меня топь приломала!

— Уймись, дурья твоя башка оповязанная! — взвился Казимеж, вскакивая. Упала с грохотом лавка. — Ума на волос нет!..

Казимеж хотел сказать еще что-то, но не успел. Сын хлестко ударил его по щеке, так, что князь рухнул навзничь. Якуб вышел вон, хлопнув дверью предбанника.

Иларию принялся скоро надевать рубаху. А внутри будто огонь разлился, до самого сердца прожег. В груди сдавило так, что, казалось, ребра вот-вот треснут. В одно мгновение злость, обида, еще недавно пережитый страх потерять силу и жизнь — все нашло выход и цель.

Думал, высоко взлетел? Доверчивый холоп, Петрушка балаганный, доверял как отцу, забыл, что князь...

Иларию жестоко потер перехваченное болью горло. Щеки горели, как от пощечин. Манус стиснул зубы, вышел из своего укрытия, остановился напротив распростертого на полу бяломястовского властителя. Молча подал руку.

Но Казимеж даже не попытался ухватиться за нее, на руках, не поднимаясь, пополз назад. Страшное лицо было у синеглазого мага, черное, мертвое лицо. Казимеж уцепился за упавшую лавку, пытаясь подняться. И тут словно что-то лопнуло в виске, растеклось горячим в затылок.

Иларию нагнулся, не думая о последствиях, рванул князя за грудки с пола, поставил на ноги и тотчас ударил, не давая опомниться, наотмашь холеной, белой манусовой рукой. Ударил не магией, простой молодой злостью, сыновней обидой. Ударил, как бьют только тех, кого любят, — чтобы предатель понял, какую боль причинил.

Казимеж опрокинулся, нелепо всплеснув руками. Раздался глухой

хрусткий удар. И князь замер, с приоткрытым от удивления ртом и разметавшимися по добела выскобленным доскам пола седыми вихрами.

Иларий потер ушибленную руку и только тут понял. И испугался. Бросился к неподвижному телу своего господина и с все возрастающим ужасом заметил, как желтоватая седина наливается вишневым. Манус торопливо отер руку о штанину, отступил. Схватился за голову.

Всем хорош был молодой маг Иларий, и умом, и статью. Подвела молодость, горячее сердце. И теперь колотилось это сердце пойманной птицей, билось о ребра так, что эхом отдавалось в затылке. Ужас от содеянного холодом хлынул под сердце. Но не таков был Иларий, чтобы поддаться страху, опустить руки, сдаться судьбе. Постоял с минуту или две. Потом снова склонился над телом, потянул за ноги ближе к двери, наскоро вытер шапкой кровавый след. Потом выглянул за дверь, нет ли кого из слуг, а после выскользнул из бани и поспешил к терему.

Глава 60

Сердце прыгало от страха, толчками посылая в виски шумный ток крови.

— ...Защити дочь твою заблудшую, укрой от зла и благодать свою яви, — запричитала ведунья.

И Ядзя невольно повторила за ней: «Защити...» Казалось Ядвиге, что уж после радужного глаза да страшного зрелища смерти полоумного возле сторожевой башни ничем ее не испугаешь. А сердце в пятки упало, как бусина в колодец. Прямо перед воротами на кольях увидела она человечесьи головы. Зажмурилась, надеясь: вдруг померещилось. Открыть глаза заставил вороний грай. Первая телега прогрохотала мимо кольев, спугнув ворон. Громко бранясь на своем варварском языке, птицы перелегели на ближайшую крышу. Покуда дружинники досматривали возы, путешественникам разрешили сойти, размять косточки. Но Ядзя осталась возле воза и хмурого Славко, поближе к чернским дружинникам, подальше от исклеванных вороньем бурых комьев на колах.

«И как сюда люди сами подобру едут?» — со страхом подумала Ядзя, уставившись под ноги. Осторожно оглянулась на своих попутчиков. Ведунье, знать, было худо. Лицо женщины побелело, краска сошла с беспрестанно шевелящихся губ. А вот дедок-каменщик словно бы и не видел кольев. Улыбался во весь щербатый рот, шутил с дружинниками. Знать, не в первый раз приходилось ему работать на земле Черного Влада. Заметив взгляд Ядзи, старик подошел к ней, ласково улыбаясь. Остановился между девушкой и страшным украшением городской стены, так что Ядзя могла без боязни поднять голову и посмотреть в лицо собеседнику.

— Боишься, дочка? — запросто спросил дед.

— Боюсь, батюшка, — вежливо отвечала Ядвига, кланяясь. — Как не бояться. Тут, вишь, какая страсть, аж сердце замирает.

Дед усмехнулся, погладил бороду корявой ладонью.

— Этак в первый раз завсегда, — утешил он. — Да только для того, чтобы на те колья попасть, еще потрудиться надобно. Ты ж ведь, дочка, не глотки резать в Черну едешь. Чай, и пряника в базарный день с лотка никогда не воровала?

Ядзя опустила глаза, краснея. Дедок насмешливо прищурился:

— А если душегубствовать да красть не станешь, Черна тебе будет как

дом родной. К родным, что ль, приехала, красавица? Или к жениху?

— Не к жениху, — всполошилась Ядзя, невольно бросив взгляд на широкую спину Славко.

Старик перехватил ее взгляд, отчего девушка покраснела еще сильнее.

— К княгине молодой в услужение еду, — торопливо добавила она. Каменщик переменился в лице, свел белые брови.

— Да, твое дело другое, — медленно сказал он. В голосе не осталось и следа давешней игривой насмешки. — Мой тебе совет, дочка: обернись да посмотри на колья повнимательней, хорошо посмотри. А городом пойдешь, у Страстной стены постой. И каждый раз, как захочешь рот открыть в тереме господина нашего Влада, вспомни, что видала. Много говорят про Владислава Чернского. И не все брешут. Ему такая сила дана, что другим и не снилась. Коли будешь ему служить, молчи и ничего лишнего в голову не бери, не задумывайся. Князь-батюшка у тебя в голове как по-писаному прочитает.

Ядзя сжалась под суровым взглядом старика, жадно и испуганно впитывая советы.

— Ты что ж, дяденька, девку стращаешь? — Славко подошел так тихо, что Ядзя и не заметила, как возница оказался у нее за спиной, удержал за вздрагивающие плечи. — Думаешь, ей без твоего карканья весело?

Старик обиженно засопел и пошел к возу. Славко повернул ослабевшую от страха, понурую, как тряпичная куколка, девушку к себе лицом, обнял — притиснул к широкой груди.

— Ты не бойся, Ядзя, — проговорил он. — Хоть и есть у меня зуб на Чернского Влада, а одно скажу — без вины Владислав никого не казнит. Ты — добрая душа, чистая, как девичий платок на утрени. Тебе бояться нечего. А что ты, мертвая кость, к магам да магичкам на двор идешь, не пугайся. Князь не дает над мертворожденными куражиться. За это любой из магов на стену пойдет. Если же случится, что отважится кто недоброе тебе сделать, ты меня зови. Поймай в городе любого мальчишку и скажи: «Передай Славке, что его Ядзя зовет», — я приду.

Ядвига дернулась, пытаясь вырваться из медвежьих объятий возницы. Чудно это было, странно — вроде как и покойно, как за дубовой дверью, и в то же время словно бы и воздуха не хватает, не вздохнешь. Славко ослабил объятие. Ядзя благодарно прижалась щекой к его плечу, поцеловала возницу в черную бороду.

— Спасибо, так мне уж и не страшно совсем, — скрыла смущение под напускной веселостью Ядвига. — Если станет меня князь страшить, так уж и быть, пригрожу ему, дяденька, твоей смоляной бородой.

Славко улыбнулся, внимательно глядя в лицо девушке, словно старался запомнить веселый взгляд ее серых глаз да золотой отсвет солнца на круглых щечках.

Попрощались они скоро. Будто торопясь. Славко сел на козлы, не оборачиваясь, помахал рукой. И тронул усталых лошадей. Те резво свернули по знакомой дороге к постоялому двору, корму и отдыху. А Ядвига пошла прямо — в город. Туда, где на площади возвышалась Страстная стена. Как советовал старик, постояла: смотрела, бледнея, слушая, как замирает от страха сердце. Вокруг стены шумел город. В рядах шла торговля. Сновали мальчишки-разносчики. И, казалось, никто не замечает ни воронья, ни смрадного дыхания смерти. Понемногу и Ядзя успокоилась. Огляделась и заметила, что жизнь в Черне идет так, как и в Бялом. Только дружинников на площади не в пример меньше. Купцы товар раскладывают смело, не боясь кражи. И люди друг с другом будто приветливей.

Засмотревшись на красивую полную ворожею с младенцем на руках, Ядзя, не глядя, двинулась вдоль стены. Тотчас кто-то взвизгнул, отскакивая. Девушка обернулась, прося прощения, и увидела плешивого старика в поношенной одежде. В этот раз не было у него ни пестрого шатра, ни зазывалы, но Ядзя тотчас узнала словника Болюся.

— Давно ли из Бялого, батюшка? — кланяясь, спросила она.

Словник удивленно воззрился на девушку, словно прикидывая в уме, может ли толстокосая служанка быть ворожеей. Но в мгновение справился с замешательством и расплылся в угодливой улыбке.

— Уж не виделись ли мы с тобой, красавица? — спросил он. — В грядущее я для тебя не заглядывал?

— Нет, — отозвалась Ядвига. — Хотела я к тебе, дедушка, в шатер зайти, да хозяйка не позволила.

Ядзя замолчала, не решаясь попросить.

— А не глянешь ли сейчас?

— Как не глянуть, — отозвался Болюсь, подставляя морщинистую ладонь, в которую Ядзя, не задумываясь, положила денежку. — Любит. К сердцу прижмет.

— Кто? — перепугалась Ядзя, подумала, что не зря в шатер к словнику все бабы и девки бегали. Все знает. Главную ее беду враз усмотрел.

— А о ком ты думала, тот и любит...

«Любит, так не отослал бы от себя», — с горечью подумала Ядзя. На глаза навернулись нежданные слезы. А когда девушка смахнула их рукавом, словник уж потерялся в толпе. И там, где он исчез, на мгновение мелькнул

знакомый платок — уж не нянька ли?

Ядзя принялась пробираться через толпу, привычно работая локтями. Кто-то наступил ей на подол. Помянул, не страшась вида голов на стене, небо и всех его тварей. Ядвига бросила в ответ что-то резкое, думая лишь о том, как догнать старуху. Нянька всегда была сурова. С ней и во Владов терем идти не страшно.

— Что ж ты, красавица, так ругаешься? — спросил рядом знакомый голос. — Не гневи Землицу.

От жаркого, звериного дыхания мороз пробежал по спине девушки.

— Никак по хозяйке заскучала, Ядвига? — тихо проговорил Игор, удерживая Ядзю за локоть. — Пойдем, до княжьих покоев провожу. По дороге нам.

И имя мое помнит, с ужасом подумала Ядзя, мигом растеряв смелость. Покорно пошла за великаном. Толпа расступалась перед ним, как расступается рыхлая ткань под иглой. И тотчас смыкалась за спиной девушки. Люди кланялись, Игор кланялся в ответ. Ядзя тоже то и дело склоняла голову, хоть и видела, что встречные не замечают ее — смотрят во все испуганные глаза на княжеского любимца. Знать, нечасто можно было встретить в уличной толчее самого «Владова пса», огромного закрайца.

— Как тебе у нас, в Черне? — вдруг спросил Игор, оборачиваясь. Из-под низко надвинутого капюшона сверкнули на миг темные глаза.

Глава 61

— Хорошо, господин, — отозвалась девушка, скромно потупившись.

— Все-то у тебя хорошо, — глухой, резкий голос самому показался чужим. — Поди. Как... князь придет, мне скажешь.

— Да, господин, — все так же кротко пробормотала служанка, пятясь к двери.

— Ведь хотел сказать «отец», а будто ком в горле встал, — с досадой подумал про себя Якуб. Затворил дверь.

Скверно на душе было после ссоры, муторно. За всю жизнь не позволил себе Якуб поднять руки на родителя. Чтил, уважал, боялся. Потому что был перед ним Казимеж, Лис Бяломястовский. Правитель — умный, щедрый, грозный.

А как пришел в Бялое Черный Влад, как взял Эльку — словно подменили отца. Стал старик стариком — брюзжит, пьет да девок тискает. Умел Владислав ломать. Хлеще топи хребет перешибал хозяин Черны, радуги ему в глотку.

Якубу было стыдно. Совестно того, что наговорил сгоряча отцу. Казалось, правду говорил, все как есть — а как вымолвилось, так стало ясно, что не правда это, а правдочка. Его, Якуба, глупая правда. Такая простая и прямая, что никак не может она быть истиной. Якуб почувствовал себя брехливым щенком, по глупости ухватившим хозяйскую руку.

Захотелось повиниться, упасть перед отцом на колени. Попросить растолковать, что к чему. Чтобы впредь не стыдиться. Так сделал бы наследник Бялого. Но Якуб все медлил, сидел, то и дело прикасаясь дрожащими пальцами к белому платку на лице.

— Позволишь, Якуб Казимирович? — тихо спросили из-за двери.

— Кто? — встрепенулся княжич.

— Иларий это. Впусти, куда слуги не услышали.

В голосе мануса звучала тревога. Якуб тотчас отворил дверь, впуская молодого мага. Иларий прикрыл за собой дверь, прислонился спиной к тяжелой створке.

— Плохо дело, господин мой Якуб, — прошептал он охрипшим от волнения голосом. — Батюшка ваш...

— Что? — Якуб вплотную придвинулся к Иларию, заглянул в глаза, ища хоть искру надежды. Но предательский холодок дурного предчувствия

пополз по спине вверх, остудил затылок.

— Преставился князь, — выдохнул Иларий.

— Как? — казалось, Якуб уже не ждал ответа, губы его побледнели, едва не сравнившись цветом с платком. Глаза блеснули непрошеной влагой.

Но Иларий не дал наследнику Бялого собрать рассыпавшиеся мысли. Крепко удержал за плечо.

— Не сам ваш батюшка Землице душу отдал. Кто-то голову князю размозжил. В бане он лежит.

Якуб покачнулся, но манус крепко держал его за ослабшую руку.

— Теперь, Якубек, ты князь бяломястовский. Хочешь ли, нет ли, а надо о смерти князя народу сказать.

В голове у наследника гудело, тошнота подкатывала к горлу.

«Не может того быть», — стучало в висках.

«Может, — отвечала непреклонная совесть. — Убили вы батюшку, князь Якуб. В запале ударили, да и убили».

— Что сказать? Как? — еле выговорил новый хозяин Бялого, теряясь под пристальным взглядом синих глаз молодого мага. Казалось, прямо в душу смотрит Илажка. Якуб опустил на скамью, а Иларий навис над ним, впившись в лицо неподвижным взглядом.

— Дружинников бы надо вызвать, тайников, — глухо проговорил манус. — Убийцу надобно сыскать.

Якуб вздрогнул, хотел ответить, но слова застыли на губах. Иларий внимательно, пристально посмотрел на бледные трясущиеся губы наследника.

— А может статься, — начал он, словно раздумывая. Отвел взгляд. Запустил руку в черные кудри. — Ежели сказать, что князь-батюшка не сам с Цветноглазой встретился, не ровен час слухи пойдут. Не про вас, — успокоил он кусающего губы господина Бялого мяста. — Про зятя вашего, Влада Чернского. Поймут люди, если не станете вы про нового родственника недоброе думать. Не осудят. Все он, ворон Чернский, виноват. Разве ж от его силы рукавом занавесишься?

Якуб молчал, словно не понимая, о чем толкует Иларий.

— А мы, ваши верные слуги, — надменно продолжил Иларий, — поможем. Ежели кто болтать лишнее станет, растолкуем, что с князем Чернским шутки плохи...

Якуб вжался в стену, вцепившись обеими руками в скамью. Глянул на Илария, да так, будто видел впервые. На губах мануса не было и следа улыбки. Сталью отливала синева глаз. Или это только показалось молодому князю. Но дело говорил Илажка. На Владислава подумают. Влад, почитай,

и убил отца. Убил, когда волю его переломил. А он, Якуб, уж не на отца — на тень его, блеклую, неживую — руку поднял.

Да и сам ли поднял?.. Может, и в самом деле прав Иларий. Владиславу такая сила дана, что он и за сто верст, и за двести достанет. Может, раньше, когда был Якубек золотником, и заметил бы он колдовство Влада. Может, и заслониться бы смог. А теперь какой он золотник? Любой ведун княжеский, тот, что только на камне или на дереве ворожить умеет, и тот набросит колдовскую сеть в три счета. И ответить будет нечем.

Может, давно набросили бы, но страшно: думают, наследник-то топью ломанный. Вдруг через него Цветноглазая и нас углядит.

А князь Влад, знать, не побоялся. Заставил родного отца Землице отдать.

Якуб молчал. Только взгляд его, блестевший из-под белого платка, тревожно и рассеянно блуждал по стенам и выскобленным доскам пола. Иларий замер, ждал, куда заведут нового князя рассыпавшиеся мысли.

Глава 62

Сдержал предательскую дрожь волнения, хотя внутри, казалось, все ходило ходуном.

Вошел почти без звука, не замеченный никем, сел за стол, будто ни в чем не бывало.

Но ниш не обратил внимания на его встревоженный вид. Только новая стряпуха, невысокая молодая женщина, перевела на него темный, равнодушный взор. Скользнула глазами и вновь занялась своим делом. Разлила в миски похлебку, бросила сверху щепотку какой-то рубленой травы и подала миски сидевшим за столами мужикам.

— Уважь и меня, красавица, — пробормотал Славко, протягивая руку. Женщина поставила перед ним миску. Остальные приняли еду, даже не глянув на нее. Продолжали обсуждать, взмахивая руками, новые способы нападения и защиты. Еще какую-то пару лет назад и не знали эти парни, что есть на свете Черна, а под Черной — лесной вольный город. Еще недавно обороняли они свою деревню от бродяг и зверей вилами. А сегодня закрайским мечом владеют так, что любо-дорого поглядеть.

В голове стола высился, как скала, тот, на кого не всякий раз отваживался Славко поднять глаза — страшный закраец, Ивайло, по прозванию Щур. И вправду, сколько лет вожаку вольного города, не решился бы сказать никто. Длинные белые волосы заплетал Ивайло в косу, а конец косы заправлял за пояс. Несмотря на то что уже много лет жил под Черной, а привычек не изменил. Не стриг волос, не расставался никогда с клинком, и рубашка его была вся расшита волчьим зубом. Славке всегда было не по себе рядом с главарем лесного города. Возчик сел так, чтобы тот не заметил его, но закраец будто учуял вошедшего своим дикарским чутьем, не глядя, махнул рукой, приветствуя.

Славко опустил голову, зачерпнул ложкой похлебку. Кивнул стряпухе, благодарствую, мол, матушка. Она не улыбнулась, только склонила голову в ответ. Из-под стола показалась широкая, лоснящаяся морда пса. Возчик вытащил пальцами из миски кусок мяса на косточке и бросил ему. Пес поймал подарок на лету и скрылся под скамьей.

Тем временем Ивайло поднялся, хотя при его росте и так был виден всем за столами. Подождал, пока стихнут оживленные разговоры, и, ни к кому в особенности не обращаясь, выговорил:

— Вольный люд, недавно приходил ко мне один родственник от князя

Милоша из Скравека. Говорит, кума тяжела. В гости зовет. Спрашивает, не помогут ли мои молодцы куме от бремени разрешиться.

— Как не помочь, — хохотнул кто-то. — А что повитухе князь Милош обещает?

Славко напряженно уставился в миску. На носок его сапога упала жирная капля с волоконцем мяса в центре. Дрогнула у стряпухи рука, когда подавала через стол щи. Из-под стола снова высунулась собачья голова — и капля исчезла. Остался только широкий след языка.

— Все, чем кума поделится, и еще десять горстей с каждого лошадиного хвоста, — ответил Ивайло.

— А себе что просит? — зашумели мужики недоверчиво. Уж больно щедр был скравчанин. Обычно, если нанимал кто вольных куму растрясти, так брали пол-скарба.

Ивайло обвел всех желтым волчьим взглядом.

— А себе просит куманька. Но живого и не помятого. Князя Влада куманек, — голос главаря понизился, стал глуше, — книжник Конрад.

Все тотчас притихли. Шутка ли. Конрад, правая рука Владислава Чернского. За такого куманька и втридорога заплати, все равно мало будет. Потому что если попадешься на таком деле, то о Страстной стене Владовой мечтать будешь и Цветноглазую звать как милку. Знающие люди говорили, что Игор умеет человека живого по седмицам под пытками держать, а упустит, так князь Влад из рук Безносой достанет и не отдаст, пока своего не получит.

— Так что, молодцы, кто куме на вспоможение поедет? — усмехнулся Ивайло. — Дяденька Щур вам работу в миску кладет, а вы нос воротите.

— Так это... книжник он, — пробормотал кто-то из мужиков себе под нос.

— А хоть бы и золотник, — оскалился в улыбке главарь, — у него одна книжка, а у нас стальные клинки. Стали истиннорожденные ой как бояться. Стоит его в стальные оковы сунуть и книжку отобрать — и будет ваш Конрад не страшнее малого ребенка. А уж как напасть на одного всей сворой, не мне вас учить. Все ученые. С новой луной Конрад объезжает сторожевые башни. Что этот ветров сын там делает, одна Безносая знает. Вот и возьмите его рядом с башней. А под башенную стену мы подарок положим. Скравчанин заплатит золотом. Но это полрадости. Так и вижу перед глазами, как взбесится Чернец. На него истинные глаза поднять не смеют, а тут под самым носом мертвяки его советника и помощника живого возьмут.

За столами слышались смешки. Мужики подбадривали друг друга,

подталкивая подняться и взять на себя новое дело. Барыш обещал быть хорошим. Конрад обычно путешествовал до башен с обозами попроще. Охраняло больше имя Владислава и гербы на плечах.

— А что, дядя Славко, — Щур обратился к возчику свои желтые глаза, — ты же у нас лошадный. В Черне бываешь. Есть там свои люди, которым в радость будет Владислава как цепного пса растравить? Добудь себе место возницы при Толстом Конраде. А? Хороша мыслишка?

Ивайло подмигнул. Все приободрились. Полторы сотни глаз уставились на Славко. Тот не стал отвечать, только кивнул и снова опустил голову. В грабежах он участвовать не любил. Но — с волками жить, по-волчьи выть. Да и от мысли начиркать грязи в щи князю Владу на душе становилось теплее.

— Что-то ты не весел нынче, Борислав Мировидович. — Ивайло сел, развалившись, так что плечи его заняли место, что сгодились бы двоим. Сидевшие рядом двинулись — словно отхлынули от вожака.

— Я видел топь. Возле Владовой сторожки.

За столом все замерло на мгновение, и вновь поднялся шум. На этот раз уже не радостный, а тревожный.

— Сюда добралась, — зашумели за столом. — Видно, Влад ее ближе подманивает.

— Сам видел? — грозно придвинулся закраец. — Где?

— Со стороны главных ворот. Башня на лесной косе, — отозвался Славко. — Топь изломала калечного словника, я сам башенных в Черну за пополнением привез.

— Словника? — тихо, словно про себя, повторил Щур, теребя в пальцах свою белую, как пепел, косу. — Насмерть?

Возчик кивнул. Ивайло был слабым ведьмаком. И сталь не пугала закрайца, потому что той силы, что текла в нем, стальной клинок даже не чувствовал. Если уж совсем припечет, мог Щур выбрать камень побольше или крепкий кряжистый дуб и попытаться раскачать силу. Но больше полагался на холодный и жестокий ум и верный закрайский клинок.

Но сколь ни мала была сила Ивайло, если потянет топь, рванет — всего изломает, пока до капельки не высосет.

Славко видел, что творится в душе у вожака. Мужики, большей частью мертвяки, не ведали, что такое сила. Другие — слабенькие маги, прибившиеся к вольным, заметно струхнули.

— И что думаешь, Борислав Мировидович? — не позволив страху отразиться в желтых глазах, спросил закраец у возчика.

— Шире стала радугина пасть. Скоро начнут хватать всякого мага, кто

под руку подвернется. Так что, если есть у вас друзья среди истиннорожденных, пусть держат ухо востро, — проговорил Славко. — Так что нашим магам высовываться из лесу сейчас опасно. Налетят на дружинников или башенных — и скормит Владислав топи.

Закраец хотел спросить еще что-то, но сдержался. Растянул тонкие губы в улыбке.

— Верно говоришь, возчик. — Великан кивнул Славко, продолжай, мол, кушать. — Значит, тех, кто посильнее, мы нынче дома подержим. Но остальным-то что хвосты поджимать? Ты сам, Славко, первый бы должен вызваться за Конрадом Толстым ехать. Неужели нет охоты Чернскому господину ус подпалить?

— Как нет, есть охота, — усмехнулся возчик, разгадав замысел закрайца.

— Дело, мил друг, тогда тебе и вожжи в руки. Напросись возчиком к Конраду. Сумеешь?

Славко кивнул. Щур заправил за пояс конец косы и зачерпнул ложку похлебки.

— Где засаду сделать, мы с тобой после обсудим. Завезешь книжника в глухой угол, а там ребята вмиг управятся.

Мужики принялись предлагать места для засады, с какой стороны зайти и какими силами. Славко молча ел, не глядя на жоака.

— И в башню его петуха пустим! — отгоняя страх, выкрикнул кто-то.

— Только то... — буркнул бородач, ниже опуская голову. Зачерпнул ложку, да так и замер.

— К чему это ты, Борислав Мировидович, клонишь? — грозно спросил Ивайло. Все слышал жоак своим волчьим ухом.

— Говорю, и то дело. Башню поджечь. Толстого книжника хитрому князьку продать. Да надеяться, что заметит Владислав из Черны и... закручинится, — вполголоса проговорил Славко. — А он и бровью не поведет. Новую башню выстроит. И новых магов отдаст топи на съедение. Я видел сегодня! Видел сам, своими глазами, как топь словника сломала! Вот так!

Возчик переломил в крепких, исчерченных шрамами пальцах деревянную ложку — хоть и потерял он три года назад манусову силу, а простой, мужицкой, не лишился.

— Значит, слабоваты мы, по-твоему, выходим, Славко? Только пакостим исподтишка, грабим купчиков в лесу да за грош к ближним княжкам нанимаемся?

— А разве не такую работу ты принес своим вольным людям, Щур?

Когда пришел я к вам в вольный лесной город, думал, отыскал товарищей, тех, кто хочет землю родную защитить от душегуба!

Голос возчика все креп, черная борода поднималась все выше. И, обиженные его словами, распрямляли плечи и сводили брови мужики за длинными столами.

— Разве не должны мы защищать землю? А если сам избранник ее, сам господин Черны, пошел против своего удела, разве не наш долг его остановить?! Владислав — сильнее сильного, мудрее мудрого. И мы, мертворожденные, против него, высшего мага, поодиночке — как соломинка на ветру. Но Влад один, а нас — целый вольный лесной город. Если ударить врага одним пальцем, он лишь рассмеется тебе в лицо. А если свести все пальцы в кулак... Захлебнется кровью предатель Чернской земли!!!

— Чем же он предал тебя? — негромко, вполголоса спросила стряпуха. Все замолкли, ожидая, что будет. И в наступившей тишине слышно было только, как стучит по полу хвост сидящего под столом пса. Проходимец надеялся на подачку.

Славко обернулся к женщине, гневно сверкая глазами, но она выдержала его взгляд. Глаза, серые, грозовые, из-под низко повязанного платка смотрели так, словно знала про него стряпуха что-то скверное и за то и укоряла разом, и жалела. И Славко понял, что надо ответить дерзкой бабе. Иначе все, что он говорил, весит не больше пушинки.

— Ты недавно здесь, матушка Ханна, — проговорил он медленно, давая понять насмешнице, что уважаем в вольном городе, в чернских лесах. — Не знаешь того, что у нас в Черне делается. Знаешь, верно, про сторожевые башни князя Влада? Так вот — не сторожить чернские пределы он поставил свои башни. Людьюми он в этих башнях топь прикармливает. Видно, надеется ее в плен взять. Тогда, при его силе да с топью на привязи, преград и границ для него никаких не станет. А кормить свое чудовище он станет чернцами, братьями и друзьями нашими...

Женщина посмотрела на Славко недоверчиво и проговорила:

— Давно ли истинные маги вольным мертвякам братьями стали? Мы с ними, магами и ведунами, из разной кости вырезаны. Их — посветлее, как речной песок, а наша — почернее, как Земля-матушка. Не верю я, господин Славко, что ты за этих названных братьев на Влада Чернского ополчился. Нет ли у тебя за душой личного к нему счета? А то уж больно ты хорошо говоришь. А я тем, кто складно говорит, больше не верю.

Славко захотелось ударить приبلудную тварь. С седмицу или около того пришла к ним в город эта женщина со своим псом. Поначалу и не

говорила даже. Взяли ее из жалости на кухню. А теперь вот разговорила не к делу, голову подняла, когда не просят. Людей смущает. Товарищи смотрели на Славко во все глаза, и возчик понял, что придется и сейчас поступить так, как вынуждала вздорная баба. Он втянул носом воздух, собираясь с мыслями. Ивайло молчал, глядя, как будет ответ держать дерзкий бывший манус, которого обычная стряпуха к стенке приперла, да словами крепче, чем вилами, прижала. Покусился бородач на его, Ивайлово, так пусть теперь огрызается. На лице закрайца написано было едва приметное удовольствие. Уж слишком уважали Славко в вольном городе — зарываться начал. Самое время напомнить, где его место. Но возчик не зря ел когда-то хлеб чернского владыки. Умел он ответить — ударом на удар, словом на слово.

— Ты, матушка, права. — Слова давались нелегко, но Славко решил не отступать. — Есть у меня к Владиславу свой счет. Вот он, должок. — И чернобородый рванул вверх рукава на рубаше, открывая свои крепкие руки, покрытые уродливыми шрамами. Кто-то удивленно охнул. Славко поискал взглядом охнувшего. Мужики стояли, потупившись, не смея поднять глаза на искалеченные руки.

— Истиннорожденные маги Черны и правда мне братья. Потому что сам я из них, — проговорил Славко громко. Вдохнул свободно, словно впервые после того, как понял, что не вернуть утраченной силы. — Пытался накормить мною радугу Чернский князь. Но не вышло. Я остался жив. Ломала меня топь, но главного не сломала. И каждое мгновение той боли я помню и врагу не пожелаю. Сперва думал я, что Владислав средство отвести топь от Черны ищет. Но не так это. Я который год возчиком езжу. Много слышу от людей. Возчика никто не замечает, а я сижу на козлах да слушаю. И говорят, что ищет Владислав ведьму, что топью управляет. Сколько девок уже ему перевозили живых и мертвых, чтобы деньги за вечоркинскую ведьму получить. Не управу на топь ищет Владислав Радомирович. К рукам он хочет ее прибрать. Вот и манит в Черну, кормит людьми. И гибнет их все больше. Когда случилось это со мной — один на один я был против радуги. И остался жив. А ведь всего лишь манусом был. А вчера сам видел, как топь из словника всю силу выпила досуха, и жизнь с нею. Втрое-вчетверо сильнее стала проклятухая зараза. Раньше не могли мы ничего сделать. Не могли радугу остановить. И сейчас с гневом земным ничего поделать не можем. Но можем не позволить Владиславу Чернскому и дальше бросать ей людей, чтобы эта ненасыть росла. Сегодня она словника досуха выпила, а завтра разом трех-четырех будет забирать. Теперь у нас сила. Хватит Владиславу людей топью ломать. Ведь маги

истиннорожденные — наша, мертвяцкая, защита, землей данная, как старший брат младшему.

— То-то эти старшие братья над нами, псовой костью, из века в век издеваются, — бросила стряпуха. — Может, и не зря ломает их топь. За грехи всех истиннорожденных. Хочешь отомстить Владиславу за свои руки — мсти сам. Они, — Ханна ткнула черпальной ложкой в толпу примолкнувших мужиков, — отроду не знали, что такое сила. Не ведали, что значит право. Они только тычки, тумак да унижения от господ видели. А ты просишь их мучителей своих от топи защитить?

— А когда их топь приломает, кто знает, откуда она станет силу брать... — ответил Славко и, видно, попал в самую точку. За столами зашептались испуганно. Что, если и вправду мать-Земля всех магов приберет, на кого тогда набросится топь? Это сейчас она пьет силу из истинных и мертвяков не трогает, а если отведаёт крови?

— Изломает и в землю уйдет, — отозвалась Ханна. — Я сама видела. Я ведь хоть и мертворожденная, а о силе много знаю. Мать моя золотницей была не последней. На моих глазах топь ее приломала. Я в двух шагах стояла, а сделать ничего не смогла. Как потащило ее по земле к самому оку и стало руки из суставов крутить, мы с деревенскими ее вчетвером тянули. На нас ни царапинки. А ее так и не отпустило, пока от сытости не раздулось и не лопнуло. Я ее руку вот так держала. — Ханна схватила Славко за руку, и он удивился, какая у этой бледной женщины горячая и сильная рука. — А у меня под пальцами кожа ее лопалась, кости ее трещали и переламывались. Не тронула меня топь. И никого из нас не тронет. Не нужны мы ей. Как и Земле не нужны. Истинных магов за неверие и непотребства их наказывает Земля.

— Видно, и тебя кто-то сильно обидел, баба, — усмехнулся Ивайло. Хитер был закраец, знал своих вольных людей хорошо — и видел, что уж слишком чутко внимали вздорной стряпухе его мужички. — Знать, свой счет у тебя к истиннорожденным, раз ты так горячо об их грехах говоришь.

— Верно, обидел, господин Щур, да тем от глупости холопьем вылечил лучше всякого травника, — отозвалась женщина. Будто плюнула.

Ивайло нахмурился: хоть и называла она главаря лесного города господином, а в господстве отказывала. Считала — и не старалась скрыть — простым разбойником, а вот возчика Борислава, похоже, мнила достойным для себя соперником. Не успело родиться в уме Ивайло подозрение — стряпуха подтвердила его. Отворотилась от закрайца и снова обратилась к Славке:

— Не гони, господин Славко, людей на чужую бойню. Может статься,

скоро мечи на другое понадобятся. Молодая жена у князя Влада. Если родится у него сын — найдутся те, кто захочет князя извести и стать правителем при малолетнем наследнике. И уж тут не от страхов твоих, господин возчик, а от магов и дружины князя Милоша или Войцеха придется Черну защищать.

Славко глянул так, что женщина осеклась и замолчала, но и сказанного было довольно.

— Это что же, войны ждать? — спросил кто-то.

— Не будет войны никакой, — отозвался Ивайло. — Кто же против Чернца Владислава и его силы пойдет? Уж князь сумеет себя и наследника защитить. А ты думай, прежде чем рот откроешь, глупая баба.

Славко промолчал. Хоть и хорохорился, а что-то было в словах, в самом голосе стряпухи, что заставило его усомниться. Вот только несколько часов назад глядел он сам в радужное око — а серые глаза странной девки на мгновение показались страшнее. Что-то такое было у этой Ханны за душой, что не давало Славке отмахнуться от ее слов.

Ханна опустила голову, не ответила. Мужики начали по одному покидать трапезную. На площадке снова зазвенели мечи. Сначала пара, потом четверка.

Славко уже пожалел, что так накинулся на стряпуху. Не виновата она в том, что творится на душе у бывшего мануса Борислава. Все перемешалось, переплелось. Топь подходит к Черне, ломает людей, истиннорожденных магов. Владислав, которого так долго мечтал увидеть Славко на его собственной Страстной стене, жив-здоров, за злодеяния свои ответа держать не намерен, женился. И верно, скоро подарит юная княгиня Черне наследника. Ивайло все больше на разбой глядит, и благо Черны для него — звук пустой. Закраец он, чужак, ему монета родней, отцов удел его в дикой земле, туда топь когда еще сунется.

Но что будет, если вручит отец маленькому Чернцу в руки страшную силу — радужную топь? Верно, заберет под свою власть Владислав все окрестные княжества, какие пожелает. Да что там — Смерть будет господин Черны на руке носить, как сокола. Пускать, на кого вздумает. А жизнь в мертвые руки бывшего мануса никто не вернет. Как может Земля позволить совершаться такой черной несправедливости?! Душегуб Владислав Радомирович живет и здравствует, мучает в своих подвалах людей, с небовыми страшными силами заигрывает, и все сходит ему с рук. А хорошего человека ломает радужное око, и не остается в жизни ничего, ни семьи, ни дома, ни любимого дела, ни достоинства истиннорожденного. Словно бы появился Славко не в семье гербового мануса, а родился в худой

деревне, где вся надежда на вилы и Землицу.

А тут еще эта девушка, Ядвига. Ядзя. Был бы он манусом, не допустил, чтоб такая девушка досталась в услужение Владиславу. Да, девку Влад не тронет, не таков у него нрав. Но рядом с чернским князем быть — все равно что по бритве ходить. В любой миг глянет Влад в мысли. А в голове у любого в такой земле, как Черна, разное бродит. Вдруг да найдется мыслишка, за которую пошлет князь на Страстную стену. А если увидит, что Ядзя рядом с топью у сторожевой башни была, вдруг решит, что она и есть вечоркинская ведьма.

Будь Славко манусом, уговорил бы девчонку не ехать, привел в дом, а там, глядишь, слюбилось бы. Такие, как эта Ядвига, — благословение любому мужу. Сердце у нее золотое, добро, ласку возвратит сторицей. К такой домой спешить хочется, потому что не из-за богатства, не из-за силы, не из-за обещаний она с тобой остается, а оттого, что душой привязана. Ну и что, что в косе у Ядвиги лента дорогая. Видно, согнал ее со двора какой-то богатый дурак, не разглядел в девчонке-мертвячке сокровище. А Славко и рад подобрать, да только где уж... с такими руками.

— Прости меня, Борислав Мировидович.

Возчик задумался так глубоко, что не заметил, как стряпуха принялась собирать миски и остановилась за его спиной, виновато опустив глаза.

— Я не хотела тебя перед людьми позорить, — продолжила женщина, — но и ты меня пойми. Как ни велика твоя боль и как ни хочется тебе отомстить, не клади под Владов костяной нож чужие головы. Совесть — она легка, только пока ты прав, а когда почувешь ее истинный вес, вина тебе хребет сломит.

— Откуда ты знаешь? — огрызнулся Славко. — Вижу, что зла ты на магов. Так меня к ним не причисляй. Был манус Борислав, да весь вышел. Я теперь мертвяк, псовая кость. Но не могу смотреть, как Владислав прямо в мою родную Черну топь приглашает, прикармливает.

— А если ты ошибаешься? — Стряпуха глянула на Славко серыми внимательными глазами, и в этих глазах бывший манус разглядел ум и ту самую вину, о которой она говорила. — Если на уме у Владислава что-то другое. А топь — она за грехи наши наказание.

— Много тебе зла, верно, сделали истиннорожденные. — Славко заговорил спокойнее и терпеливей.

Стряпуху он и впрямь обидел зря. Да, сунулась баба не в свое дело. Но ведь не попусту, не из простого бабьего желания слово вернуть. Есть что-то у нее на уме и на сердце. И за людей она просит — не для себя выгоды. И возчик решил присмотреться. Раз уж привела Судьба эту женщину к ним

в лесную вольницу, значит, нужно было зачем-то.

Собрала плошки, вышла. Неслышно, словно не женщина — тень одна. Словно вместе с верой в магов переломил в ней кто-то самую основу человеческую. Она силой воли да злостью ее срастила, только, зная, душа у стряпухи в шрамах, как руки у возчика.

— Что, Борислав, уела тебя стряпуха? — усмехнулся Ивайло, сверкнув волчьим глазом. — Осторожней будь. Мужики тебя хорошо слушают, а тут так с бабой опростоволосился.

— Бабе уступить не грех. Все от бабы родились, — отмахнулся Славко, вышел вслед за Ханной. Нагнал у ручья, куда поволокла стряпуха чаны полоскать.

— Ведь и мать твоя была ворожеей, Ханна, — продолжил он прерванный разговор. — Отчего же тогда ты всем людям не доверяешь? Или не всем? Обидел тебя кто-то один, а ты на всех тень от этой обиды бросила.

— Умен ты, Борислав Мировидович, — отозвалась стряпуха. — И понял все скоро. Да, обидел меня один маг. Едва не отдала я Землице душу. Помогла я ему, вылечила, а он, как почуял силу, рванул, не думая. Взял то, чего не позволяли. Едва не погибла я тогда. За полог Погибели заглянула и кое-что увидела. Если б не этот проходимец, — стряпуха потрепала по широкому лбу сидевшего под столом гончака, — кончилась бы Ханна в тот день. Потому что силу свою истинные маги ценят больше чужой жизни. И ты не лучше того, другого. Вы, истиннорожденные, ради своей треклятой силы любого удавите. У меня с магией и радугой свой разговор. Поэтому и пришла я в ваш вольный лесной город. Потому что здесь ни одного мага нет, некого мне опасаться у вас. За добро ваше плачу, чем могу. Готовлю вот, а придет нужда — я травница хорошая. Но если решишь прогнать или Щуру вашему выдать, что я не простая стряпуха, — пойму. Ивайло — разбойник. Ему длинная деньга верней короткой дружбы. За меня дорого дадут.

Славко отодвинулся, отталкивая женщину. В одно мгновение понял он, кто перед ним. Словно молния в мысли ударила.

— Так ты... Так за тобой...

— Да, — ответила стряпуха, опустив руку на голову своего гончака, тот заколотил хвостом по полу и ласково ткнулся носом в подол хозяйки. — Я вечоркинская ведьма. Меня Владислав везде ищет. Потому я и пришла в ваши места. Не желаю бегать больше — пригляжусь, что здесь у вас да как, и выйду сама к Чернскому хозяину. Дело есть у меня до него. Но ты не пугайся, топи открывать я не умею. Закрывать могу, если успею, но только

когда она уже мага зацепила. Да и поняла я это поздно, иначе не позволила бы матушке погибнуть от радужного ока. Так что решай, Борислав Мировидович, остаться мне или своей дорогой пойти. Решение твое приму. И еще раз прости, что перед людьми твоими так говорила и что пришла к тебе на порог, не открыв правды.

Славко задумался. Первая мысль была гадкая, злорадная, мол, ищет Владислав вечоркинскую ведьму по всем окрестным землям, а она у него под носом в лесу живеет, щи варит. Вторая — страшная и малодушная: не согнать ли ведьму, что с радугой знается, со двора от греха. Вдруг наведет ее чудесный дар Владислава на вольный город.

А третья — нетопырем пересекла все прочие: удержать, связать, поторговаться с князем, выкупить за жизнь ведьмы если не силу, то хоть правду.

Глава 63

И стало вдруг так страшно, что заныло в груди, защемило.

Такую вину никто простить не может. Не в человеческом это обычае, душу родную собственной рукой Землице на покаяние отправить, Цветноглазую в дом пригласить да упрашивать.

Агата опустила на пол у ног спящей тяжелым сном дочери, вытащила из-за пазухи оберег с бяломястовской землей, припала губами, не переставая молиться. И сама едва ли ответила бы, о чем просила жарче: чтобы осталась жива неразумная преступница-дочь или чтобы не проведаль зять о страшном ее поступке.

Одна оставалась надежда — что и вправду так силен князь, как все о нем говорят. Что не сумело пробить защиту княжескую убогое нянькино колдовство.

Показалось Агате, что немного прошло времени. Только раз, другой уж приходили от господина спрашивать, здорова ли княгиня и будут ли госпожи к столу.

Наконец пришлось подняться, причесать растрепавшиеся волосы и со всяческим тщанием уложить под кичку. Хоть и дрожали ноги, и подгибались от тоски и страха, надо выйти, отужинать, успокоить зятя. Не ровен час сам заявится. И тогда Эльке лучше уж и не подниматься.

Агата подняла голову, расправила плечи, кликнула девку да приказала у двери опочивальни стеречь. Мол, княгиня Чернская отвар целебный выпить изволили ради здоровья будущего наследника. Костями ляг, а не позволяй, чтоб тревожили.

Служанка закивала, кривясь под тяжелым взглядом княжеской тещи. И Агата с досадой подумала, что мною воли Владислав дает своей прислуге. Не патлами трясти надо, а в ножки поклониться да толком отвечать. Уж на что глупы были девки в Бялом, а чернские и того хуже. Жаль, уговорил муженек оставить Ядзю Кубусю. Батюшка — шленда бесстыдная и думает сына девками от душевной тоски излечить.

А здесь Ядзенка была б при деле. Няньку к Эльке пускать нельзя. Жалко со двора согнать. Двадцать лет рядом, под рукой, ради своей Эленьки в узел завяжется. А гляди ж ты, на какую мерзкую глупость сподобилась. Ребенка извести. Князя будущего. Чернского и бяломястовского, шутка ли.

Владислав сидел уж за трапезой. И в какой-то миг показалось Агате,

что он все знает. Так и обмерло сердце. Князь был суров и задумчив. Две складки залегли между бровями. Агата неторопливо подошла к столу, позволяя слугам суетиться вокруг нее с подобающим подобострастием. Но вопреки ее ожиданиям зять только махнул рукой: присаживайся, мол, змея-матушка.

— Что голубка моя? — рассеянно спросил он, глядя не на тещу, в полный кубок, словно надеясь прочесть что-то в его темной глубине. — По мужу не скучает?

В ответ на едва уловимую его насмешку Агата сжала губы, отпила из своего кубка, словно говоря: по твоему, зятюшка, приказу, отвечать не стану.

— Здорова ли Эльжбета? — строже спросил Владислав, поднимая глаза на тещу. И Агата поняла, что теперь уж надобно отвечать.

— Здорова, — сквозь зубы процедила она. — Дурно ей днем сделалось. Пришлось заклятье целебное на нее наложить да травками попоить. Грустит моя голубка, что муж ее видеть не желает. О наследнике своем совсем не печется.

— Знала твоя дочь, за кого замуж шла, — бросил Владислав, показывая, что кончен разговор, но Агату словно ветер в бок толкнул.

— Знала, что за князя, да не ведала, что за мертвеца ходячего, от которого и доброго слова не услышишь, — выпалила она и даже не успела испугаться собственным словам. Князь холодно смерил ее взглядом.

— И верно, матушка Агата, за мертвеца, — хрипло проговорил он. — Только что-то ни разу ни ты, ни доченька твоя, голубка моя златоволосая, не спросили, всегда ли я был таков. Не у меня, так хоть у мужа своего спросила бы, тещенька. Может, рассказывал он тебе, когда сватал, как из второго сына в наследники княжества вышел?

Глаза Влада полыхали таким небесным огнем, что Агата дрогнула, чуть подняла руку, словно заслоняясь от княжеского гнева. И в то же время гулким эхом отозвались в сердце слова. Знала Агата, что был Казимеж в чем-то перед Владиславом виноват. А вот в чем — не ведала. Обмолвился только однажды муж, что давно это было. А кто старое помянет — тому глаз вон. Влад не стал поминать. Снова опустил голову, задумался. Будто забыл о том, что все еще сидит за столом перепутанная теща.

Агата ругала себя почем свет. Зачем гневилась, зачем травила душу. Теперь, ежели что, вдвое страшнее будет Влагова расправа.

В дверь сунулась девка. Агата сперва вздрогнула — не та ли, которую у двери Элькиной сторожить посадила. Не стало ли хуже дочке. А потом выдохнула — другая девка. Тут, в Черне, все служанки на одно лицо:

чистые, холеные, круглые, напуганные.

А следом за девкой, как всегда лишь с легким поклоном и не снимая перед господами вечного своего плаща, словно и не холоп, явился великан Игор. Глядя на то, как тот без чинов склонился к уху князя и что-то шепнул хозяину, Агата пожалела, что они не в Бялом. Уж Казимеж на что тряпка, а вбил бы науку послушания в голову чудовищу, знал бы, как к господам обращаться, как низко кланяться.

Но Владислав только подался вправо, чтобы лучше слышать, о чем толкует слуга.

— Прощения прошу, драгоценная тещенька, — с кривой усмешкой проговорил он, поднимаясь из-за стола. — Дела княжеские ждут. А вы трапезничайте, ни в чем себе не отказывайте. Игор говорит, девка какая-то вас за дверью дожидается. Из ваших, из бяломястовских...

Князь кивнул, оборвав себя на полуслове, и вышел. Игор, согнувшись, нырнул в двери вслед за господином.

Агата дождалась, как стихнут шаги. Поднялась и направилась следом.

— Девка где? Та, что из Бялого? — грозно спросила у стоящего в дверях слуги.

— На кухне, знать, госпожа, — неловко переминаясь с ноги на ногу, ответил тот. — У нас, ежели кто с дороги, князь велит сперва кормить.

— Не знаешь, а отвечаешь, — напустилась Агата, вымещая на бедняге накопившую злость. — Да и какой спрос с тебя, дурака, когда ты ровно стоять не умеешь. Ко мне девку проводи... как поест.

Ядзя была не чета чернским увальням, явилась тотчас. Бухнулась в ноги и тихо запричитала, как рада видеть дорогую княгиню-матушку. Агата подняла, погладила по русой голове.

— Что приехала, Ядзенка? — спросила она.

Глаза девушки блеснули слезами. Ядзя скривила губы, стараясь удержаться от рыданий.

— Проведать вас господин Якуб послали, да весточку передать, что все в Бялом тихо да мирно. Чтобы вы, матушка, не беспокоились.

— Знаю я это «мирно», — отмахнулась Агата. — Князь-батюшка девок щиплет да упивается, а Кубусь небось и из дому не выходит.

При упоминании о наследнике Бялого Ядзя опустила голову, коса с синей лентой соскользнула с плеча на грудь. Агата взяла в руки косу, коснулась пальцами дорогой ленты.

— Что, со двора согнал? — спросила она так тихо, что удивительно было, как служанка услышала. Та залилась краской. Кивнула. Слезка, крупная, чистая, сорвалась с кончика курносого носа девушки и разбилась

об пол рядом с башмачками княгини.

— Говорила я, надо было с собой тебя взять, — утешила Агата. — И там толку не вышло, и здесь была бы полезней. Хотя с твоим-то языком... Ты ведь, Ядвига, языком, что помелом, машешь. Тут, под боком у нашего сокола, радуги ему в печень, тем, кто болтает, живется худо. Но верю, Ядзя, что сама Землица-заступница тебя ко мне послала. Только нынче о тебе вспоминала. Знать, услышала родимица мои мольбы. А значит, и таиться от тебя не буду. Эльжбета Казимировна, госпожа твоя, занемогла, да так сильно, что не знаю, проснется ли.

Ядзя прижала руку к губам, недоуменно посмотрела на строгое, потемневшее, но спокойное лицо грозной хозяйки Бялого.

— От тоски по своему дальнегатчинцу едва жизни не лишилась. Бежать думает. Потому нам с тобой, Ядзя, смотреть нужно денно и ночью, чтобы ласточка наша дурного не сделала. А иначе — одна радуга ведает, что случиться может. Хотел Владислав добром Бялое получить. А если добром не выйдет? Могут ли Казимеж с чаркой да перстеньком или Кубусь с платком своим да без самой завалящей ведьмачьей силы против него выстоять. Если станет князь мстить за нерожденного наследника — и Бялое возьмет, и жизни наши.

— Зачем ему Бялое? — подала голос Ядзя. — Вон, в Черне у него как хорошо. И богатый город, и красивый. Нешто ему еще нужно?

Агата замолчала. Уж не поверять же болтушке Ядвиге всего: сомнений, догадок, страхов. Знать, давняя злоба у князя Влада на бяломястовского господина. И Казимеж о том проговаривался, да не рассказал всего. А раз Казимеж не нашел чем прихвастнуть, значит, скверное было дело. И за это скверное Владислав теперь спрашивает.

— Вот что, Ядзя, — наконец пробормотала княгиня, — не нам с тобой в мысли Черного Влада лезть. Это он в наших мыслях читает, как в открытой книге. Не болтай да не выдумывай, чего не знаешь. А вот если услышишь что или увидишь, тотчас мне говори. Будешь при Эльжбете день и ночь. Не как прислуга — как подруга, советчица. Обе вы молодые, обе красавицы, обе по любимому тоскуете...

При этих словах Ядзя потупилась, захлопала ресницами, сдерживая слезы, но Агата словно не заметила ее грусти, продолжила:

— ...скорее друг друга поймете. Развлекай, песни пой, сказки сказывай, шейте, гуляйте, в храм ходите, только чтобы поменьше наша голубка задумывалась. А если вдруг окажется где-то поблизости Тадеуш, все, что хочешь, делай, костями ляг, а его к Эльке не пускай.

Глава 64

— А если бежать задумает?

— Не убежит, — ответил Влад, облокотившись на подоконник и глядя, как старик семенит через площадь к княжескому крыльцу. — Останется, Коньо. Ради жалованья хорошего, крыши над головой, места при сильном господине — останется. Старый прохвост думает, что, когда распахнется топь, успеет утечь. Но у меня на сторожевых к западу ребята крепкие, рот закроют, чтоб не колдовал, удержат. А уж как топь зацепит — сама потащит. А старик мне поблизости нужен, чтоб утром кликнул — к вечеру привезли. Не все он мне о вечоркинской ведьме рассказал. Кто-то, Коньо, мысли его от меня загораживает. Сильный. Может, и сама Агнешка эта постаралась. Только кажется, что знакомый кто-то, колдовство крепкое, ничего не скажешь, но все чувствую, словно след знакомой силы в мыслях у нашего старого проходимца.

Коньо залопотал что-то о высших магах, о силе Влада, против которой только безумец пойдет... Но Владислав не слушал. Оглянулся через плечо на Игоря, безмолвно нависшего над раскрытой на столе книгой. Солнце било в окно, заставляя масляно поблескивать росписи на стенах. Потому Влад и вызвал к себе Конрада и Игоря сюда, наверх, в башню, а не в подвал. В подвале были колбы, травы, тянуло кровью с ледника. А здесь дышалось привольно и легко. В высокие окна лился солнечный свет, ярче которого не создать никакой волшебной силой, хоть тысячи шаров зажги. И Влад подставлял лицо этому свету, чувствуя, как лучи касаются мягкими пальцами складок между бровями.

Мама любила здесь сидеть. Вышивала у окна, а рядом девушка раскладывала для нее драгоценные шелковые нитки. Мама была из беяничей, и узоры у нее выходили нездешние, чужие. Птицы не чернские — волшебные птицы, какие только в густых беяньских лесах водятся. И песни такие же.

А они сидели подле нее и слушали — мальчик и юноша. Она звала их по-своему: Владик и Казимир. Не был тогда этот желтоволосый юноша ни князем, ни даже наследником. Наследовал Бялое старший брат Казимежа — Желек. Желеслав Бяломястовский. А Казика отправил отец в Черну, и в те времена богатую, сильную. Отправил учиться уму-разуму, смотреть, как знающие люди землю свою блюдут, княжение справляют, народ в мире и благоденствии сохраняют.

А Казимеж все больше проводил время не с князем Радомиром, а с наследником Владеком. Не гнушался детскими забавами. Сколько окрестных полей проскакали они бок о бок, без седла, одетые, как простые горожане. Сколько выстругивал ему друг Казик деревянных мечей и стрел, подставлял себя под первые робкие детские еще заклятья, валялся в пыли, уча княжича борьбе, посмеивался над стариком Годзимежем, воспитателем чернского наследника, над старым магом Мечиславом, первым и последним его учителем.

И в ту страшную ночь искал Владислав своего друга, звал, перепачканный кровью, родителей, просил о помощи. Но Казимеж был уж на полпути в родное Бялое...

Владислав тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Тридцать лет назад это было. Уж теперь он в отцовский возраст вошел, не к лицу припоминать детские страхи. Нынешний Казимеж — не тот юноша. Не осталось в глазах заплывающего жиром пьяницы и потаскуна ни единой искры. Может, вина его извела, может, нрав скотский, только былое отмщено. Оборвалась леска, что была у Влада на тестя, — а значит, нет того больше среди живых. И вспоминать о нем более незачем.

— Это все тещенька, ведьма, — подумал Владислав, разминая ладони, что будто сами собой сжимались в кулаки. — Мертвец, говорит... Не болит у мертвецов сердце.

Владислав о мертвецах ходячих много знал. По молодости, как силу пробовал, делал таких. Десяток или два сделал. Да только толку от них как от слуг не было. Тычутся, бродят, а сделать что — беда одна. В бою от мертвецов тоже пользы мало. Отповеди за них нет — вот маги и рвут силовыми в клочки. Только слизь да шматки тухлого мяса. Потому и забросил это дело князь. С живыми сподручней. Живые и за страх, и за совесть хорошо служат.

Конрад — за страх. И старик этот, Болюсь, ежели понадобится, тоже за страх горы свернет. А вот Игор — за совесть.

Великан склонился над книгой, длинные белые патлы касались страниц.

— Неужто и вправду Бяла? — прошептал он, взглянул на князя в недоумении. — Говорили, уж не родятся больше. Может, врет старик? Устроиться потеплее хочет, вот и водит нас за нос?

Игор нахмурился, но князь только усмехнулся в ответ на опасения:

— У нашего батюшки Болеслава поджилки ходуном, а ты его в обмане подозреваешь, — утешил Игор хозяин. — Хоть и занавесил кто-то его мысли, а все-таки я высший маг. Увидел кое-что. Не лгал нам старик. Сама

ему ведьма сказала, что сила ее не берет. Так что, Игор, может статься, Бяла пожаловала.

Князь замолчал, указал глазами на двери. Игор закрыл книгу и сунул под плащ. Конрад торопливо подошел к створке и распахнул ее как раз в тот миг, когда слуга, робея, потянулся к медному кольцу. Из-за плеча холопа выглядывал плешивый словник Болюсь.

— Заходи, батюшка, — велел князь.

Старик засеменил к нему, кланяясь, и попытался припасть к господской ручке. Владислав стряхнул с руки липкие губы словника, отошел от окна.

— Ты давече службу тебе найти просил, — сказал он сухо. — Службы в Черне всем хватит. Потому нашел я тебе местечко при сторожевой башне.

— Батюшка-князь, Владислав Радомирович... — Старик замотал головой, в ужасе пятясь. — Так там же топь... Радуга...

— Третьего дня закрыли, — ответил Влад. — Скоро не откроется. А жалованье я положу такое, что уж не нужно тебе будет в почтенные твои годы в рваном шатре на ярмарках да базарах девкам зубы заговаривать. У тебя, старик, на Конрада петелька словничья есть, потому в Черне тебя не оставляю, не обессудь. Но посылаю недалеко. При башне в Яснинках будешь. Полдня пути, если конь хороший. И жди — позову. Раз уж ты говоришь, что вечоркинская девка на двор ко мне должна пожаловать, пригодишься, чтоб ее распознать, пока беды не наделала. А коли еще видение о ней у тебя будет, сам приходи или голубя пошли. Игор!

Князь обернулся, указал кивком великану на старика:

— Выдай-ка нашему дядюшке гербы да свиток к Яхиму, чтоб принял у себя в хозяйстве дорогого гостя.

— Как звать тебя, батюшка? — отозвался Игор, кивнув хозяину.

— Словник Болеслав, — трясясь всем тело, ответил старик, пока великан обходил его кругом, прикидывая на глаз, какую одежду приказать подать для нового башенного сторожа, — из Моховиц.

— Далеконько ты забрел от родных Моховиц, — усмехнулся Влад, видя, как словник опасливо оглядывается на сурового великана. — Там ведь и до Закрайних гор недалеко, да, Игор?

— Недалеко, — сумел трясущимися губами выдавить из себя словник.

— И с братьями да соплеменниками нашего Игоря небось приходилось встречаться.

Великан сделался пасмурнее тучи, но князь подошел, легко коснулся его плеча.

— Знать, потому, как ни глянешь ты на моего товарища, так у тебя

кадык ходуном ходит да колени подкашиваются, — продолжил князь.

— Уж кто встречался с закрайцами, не забудет, — прошептал Болюсь, — голова запоминает, так коленки напомним.

— Так вот... — И голос князя из спокойного, веселого стал сухим и властным. — Забудь. И коленкам растолкуй. Игор хоть и закраец по рождению, с братьями своими давно связи оборвал. Теперь он чернский житель и первый мой помощник, а потому — увижу еще раз, паскудная твоя плешь, что ты на него с таким страхом смотришь...

— Владек... — начал было Игор, вступаясь за старика.

— Увижу еще раз, что ты по трусости друга моего и слугу позоришь, — продолжил Влад и внезапно замолчал, позволяя словнику самому придумать себе кару. — Теперь иди, отныне Игор между мной и тобой будет. И все, что хочешь ты мне сказать, ему сказывай. Все, что пожелаешь мне передать, только ему в руки доверяй. Понял... батюшка?

Глава 65

Осознание беды медленно приходит. Сперва постоит в дверях страшная мыслишка, вертя, как кошка, черным хвостом. Потом нырнет в голову, и уж не выживешь ее оттуда.

Никто не ведает, разве ветер один, что в голове у безумца делается. А в том, что безумен молодой князь, Иларий уж и не сомневался. Словно бы раскололась душа у Якуба — до полудня ходил он сам собой, дворне чубы драл, с главами городских родов в разговоры пускался — только глаза из-под белого платка блестели. А как переваливало солнце за полден, словно бы кто подменял молодого бяломястовского хозяина. Запирался Якуб в своем крыле, и ладно если плакал да молился, а то принимался кричать, об стены биться, да так, что весь платок в крови.

Того двору было не видно. Тому один свидетель был, верный Илажка.

Иларий устало потер глаза, прислушался, как за стеной бьется и надрывно плачет Якуб. Присел к столу, зажег еще одну свечу. При свете-то оно сподручней. А то из-за стенаний княжеских и у самого на сердце темно, все кажется, что тени из углов тянут к нему руки, что мертвый Казимеж стоит за окном в ночи и смотрит на него с укором и немой просьбой спасти наследника.

Спасти? Ценой собственной шкуры? Не много ли просишь, князь Казимеж?

Иларий поводит руками, разгоняя искры, резко отворил дверь и сбросил заклятье туда, где вжался в стену обезумевший Якуб. Тот осел, затих, свернулся возле сундука на выскобленных досках, уставился остановившимся взглядом в темноту.

Иларий поднял его на руки, баюкая как младенца, отнес на кровать. Укрыл одеялом.

Уж теперь проспит Якуб до самого рассвета. Встанет здоровым и до полудня о смерти отцовой и не вспомнит. А потом... Потом сила Илажкина восстановится, и на новое заклятье хватит.

Такую рану платком не скроешь. Не думал Иларий, что так выйдет. Думал лишь о том, как от себя беду отвести. И сейчас только тем и держался — страхом. Потому как если дознается кто, что от его руки князь бяломястовский погиб, — запытают, в темнице сгноят, сожгут живьем в срубе, живого в землю заруют по грудь, в лицо станут плевать да горящие тряпки бросать. Знал Иларий, как в Бялом суд вершат. Уж лучше как в

Черне — голову на Страстную стену. Поэтому как подступала совесть, как начинала точить за безумие Якуба, вспоминал манус костровище с дымящимися костями. Вставали перед глазами тучные тюремные крысы, что станут глотать его прикованные ноги...

Что говорить, свое дороже. Тем более скоро уж и заклятий будет достаточно, чтобы перестал молодой князь по вечерам биться и плакать. Хоть и манус Иларий, а не словник, но дело свое знает. Может, кто посильнее справился бы не в пример скорей, но выбирать не приходится. Зато выздоровевший князь уж никуда от Илажки не денется.

Манус потерял руки, силясь прогнать онемение и холод.

Отчего-то опять всплыла в мыслях лесная травница. Будь рядом Агнешка, знала бы, что делать. Нашла бы травы для измученного тела, нашла бы слова для раненого сердца. С ней будто бы и силы было больше. Казалось бы, мертвячка, песья кость — возьми да брось, а под сердцем как заноза засела. Увидеть бы ее сейчас, сорваться в лесной домик, забрать девчонку сюда, в Бялое. Чернец уж, верно, и забыл про нее, раз свое получил. Только Якуба надолго одного не оставишь. Выболтает молодой князь в бреду, что батюшку к Землице отправил, такое начнется — радуг не сосчитаешь.

Иларий подошел к окну, развязал тесьму на вороте, подставил обнаженную грудь холодному ночному ветру. Подумал, не кликнуть ли девуку. Что-то давило в груди, жгло. Может, и полегчало бы от мягкого женского тела, от теплого чужого дыхания. И темнота не обступала бы так страшно.

Словно услышал кто его невысказанные мольбы: из темноты появились руки, обхватили понурюю голову мануса, белые пальчики запутались в черных кудрях.

— Иларий, — прошептала Катаржина, приникая к нему всем телом, — истосковалась я.

Иларий резко обернулся, в синих глазах мелькнула тревога.

— Не серчай, — льнула Каська. — Меня Юлитка через кухню пустила. Кроме нее, и не видел никто. А мне в пустом доме так тошно, хоть в петлю. Ты и не заходишь, вся постель выстыла.

Иларий так и не ответил ей. Молча, без тени приветия или прежней улыбки сгреб в охапку, поволол к кровати, не то уронил, не то бросил, сминая сарафан, разрывая неверными пальцами рубашку.

Дрожащий свет свечей щедро лился на лицо Катаржины и спину Илария, скрывая от чернобровый вдовы страшное лицо мануса, плотно сжатые губы. Каська улыбнулась, обвила ногами, шептала на ухо нежные

слова.

Но перед глазами мануса метался рыжеватый локон, глядели из темноты полные слез серые глаза. Иларий отцепил от плеча ловкие женские пальцы, отвернулся от настойчивых ласк и со всей злости ударил холеной рукой в стойку кровати.

«Ветрова девка, лисичка-вертихвостка, радуга ей в печень! — Бессильный гнев, чем-то похожий на тоску, душил мануса. — Заговорила, заморочила, верно, пока бредил. Опоила. Чем дальше, тем хуже. А может, мертвый Юрек куражится, вдовушке погулять не дает. Не приняла его, душегуба, Землица, вот и ходит как тень, у изголовья стоит».

Иларий сел на край кровати, свесил голову, сцепил руки в замок — до того хотелось ударить блудливую Каську, вышвырнуть за порог да велеть не ворачиваться.

— Что ты, свет мой, сердце мое? — жарко зашептала Катаржина. — Устал, намаялся, а тут я со своими ласками. Не тревожся. Я ведь не за тем... Я увидеться только, с тобой побыть... Хоть ночку... Хоть часок. Уж больно тяжело дома, с приживалками да девками. Думаю, пойду, повидаяюсь с моим соколиком, может, про убийцу Юркиного мне Илаженька весточку припас...

Иларий рывком поднялся с кровати, брезгливо скинул с плеч рубашку, которой мгновение назад касались Каськины руки. Гадко стало, тошно, душно.

— Или ты скрываешь от меня что? — забеспокоилась Катаржина. — Знаешь, кто Юрека убил?

— Может, и знаю, — прошептал Иларий, глядя в темноту за окном, где ветер трепал верхушки берез. Если не приглядываться, смотреть только вперед — так и не видно, что крутом дворы. Кажется, вот-вот выйдешь из перелеска в поле. А там смелому дорога во все стороны.

— Скажи, Илажи, — вскинулась Каська. — Землицей-матушкой и всеми ее сыновьями прошу, скажи!

Хотелось Иларию сказать. Покончить разом со всем тем, что мучило душу. С самой первой встречи с лесной травницей жил он как в дыму. Куда подевался веселый княжеский любимец? Боль, злость и вина, такая тяжелая, что шею гнет, всего и осталось в нем. И захотелось сбросить с шеи проклятуций камень, рассказать Каське про мужа ее, окаянного мучителя, про предателя Казимежа, про безумие молодого князя.

— А может... — Катаржина не желала ждать ответа. — Может, ты убережешь меня хочешь? Думаешь, он это?

— Кто? — устало переспросил манус.

— Князь Чернский, — прошипела Каська. — Владислав Радомирович, чтоб ему пусто было.

— Помолчала бы ты, Катаржина, пока не накликала, — огрызнулся Иларий. — Не зови князя на порог. Сам придет, поздно будет.

— Значит, и верно он, — прикрыла рот Каська, ужасаясь своим мыслям. — Или кто из его слуг. Говорят, они все покойники и князю служат за то, что он их у Землицы-матушки из рук отнял да от тления своей силой спас...

Рука Илария грубо сдернула Катаржину за косу на пол, другая закрыла женщине рот.

— Пошла вон! — не в силах сдерживать ярость, зашипел в испуганные черные глаза вдовушки манус. — И не смей трепать. Люди навозу набросают, а ты и рада языком перемешивать, небова тварь.

Так и не поняв, чем вызвала гнев, Каська попятилась к порогу, выскользнула за дверь и бросилась прочь, еще больше прежнего уверенная в своей догадке.

— Ведь он мог, — прошептал сам себе Иларий, — мог Влад Чернский такое сделать. По силам ему. А значит...

Глава 66

...сделал. Потому что силе высшего мага никто и ничто противиться не может. А если к этой силище волю и ум добавить, и сама мать-Земля отступится.

Владислав поднял на вытянутой руке склянку, над которой покачивалось, как дымка, маленькое, с грошик, радужное око. Жилы вздулись на руке князя — казалось, и такое крошечное, смертельное семицветное зеркальце по капле выбирает из него жизнь. Влад размахнулся, бросил склянку о стену, око развернулось — из монетки в блюде. Выгнулось, словно наполняясь искристым соком, потянулось к Чернскому государю, который невольно сделал шаг вперед. Но зов радуги будто не испугал князя, он поднял со стола еще одну склянку и с размаху бросил в разбухающий глаз топи. Плеснуло по полу зеленоватое варево, запахло травой и гнилью. Око заколебалось, покрылось сетью белых трещинок. Осколки брызнули так, что Владислав невольно заслонил рукавом глаза.

— Видел, Игор?! — весело воскликнул он.

Великан застыл в дверях, словно не решался приблизиться. Могло показаться, что испугался мерцающего глазка топи. Но не таков был закраец Игор — его единственного нисколько не пугали хозяйские опыты. Другое что-то было на душе у верного Игоря. Владислав, оглушенный удачей, не сразу заметил странного поведения слуги.

— Что случилось? С княгиней что? — спросил он, забыв о склянках. — Как знал, что лжет о чем-то змея Агата! Нет у меня на Эльку петли, а из-за заклатья, что я на ребенка набросил, и в мыслях ничего не разглядишь. Сам со своей же силой не справлюсь, — невесело усмехнулся Влад. — Но с наследником все в порядке. Почувствовал бы я, если б кто сумел ему повредить. С собой что-то княгиня пыталась сделать?

Игор покачал головой.

— Про княгиню не знаю. Бабы дела — не моего ума дело. Может, и не лжет вам теща — не даются наследники легко. Видел только что вашу супружницу с той служанкой, что недавно из Бялого приехала, Ядвигой. Повела госпожу в цветник гулять. Княгиня бледна мне показалась, так она из Бялого мяста, там все хозяйское семейство словно молоком полито, кроме тещи вашей. А что бы ее мысли не прочесть — уж она про дочку все знает.

— Себе дороже, Игор. Склочная баба. Все жду, что устанет да домой отправится — мужу хребет грызть. Ладно. Будет время — гляну на Эльку повнимательнее. И правда, не учудила бы чего. Да только ты все о главном молчишь. Вижу, что весть принес недобрую.

— Казимежа Бяломястовского земля прибрала.

— Знаю, — отмахнулся Владислав. — Почувствовал. Что еще?

— Якуб Белый плат гостей зовет. На отцову тризну. Да в свидетели, что земля родная его примет. Ехать надо, Владек.

Владислав недобро усмехнулся. Представил, как обрадуется Конрад — хорошо готовят в доме бяломястовских господ, свадьба ли, тризна, без особенной разницы. Да только самому хозяину Черны в Бялом делать нечего. Навидался, наслушался — пока сватался к Эльжбете да уговаривался с ее батюшкой. Нет теперь в Бялом мясте ничего для Чернского Владислава — ни выгоды, ни памяти, ни мести. Умер Казик. А Якуб Бялый — пусть как хочет, так живет, пока не выйдет возраст наследнику Черны. Признают его и Черна, и Бялое, а пока пусть калека получит свой десяток лет — показать, на что способен. А не справится, не выдюжит бессильный ноши княжеской — Владислав всегда успеет подхватить.

— Мне-то к чему ехать? У меня здесь дел полно. Вон, тещеньке скажу — может, отвяжется, уберется восвояси. А я свое от Бялого мяста все получил. Покамест...

— А если не примет земля Якуба? Должен рядом быть наследник по крови, а коли наследника пока нет — его отец. Заявить свои права на удел, наместника поставить.

— Лихо ты кроишь, Игор. Тебе бы былины сказывать — вон какие страсти выдумываешь. С чего это земле Якуба не принять — сын он князя Казимежа. В том сомнений нет никаких. Земля кровь господ всегда разберет и признает.

Владислав погасил огненные сферы под потолком подвала, на стене еще виднелся едва приметный след лопнувшей радуги. Чернец улыбнулся, вспомнив, чего наконец достиг. Не хотелось омрачать радости открытия разговорами о Бялом и его хозяевах. Но Игор был прав — даже если признает земля Якуба, опасность есть, что захочет кто-то из соседей взять в свою руку изломанного топью бяломястовича. Станут вертеть таким господином, как младенчик кукурузной куколкой, отщипывать от Казикова удела — этак наследнику Владислава останется от Бялого клочок вокруг священного камня — не шире платка, если за услуги или от страха станет Якуб землю отцову раздаривать. Верно говорит Игор — надо напомнить, не

Якубу, так его гостям-псам, под чью руку перейдет Бялое, когда приберет Якуба Землица.

Только как представил Владислав, что придется трое суток трястись в возке бок о бок с паучихой-тещей, скривился от досады и гнева, да так дверью хлопнул, что Игор глянул с удивлением. Редко кто умел его хозяина из себя вывести.

— Прикажи, Владек, скажу госпоже Змее, что муж ее преставился, — пробормотал закраец. Видно было — и самому неохота связываться с ведьмой Агатой, но защищать хозяина — хоть бы и от бабьего языка и норова — полагал он своим первейшим долгом.

Владислав расхохотался так, что испуганное эхо метнулось по переходам. Похлопал Игор по плечу.

— Спасибо тебе от всего сердца, верный друг. Только уж слишком жертва твоя велика — с этим чудовищем должен я сам сойтись. Знал, на что шел, когда Эльку сватал. Это, почитай, мне за руку бяломястовны отповедь.

Игор едва приметно улыбнулся, сверкнули зеленью глаза за завесой белых прядей.

— Пойди отыщи Конрада. Не прихватил ли его опять наш дед словничей петелькой. А я к бабам моим — муку мученическую приму. Только никому о том, что помер старый Бяломястовский Лис, не говори. И про то, что Элька носит тяжело, тоже. Молва все равно донесет, но чем позже, тем нам больше на руку. Понял?

Глава 67

Как не понять, Цветноглазой в самую пасть голову класть, всякий день от страха обмирать. Вон она — господская воля.

Ядзя чуть сильнее потянула за золотистую прядь и тотчас получила ощутимый тычок от молодой чернской княгини:

— Ядзька, волосы выдерешь, и без тебя худо. — Эльжбета откинулась на подушки. — Не станем нынче плести. Мочи нет...

Ядвига тотчас приложила к голове хозяйки полотенце. И через тонкую влажную ткань почувствовала жар кожи. Вторые сутки палил красавицу княгиню неведомый жар. Стараясь не думать о страшном князе и головах на Страстной стене, Ядзя принялась обтирать холодными полотенцами тонкие бледные руки Эльжбеты, от длинных нежных пальчиков к круглым локоткам. Чтоб успокоить князя, по приказанию матушки Агаты вывела она Чернскую госпожу в цветник — так едва до скамеечки ближней дошли, как ослабели ножки у Эльжбеты. Едва удалось Ядзе с госпожой бедняжку обратно в покои увести. А потом снова жар накинудся.

Под дверью послышались шаги. Ядзя тотчас подскочила, отворила дверь — лишь чуть-чуть, на ладонь, не более. Чтобы чернская девушка не сумела увидеть лежащей на постели княгини.

— Что надобно, Анитка? — спросила она грозным шепотом, так ловко подражая в гнев своей госпоже, властной княгине Агате, что Анитка вжала голову в плечи и едва слышно пролепетала:

— Князь-батюшка Владислав Радомирович посылали спросить матушку-княгиню, станет ли нынче с ним ужинать?

— Передай батюшке-князю, что спит наша горлица. Дите ей трудно дается, всякий день дурнотой мучается, а потом спит без просыпу, сил набирается. Пусть уж и нынче без нее отужинают. Все?

— Нет, — пролепетала девушка. — Еще...

Она испуганно поджала губы, раздумывая, можно ли сказать княгининой служанке, пусть и такой грозной да строгой, то, что одной княгине велено было передать. К молодой госпоже уже и в доме все привязались, жалеют. А Ядзя эта едва третьи сутки на порог взошла. Доверяет ей старая княгиня Агата, только чернским и хозяйка, и служанка — чужие. Отнести бы весточку самой княгине Эльжбете, да эта Ядвига, словно пес цепной, ее стережет. Раньше нянька их страшная все у дверей стояла, а теперь няньки будто и не было. Зато появилась эта девка: коса

длинная, глаза цепкие. Мимо нее и мышь не проскочит.

Словно прочитав мысли девушки, Ядвига выступила за дверь, прикрыв за собой створку. Анитка отступила на шаг.

— Что еще?

— Я нынче поутру на базаре была, — торопливо заговорила служанка, — и подходит ко мне молодой господин. Видно, что не наших краев. Герба ни одного не видала, да по всему — хозяин, а не слуга. Стал спрашивать, не в княжеском ли тереме служу. А потом дал мне грамотку до княгини-матушки Эльжбеты, мол, вести ей из дому, только не знает он, как передать. Боится гнев князя Владислава на голову княгини накликасть.

— Каков из себя тот господин? Чернявый, русский? — спросила Ядзя, чувствуя, как обмирает сердце.

— Волос у него... как пшеница в поле. Росту высокого, стати чудной, и голос добрый. — Припоминая, Анитка чуть улыбнулась, зная, приглянулся заезжий господин, а Ядзя нахмурилась, догадалась, кто на порог пожаловал.

— Чай, и денежкой поблагодарил, — фыркнула Ядвига. Сама была такой девчонкой. За монетку, за ленточку готова была ножки господам целовать. Что Анитку винить: дал добрый господин денежку — она и рада по нему улыбаться...

— Давай грамотку, передам княгине, — потребовала Ядзя и, видя, как неохотно выпускает Анитка из рук письмецо, добавила: — Вечером придешь, ленту получишь новую. Только язык за зубами держи.

Девушка закивала, бросилась прочь, а Ядзя развернула письмецо и долго вглядывалась в него, ища знакомые значки. Учил ее Кубусь грамоте еще в те времена, когда о Черном князе и проклятом его сватовстве и слыхом в Бялом не слыхивали. А потом закрутилось, понеслось, так толком и не выучилась. Казалось бы — крючки знакомые, а не прочесть.

Ядвига нырнула в дверь, заглянула в лицо госпоже. Эльжбета тихо спала, щеки горели, но уже не так жарко. Видно, на пользу пошло обтирание.

Ядзя села в ногах, расправила на покрывале письмо, стала осторожно, по буковке разбирать послание, вполголоса проговаривая то, что получилось. И ужаснулась. В другое время умилилась бы, поплакала, ответила сердцем на горячие, страстные, полные любви и покаяния слова, потому как хорошо писал Тадеуш Дальнегатчинский. Песни бы ему петь. Да только если попадут эти песни в руки к Эльжбете, голова полетит Ядзина.

Ядвига прижала письмо к груди, молясь Землице: лишь бы не

проснулась задремавшая госпожа. Потихоньку вышла за дверь и заперла за собой, чтобы ненароком не потревожили княгиню другие слуги, неторопливо прошла по коридорам и лестницам, то здесь, то там натываясь на мертвяков, собиравших на княжеский стол. А как сошла с крыльца, припустила что было сил в сторону рощи. Скоро два часа, как ушла туда княгиня Агата с преступницей-нянькой. Может, уж и отправила госпожа обратно в Бялое негодную старуху. Тогда и о Тадеке Дальнегатчинском потолковать будет можно.

Ядзя ловко спрыгнула с пригорка на зеленую блестящую траву. И тут нога поехала по мокрому — знать, вылили воду после умывания, — и девушка со всего маху плюхнулась навзничь так, что клацнули зубы, закружилась голова. Перед глазами потемнело. Но время ли разлеживаться, если дальнегатчинец вот-вот на двор явится. С него станется. Страху никакого нет.

Ядзя стала слепо шарить рукой в поисках опоры. И тут рука коснулась чего-то теплого и шершавого, как дранка. И это теплое вдруг обхватило ее за плечи, подняло, поставило на слабые ноги.

— Что же ты, Ядвига, — пророкотал над самым ухом голос Влодова великана, — словно коза, по двору скачешь? Торопишься куда?

— Да что вы, господин Игор, — вежливо отозвалась Ядзя, чувствуя, как отступает темнота. — То я в рощу, веточек березовых нарвать. Для хозяйского умывания.

— А что других не послала? — Игор внимательно заглянул в глаза, и Ядзя тотчас отвела взгляд.

Чем закрайцу в глаза солгать, уж лучше на первом суку удавиться: быстрая смерть благостью будет. Закрайцы и за меньшую вину людей муками страшными пытали.

— Ладно, не бойся, — рыкнул едва не в самое ухо Игор. — Я девок не ем. С малолетства закормлен, вот с души и воротит.

Он рассмеялся. И на сердце у Ядзи потеплело.

— Давай я тебя до рощи провожу, чтоб в другой раз ножка не подвернулась.

— Проводи, — ответила Ядзя, не успев ни подумать, ни испугаться. — Дорога мирская, не купленная, а вольному воля...

Словно кто под локоть толкнул — сделала шаг навстречу закрайцу.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот из груди выскочит.

И тут Князев великан сделал такое, чего никто ожидать от него не мог, не только Ядвига, а и сам хозяин его, князь Влад. Игор подхватил Ядзю на руки, прижал к широкому, как пекарская лопата, плечу, припал губами к

виску, на котором билась жилка, и прошептал:

— Пойди за меня, Ядвига. Все думают, что я зверь лесной. Неправы они. У тебя сердце доброе, ты увидишь, что не зверь я, а человек из плоти и крови. Прикипел я к тебе. Один раз увидел только в Бялом — и уж знал, что ты мне Землей на сердце начертана. А что есть во мне звериного, то тебе защитой и опорой будет. Потому как за тебя да за Влада Радомировича, как пес цепной грызть и рвать стану...

Зеленые глаза великана полыхали огнем, а от груди шел такой жар, что, казалось, вот-вот обожжет Ядзе лицо и руки.

— Пусти, — ни жива ни мертва, пискнула она, стараясь оттолкнуть нежданного ухажера. — Пусти, мне к хозяйке надо!

— Только скажи, пойдешь за меня? — Игор жадно втягивал носом запах ее волос.

— Не пойду, — вскрикнула Ядзя, выскальзывая из его рук. — Боюсь я тебя...

Белая прядь вновь упала великану на глаза, так и не позволив девушке увидеть лицо закрайца, но Ядвига почувствовала, как потемнел его взгляд, сошлись брови.

— Не зверь ты, — утешительно пробормотала она. Откуда смелость взялась: погладила по длинным белым пальцам сжавшуюся в кулак руку. — И не думала я о тебе никогда как о звере. Но уж я свое сердце другому обещала. Тебе мне предложить нечего. Ты и любви, и верности достоин, потому меньшим тебя не обижу.

— Хорошо у тебя язык подвешен, девка, — рыкнул Игор, — только жалости твоей я не просил. И был бы в родной земле, за жалость эту убил тотчас. Но я князю обещал закрайские привычки на родине оставить и забыть. Потому живи и впредь умнее будь — и к воину с жалостью не лезь.

Игор прошел мимо нее к дому. Лишь слегка, будто ненароком задел плечом. Но Ядвига покачнулась от этого касания, едва не упала. Только на этот раз никто не кинулся ее поддержать.

С тяжелым сердцем Ядзя побежала в рощу, молясь Землице-матушке и Бяле-заступнице, чтоб отвела от нее гнев страшного княжеского любимца да отвортила от чернского порога безумца Тадека.

Глава 68

Да только поздно отворачивать. Это раньше был чист, как вешний дождь, наивен, как мальчик, в храме на Землицын день ступени целующий. А теперь там, где была радость, вера в людей, — одна рана гнойная. Обида да неизбывная вина. И с этой раной не справилась бы даже травница Агнешка.

Поздно нести повинную голову на суд — далеко зашел, не воротиться. Спятил наследник Якуб, да получается, по твоей вине, верный княжий манус Иларий.

Молодой маг невольно вздрогнул, набросил на плечи плащ. «Это осень подступает, — решил он про себя, пожившись, — дышит холодом, спускается в стылом золотом одеянии с Росского хребта. Кончилось соловьиное лето, ходил нараспашку, горя не зная. Пора душу поглубже запахнуть, подальше спрятать от всех свои грехи и тайны — и когда только успел ими обрасти, да по самую маковку...»

Иларий в раздражении мерил шагами комнату. Княжич сидел на кровати, чуть покачивая головой, словно кто невидимый пел ему в самое ухо веселую ярмарочную песню. Иларий болезненно поморщился, когда пустой, лишенный жизни взгляд Якуба остановился на нем и почти сразу скользнул дальше — с сундука на стул, со стула на скамейку.

Манус положил бледную ладонь на лоб княжича, на белый платок. Почувствовал, как вскипела горькая, как сок одуванчика, сила, тонкими белыми змейками потекла в затуманенную горем голову наследника Бялого. Взгляд Якуба прояснился, он с удивлением посмотрел на мануса, потом гневно сбросил его руку, поднялся.

— Что это ты удумал, Илажка! Решил, я не могу заслониться, так ты уже и в голову мне можешь лезть? Предупреждал меня отец, что попытаешься ты вровень со мной встать. Княжить хочешь при живом князе. А я не верил. Зря, видно. Может, иначе обернулось бы все, если б...

Якуб не договорил. Зло пнул скамейку, та завалилась, задрала к потолку тонкие ножки.

— Что случилось, того не воротить, — примирительно проговорил Иларий. — К вечеру первые гости на двор будут, тебе, княже, силы нужны. Много тебе пришлось пережить, но негоже, если прочитают по лицу наследника Бялого окрестные князья, что не все ладно. Вот я и решил...

— А с чего ты взял, что можешь что-то решать? — тихим злым

шепотом проговорил Якуб. — Думаешь, от того, что про вину мою знаешь, так в господу вышел? Холоп ты, да к тому же не бяломястовский больше. Отправляйся к своему новому хозяину! Пойди скажи князю Владиславу, что ты что-то там... решил.

Иларий отшатнулся. Потемнело перед глазами, занавесилось серой пеленой, а потом пошло багровыми пятнами — гнев, отчаяние... страх. Жар бросился в голову, озноб в хребет.

— Что ты такое говоришь, княже?! Я же князю Казимежу грамоту подписывал на служение. Наемный я, но бяломястовский!

Якуб расхохотался, глядя, как затравленной лисицей мечется по покоем манус.

— Оба мы, Илажи, не то, чем кажемся. Ты вот меня князем зовешь, а я не князь еще и не знаю, примет ли земля отцеубийцу. А если примет, как буду я кровавой рукой Бялым править?! Отчего не погиб я тогда у проклятой реки от топи?! Тогда и руки, и мысли мои были чисты... А теперь — разве только радуга меня возьмет, да только и ей я не нужен!

Иларий не слушал покаянных речей наследника. Метались в голове страшные мысли.

«Чей я теперь? Неужто успел проклятый палочник Юрек приложить тогда обожженные руки беспмятного к договору полного герба? Тогда прав Якуб, не в Бялом ты должен сейчас быть, манус Иларий, а склонить голову под тяжелую ладонь князя Владислава. И каждый час, что ты проведешь в Бялом, — преступление против договора».

— А я что же? — проговорил Иларий, прерывая речь наследника. — Я теперь чернский? Отчего сразу не сказал? Ведь если узнает князь Владислав, что я жив и на службу к нему не явился, меня же... на Страстную стену... или и того хуже... Мне же тотчас надо в Черну явиться.

— Иди, Иларий, — шепнул лукаво тихий голос, тот, что подсказал сделать из Якуба отцеубийцу, — поезжай в Черну и поклонись новому господину. Как прочтет он твои мысли, как ты Казимежа Бяломястовского к Землице отправил, так, верно, отыщет для твоей дурной головы место на своей страшной стене, но сперва покуражится, заставит покойникам позавидовать.

— Да откуда он узнает, Илажка. Разве только я скажу. Знали о том я, отец да Юрка-палочник. Двоих уж нет, один я остался. И ты помни это Иларий, когда снова станешь мне об отце напоминать. Меня, если не сможешь языка за зубами удержать, ославят, да пока наследника Элька не принесет, буду я Бяломястовским князем, потому как кровь — есть кровь, только ее и признает земля, кровь господина. А все эти князьки, что

приедут посмотреть, как я на княжение взойду, хорошо помнят, как их деды да отцы братьев и дядьев своих резали, чтобы удел получить. Вот и батюшка, князь Казимеж, отправил братца Желека в Черну...

Манус во все глаза уставился на наследника, и Якуб осекся, понял, что лишнее в запале сказал.

— Да то так давно было, что уж и не правда. А ты запомни, Иларий, что, если ты обо мне и отце расскажешь, хуже мне не станет. И так изгоем, юродом живу. А вот тебя, скажи я кому, Черна на полный герб призовет. Знаешь ли для чего? Радугам Чернский господин калечных магов скармливает. Дел-то, что ты здоров и силен. Провинишься, не на ту девку глянешь или просто топь проголодается, толкнет князь в радужную пасть, и высосет тебя семицветная, как... как меня.

Якуб снова расхохотался, дикий огонь в его взгляде заставил Илария отступить на шаг, но взор наследника померк, он прикрыл ладонью глаза, вцепился пальцами в белый платок на лице, с горьким вздохом потянул его вниз. Обнажились шрамы и рубцы, что не под силу оказались всем магам и лекарям. Никогда раньше Иларий не видел своего товарища без платка и так привык, что словно бы и не было для мануса у наследника Бялого другого лица, кроме беленого льна с прорезями для глаз. А теперь сидел перед ним другой Якуб — словно колдовской плеткой исхлестанный, лоб и щеки в глубоких алых и сизых бороздах.

Еще мгновение назад кривившиеся в безумной улыбке губы задрожали, сжались в бесцветную линию.

— Прости меня, Иларий. Не слушай — то не я, вина во мне говорит. Ты один знаешь, как я виноват, и что не отвернулся от меня, я тебе от сердца благодарен. Но гляжу на тебя и вспоминаю, какую весть ты мне принес, кем я стал. Раньше часто сам уродом себя называл, топью меченым, и казалось мне, что несправедливо со мной обошлась Судьба, что за чьи-то чужие грехи наказывает. Но Землица все видит — не за прошлые детские шалости, за не свершенный тогда еще грех она меня искалечила. Теперь знаю — и не думать о том не могу. Все мерещится батюшка, слова его перебираю в памяти, вот и мнится всякое. Ты не слушай меня, порой я словно зверем становлюсь, любого рвать готов. Не понять тебе, знаю, ты всегда был верным и добрым, и с отцом, и со мной. Знаю, каково тебе глядеть на меня без осуждения. Но ты помни, Иларий, не отдам я тебя Чернцу! Он все у меня забрал, только ты один, верный друг, остался, и не получит тебя Владислав. Не знает он, что манус, на которого у него договор гербовый, жив. Не знает, что ты это — ни разу так и не глянул он на тех, кого Эльжбете в приданое собрали. Что ему в лицо заглядывать, если топь в

жертвах разбору не делает. Оставайся со мной, Илажи, пусть будут при бессильном князе-убийце верное сердце и сильная рука.

Манус не глядел на княжича — от одного взгляда словно проступали у него на сердце такие же, как на щеках Якуба, сизые и бурые рубцы. Снова и снова напоминал наследник Иларию о том, каким был совсем недавно молодой маг — верным, добрым, щедрым, доверчивым. Не судьба, не радужная топь — хозяин, что был ближе родного отца, приказал его искалечить, обида заставила поднять на хозяина руку, а страх — переложить вину на безвинного. И уж теперь не рассказать правды, не снять ему с души белого платка — она гневом, обидой и страхом так исхлестана, что никаким заклатьем не разглядить.

Как бы ни любил он княжича Якуба, а своя рубашка к телу ближе.

«Пусть думает Якуб, что отца убил, — переживет, свыкнется, как все другие свыкаются, — уговаривал себя манус. — Зато престол Бяломястовский ему достался, а не князю Владу. Может, не разродится Эльжбета, тогда не будет у Влада права на Бялое. И просидит княжий маг Иларий под рукой Якубековой долгие годы — не князем, да недалеко от княжеского звания, если по уму распорядиться тем, что знает. Сам себя погубил Казимеж. Слаб был, добра, верности не ценил. Не рука человека — справедливая длань Судьбы приложила старика об угол скамьи».

— Никуда я от тебя, Якубек, не уйду, — проговорил Иларий, но ласкового тона не получилось — послышался в нем глухой звериный рык. — И колдовал я над тобой, чтобы помочь. Через пять дней на полную луну признает тебя Земля и станешь ты князем Бялого мяста, и другого князя у этой стороны нет. А потому не о вине своей, а о людях думай. Теперь ты хозяин, и скоро гости на двор к тебе приедут — на священное действие смотреть. Такие гости хуже коршунов, вот и покажи им, что хоть ты и слабый маг, но Бялое возьмешь под сильную руку. Я помогу. Ты ляг, доверься мне, поспи, а как проснешься, и следа от зверя твоего не останется. И ни Милошу, ни Войцеху, ни Зютеку, ни самому Владиславу Чернскому в голову не придет, что есть у тебя за душой тайна.

Успокоенный тихим, ровным голосом Илария, Якуб откинулся на подушки, уронив на постель белый платок Иларий сложил бесшумно руки, заставив белые змейки зароиться в пальцах, а потом выпустил их гулять по волосам Якуба. Снежные искорки нырнули в волосы, истаяли на висках, заструились между ресницами засыпающего наследника. А манус все сыпал и сыпал их, словно снежинки, на истерзанное топью лицо, закрытые глаза. Едва слышно давал губами и мыслями приказания своей силе — запорошить память Якуба безмятежным покоем, придавить измученную

совесть белым наговоренным камнем.

Колдовской сон такой глубины дался непросто. Иларий поднял перевернутую лавку, сел, сгорбившись и растирая розовые шрамы на ладонях. На привычное это движение насмешница-память воскресила перед внутренним взором рыжую прядку, серые заплаканные глаза.

Иларий с силой ударил ладонями по лавке, так что загудело дерево.

— Да есть ли в этой стороне кто, перед кем я не виноват?! — зашипел он сквозь зубы.

Скрипнула дверь — словно ответила манусу на его горький вопрос.

— Ну, кто там? — рыкнул Иларий.

Показалась русая голова, девка взора не подняла — так пробормотала вперед и протараторила:

— Вас, Иларий Игнациевич, там спрашивают.

Манус через силу поднялся, вышел из покоев, накрепко заперев на замок и наговор, чтоб не тревожили сон будущего князя любопытные, слуги ли или гости ранние. Девка приснула по коридору, только коса мелькнула.

«Раньше девки от меня так, словно от чумного, не бегали, — с раздражением подумал он. — Знать, думают, безумие князя на меня перекинется. Дуры. В следующий раз задеру подол да покажу, кто тут княжий маг». Иларий недобро усмехнулся самому себе: «Этак скоро придется девок силой брать, за ленту, за платок уговариваться. Словно и правда я в шрамах, как Якуб Бяломястовский».

— Ты здесь, серденько мое! — протянулись из полутьмы ниши между покоем полные белые руки. Катаржина бросилась Иларию на грудь, всхлипнула. Словно со смерти мужа только и делала, что ревела. Подурнела, расквасилась. Удивился Иларий, как раньше мог он найти ее хорошенькой — баба бабою, квашня, капустный жбан.

— Что ты, Кася? Иди домой. Не нужно тебе здесь быть, молва пойдет, — сладким ласковым голосом проговорил Иларий, отстраняя от себя незваную гостью. — Нельзя нам с тобой видеться. Когда можно, я сам прихожу...

— Сколько дней уж не был, — робко заглянула ему в глаза Катаржина. — Истосковалась я. В дому словно в погребке, как в могиле. Тяжко, Илажи. Совсем ты обо мне забыл. Знать, сильна рыжая лесная ведьма, раз меня от тебя сумела отвернуть...

Сболтнула — и прикусила язык, так страшно сделалось лицо мануса. Он схватил Катаржину за плечи, тряхнул так, что клацнули зубы.

— Откуда ты узнала? Где ты ее видела?

— Нигде, — зашипела зло Каська, метнула на любовника ледяной взгляд. — Надзея мне рассказала. Словница, что ты нанял для своего раненого. Спросила я про тебя, она рубашку, что ты оставил, только раз тронула — и ответила. Из-за рыжей ведьмы ты от меня отвернулся. Приворожила она тебя! Но Надзея — она сильная. Ты только со мной пойди — она поможет. Вспомнишь ты, как любишь свою Касеньку!

— Надзея! Ворона старая! — Иларию оттолкнул льнущую к нему вдову. — За мои же деньги на меня и клеветает! Тебе голову задурила. Возьмет и скажет, что это я твоего мужа убил — и что, тоже поверишь? К тебе не хожу, потому что молвы дурной не хочу. Нет на сердце у меня никакой рыжей лекарки!

— Значит, лекарка она, — поникла Каська, затрепетали черные ресницы. — Да только ей со мной не сравняться. Разве обнимает она жарче меня? Разве красивее?

В полутьме сверкали полные слез черные глаза, тянулись к манусу алые губы. Иларию хотел разубедить Катаржину, услать домой, чтоб дел не наделала, сказать, что красива она и до сих пор желанна, а до рыженькой травницы ему и дела нет. Но не желали губы выговорить нужных слов — уже раз обошелся дурно он со своей лисичкой, взял силой то, что она — по глазам видел — готова была дать, только кинулась сила в руки, и не устоял. Уверен был, что простит, только завертелось все, и не мог он и часа выкроить на поиски своей лиски.

— Все вы, бабы, подолом думаете, — отмахнулся он от Каськи, которая так и льнула полной грудью к его руке. — Я обещал тебе убийцу мужа сыскать, а ты и не спрашиваешь. Или прав я был, и здесь Надзея эта тебе голову заморочила.

— Не морочила она, правду сказала, — залопотала Катаржина виновато. — В прошлое для меня глянула и сказала, что черное видит. Человека черного. Сильного мага. И сразу я догадалась, кто это.

— Кто?

— Да уж говорила я тебе. Владислав Чернский! — с досадой шепнула Катаржина.

Иларию отвел взгляд, сдержал облегченный вздох. Врунья Надзея, как и все словники. Вытянула с Каськи денежки, да, чай, и утекла уже, пока палками не проучили.

— Мстить не вздумай, Кася, — строго погрозил манус, но Катаржина только фыркнула:

— Уж решено все. Хоть я и простая ведьмачка, а за мужа ответить сумею. Забудь про князя Владислава. Недолго ему осталось.

— Что ты сделала, дура? — рассвирепел Иларий, поволок Катаржину прочь от княжеских покоев, мимо кухни и испуганных девок на двор. Притиснул к стене конюшни. Каська только охала и всхлипывала, не на шутку испуганная.

— Много врагов у князя Влада, — зашептала она. — Ничего я не делала. Мне Надзейка сказала, что уж давно тучи над Черной и ее хозяином собираются. Возьмут Владислава небесные демоны за все его злодеяния. Она в грядущем видела.

— Хоть какой-то прок от карги, — пробормотал себе под нос Иларий. — Правильно говорит твоя Надзея, — сказал он громче и ласковее, — настигнет душегуба наказание за его грехи. Только ты в те дела не суйся, Кася, побереги себя. И сюда больше не ходи. Сам приду.

Он скрылся в доме. Катаржина надула губки, обиженно потерла покрасневшие от крепкой хватки манусовых пальцев руки.

— Лекарка она, значит. Променял, забыл меня. Как же я не приду...

Глава 69

— Как могу все забыть, из сердца вытравить, если здесь оно, мое серденько. Бьется и каждым ударом меня зовет.

— Дозвалось уже, — огрызнулась на неуместные речи незваного гостя Агата. — Убить себя хотела Элька.

Лицо Тадеуша в одно мгновение сделалось бледнее снега. Левая рука потянулась к вороту — перехватило дыхание, правая — за колдовской книгой.

Агата положила ладонь на правую руку дальнегатчинца.

— Раньше надо было за книжку хвататься, когда Казик мой тебя облапошил. Руку Элькину пообещал да домой усрал.

Лицо Тадеуша из бледного сделалось темным, страшным. Руки безвольно упали. Он с тоской поглядел на Агату.

— Где... похоронили ее?

Агата едва не рассмеялась горьким смехом. Не там могилу ищет мальчишка Войцехов. Всегда был скор Тадек на выводы. Услышит азъ, придумает до ижицы.

— Жива Эльжбета. Вытащила я ее, только, сам пойми, тебя к ней и близко не подпущу. Слаба она еще, тоскует, наследник Черны силы ее тянет. Увидит тебя — боюсь не укараулить. Если не хочешь ее хоронить — уезжай и дай срок родить.

— Ждет?

Видно было по лицу Тадеуша, что сама мысль о том, что у его Эленьки будет дитя от Владислава, мучительна для него. Словно все еще надеялся он, что не понесла Эльжбета и удастся уговорить ее убежать, спрятаться у Войцеха или в любом краю, где найдется хозяин, не боящийся Черного Владислава.

— Весной родит.

Еще ниже опустил Тадеуш русую голову, и Агата с материнской нежностью положила на пшеничные локоны дрожащую ладонь, погладила, утешая, как гладила бы Якуба. Прикрой глаза, и почудятся под пальцами не Тадековы кудри, а волнистые волосы сына. Пришлось остричь сыну волосы совсем коротко, когда колдовали над ним врачеватели всех мастей — пытались убрать шрамы. А потом и вовсе спрятал Якуб голову под белый платок. И сама Агата сейчас не ведала, как выглядит ее сын под тем платком. Разве только Ядзя, может, видела его без этой белой смертной

маски. Глаза одни в прорезях белого льна остались от Якуба. И от Эльки прежней скоро при всех бедах одни глаза останутся. Растущий под сердцем сын крал девичью красоту, муж — жуткой своей властью отбирал день за днем у Эльжбеты разум.

Как хотелось ей схватить в охапку дурочку дочь и всеми правдами и неправдами увязаться в Бялое на обряд наречения нового князя. Не тронула сердце княгини весть о кончине супруга. Да только один остался Якубек. Нет рядом ни матушки с батюшкой, ни друзей, ни даже глупой болтушки Ядвиги. Но не вынесет Элька дороги, едва с постели поднимается. И без Ядзи со всем Агате не справиться. А сердце по сыну болело так, словно нерадивая швея иглоком в княгинином платье оставила, впились под ребра, ни спать, ни есть не дают.

— Что же мне теперь, к отцу? Сидеть сиднем... — Тадек не нашел слов, стиснул зубы, сжал руки в кулаки от бессильной ярости.

— Отчего сидеть? — с отчаянной смелостью проговорила Агата. — Не знаешь, верно, в дороге был. Сама только узнала. Отдал земле душу Казимеж Бяломястовский. Да, Тадек, вдовая я теперь, а потому у детей моих, кроме меня, никакой защиты не осталось. Не могу Эленьку оставить, сам понимаешь. И надежды у меня нет ни на кого. Ты Кубусю всегда был другом. Один он там против стервятников. Все соберутся поглазеть, примет ли его удел. Вот и ты поезжай. Скажи, что я молюсь за него Землице каждый день. А главное, с князьями переговори. Скоро у Черны будет наследник...

Агата приподняла брови, надеялась, что сам догадается дальнегатчинец, к чему она клонит. Но глядела в сторону. Чтоб даже если прочтет ее мысли окаянный зять — не дознался он, с кем теща уговаривалась. Тадеуш улыбнулся.

— Сходятся мыслями великие головы, — проговорил он. — Отец и Милош готовы дружины дать, если Якуб поведет. У него право есть — коли объявит, что нарушил Владислав свадебный обряд и жену взял под колдовством. Никто не осудит. Только уж очень осторожен стал Якуб, согласится ли.

— Тогда передай ему, что благословляю его Землицей и всеми ее детьми, если решится...

Глава 70

— ...против Черны и ее князя пойти? Жила тонка. Иначе не прятались бы в лесу, — проговорил себе под нос Конрад, но рука невольно сама тянулась к затянутой в кожу книжке на боку.

— Боишься, так возьми с собой по башням дружинников, — бросил Игор, укладывая в суму склянки и мешочки сухих трав. Владислав никогда не полагался на одну силу и не пускался в путь без сумки травника.

— Что я, мальчишка, всякого лесного отребья бояться, к господину за помощью бегать — «батька, дай молодчиков», — проблеял Конрад тоненьким дрожащим голосом. Игор рассмеялся.

— Что дурного в том, что с тобой пара палочников соберется. И в дороге есть с кем словом переброситься от скуки, и лишние посохи против лесных людей пригодятся, случись что. Имя хозяина Черны тебя лучше палок защищает, это верно, да только... вдруг не признают в тебе разбойники правую руку Чернского князя?

Конрад собрал пальцы молитвенной щепотью, сердито зыркнул на Игоря.

— Землица-заступница, охрани смиренного твоего внука в пути и в деянии, — забормотал он, отвернувшись от ухмыляющегося великана, семикратно поцеловал щепоть.

— Что случилось, Игор?

В нише у двери — не вглядываешься, так от тени не отличить — стоял Владислав Чернский. На губах — улыбка легкая, едва уловимая, как змейка-стрелка, но в любой момент искривятся губы, изовьется улыбка Кровавого Влада не стрелкой — тайпаном, серой мулгой. И тот, кому улыбнется князь, взмолится Земле, чтобы смерть его была скорой.

Игор лишь коротко взглянул на хозяина из-под завеси белых волос, но не ответил.

— Да ничего. Все миром у нас, Владислав, все миром. Игор котомку собирает, я вот, как ты велел, по башенкам скоро поеду. Один. — Конь кинул грустный взгляд в угол, где висели под потолком, сверкая, несколько магических светильников, тоскливо шмыгнул носом. — Даже пообедать не успею, чтоб дотемна хоть половину объехать. С пустой сиротской сумой да по чужим дворам.

— Ой, Конрад-сирота, кусок мимо рта, белый свет мимо пуза, — расхохотался Владислав, похлопал толстяка по широкой спине. — Так и

скажи, в Черну хочешь со мной вместо Игоря. Уж больно хороши там стряпухи на княжеской кухне.

Конрад глубоко и горестно вздохнул:

— В прошлый раз даже гуся не отведал. Блинов едва дюжину, а уж пирога и вовсе не дождался. Только в печь поставили, а уж ты нас со двора и по лесам. И все из-за девки...

— Ведь так, Игор, — проговорил Владислав, словно и не слушал толстого книжника.

Обжег пронзительным взглядом закрайца. Махнул рукой Конраду: выйди, мол, потом поговорим о чаяниях твоего брюха. Коньо торопливо похватал с лавки свой скарб и затопал тяжелыми сапогами по крутой лестнице наверх.

— Из-за девки все?

Один огонек отделился от стайки под потолком, двинулся над головами князя и закрайца, завис светляком возле Игорова виска, чтобы господину не вглядываться. Игор понял, что не скрыться от пронизательного взгляда — не хозяйского, дружеского. Убрал волосы с лица, выдержал взгляд Владислава — лишь прищурил свои зеленые, цвета апрельской листвы глаза, прикрыл черные ресницы. Кивнул.

— Я еще в Бялом приметил, как ты на нее глядел. Хорошая девка, болтает много разве, зато из тебя лишнего слова не вытянешь... — Владислав говорил тихо, не торопился и все глядел, словно снимал тонким ножом слой за слоем невозмутимое спокойствие с чела закрайца, как рачительная хозяйка снимает шкурку с овощей — убрать сор да лишнего не срезать.

— А еще я приметил ее ленту и то, как она глаза опускает, когда Якуб Бяломястовский мимо идет. Ведь и ты все это видел, Игор.

Великан кивнул, продолжил неспешно собирать в котомку мешочки с травами.

— Он отослал ее, — наконец глухо проговорил закраец. — Ты ведь знаешь, Владек, как они в других княжествах о нас говорят. О Черне, о тебе, обо мне... Думают, душегубы мы. Он ведь ее сюда отправил, почитай, на смерть. Она не видела от меня зла, я здоров...

— И по рождению ты...

— Не трогай, князь, моего рождения, — оборвал Игор. — Былое былому. Ошибся я снова. Решил, что раз отослал ее полюбовник из дома, а я предложу — не слугой, а хозяйкой в мой дом войти, пойдет. Только кто их, баб, разберет. С виду серая курочка, бери и на двор неси. А она за сердце к нему привязана.

В словах Игоря сквозило такое изумление, что Владислав невольно усмехнулся.

— Не ошибся ты, Игорь. Пустая и глупая жена тебе счастья бы не сделала, вот и выбрал ты ту, что умеет быть верной. А что верна не тебе — так в том не твоя ошибка, а чужое благословение. Наказала Якуба Земля за грехи отцовские, отплатила ему за страдание хоть и простой монеткой, а чистой чеканки. Ни тебе, ни мне такой в руки не взять, потому как в крови у нас с тобой руки, Игорь. Если хочешь — кликну сейчас свою змею-тещеньку, скажу слово одно — и завтра же будет Ядвига твоей женой. А не захочешь жену порченную — девкой твоей станет. Дам тебе дом, надел... Если ты того захочешь. Мне никто противиться не станет — даром ли из покоев женушкиных виден край Страстной стены...

— Хоть и отказала она мне в руке, а порченной, князь, ты ее не зови. Не искушай. У меня ведь кровь, не вода. И ежели звал я ее в жены, а не постель греть, значит, что было с ней — мне не важно. Думал, вдруг и ей не станет важно мое прошедшее. Тебе не важно, и я тебя за это другом зову. Жизнью я тебе обязан — но о ней больше слова дурного не скажи, князь. Ты сердечной привязи не знаешь и никогда не знал. Завидую я тебе, Владек. Едва Землице меня те, кому я верил, не отправили, а все не научили сердце холодным держать. Может, ты научишь?

Игорь заглянул в лицо хозяину, но Владислав, еще мгновение назад иссекавший душу закрайца внимательным взором, замер, словно бы окаменев от последних слов Игоря. Губы сжались, трепетали крылья носа — словно где-то внутри ударилась в ледяную стену спокойствия высокая волна болезненного гнева. Словно коснулся неумелый лекарь давней гнойной раны — ни вскрыть толком не сумел, ни обойти. Другой больной взвыл бы, обругал, заплакал, а Владислав только губы сжал, да взгляд его серых глаз обратился, казалось, в одно мгновение парой духовых трубок, заряженных иглами обжигающего холода.

— Едва ли мне по плечу такая наука, выговорил он. — Мог научить бяломястовский князь Казимеж — да вышел весь старый лис. Теперь не мне — Безносой с него за эту науку спрашивать. Слышишь ли меня, высший маг Мечислав? — крикнул он весело куда-то в сторону темного подземного ледника, где на розовом от крови снегу лежало тело сумасшедшего мага, изломанного топью у башни почти под самыми воротами Черны. — Спросишь с плешивого развратника Казика?

Игорь невольно отшатнулся — странное было лицо у князя. Словно и правда, весело зовя из тьмы какого-то Мечислава, надеялся он, что ответят ему из мертвецкой.

— Не гляди так, Игор, — невесело скривил губы в усмешке Владислав. — Не безумен я, хотя чувствую, что где-то рядом бродит безумие. Но не по наши с тобой головы. Среди магических нитей, что я на семейку Казика накинул, звенит что-то тревожное. Надо бы зайти, глянуть, не спятила ли моя женушка от своей тяжелой ноши... Тещу ничем не проймешь — сильна. Казика нет больше. Не стоит ли поторопиться нам с тобой в Бялое — оттуда бедой дышит. Может, и Конрада возьмем — на кухне, что уж, больше говорят, чем за княжеским столом. А по башням... отправлю старика Гжеся, а в помощь ему словника этого, Болеслава, дадим. Разбойнички на пару старых хрычей не позарятся — а Гжесь свое дело знает, все проверит и, если найдет дурной след, всякому последним своим зубом хребет перетрет. Дотошный дед да хитрый дед — похлеще радужного ока. Если есть виноватые на башнях — сами ко мне прибегут каяться, чтоб я от них словников этих убрал.

Игор, видно, попадал на последний зуб старому зануде Гжесю — улыбнулся шутке господина. Эта улыбка словно отразилась в лице Владислава — напряженные брови изогнулись привычно высокомерно, гневные складки меж ними разошлись.

— Конрад боится ехать, — проговорил Игор уже серьезно. — Чутье у Коньо хорошее, может, и правда возьмем его с собой, а по башням я сам проеду, как воротимся из Бялого. Все-таки Конрад хоть и твоя рука, а книжник, да не из самых видных. Слушать, примечать, любого к себе расположить — это его. А если хватят его поперек спины колом или палицей...

Глава 71

...едва дух не вышибло. Тяжела рука у Ивайло — словно медведь лесной ломает. В лесном городе было тихо — братья разбрелись по своим делам: кто по деревням, кто с подводами по окрестным княжествам разослан. Дураков и ленивых Ивайло при себе не держал — каждый делал, что хорошо умел. Кто избы рубит, кто колодцы копает, кто нанимается по осенней поре помочь огороды под зиму уложить. Да пока работает с мужичками да бабами бок о бок, тихонько и заронит в усталую мертвячью голову мыслишку, что хорошо бы князя Кровавого с места скovyрнуть да всем миром в Черне вольное княжество устроить. Те, кто побогаче, кто сам на ярмарку в Черну, Бялое и Дальнюю Гать товары возит, те посмеивались и качали головой: от добра добра не ищут, если честно торговать, ножа на ближнего не держать — то в Черне всегда будешь в барыше. Медяка никто не украдет, а откуп за место на ярмарке Владовы слуги берут куда как меньше, чем в том же Бялом. Не успел товар разложить — а уж задолжал. А вот босяки, другие батраки, особенно из тех, кто в Черне всего и видел — Страстную стену, те слушали охотно. Вольные выглядывали кого покрепче и приводили к Ивайло — учиться.

Вот и сейчас в лесном городе, который даже и в самые людные дни, когда Щур собирал всех своих людей, больше похож был на схороненное в лесу небольшое батрацкое поселенье — хижинки-временки, общий стол под навесом плотного зеленого полотна, — народу было не густо. Невдалеке на вырубке, слышно было, бранились Ивайлины бойцы, звенели клинки, с хрустом ломалось дерево, когда одетый шрамами, словно рыбацкой сетью, бывалый воин выхватит у зеленого новичка дрожащий в ослабевшей руке щит и от чувства шарахнет им по ближайшей сосне — да и переломит. Магов среди батраков не бывает — хоть с малой силишкой, колдуны идут сразу под чей-нибудь герб или берут под свою опеку богатую деревню, где заговаривают зубы, гоняя белые искры в большом валуне или старом дереве, лечат скотину да призывают, если повезет, в засушливое лето дождь. Батраки в лесном городе были больше к месту — злостью работа на хозяина их напоила досыта, на колдовскую силу, что свою, что чужую, они никогда особо не полагались, только на крепость рук да хребта. Да еще оттого, что силы никогда не ведали, не боялись они и железа. Маги стали в руку не брали — сталь силу колдовскую пьет, — ходили с костяными ножами да с тем, что силе их послушно: посохами, книгами...

Но редко кто пускал в ход этот нож — белой искрой дальше достанешь, крепче приложишь. В лесном городе таких не жаловали. Если забредал кто хоть с какой силой — ведьмак или палочник, тотчас гнал его Ивайло на просеку, давал в руку вместо палки или книжицы костяной нож, сам брал стальной короткий клинок — и давай, стой без колдовства, сила против силы.

Вот и сейчас он смотрел вдаль, на вырубку, поигрывая длинным ножом, с которым едва ли и во сне расставался. Длинные бледные пальцы так и мелькали, танцуя на резной рукояти, как пляшет, мелькая стройными ножками, в праздничный день Бяла на жирной бурой пашне.

— Значит, завтра по утренней зорьке поедет наша кума по башням? — широко улыбнулся закраец. — И ты, батюшка Борислав Мировидович, уж возчиком нанят. Хорошо. Пусть погуляет книжник Конрад, поуспокоится. А к вечеру, как возвращаться станет, мы его и встретим. Как поедешь, в лошине недалеко от брода через Черну, лошадок чуть придержи, останови воз: мол, с осью беда или коренная прихрамывает, посмотреть нужно. Не мне тебя учить, дядя Славко, не первый год на извозе. Да если получится, пока будешь болтать, сумку его с книжицей подальше отодвинь или прибери себе. Меньше шуму. А то взбрыкнет куманек, приложит кого покрепче да от хорошей отповеди Землице душу отправит. За мертвого князь Милош ложки ломаной не даст. Вдруг да по тебе первому и ударит.

Нехорошая улыбка стала у Ивайло. Славко в который раз уже за последние дни подумал, что зря согласился он на дело куманька. Многие бы пошли — куш обещали хороший. И чем дальше, тем больше шли в лесной город на границе Бялого и Черны люди не с мечтой о вольном княжестве, где не будут сильные бессильными, маги мертвяками помыкать, шли за легкой деньгой, за разбоем. Ивайло — чужак, и Черна ему — не своя земля и родной не станет. С лихими людьми ему привычнее, чем с вольными. Хоть и зовет Бориславом Мировидовичем, советником, правой рукой — а, верно, рад будет, если книжник Конрад убьет ненароком того, кто больше печется о родной земле, а не о монете, да еще и другим о том толкует.

— Что умолк, дядюшка, — поигрывая ножичком, спросил закраец, — уж не испугался ли ты, манус, книжника? Не хочешь больше отомстить князю Владу за свою силу?

Славко оскалился, показав крепкие желтые зубы.

— И манусом был, не боялся. И сейчас не испугаюсь. Только подумалось мне, Щур, верно ли мы доверяем Милошу. Ну как сперва возьмет толстого книжника, а потом и всю Черну приберет. Едва ли

порадуется, если станет Черна вольной.

— Воля, дядюшка, в мошне не звенит. А насчет Милоша — не беспокойся. Не сразу получит он Конрада — сперва мы потолкуем, каждый о своем: ты — о вольной Черне, а я — о том, не заплатит ли за своего книжника Владислав Чернский больше, чем Милош. А еще — посмотрим, как колдуны боятся стали, не сумеет ли она развязать язык чернскому прихвостню лучше заклятий. Не чай пить и не девок тискать зовет к себе куманька Милош так настойчиво — все торг знает. Не продадим кума — продадим то, что он нашему дружку выболтает.

Пальцы Ивайло с порхающим в них клинком оказались перед самым лицом Славко.

— А что, дядюшка, не размять ли нам с тобой косточки? Ребята тешатся, а мы стоим, мхом зарастаем...

Закраец не успел еще договорить, губы его еще улыбались, цепкий взгляд лишь мельком скользнул по лицу собеседника, а рука с ножом уже метнулась хищной куницей в сторону Славко. Тот увернулся, пригнувшись, выхватил из-за голенища свой нож — чуть короче и шире закрайского. Пошел чернский черный медведь против дикого белого волка. Только сверкали злой радостью белки глаз да обнажившиеся в дикой усмешке зубы. Щур был быстрее, легкий и гибкий, он обходил возчика кругом, пританцовывая, будто большей радости не было для закрайца, чем порхающий в пальцах нож, словно стальная ласточка чистит перья, выставляя то одно, то другое острое крыло. Славко оставался спокоен, тяжело переступал с ноги на ногу. Острие ножа следило за закрайским смертельным танцем. И всякий раз чернец предугадывал, когда ласточка попытается зацепить его своим сверкающим крылом. Уходил от удара, отвечал — но словно бы нехотя, медлительно, как вставший среди зимы медведь-шатун разгребает снег, бурю гнилую листву и землю, прежде чем уцепить, вырвать и сунуть в пасть холодный сочный корень. Голод его еще не переплавился в ярость, гнев на того, кто разбудил его задолго до первых лучей весны, еще не наполнил горячей злой силой плоть. Он еще не зверь — он сон зверя, и медленное пробуждение сродни далекой грозе, вспыхивающей у самого края земли сполохами зарниц.

Выпад. Ласточка чиркнула острым крылом по заросшей черной густой шерстью щеке возчика. А широкий стальной медвежий коготь, казалось, только разрубил воздух возле левого бедра Щура. Закраец ослабил еще шире.

— Твоя первая кровь, дядюшка, — проговорил он с довольным смехом. — С книжником будь осторожнее. Не то щеку — хребет

поцарапает, если вот эдак будешь медлить и дашь ему книгу вытащить.

Славко, сопя, вытер рукавом кровь со щеки. Знал Щур, куда целил — рана-то пустяшная, но в лесном городе ее каждый заметит. Все будут знать: пусть и бились ради забавы, а одолел хитрый Щур, а не красноречивый возчик Борислав. Значит, если придется чью сторону выбирать, лучше ходить с чистой щекой и полным карманом.

— Не пособишь ли мне, дядюшка? — раздался совсем рядом с насупившимся Славко спокойный женский голос. Стряпуха Ханна указала взглядом на котел, наполненный грязной водой. Возле котла, склонив лобастую голову, стоял стряпухин пес — дивной породы гончак, за которого уж не раз предлагали хозяйке хорошую монету, но она отказывалась — говорила, не продается. Пес, поймав взгляд Славко, припал к траве, застучал хвостом по черному от копоти боку котла: давай, мол, дядюшка, и со мной поиграем.

Возчик хотел шикнуть на пса, но вид у кобеля был такой радостный и придурковатый, что Славко только потрепал проходимца по широкой голове, потянул за ухо. Пес игриво потянулся прикусить за руку, но поймал только воздух. Возчик поднял котел, понес следом за стряпухой.

— Идет дяденька Щур, — словно самой себе под нос заметила Ханна, едва приметно улыбаясь.

Глянул на нее Славко — и понял с изумлением, что не женщина она вовсе, а совсем еще девчонка.

— Идет, красуется, а штанина у него от самого паха до колена ножиком разрезана. Все бы добро растряс, кабы было чем трясти.

Возчик невольно улыбнулся: заметила. Но тотчас нахмурился.

— Негоже девке такие шутки шутить, — буркнул он. — Много ли ты в добре тряском понимаешь.

— Да куда мне шутить, — поджала губки Ханна. — Вы, дяденька, шутите, а я только мелочи подмечаю.

— Верно ты сказала, мелочь это. Штаны-то он переменит, а мне с такой щекой еще не один день ходить. Добро, если следа не останется. Плохой я, девка, шутник, как ты — ведьма.

— Вот и зря ругаешься, — проговорила стряпуха, подзывая пса. Тот сунулся ей под руку, получил полпирога и тотчас проглотил, только зубы клацнули. — Хотел он самым главным себя назначить — и всему свету крикнул, а ты ему на ухо сказал, что ошибся наш Щур. Брехливая собака на ветер лает, а тихая мясо рвет. Хоть и плохая из меня ведьма, а людей я, дяденька Борислав, хорошо вижу. Ты громко брехать не станешь, подумаешь, а уж потом и ухватишь. Щур бы меня давно уж Кровавому

Чернцу продал, а ты даже словом никому не обмолвился, значит, не решил еще, где от меня будет больше пользы, держишь в рукаве на случай встречи с Владиславом из Черны. Сюда лей, — она указала на неглубокую ямку в земле, разрытую какими-то зверями, — около хижин помои выливать негоже. Прежняя ваша повариха лила, зверей приманила. Как первую ночь я у вас ночевала, все кто-то рылся и рычал под стеной. Я зверей не боюсь, а Прошка мой извелся совсем, до охоты уж очень горяч. Весь хлеб ему скормила, чтоб не рвался за полночь с лесным зверьем воевать, войско Щурово не будил. Пришлось травяным взваром все облить, чтоб отпугнуть.

Проха понял, что о нем говорят, заглянул в глаза хозяйке и получил еще кусок хлеба.

— Ловушку бы какую поставить здесь, на яме. Что зря копают. Кто в суп годен, кто на шубу. Холодает уже. Седьмицу-другую еще подарит тепла мертвяцкое лето, а там уж и к зиме дело, а у меня теплого, кроме Прохи, с собой ничего.

Славко окинул взглядом собеседницу, пока она пыталась выхватить у него пустой котел, мол, сама справится дальше. Невысокая, худая, на бледном лице тени одни — под глазами, под скулами, будто вот-вот Землице душу отдаст. Глаза, обведенные смертной тенью, еще больше кажутся — серые, словно два куса горного хрусталя, только пробегает порой лукавая злая искра. На запястьях, как ни дергает девчонка вниз черные рукава, видны зеленоватые следы чьих-то крепких пальцев, губа прокушенная еще не зажила. Нет, не в гости к Цветноглазой собралась стряпуха — из гостей едет.

— Не замерзнешь. У меня тулуп есть, не новый, зато теплый. Зайдешь ко мне к вечеру, я тебе отдам.

Стряпуха насторожилась, едва заметно подалась в сторону. Испугалась.

— Да полно тебе, я девок не ем. Вижу, что кто-то тебя обидел, только явно не Чернский князь — попадись ты ему, не отделалась бы синяками да ссадинами. Значит, позарился слабый маг на безответное. Сам таким был, пока силу топь не выпила. Думал, моей охоты довольно, а девки на то и есть, чтоб подол задирать. Только теперь не таков. Приходи смело — вреда тебе не сделаю.

— Даром сало только в мышинной ловушке, — огрызнулась Ханна. — Говоришь, отдашь так, а приходит велишь вечером. Чтоб после ужина до завтрака не хватились.

Славко свысока глянул на девчонку — кожа, кости да глаза, а опаски — на троих.

— Не хочешь даром брать, положишь мне за ужином лишний кусок мяса в щи. А за тулупом, коль хочешь, сейчас заходи. Только котлом своим мне сапоги не замажь.

Ханна, явно обрадованная, что можно получить тулупчик прямо сейчас и за такую смешную цену, побежала едва не вприпрыжку под навес в кухню, бросила котел у летней печи. За ней метнулся Проходимец, наконец улучивший час поиграть, прихватил хозяйку за подол, получил шуточный тычок и, вывалив на сторону широкий розовый язык, принялся подскакивать рядом, мотая хвостом.

Пса оставили снаружи. Он завалился на крыльце и стал, громко сопя, нюхать сквозь дверь, словно думал, что сможет по запаху определить, грозит ли хозяйке опасность, и ворваться внутрь.

Ханна вошла и замерла у входа. Внимательно и настороженно оглядела жилище возчика. В лесу он останавливался редко, чаще на постоянных дворах в Бялом или Черне. Скарбом в новой своей жизни не разжился, да и не к чему было. Это раньше, когда жил при жене и при манусовой силе, имелись у него шитые плащи и кафтаны с серебряными пуговицами. Блестели в доме начищенные ложки да слюдяные оконца с резными ставенками. Нынешнему Славке хватало его слепой хижины с парой лавок да вколоченными в притолоку гвоздями — вешать одежду. То, что не носил, но жалел выбросить, все думал захватить в дорогу и отдать нищим или убогим, — пылилось в большом сундуке, на котором порой ночевал кто-нибудь из гостей лесного города. Если оставался жить — получал свой угол в одном из домов или собственную хижину. Гости были все чаще непривередливые, раненые или изможденные скитаниями по лесу настолько, что засыпали прямо на досках, не дожидаясь, когда хозяин бросит на сундук истертое лоскутное одеяло — последнюю память о прошлой своей жизни, что решил захватить, уходя, из пустого манусова дома в Черне. Все чаще постояльцы хижины были из тех, кому не стоит не то что на постоянный двор — близко к городским воротам подходить, тотчас пристроит князь Влад на кол или Страстную стену, да и другие князья не добрее окажутся — хорошо, если просто клеймят да сотню плетей прикажут выдать... Эти гости никогда не пеняли возчику, что не похоже его обиталище на дом — привычные они были к бездомной жизни, есть крыша и лавка — и ладно.

Стряпуха Ханна смотрела иначе — переводила взгляд с одного на другое: с затянутого паутиной угла на потемневшую доску лавки, с замеченного кое-как под лавку сора — на позеленевшие петли сундука, с брошенной на крышку грязной рубахи — на одинокую кружку рядом со

скомканным лоскутным одеялом. Но смотрела без осуждения, а словно прикидывая, с чего начать наводить порядок в запущенном жилище холостого возчика. Одно слово — баба.

Однако от этого взгляда, в котором так и сквозила невольная жалость, Славко рассердился, швырнул рубашку в угол, открыл сундук, вытащил со дна тулупчик. Тряхнул. Полетели во все стороны пыль и поеденная молью шерсть. Возчик засопел, стараясь не чихнуть. А девка не удержалась — чихнула, прикрыв рот черным рукавом.

— Не хочешь — не бери. Не княжеское платье, зато, как похолодает, зубов стуком не разобьешь. А что пыльный — отстираешь. Пока по теплу — высохнет, — сердито бросил возчик.

Ханна приняла подарок с такой благодарностью, что Бориславу стало стыдно. Он покопался в сундуке, отыскивая хоть что-то еще, что сгодилось бы девке. Но ничего не нашел, а когда оглянулся — увидел, что стряпуха, кланяясь, уже створку двери за собой прикрывает да прижимает к груди пыльный вытертый тулуп.

Славко присел на лавку, заглянул в кружку и с досадой поставил на пол — пустая. Подумал, что стоит все-таки прибрать, принести в хижину хоть какую посуду да разжиться на рынке подушкой и маслом для лампадки, что давным-давно бросил опустевшую в сундук и привык обходиться без света.

Потому как в лесном городе, пока светло, всем всегда находилось дело или разговор, а как стемнело — уж не до работы, едва хватало сил дотащиться до хижины, упасть на лавку, в чем пришел, и заснуть...

Глава 72

...беспробудно до самого рассвета, так что даже совесть больная не потревожит. Провалиться в глухую черную тьму, в которой одно спасение от горького раскаяния, тяжелой, как свинцовый отвес, обиды — на судьбу, на любовь, на господина Черны. Ему, верно, крепко спится.

А может, и не спит он вовсе. Оборачивается филином или вороном и кружит над городом, в сны людские заглядывая, — ищет того, кто о нем недоброе думает. Даром, что ли, говорят, что Владислав из Черны летать умеет.

Словно в ответ этим мыслям что-то ударилось в ставень и с шумом полетело дальше. Эльжбета вскрикнула, заслонив лицо покрывалом. Ядзя, дремавшая у нее в ногах — матушка Агата не велела одну оставлять, тотчас кинулась к окошку, отворила, выглянула наружу.

— Нетопырь, верно, заблудился, — проговорила она, зевнула, потерла кулачками глаза. — Темень какая, хоть глаз выколи.

В прореху меж темных холодных облаков высунула белую щеку растущая луна. Ядвига оперлась руками о подоконник, глядя на лунный бок остановившимся взором.

— Закрой, сквозит! — сердито крикнула на нее Эльжбета. — Что выставилась? Чего там глядеть? Как мертвецу ворон глаз клюет?

— Задумалась я со сна, матушка княгиня, — пролепетала Ядзя, очнувшись от своих мыслей. Посмотрела на молодую хозяйку блестящими от слез глазами, только Эльжбета не заметила. Ставень захлопнулся, перерубив молочный лунный луч. В покоях воцарилась тьма, но княгиня не в силах уже была заснуть, мерещилась черная птица с головой супруга, Владислава Радомировича, черным нетопырем летал над изголовьем страшный мужнин закраец.

— Ядзя, света дай!

Ядвига, натываясь в темноте на лавки и роняя подушки, принялась искать на столике свечу, потом, видно, плюнула, замахала руками над жаровенкой в изножье кровати, угли подсветили ее лицо кровавым, бросив тени за крылья носа и под губой.

— У вас в изголовье лампадка стоит. Дайте разожгу от уголька, — сказала тихим шепотом демоница Ядзя. Элька вскрикнула, замахала на нее руками, заплакала:

— Прочь, прочь поди! Страшная! Уйди, Цветноглазая! Землица-

заступница, спаси и помилуй дочь твою. К тебе, заступнице, припадаю спасения единого душе и телу ради...

Эльжбета то целовала щепоть, то тыкала ею отчаянно в перепуганную Ядзю. Та метнулась к скамеечке в изголовье княгининой кровати, схватила лампадку, уворачиваясь от изгоняющей радужных демонов щепоти. Крошечный язычок пламени вырос над промасленным фитилем, Ядзя сощипнула нагар, замахала обожженными пальчиками, сунула их в рот, жалостливо всхлипнув.

— Куда хватаешь, дура! Горячо. Волдырей наделаешь, будут волосы цеплять, как станешь меня расчесывать, — зашипела на нее Эльжбета, успокаиваясь и браня себя, как приняла она болтливую девку за радужную тварь.

При свете все страхи показались глупыми. Досадуя на себя, Эльжбета села на постели, но тотчас приступ дурноты скрутил ее. Ядвига едва успела подставить корытце, чтоб не пришлось менять госпоже постель.

— Я вынесу, мигом, — затараторила Ядзя встревоженным шепотом. — Матушку Агату разбудить, чтоб одной не...

— Иди, не трать время на болтовню, вот и обернешься скорей. Не сбегу я — куда такая денусь. Немощная, хуже братца Кубуся!

Как Эльжбета того и добивалась, при упоминании о Якубе Ядвига болезненно сморщилась, словно напомнил о себе больной зуб, и выбежала с корытцем за дверь.

Эльжбета осталась одна. Крутило внутри, под сердцем, вязало в петли, заставляя часто дышать, прижав руку к горлу. Может, давал знать о себе растущий в чреве наследник Черны, а может — защищавшее его заклятье, через которое даже нянькина отравя да собственное Элькино колдовство не сумели пробиться. Эльжбета осторожно встала, пошатываясь, добралась до окна, но побоялась открывать ставень, приникла к щелочке между расписными досками, вдыхая холодный, свежий ночной воздух.

Дверь скрипнула. Эльжбета вздрогнула, обернулась, собираясь отругать Ядвигу за то, что входит, как воровка, не постучав, но так и не произнесла и звука.

Нянька прижала палец к губам и, припадая на больную ногу, проковыляла к Эльжбете, обняла, шмыгая носом.

— Голубка моя, жива, красавица ненаглядная, — прохрипела она севшим от волнения голосом. — Думала, убила я тебя.

— Жаль, не убила, — оттолкнула няньку Эльжбета, но тотчас упала вновь в душные объятия старухи, заплакала, причитая: — И ты меня бросила. Все от меня бегут, как от проклятой или больной. А стерегут,

словно я преступница! Одна я здесь, совсем одна осталась. Спать страшно. Вдруг узнает Владислав, что я сделала, да удавит меня во сне — ни запертая дверь, ни дура Ядзя, ни матушка ему не помешают.

— Надо спать, голубка, Эленька, во сне сила возвращается, разум и тело излечиваются, — пробасила нянька, усаживая молодую княгиню на постель. Взяла с лавочки гребень, принялась водить по золотым, перепутавшимся за тревожную ночь волосам. Эльжбета прикрыла глаза, из-под ресниц побежали струйками слезы. Сверкнули в свете лампадки драгоценными алмазами. Нянька поймала бриллианты на палец, погладила покрасневшую щечку своей «голубки». — Я тебе травку дам для крепкого сна. Даже если и сам придет — не добудится.

— Не придет, — еще пуще разревелась Элька, оттолкнула руку с гребнем. — Никому я не нужна! С тех пор как заболела, ни разу Владислав не пришел. Словно и плевать ему, жива я или нет. Один наследник его волнует, и наследник этот заговорен так, что, если и умру, мертвая доношу и рожу, верно.

— Страсти какие ты говоришь, — отмахнулась нянька, — разве ж возможно такое колдовство на земле.

— На благой земле — да под проклятым небом, — бросила старухе Эльжбета. — Обе мы знаем: не только земные силы людям помогают. Бывает, и небесные твари в наем идут. Подвела меня под мужний гнев словница Ханна, что с небовыми демонами уговаривалась, да так и не сговорилась. А может, и сама радуга муженька моего не берет — страшится, потому как не человек он. Под силу ли человеку столько зла вершить без наказания?! А что твоя ведьма?

Фитилек лампадки затрещал — то ли пылинка сгорела, то ли масло щелкнуло. Огонек сжался, сделался из желтого небесно-синим. Нянька затрясла щепотью во тьму, сгустившуюся по углам.

— Не поминай к ночи. Страшная она, — зашептала опасливо старуха.

— Да хоть бы и сама Безносая, только никто не мог тебя от боли избавить, ни лекари, ни маги — а она избавила. Может, меня избавит... от моей боли. — Эльжбета с ненавистью посмотрела на свой чуть округлый живот.

— Получила я от нее весточку сегодня днем, — совсем тихо зашептала нянька. — Скоро будет она в Черну. Но чтобы помочь тебе, надо ей в княжеский терем вхожей быть. К тебе ближе.

— Стерегут меня, нянечка, как беглую, клейменую. То матушка, то Ядвига, то девки эти здешние, глаза — как ложки оловянные от страха. Не ровен час, случится что с драгоценным наследником — понесут их головы

связкой за косы к Страстной стене. Я шагу одна ступить не могу без помощи — крепко ударила по мне моя же отповедь. Едва хожу...

— Вот то нам и на руку, Эленька, — улыбнулась нянька, оглянувшись опасливо, словно кто мог их подслушать, заговорила совсем тихо: — Скажи матушке, что боишься, как бы здоровье твое не подвело, не навредило наследнику. На боли жалуйся, на слабые ноги, тяжелую голову. Пусть перепугается. Начнет подступать к Владиславу, что надо к тебе ворожей и лекарей пригласить. Чернец гордый, сам сперва тебя посмотрит — через собственное заклятье дитя не увидит: не только от чужого зла, но и от собственных глаз он сына загородил колдовской своей силой. А чтобы уговора нашего он в мыслях у тебя не вычитал, ты травку мою, что для сна дам, перед приходом мужним выпей. Станет тебя в сон клонить — пусть читает в мыслях, заплутает в тумане, не отыщет ни словца, ни ниточки. Поймет Владислав, что нечего ему в бабье лезть — пусть матушка и попросит к тебе нанять лекарку или повитуху. Много ли пожелает к душегубу Чернскому в услужение на полгода идти. А там моя знакомица сама справится.

Эльжбета закусила губу, задумалась.

— А если не справится? Если приставит ко мне Владислав одну из своих тюремщиц?

— Сама ты вспомнила, что никто с моей ногой не помог, а эта — помогла. На мужа твоего у нее такой зуб, и в зубе том столько яда — что впору молиться Землице за того, кто между ней и мстью ее встанет.

— Иду я, матушка, — послышался из-за двери голос Ядзи. — Не слышу, что говоришь. Сейчас.

Нянька сунула в руку Эльжбете мешочек с травами, кинулась к двери, но не успела, столкнулась нос к носу с бледной, заплаканной Ядвигой. Та вскрикнула, захлопала ресницами, не зная, что делать. Не велела княгиня Агата старуху к Эльжбете пускать, да только та уж пролезла — и, как ни крути, гони, не гони, — а виноватой все равно Ядзя выходит: вспомнила Кубуса, разревелась, оставила хозяйку одну.

— Скажешь хоть слово матушке, — прошипела Эльжбета, сверкая взглядом, — узнает князь Владислав, что ты отравить меня пыталась.

Ядзя только рот открыла, вдохнула резко раз-другой, словно выброшенная на берег рыбка. Нянька оттолкнула ее с пути, заковыляла во тьму, растаяла, словно и не было.

— Воды дай, Ядвига, — прикрикнула на нее Эльжбета. — Есть не дает ноша, так хоть губы смочу.

Глава 73

Рука дрогнула, несколько капель сорвалось с края расписанного закрайскими птицами ковша. На льняной рубашке расплылось влажное пятнышко. Словно только что плакал бяломястовский князь Якуб. Он сидел прямо, выгнутый и напряженный, как длинный лук, под заклатьем Илария. Только глаза блестели, полные так и не пролившихся слез, да никак не хотели разжаться бледные губы, когда Иларий поднес к ним ковш.

Так глянул на него Якуб, что дрогнула у мануса рука.

— Без этого тебе не справиться, княже, — уговаривал Иларий.

— Не князь я покамест. Может, еще и не стану. Не примет меня Землица — и гости, что за моим столом пить и есть приехали, вздернут проклятого да теми же пирогами тризну справят, — зло ответил Якуб.

— Пей, Кубусь, — ласково, словно больного ребенка, увещевал манус. — Это для покоя только. Липовый мед, крестоцвет, еще какая-то зелень, не разберу. — Он нарочито внимательно поглядел в ковш, попытался выловить длинный перекрученный лист пальцем из варева, сунул палец в рот. — Эх и отвратное зелье. Но душевную боль притупляет. А сверху я на память тебе заклатье одно наложу. Не навсегда, — заметив, как вздрогнул Якуб, проговорил Иларий, — только на несколько дней, пока гости не разъедутся. Кто бы ни спросил, как князь Казимеж умер, не вспомнишь ты и ничем себя не выдашь. Хочешь дальше страданием вину свою искупать — дело господское. Только сперва куниц по норам выгоним, чтоб не почуяли, что в Бялом кровью пахнет. А там сладим все.

Уговаривал, упрашивал Иларий, а сам думал — сидят куницы там внизу, в большой трапезной, пьют и девок тискают. Но много ли унесет куница? Курицу задавит. Да, верно, и того хватит, князь сидит с мокрыми глазами, как обворованная на базаре баба, — не сокол, не беркут, не кочет даже, как есть курица. Но куниц обмануть и припугнуть можно, если с умом подойти, с верным расчетом. Но уж, верно, едет из своего удела черный волк Владислав — придет ему охота, ворвется на двор и не только кур, всякую животину передавит. Не от пьяных князьков — от Чернского господина, отца будущего полновластного господина Бялого, надо Якуба защитить. И для того готов был Иларий на все — травами опоить полубезумного от горя бяломястовича, заклатьями связать, знал бы как — небесным тварям обещал бы душу калечного в обмен на несколько лет его княжения в Бялом. Всего-то и нужно, что с силами собраться манусу

Иларию да отыскать слабое место под седой шкурой Чернского волка.

Якуб сделал глоток, закашлялся от гадкого вкуса зелья, но Иларий снова придвинул к его губам ковш. Раньше не знал он, как хороша бывает травка в деле, посильнее иного колдовства. Научила лесная травница, поила его этим взваром, чтобы руки не болели, чтобы не мешала раненая память от зари до ночи заниматься с посохом или книгой — кликать назад в руки свою силу.

Теперь вот как пригодилась эта наука. Не нашел Агнешки в лесной избушке Иларий, зато в знакомом подполе отыскал снадобья покойной золотницы. Не хотела, а сослужила службу княжескому манусу девочка из Вечорок.

Якуб глотнул еще раз, в третий, четвертый. Словно теленок — одной головой да шеей — потянулся снова. Руки, безвольно лежавшие на коленях, не шелохнулись — их еще опутывало тугой паволокой обездвиживающее заклятье мануса, чтоб в сердцах не выбивал князь из рук ковша с лекарством от душевной боли.

Иларий отставил ковш, заглянул в глаза молодому князю. Взгляд Якуба посветлел, с каждым мгновением исчезала из него полынная тьма. Манус властно положил белую руку на лоб Якуба, прикрыл глаза, чувствуя, как раскручивается внутри, в груди, вьется между ребрами снежной поземкой сила, вытягивая белые искры из костей и жил, кружит по нутру, подхватывая белесые хлопья волшебства — так танцует по осени северный ветер, завивая у порога незримые воронки, только листья тянутся в круг и крутятся, подставляя сгорбленные коричневые спины верному слуге Погибели.

И в одно мгновение бросилась сила в руки, словно слились сотни мелких ручейков в полноводную реку, закололо пальцы, веселым зудом заходили под кожей белые змейки, сила свилась в тугой канат, окрепла в руках, и уж словно два снежных кома лежали в ладонях мануса — направь и дай волю.

Иларий приказал одними губами снеговому, льдистому, исконному — и сила рванулась из пальцев мага, пронизая, словно плотный холст, горячий влажный лоб князя. Вторглась закрайским разъездом за шаткий частокол памяти и, тешась, разметала все, перепутала, запыляло бывшее белым колдовским огнем. Утонуло в нем бледное лицо мертвого князя Казимежа, страшный взор чернского зятя, синяя лента в косе Ядвиги. Остался Якуб один на один с самим собой посреди снежного поля, запорошила все сила мануса Илария, сделала воспоминания не ярче белого платка на лице.

Якуб закрыл глаза, отдаваясь этой девственной нетронутой белизне,

позволил белым змейкам скользнуть в сердце, завьюживая раны, превращая тревоги в колкие ледяные иглы. Раз — и переломилась, не задев живого. Якуб улыбнулся, повалился на подушки.

Иларий обессиленно опустился на пол у ног спящего князя. Схлынув, выбила сила, казалось, последние опоры: выдавила из груди дыхание, сковала волю. Пальцем не пошевелить.

Иларий ждал отповеди, но колдовская природа, видно, не посчитала такую волшбу вредом, никакого ответа не получил манус, только бессилие да горечь на языке — слишком много пришлось потратить сил, защищая себя и разбабившегося князя от Чернского волка. А он, может, и не явится...

Глава 74

— Владислав Радомирович!

За дверью послышались какая-то возня, шум, а потом снова старческий надтреснутый голос воскликнул:

— Владислав Радомирович, это я, Болюсь! Словник Болеслав из Моховиц! Ой, Землица! Пусти, дурак. Уехал ли книжник Конрад?

Игор, отворив дверь бранящему слугу старику, подал господину дорожный плащ. Владислав снял с плеч алый шелк с вышитым на спине черным волком и бросил на руки подбежавшей девке. Надел неприметный коричневый плащ путника — путь до Бялого неблизкий, ни к чему, чтобы весть о госте вперед него самого добралась до лисьего удела. Цветные плащи хороши, когда нужно показать свою силу, не выпустив ни искры волшебства. А в дороге да на чужом дворе нет лучше коричневого — цвета, благословленного самой Землицей. Юроды, убогие, нищие, странники, молитвенники перехожие укрывают плечи коричневым, вверяя себя матери-заступнице, потому как больше никакой защиты не имеют, не на кого им положиться, кроме прародительницы-Земли. Коричневому бросают обглоданную кость — будет доволен, грош — будет счастлив, кусок пирога — благословит и руку поцелует. Говорят при нем все вольно — не как при цветном плаще, ничего не утаивают.

Оскорбления Владислав не страшился, едва ли кто решился бы рядом с Игором попытаться ударить странника в плаще цвета земли, а если бы и решился — быстро понял бы свою ошибку, воя в пыли да прижимая к груди руку, онемевшую, покрывшуюся струпьями и язвами. Отповедь за такое невелика — по силам хозяину Черны, не раз пришлось ему стерпеть такую боль, с которой едва ли сравнится пощечина силы за попорченную руку дурака, в котором не осталось почтения к цвету праведной веры.

Красный плащ заставил бы любого держаться подальше от высшего мага, но не нужно было этого Владиславу. Не красоваться выезжал из дома господин Черны — слушал, что говорят на возах в воротах города, о чем толкуют стражники, на что жалуются купцы. Раз уж ехать ему в дорогу, то хоть не зря потратить четыре дня.

— Батюшка Владислав Радомирович, — заблажил с порога словник, но устался на коричневый плащ, даже рот от удивления приоткрыл.

— Уехал Конрад, и мы с Игором в путь пускаемся. И если ты так раскричался, верно, случилось что-то страшное, раз ты явился сам, едва не

налетел на меня, Игоря не боишься, и даже сам просишь остановить моего книжника? Так что там?

Старый словник, опомнившись, бухнулся в ноги, стащив шапку с плешивой головы.

— Помилуй, господин Владислав Радоми...

— Скорее говори. Хорош же ты, батюшка, валяться. Вон как наловчился, пока таскал по княжествам свой шатер. Только сейчас брось! Ты башенный при мне, на жалованье, на гербе, а в пыли валяешься, как пес. Хватит трястись! Игор, подними его.

Великан поднял словника на ноги, но тот упал снова, вытянув вперед ладони.

— Землицей прошу, ежели ты в нее веруешь, вороти Конрада. Беда там. Кровь, много крови!

— Этак и я предсказывать могу, словник Болеслав из Моховиц, — рыкнул на него князь. — Ткни пальцем в небо, дырка будет, ветер дунет. По делу говори, если есть чего.

Владислав говорил сухо, сердито, но хватило легкого кивка хозяина, чтобы Игор выскользнул за дверь — вернуть с дороги книжника.

— Убийцы в лесу караулят. Ждут Конрада. Монеты во рту. Золото, — захрипел словник. С трудом шло на язык недавнее предвидение, не хотело выговариваться.

— Маги? Вольные из лесного города? Наемные?

— Да почему я знаю, батюшка Владислав Радомирович.

Владислав нахмурился, переплел пальцы. Взгляд словника затуманился, рот приоткрылся, словно ждал старик, что князь, словно малому дитяте, в рот ему ложку каши заправит. Влад осторожно, едва касаясь мыслями рваного края видения, потянулся к ближним воспоминаниям старика. Вызвал звенящую ниточку, на которой повисли, налились кровью капельки. Лики все чужие, незнакомые. В какой-то момент даже привиделся высокий кто-то, словно бы Игор — длинные белые патлы, глаза зеленые. И верно, золотая монета торчит у каждого между губ — насмешлив словнический дар, ничего напрямую не скажет.

— Значит, заплатил кто-то за моего Конрада. Даже не за него, за то, что он может знать и рассказать. Плохо дело...

Владислав, сосредоточив взор на переносице старого проныры, потянул снова, попытался ухватить и вытравить на свет земной ниточку, что вела к заказчику. Каждое мгновение ожидая, что вот-вот явит свой цветноглазый лик Безносая, погрозит — ай, Владек, не мани учителя, сам придет, — тянул, тянул... И выскочила жемчужинка — зеркальце

маленькое, едва увидишь, что в нем, а все-таки разглядел Чернский князь довольную ухмылку соседа Милоша.

— Вот, значит, как ты, княже, решил, — скривился Владислав. Выпустил леску, снял заклятье, позволив змейкам, что шныряли для него в памяти старика, нырнуть в земляной пол.

«Видно, все к одному, — подумал он невесело. — Нужно ехать в Бялое, а то пролезет Милош в голову к Якубу, начнет воду мутить. Да и вряд ли он стал бы так рисковать, на Конрада замахиваться, если б не чувствовал за собой поддержки других князей. Да только можно бы пользу с потехой сопрячь, поучить немного князя Милоша и его разбойничков. Решили, что раз скоро стану отцом, так можно Черну без рукавицы взять?»

Мысли невольно вернулись к супружнице. Недолго тешился Владислав победой над Казимиром Бяломястовским, радовался, как ловко отомстил Казику — дочерью за мать. Только матери и отца не вернуть, и уж он не двенадцатилетний недоросль Владек, а Кровавый Чернец, и с постылой бабой ему теперь век доживать. Сладкой казалась месть, а теперь навязла в зубах хуже сосновой смолы.

Не хотела его видеть, по счастью, Эльжбета, пряталась в тереме. И Владислав жене не докучал. Пусть ее. Дитя заклятьями он оградил так, что, кто бы ни попытался повредить чернской княгине — раскается, коли жив останется. Тоскует баба по своему любовнику — пускай тоскует. Родит сына, на руки кормилице отдаст — и чернский князь сам супругу в Дальнюю Гать отвезет да на порог Войцеху поставит, разрежет белую ленту в знак того, что не надобна ему жена. А если заартачится дальнегатчинец, не захочет взять бабу, которую муж со двора согнал, ленту оборвав, так и на приданое бывшей княгине он не покусится. Есть свой золотой вес и у гордости гатчинской, и у бяломястовской обиды.

От гнева на самого себя, что связал по рукам из глупой мести себя с дочерью предателя Казика, Владислав сжал кулаки, стиснул зубы. Хватить бы хоть по затылку ладонью старого пройдоху Болеслава из Моховиц... Да легче не станет. Себя впору по лбу стучать.

Так и просились руки — то ли посох переломить, то ли хребет кому. Можно было подняться наверх да отвести душу, побранившись с тещей, но и Агата в последние дни стала словно бы покладистой и спокойней, а как узнала о смерти мужа — и вовсе тише стоячей воды, глаз не поднимает, только «да, князь-батюшка» да «нет, Владислав Радомирович». Даже к сыну на земное признание ехать не желает. Дочка, верно, ближе к сердцу.

Владислав с невольной жалостью подумал о Якубе. Никому-то до бедняги-наследника дела нет. Сила от него отвернулась, отец не ставил в

грош, мать с сестрой и думать о нем забыли. Одна топь приласкала — да так, что пришлось от ее поцелуя белым платком лицо повязать.

Когда ударила черная судьба Владислава по безусым губам — не защитили его ни отец, ни мать, но сила его, сила высшего мага, была при нем, помогла вытянуть предателям кишки, пропитать кровью выскобленные половицы княжьего терема. Был рядом учитель. Тот, что звался тогда Мечиславом... А рядом с Якубом Бяломястовским никого. Мудрено ли, что тянется к падальщику Милошу — Якуб сейчас как битый пес, рычит, скалится, и пусть на расстоянии, а с голоду за первым встречным идет.

Владислав и сам думал его прикормить, как отдаст Казик Землице душу, а вот как получилось — поторопился Казимеж, а может, и поторопил кто. Не вовремя помер. Рано. Не успел еще Владислав с бабами сладить, топь к Черне подступает — не до калечного наследника Бялого было Чернскому господину. Но нынче уж не стоит откладывать. Должен Владислав быть к зятю в гости на самый важный для каждого князя день — когда он впервые как господин земле поклонится и та его примет. А заодно хорошо бы и Милошу весточку передать...

От мысли об этой «весточке» вспыхнули в глазах князя Черны нехорошие огоньки. Старый словник, что, зачарованный, сидел у его ног, очнулся, вжался в стену, озираясь. А после поймал страшный взгляд князя и, выставив вперед щепотку, зашептал молитву, прося у Земли-матери защиты от злого делателя.

— Так-то ты господина уважаешь, словник Болеслав? — зашипел на него Владислав, сверкая глазами. — Разве я причинил тебе вред?

Словник осекся, замотал головой, так что патлы седые растрепались, а плешь блеснула в свете волшебных огоньков капельками пота.

— Вот то-то же. Иди-ка ты, батюшка, к воротам. Игор и Конрад возвращаются, так что тебе тут делать нечего. А потому есть у меня для тебя работа. Во дворе увидишь возницу — узнаешь его, бородищу черную в мыслях твоих я хорошо разглядел. Ты его запомнил. Да не трясись, что ты колотишься, как лещ в бадье?! Похвастай-ка еще разок передо мной своим умением — набрось на него петельку, а как затянешь — отпусти его до вечера. Скажи, книжник Конрад в ночь поедет — чтоб засветло к башням. Понял?

Старик кивнул раз, другой, третий — так и тряс подбородком да нижней губой, пока Владислав не вытолкал словника за дверь. Слышно было, как тот припустил по лестнице наверх. Владислав следил силою сквозь камень стены, как словничий оранжевый огонек пересекался с языком синего пламени и зеленой молнией — Болюсь едва не налетел на Игоря и

Коньо. Где-то рядом затеплился желтый золотничий свет — может, вышла пройтись супружница Эльжбета. Нет, при ней была бы мать, золотые огоньки двигались бы парой. Не пойдет Элька так близко от мужних покоев без матери, с одними служанками-мертвячками. Значит, Гжесь явился отчет держать. Верно, новых ведьм наловили мужички — продавать привезли.

Владислав приоткрыл дверь и, усилив слово искоркой магии, так что белая змейка заметалась от стены к стене, выбираясь наверх из подземелья, крикнул:

— Землица блага, золотник Гжегош. Здрав ли ты, батюшка?

С удовольствием представил себе лицо старика. Тот всякий раз не мог взять в толк, что не преграда для высшего мага стена, если разум не защищен особенно крепкими заклятьями, а на Гжеся у Владислава ниточка давно была, так что его мысли он и из соседнего княжества видел как на ладони.

— Ведьмы живые есть?

Гжегош, видно, не знал, как ответить — крикнуть ли, шепнуть. Проговорил, вертя головой по сторонам и словно бы ни к кому не обращаясь:

— Нет, живых уж нету, княже. Все упокойницы.

Владиславу сделалось досадно. Верно, нет среди этих мертвых селянок вечоркинской колдуньи. Не далась бы она так легко в руки мучителям. Поймали мужики какую-нибудь девку, насильничали, покуражились, а теперь еще и князю продать решили — авось и заработают на своем грехе.

Он легким шагом поднялся по лестнице, неслышно выскользнул из ниши, оказавшись за спиной золотника.

— Благодарствую за службу, Гжегош Громиславич. Конрад, прими мертвецов да определи в холодную. Игор, приведи-ка мне тех, кто доставил.

— Заплатишь? — мрачно рыкнул великан.

— Погляжу, — сурово бросил князь. — Если есть среди них тот, кто ее убил, — готовь гвоздок про него на Страстную стену. Если силой ее взяли живую — клеймо согреем.

— А если сама от страха убилась которая, а куражились над мертвой?

— Тогда нет на них вины, которую я со стены оглашал. Дам денег, и пусть идут. Князь слово держит.

Гжесь, пятясь, двинулся к двери. Конрад, на лице которого так и двигались морщинки от любопытства, отчего его с дороги воротили, пошел следом за стариком, решив, что на все час свой найдется.

— Так ведь опять притащат, — буркнул Игор. — Сам знаешь, нет среди этих девок нашей. И быть не может.

— Знаю, — мрачно отозвался Влад. — И насильнику к роже клеймо приложу сам, и голову с душегуба сам сниму. И тем, кто жив из Черны уйдет, скажу, что довольно Кровавому Владу мертвых девок. И живых довольно. Сыт он. И впредь всем, кто привезет ведьму, висеть на Страстной стене. Как думаешь, скоро ли слух от реки до реки обернется?

Игор усмехнулся. Крыльями раскинув темно-синий плащ, скользнул за угол. Владислав вновь остался один.

Глава 75

Мучила душу досада на себя. Смутной тенью притаилось по углам недоброе предчувствие, глядело из темноты красным взглядом. А может, то копошилась крысой за сердцем беспокойная совесть.

Разве виноват книжник Конрад, что господина его весь мир Землицын ненавидит, что каждый сосед на Чернский удел зарится? Хозяева дерутся, а холопам без чубов остаться?

Славко ухватил себя горстью за черные вихры. Лег на лавку, прикрыл глаза. Был и сам он таким же холопом, как толстый Князев книжник. Выгреб князь из огня горячие уголья чужими руками, сильными руками мануса Борислава. Сожгла эти руки проклятая топь, так что не то что искру белую — деревянную ложку по первому времени удержать не мог. Да только радужное око милостивым покажется любому магу, попади он в руки к закрайцу Ивайло. Топь напьется — да и лопнет, а Щур, как до крови дело дойдет — сытости не ведает. Льет как воду, сколько в жилах есть, лишь бы чужой болью потешиться да заказчику угодить.

Не давали мысли задремать. Славко сердито ворочался на лавке, по привычке проклиная Чернца и послушных ему радужных тварей: уж в путь тронулись, так нет, вернуть велел Конрада господин. Старый пройдохасловник, что от князя прибег, велел Славко вечером явиться да как следует отдохнуть — дорога вся в ночь пойдет, желает слуга княжий к первой башне до рассвета поспеть.

Возчик воротился к лесным. Отправил к Ивайло шустрого парня — сказать, чтоб не ждали книжника рано, только затемно. А сам, признавая правду словника, завалился в своей хижине спать — да только как уснешь, когда за окном свет белый, день едва заходит, а мысли так и точат висок.

От свету Славко закрыл дверь. Для того и дом он себе взял без окон — чтоб, если в долгую дорогу, в любой час лечь и выспаться. Жаль, от раздумий никакой двери у него не осталось. Разве только у стряпухи спросить какой травки...

Он тяжело поднялся с лавки, принялся шарить ногами по полу, сердясь, что абы как скинул сапоги и теперь в темноте никак не отыщет. Яркий свет ударил в глаза из приоткрывшейся двери, но тотчас померк — дверной проем загородили широкие плечи гостя.

— Что это ты вернулся, друже Борислав Мировидович? — тихим, на концах слов переходящим на рык голосом спросил Щур. — Жив, значит, не

раскрыл нас пока Чернский князь. Не подходил ли к тебе кровопивец? Не мог в голову заглянуть? Может, ты, не ведая, всех нас уж предал?

Возчик фыркнул, отыскав наконец под лавкой свои сапоги. Молча закатал рукав, показал закрайцу свои шрамы.

— Я, друже Щур, топью ломаный. Говорят, трудно у такого, как я, незаметно мысли прочесть. А близко князь Владислав ко мне не подходил — даже из терема не выглянул. Прислал старика башенного сказать, что к вечеру я им нужен, а до того дело есть для его книжника. Мы, как из города стали выезжать, два возка встретили — ведьму князю привезли, верно. Может, и не одну. Мужички бедные, но с гонором — по всему, из Бялого едут. Воротил князь книжника ведьм посмотреть, а ты уж в предатели меня пишешь.

— То-то ты, от честности видно, сразу в хату спрятался и на лавке крутишься. Пришел бы сразу сам да рассказал. Раз из города едва выехали — лошадка-то у тебя, верно, свежая. До города три четверти часа, там едва погуляли, обратно столько же — неуж умаялся и еще часу не захотел потратить, чтоб до меня добраться? Точно не скрываешь ничего, Борислав Мировидович? А ну как окажется на нас засада вечером из лучших княжеских магов? Ты-то меня знаешь, я отобьюсь. А потом приду да с тебя взыщу.

Возчик поднялся с лавки, встал против закрайца, гневно блестя глазами.

— Иди, Щур, вздремни и ты. До вечера день долог, а нам с тобой работы много предстоит. Никогда я предателем не был. Деньги меня мало волнуют — все у меня было, да теперь о том вспомнить тошно. Барыша я не ищу, знаешь. Хочу правды для Черны, мести для себя. И если не по нраву тебе такой расклад...

— Тпру, вороная порода, — перебил его, страшно улыбаясь, закраец. — Вон как разошелся под горку-то, аж борода дыбом. Осади, господин мой, поводья придержи. Ты ответил — я поверил. Если совесть чиста — спи до вечера, никто тебя не потревожит. Да не забудь, о чем договаривались. Останови воз, отвлеки книжника — не хочу я людей терять да с калечными возиться. А достанет Конрад книжку — кому-то худо придется.

Последние слова он произнес тихо, вкрадчиво, с прищуром глядя в глаза возчику. Тот кивнул.

— Не кликнешь ли мне стряпуху, — глухо произнес Славко. — Пусть травы какой заварит, чтоб спалось. А то белый день, ночь спал — сейчас никак не лягу, а если не выспаться — впору задремать да нужный спуск на

полходу проскочить.

Закраец вышел, и возчик наконец мог дать волю гневу — ударил кулаком в стену, посыпалась из щели над потолочной балкой труха. Принялся ходить, как запертый в тесной клетке на потеху площадной толпе медведь, сна и вовсе ни в одном глазу не осталось.

«Может, Землица отводит, — подумалось невольно. — Не позволяет случиться дурному делу. Ведь не виновен Конрад в зверствах Владовых. Холоп он. Какой с холопа спрос?»

Возчик завалился на лавку, пихнув под голову смятую шапку. Сердито повернулся лицом к стене, закрыл глаза. И едва не зарычал, когда в дверь снова постучали.

— Кто?

— Ханна. Щур велел питья. Надо ли? — тихо и обманчиво кротко отозвалась из-за двери гостя.

— Войди. — Подниматься не стал, только повернулся лицом ко входу.

Стряпуха, по обыкновению завернутая в свои черные тряпки, бесшумно скользнула в полутьму хижины, поставила на пол у лавки, под руку хозяину, кружку травяного настоя.

— К вечеру проснись? А то ведь просплю, так Щур не только с меня спросит. Как скажу ему, что ты меня опоила...

— Недобрые у тебя шутки, Борислав Мировидович, — зашипела Ханна. — Не сказывала тебе матушка такой присказки: не обижай стряпуху, что тебе щей в миску льет. Тебе есть — а она миску вымыла и перед всем миром очистилась.

— Не обижайся, — примирительно буркнул возчик. — Сердит на других, а на тебе выместил, прости.

Ханна кивнула, выскользнула на улицу, прикрыв дверь. Даже не простилась: обиделась все-таки. Славко пригубил вар из кружки, вдохнул пряный сенной аромат, сделал второй глоток — побольше. От бабьих трав словно бы стало легче на душе, дышать сделалось привольнее. Возчик крякнул и залпом осушил кружку. Брякнул пустой о пол. Голова стремительно наливалась тяжестью, веки смежались сами собой.

«Крепкая травка у Хан...» — не высказать, даже додумать не успел. Упала с лавки бессильная рука спящего, зацепив кружку. Та покатилась едва не до двери, под ноги незваной пришельце. Ханна подняла, поставила в угол. Огляделась, выбирая место почище, но не нашла. Стащила с возчика тулупчик, которым тот попытался укрыться да так толком и не сумел, дрема одолела.

Ханна постелила тулуп возле лавки, почти у самой руки спящего

возчика. Легла, вытянувшись, словно мертвая — впору соборовать, Землицей лоб присыпать. Не приглядишься, и не видать, дышит ли. А приглядишься — и верно, не дышит. А коли пригляделся бы высший маг, так увидел бы, как от бездвижного тела стряпухи поднимается едва различимое облачко, перелетает комом тополиного пуха на грудь возчику и уходит в тело, словно молоко в щели кухонного пола.

Какое-то время не происходило ничего. Лежал на лавке храпящий возчик. Возле него, на полу, недвижно — стряпуха. За стеной кто-то крикнул, зарычала под порогом собака, сердясь на прохожего, тот ласково, заискивающе пробасил: «Ну что ты, Проша, своих не узнаешь. Спи-спи». Возчик открыл глаза, но не поднялся, какое-то время трогал руками лицо, водил по груди и животу, согнул и разогнул ноги. Спустил их с лавки, умудрившись не задеть лежащую на полу женщину. Глянул на нее спокойно, не удивился. Перешагнул осторожно, вышел за дверь.

Лежавший на крыльце Проходимец поначалу вскинулся, зарычал, но потом посмотрел на чернобородого, наклонив голову да свесив на глаз ухо, заколотил толстым хвостом по доскам — признал.

А вот лошади, напротив, косили глазом на хозяина, прядали ушами, переступали копытами, но возчик не прикрикнул на коней, напротив, подошел близко, склонился к самому уху каждой и прошептал что-то примирительно. Лошадки успокоились.

— Не рано ли ты, Борислав Мировидович? Князь ведь к вечеру велел явиться, а еще и полден нет. Ты ж спать собирался?

Закраец, верно, приметил, как возчик вздрогнул, но виду не подал. Встал возле повозки, отчего кони снова заволновались, затопали.

— Дурную траву стряпуха принесла. Сна ни в одном глазу, — буркнул чернобородый. Голос прозвучал непривычно громко и резко.

— Так это ты на бабу обозлился, — оскалил белые зубы Ивайло. — А я уж ненароком решил, что ты на меня осерчал. К сердцу мои слова не бери. Я тебе как себе доверяю, Славко. Дело у нас нынче такое, что все жизни моих людей в твоей руке. Ошибешься — и всем нам от князя будет не спрятаться. Ты скажешь: так откажись, Щур.

Возчик не ответил, даже глаз не поднял, продолжал, нахмурившись, проверять упряжь.

— А я отвечу: правое-то дело не одними благими намерениями да речами делается. Если хотим мы от Владислава Черну освободить, так нужны и соратники и, как ни крути, казна.

Видно было, ждет закраец, что собеседник возразит, рассердится, ринется, по обыкновению, в спор, да в пылу спора сам себя и убедит, что

без «дяденьки Щура» и его разбойничков не выжить сейчас вольному лесному городу. Но нет, промолчал и теперь возчик, только огладил смоль бороды да кашлянул в кулак.

— Верно ты говоришь, Щур, — пробормотал он, помедлив, — дело наше опасное и трудное. Только, знаешь сам, никто не хочет так, как я, до князя Влада добраться. Давай-ка еще раз обо всем рядом — расскажи, словно чужому, в чем мое нынче дело, чтоб я лишнего не придумал и верного не забыл.

Закраец глянул на товарища недобро, но просьбу выполнил. Во все время рассказа возчик стоял молча, понутив голову — запоминал, прикидывал.

— Только смотри, чтоб не сморило, Славко, — со смехом поддел возчика Ивайло: смеялись губы, а в глазах и смешинки ни единой не было, один холод. — Нет бы поспать, а ты в дорогу раньше времени.

— Не просплю, Щур, — отмахнулся Славко. — Коли сна ни в одном глазу, так что валяться попусту. До города мотнусь, там поброжу послушаю, что к чему. Беды от того не будет.

— Не будет, если не станешь с кем не надо толковать.

— Например, с Чернским князем? — фыркнул возчик. — Да что ты все заладил свое. Никого разу я не предавал, хоть меня самого и предавали. Баба у меня в Черне. Думал, здесь не спится, так у нее прилягу.

Видимо, такое объяснение показалось закрайцу подходящим. Он ухмыльнулся, похлопал товарища по спине: не оплошай, мол.

— Каков ты, оказывается, бывший манус Борислав. Все-то ходит бобылем, судьбой обиженным. Все жалуется: одинок, все потерял, одна отрада — благо Черны. А оказывается, прыток ты у нас еще.

Возчик криво усмехнулся, но не ответил. Ивайло попытал еще немного товарища о том, какова его зазноба, но, ничего не добившись, пошел прочь, а Славко вскочил на козлы и пошевелил вожжами.

Глава 76

Привычные к долгой дороге лошадки шли скоро, но не спеша, без лишней суеты, как идет старый копейщик, за спиной у которого столько дорог и тропок, что, сплети их в одну, хватит Землице-матери пояс соткать. Шелестел по обе стороны дороги знакомый лес, сетовал на широкие прожелти в зеленой гриве, на алые кисти рябин, на багровые медальоны осиновых листьев.

Над головой, тоскливо перекликаясь, потянулись в теплые закрайские степи журавли. Высоко в сереющем небе ветер волок их, словно отломанные от верхушки сухой березы веточки, в страну кровавых закатов. И они, вытянув флейтой тонкое горло, по-птичьи сетовали.

— Ты ведь знаешь, я во все эти бредни бабьи не верю, брат, но тут... словно бы предчувствие нехорошее. Грядет что-то... недоброе. И нечего губы кривить, Тадек, словно больше моего знаешь. Не ко благу все это. Ведь ты смуту затеваешь. Ну, раздерут на клочки соседи Черну — до того нам горя мало. А если ты от того себе удел получишь, так и к лучшему. Но что, если войдут стервятники во вкус... Дальняя Гать ведь тоже лакомый удел...

— Это ты, Лешек, журавлей наслушался, — ответил Тадеуш, глядя на дорогу между ушами лошади. — Не всякая перемена к беде. О сказанном и сделанном не жалею, да и о том, что собираюсь сделать, — тоже. Якуба спасу, быть может, от Чернца, Бялое уберегу. А если получится избавиться от проклятого Чернца, так, может, вернется ко мне мое серденько. Простит, что был доверчивым глупцом, позволил себя обмануть, ее от Чернского душегуба не уберег. Только о глупости и доверчивости своей и жалею. Больше ни о чем. Ты прав, мутить воду — дело опасное, многие захотят свое урвать. Только князь Владислав — такая щука, что, воды не замутив, не взять.

— Страшную игру ты, Тадек, затеял. Отец тебя поддержал, это верно, но что, если опередит нас Владислав? Ведь это страшной силищи человек. Высший маг! Он двенадцати лет от роду всех бояр в тереме одной мыслью в куски изорвал — и отповедь не тронула. А мы за каждую искру Земле дань платим. Ударь его — он и не почувствует, только сильнее сделается, а ты отповедью сам себе дух вышибешь, с книжкой-то...

Тадеуш не ответил. Потянулся к ветке, что склонилась к дороге, сорвал, положил на седло, стал в задумчивости ощипывать зеленые с едва

приметной охряной каймой листья, бросать в дорожную пыль.

— Один охотник против черного матерого волка — почитай, покойник. Потому и не один иду, а со сворой.

Видно было по лицу Лешека Дальнегатчинского, что много есть у него ответов на братнюю речь. Хотелось ему сказать, что и волк слишком силен, и свора уж больно охоча до теплой крови, не важно, волчьей или хозяйской, да и неизвестно, примут ли князья древних родов за вожака второго сына Войцеха из Дальней Гати. Все это так явно читалось на челе молодого княжича, словно ловкий резчик вывел лезвием на чистом открытом лбу, записал в бороздках морщинок, в уголках губ. Тадеуш по лицу брата читал как по писаному, а потому не дал ему сказать.

— Не останавливай меня. Уж обратного ходу не будет. Просто подумай, что мне терять, Лешек. Землю? Ее у меня нет. Гать твоя, хоть и знаю, что ты меня не выгонишь, а все-таки не я хозяин. Наследное твое право. Счастье? Так я свое счастье уже потерял, позволил из рук вырвать, из-под самого носа в Черну увезти. Что мне терять?!

— Жизнь... — тихо проговорил брат с такой болью в голосе, что Тадеушу стало стыдно.

— У каждого своя судьба, Лешек. Моя решилась в тот день, когда батюшка посадил меня на коня и отправил в обучение к Казимежу в Бялое място. Горек кубок оказался, но трусостью будет бросить и до дна не испить.

За поворотом дороги взору путников открылась деревенька. С виду — из зажиточных. Мальчик в рубаше не по росту и потертой душегреечке козьего меха гнал вдоль обочины несколько тучных коров. Те двигались медленно и лениво. Полное молоко вымя покачивалось при каждом шаге, словно соборный колокол.

Путники поворотили к постоялому двору. Хозяин, отворивший калитку двум своим коровкам, не сразу заметил гостей, а как заметил — охнул, присев. Торопливо заковылял в сторону дома, махнув работнику: загони, мол, скотину. Всадники не успели еще спешиться, как навстречу им выскочила старая хозяйка — сухая сгорбленная старуха, не жена, матушка. Поклонилась поясным. Вцепилась сухими пальцами в сумку на седле Тадеуша.

— Милости просим, дорогие гости. Радость какова! Ведь уж думала я, сынок, представился ты, Землице отошел. Молилась. А то ведь грех какой. Дурака нашего крепко выпороли. Уж теперь за жердину лишний раз не схватится...

Тадеуш молча подвел лошадь в поводу к коновязи. Старуха так и

семеняла за ним, не выпустив седельной сумки. Лешек окликнул брата, но Тадек не отвечал, только желваками двигал, сжав челюсти.

Работники стояли в стороне, опасаясь приблизиться к гостям. Лешек непонимающе вертел головой, не дождавшись местных, передал поводья одному из своих дружинников.

Денег с них не спросили. На стол тотчас подали горячие потрошки, от аромата которых язык прилипал к небу, а рот наполнялся слюной.

Лешек хвалил стряпню, ел за двоих, не отставая от дружинников. Чваниться в Гати было не принято. Едешь с кем в дальнюю дорогу — ешь за одним столом. Тадеуш попробовал для виду и уж больше не притронулся. Только касался изредка губами чарки с медом.

Брат пробовал шутить над ним, но младший сын Войцеха словно воды в рот набрал. Молча пил да следил взглядом за старой хозяйской матерью. Смотрел на ее тощие сухие руки.

Понемногу преувеличенная веселость Лешека передалась всем. Осторожно, униженно улыбаясь, вышел к гостям хозяин. Начал просить прощения у княжича, но мать ткнула его в бок, и хозяин притих, сел со всеми. Кормили щедро. Постелили мягко, как подобает высокородным гостям. И разу хозяин не заикнулся об оплате, только поглядывал опасливо.

Наутро все поднялись рано. Оседланные лошади уже ждали у крыльца. Толстая хозяйская супружница поднесла гостям полные сумки, бормоча, что Землица послала, с ней переслала.

Тадеуш проверил упряжь, а после, кивнув брату, мол, забыл кое-что, двинулся обратно на двор. Хозяин, разводя ладонями, пошел к нему:

— Запомняли что, батюш...

Он не договорил. Тадеуш легко выхватил из сумы книгу, белые змейки метнулись по переплету. Сверкнули молнийками. Хозяин повалился как подкошенный, испуганно хватая ртом воздух. Заверещала хозяйка. Старуха-мать выбежала из дому, причитая.

Тадеуш молча поднял толстую жердь и, размахнувшись, опустил поперек спины своего давнего обидчика.

— Что ж ты, батюшка? Как же ты? Поили-кормили... — заблажила старуха, протягивая к нему кривые тощие пальцы, но бросила взгляд на книжку, сплошь покрытую белыми искрами — только прикажи, разорвут.

— Вылечишь, — бросил он тихо подвывающей над сыном старухе.

Глава 77

Вскочил в седло. Не успел добраться до ворот. Его стащили с лошади, повалили наземь, крепко приложили раз-другой, чтоб не барахтался.

Владислав неторопливо спустился с крыльца, подошел к мужику, которого удерживал крепкой рукой закраец.

— Ты шустер бегать. Только не в тот край ты, шустрый, забрел. У нас здесь, в Черне, насильников и убийцев не жалуют. — Князь пристально посмотрел в глаза чужаку. Тот не выдержал взгляда.

— Так ведьма, — запричитал он. — Нешто ты меня за ведьму? Ведь сам, батюшка, обещал заплатить. А теперь что? Люди добрые!

— На стену, — коротко бросил Владислав. Осужденного поволокли прочь. — Второму заплати. Ведьму он привез. Пробовал дружку не позволить над девчонкой измываться, да только что с него, старик. Скажи, милует князь в последний раз. И уж больше ведьм не надобно.

Конрад с облегчением выдохнул и поспешил с доброй вестью ко второму чужаку, что трясся у крыльца в путях.

Владислав глянул над головами слуг в сторону площади. Приметил черную косматую макушку давешнего мужика, что должен был везти Конрада по башням. Смутно знакомое было что-то в лице мертвяка, да никак не мог Владислав припомнить. Бородач озирался, крутя головой. К нему подскочила Ядвига, пролепетала что-то, да только мужик, видно, не понял ее, замотал чубом: иди мол, девка, не до тебя. Влад вспомнил о жене: не учудила бы чего Элька, пока его нет. Если девки по базару вполосенные бегают — не иначе у барыни душа мается, вот и гоняет своих дворовых. Петелька на Эльке держала крепко, да колдовство, что набросил он на супругу для сохранения наследника, было куда как сильнее, все перекрывало. А то вертел бы он дурой бяломястовной, как куклой из кукурузного рыльца. Да ничего. Не так долго ей носить. Права теща — по возвращении стоит выбрать жене повитух и помощниц. Чем больше вокруг будет баб — тем меньше времени о глупостях думать. Что-то эта девка бородатому говорила? Не заговор ли под самым носом?

Князь крикнул возчику. Поманил пальцем. Бородач подошел, стал перед князем, опустив голову да тиская в кулачищах шапку. Но взгляд у него был какой-то странный.

«Уж не опоили ли тебя, добрый человек?» — задумался князь.

— Что девка хотела? — спросил он прямо. Колдовская петля легла на

бородача легко и... также легко соскользнула. Князь попробовал еще раз, еще. Словно кто нитки резал — отскакивали белые искорки от шкуры лесного чернобородого медведя.

— Не гневайся, батюшка князь Владислав Радомирович, — пробубнил возчик. — За другого девчонка приняла. Пожаловаться хотела, как госпожа ее не любит, да любимый далеко. Словно я дядька ей, сопلي вытирать.

Князь глянул вниз, на беспокойные руки возчика. Лица он и правда не признал, а ручки эти... едва ли мог бы забыть. Сам заговаривал он полумертвому башенному изломанные топью руки. Не помнил того чернобородый, не мог помнить. В себя он пришел уж дома, при жене.

— Здравствуй, Борислав Мировидович, — проговорил князь, протягивая возчику руку. — Не думал, что снова свидимся. Посуровел, зарос — не сразу тебя признал. Говорили, ушел ты из Черны.

— Ушел. Да не весь, — буркнул бывший манус. — То тут, то там. Мыкаюсь промеж княжеств.

— А помнишь ли ты, что еще под моим гербом? — Владислав едва не рассмеялся, увидев, каким страхом наполнились глаза возчика. Да и кто стал бы винить: раз с топью свидишься, новой встречи не захочешь. — Да не пугайся, манус. Забрала твою силу радуга, а с ней и герб. Вольный ты по гроб. И как вольного прошу тебя о помощи. Много у меня ненавистников, и всякий хочет ударить...

Владислав внимательно смотрел в глаза вознице. Не мелькнет ли искоркой страх, гнев, обида, стыд. Нет, ничего. Чистым взглядом смотрел заговоренный топью возчик — так только честные да простые смотрят. Много зла перевидал князь Черны и научился без магии, по глазам читать людскую душу и пятна грязные на ней видеть. Чист был душой чернобородый Славко.

— Вот что, друже. Пока суть да дело, случилось так, что занят мой Конрад. Слышишь ли, как молот стучит у Страстной стены? А мне как раз нужен верный возница до Бялого добратся. Вот и подумал я — загляну сам по башням, а потом ты меня в удел покойного Казимежа довезешь.

— Неуж помер Бяломястовский господин? — пораженно пробормотал возчик. И снова не увидел в его глазах князь ни страха, ни притворства. Если и есть западня для Конрада у башен или засада в лесу — не знает о ней бородач.

Князь набросил на голову коричневый капюшон, поманил Игоря.

— Помнишь ли, Славко, моего Игоря?

Возчик тихо охнул. Великан коротко поклонился, остановился, ожидая приказаний.

— Втроем поедем. И дай нам Землица...

Конец первой книги